

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ СТОЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ
СТАНОВЛЕНИЕ И КРИЗИС НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
СИСТЕМ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НАСИЛИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ АКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ПОЛИТИКИ И СОЦИУМА ПОСТОСМАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕЛИМИТАЦИИ
ГРАНИЦ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ТУРЦИИ АРАВИЯ
МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И ГЛОБАЛИЗМОМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК
В МЕНЯЮЩЕМСЯ
ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

Коллективная монография

Москва
2018

ББК 65.103.5(533)

Б 69

*Монография подготовлена и издана в рамках проекта
РНФ 17-18-01614 «Проблемы и перспективы
международно-политической трансформации Ближнего Востока
в условиях региональных и глобальных угроз»*

Ответственные редакторы:

академик РАН *В. Г. Барановский*

академик РАН *В. В. Наумкин*

Б 69 **Ближний Восток** в меняющемся глобальном контексте:
(Коллективная монография) / отв. ред. В. Г. Барановский,
В. В. Наумкин; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН,
2018. — 556 с.

ISBN 978-5-89282-818-5

Монография подготовлена коллективом ученых, поставивших своей целью анализ трансформаций, которые разворачиваются в широком ареале Ближневосточного региона. Исследование проведено на стыке исторического и политологического подходов. Учтено противоречивое взаимодействие глобальных и региональных трендов. Социальный, экономический и политический аспекты ближневосточной проблематики включают вопросы межрелигиозных и межнациональных отношений, гражданского и политического насилия, соотношения элементов традиционализма и глобализма, а также особенности исторического процесса установления в постколониальный период границ наций-государств региона.

Книга адресована как специалистам-востоковедам, так и всем, кого интересует судьба этого интереснейшего региона мира.

ББК 65.103.5(533)

ISBN 978-5-89282-818-5

Коллаж в оформлении обложки выполнен по мотивам картины
Рене Магритта 1928 г. «Тайная жизнь IV».

© Институт востоковедения РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
<i>Глава 1.</i> Ключевые тренды столетнего развития.....	14
<i>Глава 2.</i> Экономические параметры.....	54
<i>Глава 3.</i> Становление и кризис наций-государств.....	98
<i>Глава 4.</i> Эволюция политических систем.....	133
<i>Глава 5.</i> Гражданское общество.....	180
<i>Глава 6.</i> Насилие в политической жизни региона	230
<i>Глава 7.</i> Негосударственные вооруженные акторы.....	300
<i>Глава 8.</i> Религиозное измерение социально-политических процессов	332
<i>Глава 9.</i> Делимитация границ: постосманское наследие.....	398
<i>Глава 10.</i> Проблема этноконфессиональных меньшинств: пример Турции.....	450
<i>Глава 11.</i> Между традиционализмом и глобализмом: феномен Аравии.....	473

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю монография подготовлена коллективом ученых разных поколений, работающих в институтах Российской академии наук и университетах. Они поставили своей целью анализ грандиозных трансформаций, которые разворачиваются буквально на наших глазах в широком ареале Ближневосточного региона. Здесь происходит высвобождение огромной социальной энергии, сопровождающееся мощными выбросами как во внутриобщественную среду, так и на международную арену. Возникающие на этой волне проблемы обещают стать одной из главных тем международно-политического развития XXI века.

Авторский коллектив объединили две ключевые мысли. *Во-первых*, о том, что исследование надо провести на стыке исторического и политологического подходов. *Во-вторых*, о необходимости учитывать крайне противоречивое взаимодействие тенденций, развивающихся на глобальном уровне и в региональном контексте.

В самом общем плане происходящие на Ближнем Востоке пертурбации могут рассматриваться как катарсис всего предыдущего многовекового развития. Но особенно важно увидеть их вызревание, оценивая сегодняшние реалии сквозь призму исторических процессов предыдущего столетия. Поразительно, насколько важными оказываются в наши дни реминисценции столетней давности – связанные

и с падением Османской империи, и со становлением региональной системы государств, и с формированием феномена управления подмандатными территориями, и с отработкой новых методов вовлечения в регион внешних держав. Из этих реалий возникают перипетии последующего бурного развития в регионе, когда накапливалось все то, что оказалось столь взрывоопасным в наши дни.

Но знание исторической канвы событий необходимо соотнести с осмыслением современной политической динамики в регионе. Важно понять особенности функционирования общества, специфику организации власти, возможности преобразований в этой сфере и движущие силы эвентуальных преобразований. Отсюда – потребность в серьезном и объективном научно-теоретическом анализе политологического характера, нацеленном на концептуальное понимание как процессов, происходящих в социуме вообще, так и их специфического проявления в ближневосточном ареале.

Эта специфика, безусловно, чрезвычайно важна и очень во многом определяет и суть, и форму, и размах изменений, происходящих на Ближнем Востоке. Изменений, которые связаны тысячами нитей с тенденциями более общего плана, возникающими и развивающимися в глобальном контексте. Связь эта отнюдь не безусловна: на уровне региона некоторые глобальные тренды могут ярко проявляться, но может формироваться и мощное противодействие им.

В первой главе монографии В.Г. Барановский и В.В. Наумкин дают обобщенный анализ ключевых тенденций векового развития Ближнего Востока. Авторы отмечают, в частности, что через контакт с местной реальностью глобальные мегатренды

приобретают здесь специфически региональные черты. Выделяется шесть типов государственного строительства, делается вывод о том, что появление гибридных политических систем и дисбалансы институционального развития создают почву для внутренней конфликтности. Авторы заключают, что нациестроительство в регионе носит незавершенный характер, а региональная международно-политическая система сильно зависит от внешнего воздействия.

Во второй главе А.В. Акимов анализирует основные особенности экономической трансформации Ближнего Востока. В качестве таковых он выделяет модернизацию региона, глобализацию и влияние ислама на экономическую жизнь. Автор сопоставляет масштабы и особенности экономического развития стран региона, показывает, в частности, роль нефтегазового комплекса и металлургии в процессе модернизации, оценивает уровни развития человеческого потенциала и урбанизации. Уделено большое внимание основным проявлениям глобализации. Автор обосновывает свой тезис о значении исламского фактора в экономической жизни стран региона, характеризует деятельность исламских банков. Рассмотрены угрозы сложившейся модели экономической жизни, представлены различные сценарии развития.

В третьей главе В.В. Наумкин, также в столетней ретроспективе, рассматривает развитие системы государств-наций на Ближнем Востоке и их кризис. Он показывает, что произвольно прочерченные границы и закабаление стран региона системой мандатов заложили основу будущей конфликтности. Делается вывод, что в процессе государственного строительства здесь обозначилась дилемма: национально-территориальная партикуляризация *vs* интеграционизм.

В русле интеграционистского тренда рассматриваются халифатистские проекты. Сформулированы десять типов угроз и вызовов, с которыми сталкиваются государства региона, переживающие в последние годы период многоэтапной фрагментации.

Четвертая глава посвящена эволюции политических систем в арабском мире. Ее автор, А.В. Демченко, показывает, что становление и эволюция политических систем арабских стран имели несбалансированный характер. Он выделяет четыре типа этой эволюции. Продолжая линию первых глав, автор делает вывод об утверждении в арабском мире неопатримониальной формы доминирования с последующей гибридизацией политических режимов. Обобщая проведенный анализ, он показывает, как формировались разнонаправленные векторы политических трансформаций в ходе Арабского пробуждения. Утверждается, что и в монархиях, и в республиках арабского мира парламент, партии, гражданское общество, СМИ не стали влиятельными элементами политической системы.

В пятой главе, посвященной проблемам гражданского общества в ближневосточных государствах, П.В. Шлыков оспаривает мнение о безусловной связи этого феномена с демократизацией и выражает несогласие с тезисом о противостоянии государства и гражданского общества. Он заключает, что гражданскому обществу присущи и авторитарные тенденции, что оно может служить инструментом подавления. В статье рассматриваются функциональные особенности этого феномена. Отмечаются различия между западной и «незападной» моделями гражданского общества. Автор приходит к выводу, что институты гражданского общества нередко служат инструментом консолидации политической власти и экономического

влияния, что в рассматриваемом регионе они часто лишены политической субъектности.

В.А. Кузнецов в шестой главе анализирует культуру насилия и трансформацию политических систем в арабском мире. Хотя значительная часть его исследования естественным образом включает анализ феномена законодательно запрещенного в России ИГИЛ/Даиш, этот материал во многом носит фундаментальный, общетеоретический характер, выходя за рамки региональных констатаций и обобщений. В частности, уделено внимание самим понятиям трансформации политической системы и насилия. Делается вывод о постоянном повышении эксклюзивности арабских политических систем. Говоря о горизонтальном насилии, автор подчеркивает, что в арабских странах его практики формировались под воздействием племенных традиций, норм городских сообществ, а также исламских представлений.

Автор седьмой главы, И.Д. Звягельская, рассматривает роль вооруженных негосударственных акторов в конфликтах на Ближнем Востоке. Автор дает определение негосударственных акторов, а также классификацию относящихся к этой категории вооруженных групп и организаций. Она отмечает, что их идейные установки, как правило, связаны с защитой локальных, этнических или конфессиональных интересов. Анализируются феномены полевых командиров, боевиков-управленцев. Выделена категория квазигосударственных структур, к числу которых относится движение ХАМАС. В контексте сирийского конфликта рассматривается совмещение военных и управленческих функций на примере организации «Хай'ат Тахрир аш-Шам».

Объект исследования А.В. Сарабьева с участием Н.А. Беренковой в восьмой главе – это религиозно-конфессиональный фактор социально-политических процессов в регионе. Авторы подвергают сомнению некоторые устоявшиеся стереотипы в теоретическом осмыслении рассматриваемой ими темы. Они предлагают свое понимание проблемы «конфессионального» политического участия, основываясь на анализе опыта стран Леванта. В статье предлагается классификация протестных исламистских движений, дается характеристика религиозно-политического реформизма, системного и субъектного аспектов религиозного активизма в регионе. Представляют большой интерес краткие очерки конфессиональной ситуации в различных ближневосточных государствах, анализ форм и направлений влияния суннитских и шиитских движений на трансформацию Ближнего Востока.

В девятой главе А.Д. Васильев и Л.М. Самарская анализируют историю делимитации границ на Ближнем Востоке в постосманскую эпоху. В первой части главы авторы, привлекая источники и литературу на турецком языке, представляют историю передела Ближнего Востока после Первой мировой войны, противоборства европейских держав и турецкого национально-освободительного движения. Актуален анализ развернувшейся во второй половине 1930-х годов борьбы вокруг принадлежности Александреттского санджака. Вторая часть главы посвящена вопросу о формировании границ будущей подмандатной Палестины. Делается вывод о том, что прочерченные в регионе границы стали для его народов символом несправедливости.

Проблема этноконфессиональных меньшинств на примере Турции – предмет представленного

в десятой главе исследования Д.В. Жигульской, продолжающей начатую в предыдущей главе тему. Автор рассматривает Турцию, в частности, как наследницу Османской империи, как полиэтническое и поликонфессиональное государство, в котором положение меньшинств имеет свою специфику. Подчеркивается, что статус меньшинств с 1923 г. предоставляется в Турции лишь православным грекам, армянам и евреям, а курды и алевиты не отнесены к таковым в соответствии с Лозаннским договором. Автор считает, что курды и алевиты в этом государстве все еще подвергаются определенной дискриминации, но отмечает и позитивные изменения в отношениях государства с признанными и непризнанными меньшинствами.

Л.М. Исаев и С.Н. Серебров в одиннадцатой главе рассматривают особенности соотношения традиционализма и модерности в Королевстве Саудовская Аравия и Йемене. Авторы отмечают, что падение цен на нефть в 2014 г. нанесло удар по саудовской модели общества благоденствия, а сигналом структурного кризиса стал появившийся дефицит бюджета. Острой проблемой является зависимость от иностранных трудовых мигрантов. Говорится о «симптомах ущербности» в стратегии КСА и о феномене превращения его в ведущее государство региона. Подробно в контексте заявленной темы рассматривается эволюция конфликта в Йемене. Анализируются фактор Аль-Каиды, хуситский фактор, миротворческий проект под эгидой ООН, роль военной интервенции и противоречия между ее лидерами – КСА и ОАЭ. Авторы предлагают свою периодизацию процесса трансформации Аравии.

Материалы Н.Д. Плотникова и И.Х. Миняжетдинова, хотя и не составили отдельной главы, также использовались в этой книге.

Представляемая на суд читателей – как специалистов, так и всех, кого интересует судьба этого интереснейшего региона мира – коллективная монография выполнена в рамках проекта Российского научного фонда «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз». Авторы работают над продолжением и развитием этой темы, и в скором времени можно ожидать публикации новых результатов работы нашего научного коллектива.

В.Г. Барановский, В.В. Наумкин

КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ СТОЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ

В огромном территориальном ареале Большого Ближнего Востока¹ на наших глазах развертываются бурные, зачастую драматические события. Они нередко оказываются чрезвычайно спрессованными не только по насыщенности, но и по времени. Однако для их понимания важно учитывать контекст гораздо более длительного развития в этом макрорегионе, фокусируя внимание даже не на десятилетних трендах, а на тех, которые проявились как минимум на протяжении всего последнего столетия.

Британский историк Эрик Хобсбаум ввел в обиход понятие «долгий XIX век», который продолжался от Великой французской революции до Первой мировой войны. Он же продвигал идею «короткого XX века» (1914–1991)². Рассматривая события в регионе, который является предметом нашего внимания, мы будем отталкиваться от представления о «длинном XX веке», поскольку вплоть до настоящего времени сохраняется

¹ Этим достаточно условным понятием в данной статье обозначается пространство от Северной Африки до Турции и Ирана, а также расположенных к югу от них арабских стран. Нередко сюда включают также Афганистан и Пакистан. Соответствующим англоязычным эквивалентом можно считать аббревиатуру MENA (Middle East and North Africa). Иногда регион рассматривается в еще более расширительном контексте, с включением в него трех стран Южного Кавказа и государств Центральной Азии.

² См. основные книги автора по указанной теме в списке литературы.

значимость сформированных им реалий и вместе с тем именно сейчас возникает вопрос об их серьезном переформатировании.

А становление их как раз и проходило примерно столетие назад. С завершением Первой мировой войны регион ждали грандиозные потрясения. Потерпела поражение Османская империя, которая несколько столетий была источником экспансионизма и великодержавных притязаний, но к рассматриваемому нами времени утратила былую пассионарность, а вскоре и совсем распалась. Возник вопрос о заполнении вакуума (как когда-то в Европе – вопрос об «испанском наследстве» в начале XVIII в.). В рамках соглашения Сайкса–Пико Великобритания и Франция договорились о разделе Леванта и Месопотамии на территории, управляемые ими на основе мандатов, что впоследствии было оформлено международными договорами. Появилась декларация Бальфура о создании «еврейского национального очага» в Палестине. Регион не могли не затронуть волна революционного брожения, которую вызывали по всему миру события в России, и крушение там империи с дестабилизирующими выбросами по ее южной периферии.

Собственно говоря, именно отсюда берет начало глубочайшая системная трансформация региона. Здесь на протяжении столетнего развития обнаруживается тесное переплетение тенденций различного уровня, влияющих на состояние дел с разной степенью интенсивности и на неодинаковую временную глубину. Наиболее важные из них можно объединить в несколько блоков: глобальные и региональные мегатренды, а также долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные региональные тренды.

Не будем подробно останавливаться на глобальных мегатрендах как таковых, которые уже на протяжении долгого времени являются предметом внимания значительного числа авторов. Перечислим лишь те из них, которые оказали наиболее значимое влияние на ближневосточную реальность. Это:

- становление государственности и универсализация политических систем;
- глобализация/регионализация мировой политики;
- изменение роли Запада на международной арене;
- формирование целостности мировой экономической системы и мирохозяйственная специализация стран и регионов;
- высокая демографическая динамика;
- модернизация и усложнение социальных структур;
- повышение значимости религиозного фактора в общественной жизни и общественном сознании;
- подъем и упадок крупных идеологических течений.

Понятно, что эти процессы находили на Ближнем Востоке свое конкретное, нередко достаточно специфическое проявление. В некоторые из них регион был вовлечен достаточно плотно, по другим же оставался в основном реципиентом внешних влияний. Вступая в контакт со своеобразной местной реальностью, глобальные мегатренды приобретают характер трендов региональных. Однако последние вовсе не всегда были лишь производной глобальных процессов – иногда они создавались местной средой и лишь косвенно были связаны с внерегиональной реальностью. Взаимодействие с нею могло иметь и конфликтный характер.

Так же обстоит дело и с региональными долгосрочными, среднесрочными и краткосрочными трендами. Пространственно локализованные, они отчасти становились конкретным воплощением тенденций, развивающихся в более широком контексте, а отчасти оказывались порождением и проявлением специфических исторических обстоятельств.

Три важнейших следствия этой динамики заслуживают первостепенного внимания. Это, *во-первых*, вопрос о том, как она сказывалась на становлении и развитии политических систем в макрорегионе. *Во-вторых*, как здесь формировались международные отношения во внутрорегиональном пространстве. И *в-третьих*, как факторы внутреннего развития влияли на позиционирование региона во взаимоотношениях с внешним миром.

Политическое развитие стран Ближнего Востока

XX век породил весьма разнообразные способы политической организации социума. Спектр политических систем, «опробованных» на протяжении столетия, кажется удивительно широким – от абсолютистских монархических форм и различных, в том числе самых жестких, вариаций тоталитаризма до апофеоза либерально-демократических и социально-патерналистских порядков. Некоторым парадоксом в этой связи может показаться мысль о том, что важнейшим глобальным мегатрендом политического развития в XX в. стала в конечном счете определенная универсализация политических систем.

Термин «универсализация», вероятно, не идеален, поскольку нуждается в разъяснении. Он подразумевает совокупность некоторых параметров, которые считаются необходимыми в любом государственном образовании независимо от его генезиса, идеологии, самоидентификации и иных присущих ему специфических характеристик.

Среди этих параметров немало таких, которые прямо соотносятся с двумя понятиями – «демократизация» и «модернизация». Казалось бы, им и надо отдать предпочтение. Но здесь очевидны определенные идеологические и исторические коннотации, не всегда уместные в тех или иных конкретных обстоятельствах или приемлемые для участников политических процессов. Есть и другое соображение: хотя принятие некоторых элементов демократии и соответствующих институтов, которым сопровождается трансформация политических систем, приобрело широкий характер, говорить именно о демократизации как основном векторе движения в этой сфере кажется не вполне обоснованным. С одной стороны, сам феномен демократии оказывается достаточно сложным и неоднозначным, что выявляется по мере его становления и развития. С другой – существует немало примеров того, как тоталитарные режимы легитимировали себя через формально демократические процедуры. Аналогичного рода оговорки кажутся правомерными и в отношении получившей широкое распространение концепции модернизации: понятно, что в ней содержится идея преодоления социально-политической архаики – но не ответ на вопрос о том, какими способами и в каком направлении.

Термин «универсализация» представляется более осторожным и нейтральным и потому более уместным, особенно в отношении рассматриваемого нами

макрорегиона. Здесь формирование политической системы происходило через становление государства на основе складывания национальной общности в качестве его фундамента. Процесс этот в значительной мере шел с активным привнесением на ближневосточную почву западного опыта государственного строительства.

Возникшие на Ближнем Востоке в XX в. государства можно разделить на несколько типов.

- Первый из них – государства, появившиеся в результате национально-освободительных движений на месте зависимых территорий (колоний, протекторатов, подмандатных областей). В этой категории особо выделим те образования, народы которых в прошлом (иногда весьма давнем) располагали собственной сложившейся государственностью и лишь потом попали в зависимость от крупных держав – Османской империи, Великобритании, Франции. В большинстве случаев их границы воспринимались как исторически легитимные.

Наиболее яркий пример такого государства – Египет, в культуре которого идея политической субъектности существовала с древности, вне зависимости от того, в состав каких империй входила эта страна и как менялись ее границы на юге. Другой пример дает Марокко, с XVII в. неизменно остающееся под властью династии Алауитской.

- Второй тип – новые государства, населению которых, однако, была присуща идентичность, формировавшаяся на протяжении длительного периода колониального господства. Причем формирование такой идентичности происходило при

прямом участии метрополий. Примером государства этого типа является Алжир, который стал французской колонией в 1830 г.

- Третий тип – государства, возникшие на месте зависимых территорий, которые никогда не обладали собственной государственностью. Их границы были определены метрополиями еще в начале колониального периода, как правило – произвольно, без учета природно-географических и демографических реалий. К числу таких государств относятся, например, Ирак, Сирия, Ливия. Кувейт при Османской империи был частью Басорского вилайета (что дало впоследствии повод Саддаму Хусейну считать его частью Ирака), но затем оказался под протекторатом Великобритании и обрел независимость лишь в 1961 г. Формирование таких государств шло непросто. Например, в случае с Ливией, находившейся ранее под управлением Италии, стоял вопрос о разделе страны на три самостоятельные провинции. Великобритания пыталась провести в ООН признание независимой Киренаики, в то время как Франция хотела получить в управление Феццан, согласившись передать Киренаику и Триполитанию под управление англичан. Тогда за образование Ливии как единой страны выступил Советский Союз, и его позиция сыграла свою роль в предотвращении ее раздела на отдельные мини-государства.
- Четвертый тип – государства, созданные на основе региональной экспансии или внешнего конструирования через миграционный процесс. В первом случае это Саудовская Аравия, во втором – Израиль, притязания которого на часть Палестины были признаны международным правом. Израиль,

конечно, является уникальным примером формирования современного государства на основании исторического библейского нарратива. Лидеры сионистского движения поставили задачу вернуться на землю, где когда-то существовало Израильское царство и откуда евреи были окончательно изгнаны римлянами в 70 г. н. э. В XIX в. – почти восемнадцать столетий спустя! – еврейские организации начали преподавание иврита как национального языка (а не только языка богослужения) в школах. В последующие периоды активной колонизации Палестины лидеры сионизма воссоздали иврит как живой национальный язык (неоиврит). Язык, таким образом, послужил важным орудием формирования новой национальной идентичности и общественной трансформации, как это имело место и в некоторых иных ситуациях на Ближнем Востоке (у арабов в Османской империи, а затем в колониальную эпоху, или у турок в постосманскую эпоху).

- Пятый тип представлен одним государством – Турцией. После поражения в Первой мировой войне она вступила в новый этап своей истории в значительно суженных по сравнению с четырехсотлетней имперской эпохой границах. Конечно, это далеко не единственный пример государства, являющегося бывшим ядром крупной региональной империи, которая потеряла большую часть входивших в ее состав территорий. Фобии и комплексы на этой почве могут иметь весьма длительный характер, особенно в условиях неустойчивой международно-политической среды. В Турции часть элиты так и не преодолела искушение неоимперскими иллюзиями, что продолжает

оказывать некоторое влияние на политику государства в наше время.

- Шестой тип – Иран, или бывшая Персия. Уникальность этой страны – в том, что она на протяжении веков сохраняла преемственность государственности в основном в исторических, хотя и изменившихся границах. На протяжении последнего столетия политическая эволюция государства насыщена глубокими пертурбациями и трансформациями. На пути от монархии Каджаров до современного состояния Иран прошел через всплески гражданской войны и сепаратизма (Гилянская республика, Мехабадская республика), смену династии, переворот (организованный извне), опыт деисламизации и, наконец, шиитскую революцию 1979 г., которая привела к созданию исламской республики с ее сегодняшним уникальным сочетанием элементов теократического режима и демократии. Добавим к этому иностранную оккупацию (дважды – в 1920-х и 1940-х годах) и агрессию со стороны Ирака в 1980-е годы.

Важнейшим элементом государственного строительства во всех шести случаях был политический инжиниринг, суть которого – в попытке сознательного перенесения на местную почву западных норм, принципов, стандартов, алгоритмов функционирования политической системы. В ряде случаев, главным образом в протекторатах и иных зависимых территориях, эта линия проводилась колониальными властями, которые для повышения эффективности управления способствовали созданию институтов, адекватных европейским (министерств и ведомств, политических

партий и движений и т. п.). В других ситуациях агентами инжиниринга становились сами стремившиеся к политической модернизации местные элиты, в том числе возглавлявшие национально-освободительную борьбу. Наконец, были и примеры (хотя скорее как исключение), когда такой инжиниринг проводился внешними силами – насильно и без учета местных особенностей (Ирак после 2003 г.).

Не будем здесь обсуждать вопрос о том, насколько в данном контексте правомерен или неправомерен еще один термин – «вестернизация». Более важно подчеркнуть, что это приводило, с одной стороны, к появлению гибридных по своей структуре политических систем, в которых сочетались современные и традиционные элементы, а с другой – к возникновению множественных дисбалансов институционального развития, что, в свою очередь, создавало почву для непреходящей внутренней конфликтности.

Прослеживается довольно четкая корреляция заимствования западного опыта в государственном строительстве и социально-экономической модернизации. Так, для государств Залива мотивом к обретению современных политических институтов было главным образом стремление получить «пропуск» в мировую политическую и экономическую системы. Однако по мере модернизации потребность в том, чтобы адаптировать традиционные правовые и политические системы к международным стандартам, постепенно становилась менее формальной и более содержательной.

При построении современного государства ближневосточные элиты должны были вольно или невольно заняться, в числе прочего, решением национального вопроса. Проблема здесь состояла в том, что существовавшие на Ближнем Востоке политические образования,

строившиеся на собственных принципах и моделях государственного управления, не нуждались в идее нации, будь то гражданской или этнической. Знакомство ближневосточных интеллектуалов в XIX – начале XX в. с теориями национализма привело к появлению концепций наций. Развернувшаяся после Первой мировой войны освободительная борьба перевела уже начавшуюся дискуссию в практическое русло, в результате чего внутри арабского мира появилось четыре основных подхода к национальному строительству.

- Первый (панарабский) базировался на идее языкового и этнического единства в духе немецкого национализма XIX в.
- Второй (субрегиональный) отталкивался от представлений об общности исторических судеб арабских провинций Османской империи (Ливан, Сирия, Ирак), стран Магриба (Тунис, Алжир, Марокко) или Долины Нила (Египет, Судан). Он получил значительно меньшее распространение и постепенно сошел на нет.
- Третий (страновой) подход имел несколько вариаций. В одних странах он был исторически и географически детерминирован и в том или ином виде существовал и ранее (Египет). В других сформировался в ходе борьбы за независимость (Тунис, Алжир). В третьих появился уже после провозглашения государственности (Судан, Ливия, монархии Залива).
- Наконец, четвертый подход можно определить как исламский. Он представлял собой чисто ближневосточное изобретение и предполагал превращение идеи *уммы* – религиозного сообщества – в идею нации.

На протяжении всех ста лет развития региона ни один из этих четырех подходов не смог вытеснить остальные, в результате чего дискуссии о нации, национальном единстве, общности или разности судеб всегда оставались важнейшим элементом общественной жизни. Впрочем, процесс национального строительства был одним из центральных и для неарабских государств региона.

Если в Турции принцип государства-нации сразу был взят на вооружение кемалистской элитой и только к концу прошлого столетия стал дополняться идеями пантюркизма и неоосманизма, то в Иране и Израиле ситуация была сложнее. Отцам-основателям Израиля их творение мыслилось как воплощение вековой мечты еврейского народа, а этническая и религиозная идентичности оказались краеугольными камнями новой государственности. В Иране такую же роль сыграли язык фарси, представление об общем имперском прошлом и принадлежность основной части населения к шиизму.

Наконец, в регионе есть, по меньшей мере, два народа, сформировавшие за истекшее столетие развитую национальную идентичность, однако лишенные государственности. Это – курды и арабы-палестинцы. Для обоих борьба за государство стала важнейшим элементом национального чувства, а признание их права на самоопределение международным сообществом (в первом случае – Севрский договор, во втором – резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН) – фактором легитимации не только их притязаний, но и самой идентичности.

Палестинцы, общее число которых составляет около 10 млн человек, по ареалу проживания могут быть разделены на две примерно одинаковые по численности

группы. Одна представлена теми, кто сегодня проживает в диаспоре, рассредоточенной по ряду арабских стран. Другая – проживающими на территориях, которые по решениям ООН более чем полувековой давности предназначались для арабского государства на землях Палестины, но были оккупированы Израилем в результате его войн с соседями и имеют сегодня квазигосударственный автономный статус. Палестинцы осознают себя единым народом, хотя на двух территориях, где они дислоцированы, власть принадлежит политическим организациям, находящимся между собой в конфликтных отношениях: на Западном берегу реки Иордан это ФАТХ, а в секторе Газа – ХАМАС. Последнюю немалая часть мирового сообщества (хотя далеко не подавляющая) рассматривает как террористическую группировку. Палестинская национальная автономия – феномен противоречивый. Она в какой-то степени продолжает выполнять функцию инструмента освобождения от оккупации, но вместе с тем есть все основания считать это образование «протогосударством». Правда, в таком двойственном состоянии оно находится уже довольно продолжительное время.

Курды, общая численность которых составляет до 30 млн человек, живут в основном на территории четырех государств, находясь по разные стороны границ между ними – Турции, Ирака, Сирии и Ирана.

В 1920 г. в Севрском договоре (который заключался как один из элементов международного порядка, устанавливаемого после Первой мировой войны) было зафиксировано положение о предоставлении курдам автономии на территории Анатолии. Но благодаря своим военным победам Кемалю Ататюрку удалось добиться исключения этого положения в Лозаннском договоре 1923 г.

Консолидации курдского национального движения всегда мешала глубокая социально-культурная разобщенность курдов. Исторически они принадлежали и к кочевым племенам, и к оседлым группам населения, и к жителям городов, говорили на сильно разнящихся между собой курдских диалектах, различались и в конфессиональном отношении. На протяжении XX в. эти различия не только сохранялись, на даже усиливались принадлежностью курдов к разным политическим образованиям.

Поскольку курды являются достаточно крупным этносом, отсутствие собственного государства ставит их в исключительное положение – явно ущемленное в сравнении с другими этносами примерно такой же численности. Сепаратистские, автономистские, индпендистские тенденции среди курдов имеют место, причем иногда выражаются весьма активно. Но сегодня высказываемые в их среде претензии на то, чтобы считаться отдельной нацией, решительно отвергаются правительствами государств проживания и не получают необходимого международного признания. Лишь один из четырех сегментов территории обитания курдов, а именно Иракский Курдистан, обладает столь широкой автономией в рамках федеративного Ирака, что к нему может считаться применимым термин «протогосударство».

В целом можно констатировать, что государственное строительство в регионе на протяжении всего последнего столетия развивалось с сохранением значительных институциональных дисбалансов. Становление национальной целостности ни в одной из стран региона не пошло по европейской модели и не было завершено. Это породило известную гибридность ближневосточной государственности и дает основания

полагать, что о формировании государств-наций на Ближнем Востоке можно говорить лишь с известной долей условности.

Мощные родоплеменные институты, патронажно-клиентельные отношения, этноконфессиональная общинность прекрасно адаптировались к этой несбалансированной и зачастую неустойчивой институциональной реальности, иногда наполняя ее совершенно неожиданным содержанием. Они не только не распутывали конфликтные узлы в социуме, но зачастую, наоборот, закрепляли линии противостояния, а подчас и придавали новые формы старым конфликтам.

Иногда современные институты власти и управления подвергались эрозии или замещались возродившимися традиционными структурами – либо в результате конфликтов, либо из-за того, что воспринимались не просто как орудие навязывания государствам региона цивилизационно чуждых им моделей развития, но и как стратегическая линия на установление нового, неколониального господства Запада.

К этому надо добавить, что глубоко укорененные традиции авторитаризма в совокупности с изначальной слабостью институтов представительства предопределяли монополизацию власти «сильными личностями». В результате процесс государственного строительства принимал четко персонифицированный характер.

Все эти обстоятельства дали основания для обвинений стран Ближнего Востока в неприятии модернизации или даже неспособности к ней. Подобная точка зрения, однако, представляется неверной по двум причинам.

На первое место мы ставим проблему политического восприятия модернизации. Ее отторжение может

происходить не по сущностным основаниям, а по причине того, что в ней видят не результат собственного творческого развития, а инструмент угнетения. Вместе с модернизацией и «бременем белого человека» на Ближний Восток когда-то пришли не свобода и процветание, а тюрьмы, туземные кодексы, непреходящее чувство унижения и неполноценности. Историческая память хотя и не является вечной категорией, но она может быть достаточно долговременной, иногда выборочной, а подчас и не совсем разборчивой в своем эмоциональном негативизме. Ближний Восток дает тому более чем достаточно примеров.

Во-вторых (и это, возможно, даже более важное обстоятельство), процесс модернизации не должен рассматриваться по аналогии с гонкой за неким идеалом, в которой страны и народы ранжируются по степени их соответствия идеальному образцу. Речь даже не о том, что этот идеал может вызывать неприятие по содержательной стороне дела (как нечто чуждое) или из-за ощущения его недостижимости. Важно другое: очевидность необходимости создания такой политической системы, которая наиболее эффективно обеспечивала бы задачи безопасности и развития в конкретном обществе. Наличие архаичных элементов в такой системе может быть фактором ее стабилизации и повышения ее легитимности, в то время как внедрение чуждых элементов — напротив, вести к ее разбалансировке.

К примеру, задачи развития во второй половине XX в. виртуозно решались элитами Саудовской Аравии в отсутствие минимальных современных политических институтов. В то же время события Арабского пробуждения продемонстрировали, что на политические вызовы способны с достаточно высокой эффективностью реагировать монархии. Причем речь идет

не только о богатых странах Залива, но и о довольно бедных Иордании и Марокко. В последнем случае именно сочетание традиционных и современных элементов в управлении страной позволило власти создать каналы легитимного выражения протестных настроений, не поставив при этом под угрозу политический режим.

Таким образом, процесс модернизации на Ближнем Востоке обретал специфический характер и развивался через формирование гибридных политических систем. Они подчас оказывались мало сбалансированными, что во многих государствах становилось источником формирования перманентной социально-политической напряженности и высокого уровня политического насилия.

Все ставшие самостоятельными государства Ближнего Востока добились независимости благодаря получившему широкий размах освободительному движению. Оно возникало и набирало силу в результате бурного роста национального самосознания, вынудившего метрополию предоставить народам этих стран независимость. Хотя практически все они прошли через череду восстаний, массовых демонстраций, забастовок и иных крупных протестных акций, обретение независимости в конечном счете в большинстве случаев произошло мирным путем. Исключение составляют две страны, где независимость была завоевана в ходе вооруженной борьбы. В Алжире кровопролитная война за независимость от Франции, унесшая жизни не менее 300 тыс. алжирцев, длилась с 1954 по 1962 г. В Южном Йемене партизанская война в британских протекторатах и колонии Аден продолжалась с 1963 по 1967 г. Нельзя исключать того, что насильственный характер борьбы повстанцев с силами метрополии

предопределил высокий уровень открытого физического насилия, характерный для последующих периодов уже независимого развития этих государств, когда основными его носителями/агентами стали радикал-исламисты.

В большинстве других стран политическое насилие в основном не носило столь ярко выраженного характера. Но оно оставалось важнейшим фактором общественно-политической жизни, зачастую выливаясь в острые конфликты.

Вывод из сказанного выше можно было бы сформулировать следующим образом: универсализации политических систем как глобальному мегатренду на региональном уровне соответствовали (i) государственное и национальное строительство, (ii) гибридизация политических систем, а также (iii) превращение повышенной конфликтности в перманентно действующий фактор социально-политической жизни. Прослеживая соответствующую динамику в региональном контексте, можно выделить (конечно, с достаточно высокой мерой условности) некоторые фазы (или этапы) эволюции политических систем на Ближнем Востоке во временном ареале, начавшемся примерно столетие назад.

- Первый этап начался на завершающем этапе Первой мировой войны и продолжался до конца 1950-х – начала 1960-х годов, когда большинство стран региона обрели независимость. Впрочем, некоторые получили ее только в 1970-е годы, а Западная Сахара до сих пор признается недеколонизированной территорией.
- В 1960-е годы регион вступил в следующую фазу развития, когда началась коренная трансформация целого ряда государств и одновременно – накопление

горючего материала, что привело в конечном счете к мощному взрыву в виде Арабского пробуждения.

- Условная точка отсчета третьего периода, соответственно, может быть обозначена 2011 годом. Регион, таким образом, находится только в начале этого этапа, который – предположительно – приведет к консолидации политических систем, сумевших обрести жизнеспособность в новых условиях, и распаду тех, которые окажутся несостоятельными (возможно, с драматическими выбросами).

Исходя из того, что первые два периода заняли по 40–50 лет, можно предположить, что и для третьего потребуется сопоставимое время.

Международные отношения в региональном ракурсе

На протяжении последних ста лет в системе международных отношений произошло несколько коренных трансформаций. При всем многообразии трендов глобального плана их можно свести к глобализации, имевшей три основных измерения.

- *Во-первых*, складывается и эволюционирует единая мировая политическая система в рамках сначала Версальско-Вашингтонского, а затем Ялтинско-Потсдамского миропорядка. Речь идет о политическом измерении глобализации.

По мере развития этой системы происходило изменение роли всех основных ее участников – прежде всего Запада, но также и России. Их взаимное противостояние

эволюционировало от жесткого противоборства к алгоритмам кооперативного взаимодействия (союзнические взаимоотношения в годы Второй мировой войны, мирное сосуществование, разрядка и т. п.). На смену безусловной зависимости вассалов от «грандов» мировой политики в рамках колониализма или отношений патронажно-клиентельного типа пришли более гибкие формы доминирования. Консолидация биполярности сменяется ее постепенным размыванием; на «выходе» из нее возникают контуры однополярного мира, но их все больше замещает тенденция к формированию полицентричной международной системы. По мере этого развития меняются характер и императивы лидерства на международно-политической арене.

- *Во-вторых*, происходит формирование мировой экономики. С одной стороны, экономическая глобализация идет через постепенное вовлечение, интеграцию в мировую хозяйственную систему всех основных регионов планеты. С другой – формируется и набирает силу специализация отдельных экономик в рамках глобальной системы. Для них это условие конкурентоспособности и выживаемости, а для мирового хозяйства – фактор устойчивости и эффективного ответа на возникающие вызовы и стрессы.
- *В-третьих*, постепенно складывается единое глобальное интеллектуально-ценностное пространство. Складывается неровно в разных страновых и региональных пространствах, иногда с заметным отставанием от экономической и политической глобализации, но, что весьма примечательно, с достаточно ощутимыми последствиями для той и другой.

Признаки этого процесса – постепенное формирование универсальных (или претендующих на универсальность) представлений о ценностях и смыслах общественного развития, возникновение глобалистских мотивов в идеологических дискурсах, универсализация культурных стереотипов (прежде всего в сфере массовой культуры), поведенческих стандартов и т. п. В этой сфере больше, чем в любой другой, обнаруживается резко возросшая роль медийного фактора, вообще средств массовых коммуникаций, пропаганды и манипулятивности.

Рассмотрим теперь, какие соответствия все эти процессы находили на региональном ближневосточном уровне.

Интеграция стран Ближнего Востока в формирующуюся мировую политическую систему началась еще в XIX в. (впрочем, могут быть взяты и более ранние точки отсчета), однако почти все они включались в нее изначально как колониально зависимые территории и не рассматривались как обладающие собственной субъектностью компоненты единого регионального пространства.

Собственно говоря, до окончания Первой мировой войны можно говорить (хотя и с некоторой условностью) о существовании четырех отдельных регионов, или «миров», на месте современного Ближнего Востока, каждый из которых развивался более или менее в собственной логике.

- *Во-первых*, это сконцентрированный вокруг центров Османской империи османский мир, включавший в себя пространство от Турции (на севере) до Ирака (на востоке), далее до Иордании и Хиджаза (части будущей Саудовской Аравии) (на юге)

и, наконец, до Египта (на юго-западной оконечности описываемого территориального ареала).

- *Во-вторых*, это в основном ограниченный территорией Персии иранский мир, распространявший свое влияние на Южный Кавказ и отчасти на Центральную Азию.
- *В-третьих*, это аравийский мир, до некоторой степени ориентированный в сторону Индийского океана, но в целом скорее замкнутый на себе.
- Наконец, *в-четвертых*, это средиземноморский мир, включавший в себя страны Магриба.

Несмотря на принадлежность всех четырех миров к общему историко-культурному и религиозному пространству, в политическом и экономическом отношении они были мало связаны друг с другом. В этом плане примечательно, что ранние панарабские проекты, выдвигавшиеся в начале XX в., не распространялись на страны Магриба и не предполагали их включение в состав задуманного «большого арабского королевства».

Формирование Версальско-Вашингтонской системы и появление проекта еврейского национального очага в Палестине, однако, способствовали постепенному формированию общей региональной идентичности, прежде всего в арабских странах. Обладая языковым, религиозным и историко-культурным единством, они заняли приблизительно одинаково зависимое положение в сформированной системе международных отношений и рано почувствовали ее несправедливость. Сказалось и то, что она так или иначе поддерживала сионистское движение.

Турция и Иран изначально воспринимались как внешние по отношению к региону страны. Тем не менее

они постепенно оказались включенными в него, что было связано и с изменением внешней политики этих двух стран: они со временем отошли от исключительной ориентированности на Запад.

Появление региональной ближневосточной идентичности стало ключевым фактором регионального мегатренда XX в. – *формирования Ближнего Востока как единого политического региона*. Международные отношения в регионе могут рассматриваться как подсистема в рамках общей системы международных отношений.

Эта подсистема изначально обладала, как минимум, двумя важными особенностями – неизменным дефицитом безопасности и эксклюзивизмом.

Первая особенность была следствием формирования государственности большинства стран региона в колониальный период. Отсюда проистекала с самого начала высокая вовлеченность глобальных агентов во внутренние процессы в регионе.

В колониальную эпоху в регионе были дислоцированы войска метрополий – Англии и Франции, и даже после получения независимости новым государствам потребовалось немало времени, чтобы добиться их вывода. Степень внешнего вмешательства в региональные процессы несколько снизилась с преодолением колониализма, но пришедшая ему «на смену» биполярность создавала собственные императивы воздействия на регион извне. В результате в наиболее острых ситуациях, возникающих там, решающую роль играли две сверхдержавы, вовлекающие страны региона в «игру с нулевой суммой». Что иногда создавало серьезную угрозу превращения Ближнего Востока в фактор глобального конфликта (как это имело место в 1973 г.).

После 1991 г. основным внешним партнером в области безопасности для государств региона стали США, прибегавшие несколько раз к прямому военному вмешательству. Его целью было либо осуществить реформатирование отдельных сегментов региона (2003 г., Ирак), либо, наоборот, не допустить такового.

Примечателен эффект привыкания к присутствию внешних игроков в регионе и востребованности их активного участия в формировании системы безопасности. Для некоторых региональных держав это стало естественным фактором ближневосточной реальности. Так, например, стремление администрации Б. Обамы снизить уровень вовлеченности США в ближневосточные дела и отказаться от антииранской политики было воспринято монархиями Залива как предательство. А участие российских ВКС в Сирии было связано с прямым обращением сирийского правительства о помощи для борьбы с его противниками, которых оно рассматривало как террористов.

Другая особенность сформировавшейся на Ближнем Востоке подсистемы – это ее эксклюзивизм, выстраивание регионального единства на основе противопоставления всех стран региона одному общему врагу, которого считают «чужим». Сначала роль такого врага играл Израиль, а арабо-израильский конфликт был центральным элементом региональных отношений на протяжении полувека. Затем врагом для значительной части арабских государств, считающихся оплотом суннитского ислама, стал Иран, против которого Саудовская Аравия и некоторые ее союзники пытаются сплотить регион.

Таким образом, региональным мегатрендом можно считать формирование зависимой от внешних акторов региональной подсистемы с сильным компонентом

экслюзивистского противостояния. Поскольку объектом последнего оказываются два государства, которые сами находятся в конфронтационных отношениях друг с другом, возникающая в результате картина временами может показаться покрытой абсурдистским флером.

Тем более что региональная подсистема всегда была гетерогенной, и ее внутреннее устройство до сих пор хранит память о не столь уж давнем прошлом, когда различные части Ближнего Востока входили в разные регионы. Конкретным выражением такой памяти стали объединительные проекты на субрегиональном уровне.

- В 1945 г. была создана Лига арабских государств, которая сыграла заметную роль в урегулировании споров между ее членами, но в конечном счете так и не смогла превратиться в действенный инструмент управления региональными процессами.
- В феврале 1958 г. Египет и Сирия объединились в одно государство – Объединенную Арабскую Республику, которая, впрочем, просуществовала лишь до сентября 1961 г., распавшись из-за острых противоречий между элитами двух стран.
- В 1957 г. Ирак и Иордания объявили о создании Арабской Федерации, в которую пригласили вступить Кувейт, но он отказался. Реализации этого проекта помешала антимонархическая революция в Ираке 14 июля 1958 г. Она настолько ослабила лагерь консервативных государств, противостоящих антизападному лагерю в регионе, что едва не вызвала серьезного обострения на глобальном уровне – между Советским Союзом и США.

- 25 мая 1981 г. был образован Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) – региональная организация, медленно наращивающая свой интеграционный потенциал, но так и не сумевшая преодолеть серьезные противоречия между ее шестью участниками (что, в частности, проявилось в 2017 г. во время «катарского кризиса»).
- В феврале 1989 г. Египет, Ирак, Иордания и Йеменская Арабская Республика создали субрегиональное объединение – Совет арабского сотрудничества. Оно выглядело странным, так как географически четыре страны, кроме Ирака и Иордании, не образовывали единого пространства, что мешало даже продвижению планов экономического сотрудничества. САС быстро начал увядать, а агрессия Саддама Хусейна против Кувейта в августе 1990 г. поставила жирный крест на его существовании.
- В то же время в западной части региона предпринимались попытки объединения государств Северной Африки в рамках Союза Арабского Магриба. Но и его деятельность с 1994 г. была практически сведена на нет. Периодические попытки оживления этой структуры связаны главным образом с внешними импульсами от ЕС или государств Европы, стремящихся к объединению своих южных партнеров с целью продвижения средиземноморского сотрудничества.

Примечательно, что в целом интеграционные процессы не получили в регионе серьезного развития, и государство-нация в его специфической ближневосточной форме сохранилось как основная форма

организации жизни ближневосточных обществ, устояв перед многочисленными вызовами. Провалы интеграционных проектов, думается, связаны прежде всего с их недостаточной экономической обоснованностью. Свою роль сыграло и болезненное отношение к возможному ущемлению национального суверенитета, вообще характерное для относительно молодых государств.

Более того, вопреки широко распространенному мнению о нарастании процессов региональной интеграции в современном мире, ближневосточные реалии скорее свидетельствуют об обратном.

- В середине XX в. предпринимались попытки объединения тех или иных стран в рамках единых государственных образований, но постепенно эти проекты стали носить все более формальный или нереалистичный характер.
- Им на смену пришли инициативы интеграции через создание межнациональных или (реже) наднациональных структур. Однако и они со временем одна за другой терпели крах.
- Относительная успешность ССАГПЗ, вероятно, объясняется ведущей ролью Саудовской Аравии в этой организации. Однако по мере усиления малых государств Залива их внешняя политика обретала все большую самостоятельность, что вело к накоплению противоречий между ними и Саудовской Аравией и тормозило возможности интеграционного развития.

Поэтому *ослабление субрегиональной интеграции* также может считаться региональным мегатрендом.

С выделенными особенностями ближневосточной подсистемы международных отношений

непосредственно связан еще один мегатренд – *растущий на протяжении столетия уровень конфликтности.*

- На почве одного из самых затяжных и трудно решаемых конфликтов, касающегося палестинской проблемы и образования Израиля, между ним и его соседями несколько раз возникали войны.
- Регион пережил большое число других войн, вооруженных столкновений, революций, контрреволюций и переворотов.
- В качестве сторон конфликтов выступали как государственные, так и негосударственные участники.
- Конфликты были порождены причинами системного (структурного) и политического характера, в том числе глубокими противоречиями между различными этническими и конфессиональными группами, дефицитом исторической легитимности границ государств и территориальными спорами, относительной слабостью всех ближневосточных игроков, создававшей основу для бесконечного оспаривания регионального лидерства, взаимным недоверием элит, приписывающим друг другу внешнеполитическое мессианство, и т. д.
- Среди расположенных по соседству друг с другом региональных государств трудно найти такие, которые бы в конфликтных ситуациях не прибегали к самому широкому спектру способов «выяснения отношений», включая и такие крайние методы, как разрыв или замораживание дипломатических отношений, а в отдельных случаях и к санкциям. Между некоторыми государствами дипломатические отношения так и не были установлены.

Если сама по себе высокая конфликтность – дело довольно обычное, то ее нарастание на протяжении столетия заслуживает внимания. Как и почва, на которой она произрастает.

- До обретения независимости большинством стран основные конфликты происходили между местным населением и колониальными властями. Чаще всего они принимали характер антиправительственных выступлений, массовых протестных акций или восстаний, но иногда оборачивались и полноценными гражданскими войнами.
- Межгосударственные конфликты разворачиваются внутри региона после образования Израиля: вплоть до 1980-х годов именно с противостоянием ему связано большинство войн.
- В 1980-е годы к этой проблеме добавилась ирано-иракская война, которая стала самой кровопролитной в истории Ближнего Востока. В ходе нее применялось химическое оружие, а жертвы с обеих сторон составили около миллиона человек.
- 1990-е годы начались с оккупации Ираком Кувейта, что привело к уникальной операции международного сообщества по восстановлению *status quo ante*. Другая новая вводная – развернулось гражданское противостояние в Алжире, в ходе которого джихадизм превратился в постоянно действующий фактор ближневосточной реальности.
- Наконец, уже в ходе Арабского пробуждения возникают новые конфликты в Ливии, Сирии и Йемене, которые превращаются в арену прокси-войн для целого ряда стран региона.

Причины постоянного нарастания уровня насилия на Ближнем Востоке – огромная тема, которую мы здесь не рассматриваем. В общем плане лишь отметим, что они связаны главным образом не с международными отношениями, а с динамикой развития внутри региона. Остановимся ниже лишь на некоторых важных аспектах этого развития, влияющих на его позиционирование в отношении внешнего мира.

Внутренние факторы взаимодействия с внешним миром

Если в политическом отношении Ближний Восток интегрировался в систему международных отношений как более или менее единый регион, то в экономическом плане дело обстояло иначе.

Понятно, что деколонизация и формирование независимых государств побуждали страновые элиты к выстраиванию собственных моделей экономического развития, с учетом специфики каждой страны. Но обладая неодинаковым ресурсным, инфраструктурным и человеческим потенциалом на начальном этапе, государства региона все же занимали примерно схожие позиции в мировой экономике и вынуждены были решать схожие задачи социально-экономической модернизации. Со временем, однако, ситуация стала меняться. В связи с огромными потребностями энергетического сектора возникли мощные стимулы для нефте- и газодобывающей промышленности в ряде стран, что вскоре вывело их из общего ряда развивающихся государств, превратив в ключевых поставщиков энергоресурсов. Важнейшим региональным

мегатрендом стали *нарастающие различия в структурах экономик государств региона и в нишах, занимаемых ими в мировом хозяйстве.*

Результатом быстрого экономического роста государств-нефтеэкспортеров стало накопление ими огромного объема финансовых ресурсов и, соответственно, обретение новых возможностей воздействия на внешнюю среду. В частности, немалая часть этих средств тратится на военные приготовления, активизацию которых, в свою очередь, тоже можно рассматривать как один из трендов последних десятилетий. Объемы и высокое качество вооружений и военной техники значительно превышают потребности и возможности арабских монархий Залива, являющихся их главными приобретателями. Несмотря на огромное превосходство вооруженных сил Саудовской Аравии и их партнеров практически над любым региональным противником в вооружениях и военной технике, возглавляемая саудовцами коалиция демонстрирует неудачи в проведении затянувшейся военной кампании в Йемене.

Накопленные ресурсы дали возможность как некоторым государственным, так и негосударственным акторам финансировать распространение радикальных, эксклюзивистских толков исламистской идеологии и поддерживать экстремистские и террористические группировки. И то и другое – серьезная угроза для безопасности государств не только региона, но и практически всего мира, включая крупнейшие державы.

Таким образом, если на глобальном уровне политическая и экономическая глобализации могут рассматриваться как две стороны одной медали, то в рамках Ближневосточного региона они вступают в явное противоречие между собой. В то время как участие государств Ближнего Востока в процессах политической глобализации

требует интеграции региона, развитие национальных экономик ведет к объективной дезинтеграции.

Такая ситуация имеет два основных следствия. С одной стороны, экономическая дезинтеграция становится фактором повышения внутрорегиональной конфликтности. С другой – императивы единства пре-допределяют особо важную роль политических (и религиозных) идеологий, которые могли бы выполнять функцию консолидации.

Еще один региональный тренд касается демографической динамики. Социально-экономическая модернизация обществ региона и смена типов воспроизводства населения привели к резкому росту населения стран Ближнего Востока в истекшем столетии. Это, конечно, долговременный фактор, но его действие в полной мере стало особенно заметным в последние годы. И прежде всего в государствах-нефтеэкспортерах, где политические режимы берут повышенные социальные обязательства, что при насаждении подчеркнуто консервативных идеологий минимизирует мотивации к ограничению рождаемости.

Рост населения, в свою очередь, усугубил и без того существовавшую на Ближнем Востоке ресурсную недостаточность, прежде всего водную. По всей видимости, дальнейший рост дефицита воды вполне может стать региональным мегатрендом уже в текущем столетии. Он может превратиться в важнейший конфликтогенный фактор.

В связи с интеллектуально-ценностными аспектами глобализации в регионе выявляются весьма примечательные тенденции, которые в чем-то даже выходят за пределы устоявшегося порядка вещей. Традиционно специфика Ближнего Востока состояла в том, что, несмотря на многочисленные различия

находившихся на его территории в разное время государств, он еще с VII в. отличался интеллектуальным единством и достаточно высокой мерой восприимчивости (или, по крайней мере, толерантностью) к приходящим извне воздействиям. Философские концепции, литературные тексты, религиозные и политические учения существовали здесь в общем поле. Эта особенность региона, однако, в век глобализации обернулась парадоксом. Вместо того чтобы способствовать интеграции Ближнего Востока в ассоциируемое с Западом и претендовавшее на универсальность единое ценностно-смысловое пространство, она стала основой для формирования иного духовно-идеологического дискурса, наполненного собственными смыслами и ценностями и в сущности альтернативного западному.

Восприятие в колониальный период интеллектуальными элитами региона западных философских и политических учений и их дальнейшая адаптация к арабским реалиям привели к формированию трех основных течений общественной мысли, которые на протяжении десятилетий, находясь в остром противоборстве между собой, продвигали различные модели независимого развития через созданные ими политические партии и движения. Это были:

- *во-первых*, панарабизм, или арабский национализм (по мнению одной группы специалистов по региону, эти термины являются синонимами, по мнению другой, они обозначают несколько разные понятия);
- *во-вторых*, марксизм, черпавший силу в существовании Советского Союза и других социалистических государств;
- *и, в-третьих*, исламизм.

Каждое из этих течений носило трансграничный, по сути транснациональный характер, апеллируя к объединительным, интегративным лозунгам. Националисты видели будущее региона в создании единого арабского государства, в котором были бы стерты все существующие между арабскими территориями границы. Марксисты в принципе придерживались концепции государства-нации, но выдвигали лозунги классового единства, которое лежало бы в основе будущего своего народа и его отношений с другими народами. Исламисты апеллировали к единству мусульман, выдвигая лозунг «ислам – вот решение».

Сформировавшись в контексте антиколониальной борьбы, все три течения носили в сущности своей антизападный характер. Даже в тех случаях, когда они базировались на европейских по своему происхождению идеях, им придавалось специфическое ближневосточное звучание, до неузнаваемости менявшее исходную концепцию. Отказ арабских марксистов от идей классовой борьбы в пользу концепции корпоративного государства – наиболее яркий пример подобной трансформации.

Соотношение сил между этими тремя идеологическими системами постоянно менялось. В разные периоды рассматриваемой столетней эпохи и в разных странах на первое место выдвигалась то одна из них, то другая. Был период, когда арабские коммунисты располагали столь сильным влиянием (например, в Ираке в 1950-е годы), что, вполне вероятно, были способны взять власть в государстве в свои руки (другой вопрос – удалось бы им ее удержать или нет). В Южном Йемене в 1975–1990 гг. правила Йеменская социалистическая партия, официально заявившая о своей приверженности марксистско-ленинской идеологии

и проводившая внутреннюю и внешнюю политику, руководствуясь ее постулатами.

Но марксисты в регионе были оттеснены арабскими националистами, основная масса которых была приверженцами трех основных идейно-политических систем – насеризма (идеология и политическая практика режима Гамалы Абдель Насера в Египте), баасизма (в Сирии и Ираке) и Движения арабских националистов (ДАН, в основном среди палестинцев). Этот национализм – в основном светского характера и иногда с социалистическими и/или авторитарными коннотациями – в целом тоже уступил место более радикальным силам. Но и сегодня существуют партии, принадлежащие к этим трем политическим течениям, включая насеристов, выделившихся из ДАН палестинских фронтов (к примеру, Демократический фронт освобождения Палестины и Народный фронт освобождения Палестины) и баасистов. Одна из баасистских партий и поныне является правящей партией в Сирии.

И все же идеологии, апеллирующие и к марксизму, и к арабскому национализму, со временем заняли маргинальное место в политическом ландшафте государств региона. А вот исламисты, создавшие свою первую политическую организацию – Ассоциацию «братьев-мусульман» – еще в 1928 г. в Египте и в течение многих лет терпевшие поражение от своих соперников, в конце XX в. в ряде стран превратились во влиятельную силу. В ходе Арабской весны уже в XXI в. в отдельных странах (Египет, Тунис) в результате выборов они даже пришли к власти, которую, впрочем, не смогли удержать.

Это касается в первую очередь Египта, где «Братья-мусульмане», получившие более 40% голосов

на парламентских выборах, не устояли перед искушением забрать в свои руки всю власть и провели и на президентских выборах своего кандидата Мухаммада Мурси. Попытка сломать существующую в стране систему институтов власти и законов, предпринятая «Братьями», вызвала массовую волну протестов. Возглавившие ее военные от имени большинства населения не только отстранили исламистов от власти, но и запретили саму эту организацию, провозгласив ее террористической группировкой и превратив ее членов в изгоев, оказавшихся вместо парламентских кресел в тюремных камерах или за рубежом.

В этом отношении примечательный пример трансграничного социального обучения продемонстрировала в Тунисе исламская партия «ан-Нахда» – смирившись с потерей изначально завоеванных на выборах столь же выгодных позиций, она проявила гибкость и осталась легитимной политической силой, сотрудничающей с другими партиями и не претендующей на завоевание власти.

Тем не менее в регионе существуют и государства, образованные на основе исламских принципов. Это Исламская Республика Иран, возникшая в результате антишахской исламской революции 1979 г., и Королевство Саудовская Аравия, существующее в течение почти столетия и превратившееся в последние десятилетия в одно из наиболее влиятельных государств региона. Но в Иране, как уже отмечалось, с исламскими принципами сосуществуют весьма развитые по региональным стандартам элементы демократической системы. Да и в Саудовской Аравии начался осторожный процесс, который пока рано называть «деисламизацией», но который включает в себя преодоление некоторых элементов архаики. А участие

в «двадцатке» (G-20) придает респектабельность международному статусу страны.

Религиозная составляющая так или иначе играет важную роль в идентичности народов подавляющего большинства арабских государств, а также в немалой мере и Израиля. Турция остается единственным государством, конституционно закрепившим статус светского еще в начале рассматриваемого нами столетнего периода. Ее долгое время представляли в качестве примера успешного развития мусульманского государства по европейским лекалам, но сегодня под руководством президента Реджепа Эрдогана, более склонного к авторитаризму, чем к демократии, она осуществляет медленный дрейф в сторону исламизации. То есть в сравнении с Саудовской Аравией идет, как это ни парадоксально, в обратном направлении. И здесь легко заметить последствия для взаимодействия с внешним миром: перспективы вхождения Турции в ЕС становятся все более призрачными.

Став наиболее заметной в регионе идеологической системой, исламизм породил огромное количество течений разной степени радикальности, по-разному относящихся к демократии, либеральным правам и свободам, допускающих совершенно разную степень применения насилия в политической борьбе и т. д. Сегодня принято выделять три основных течения в исламизме – умеренный, салафитский и джихадистский. Каждое из них, впрочем, также может быть разделено на множество направлений.

Умеренные исламисты (или, как их называет Джон Келсей, «исламские демократы») полагают, что любая попытка возрождения ранних исламских институтов и норм неизбежно вступит в противоречие с реалиями системы государств-наций, в которой исламские

государства существуют наравне с неисламскими. Поэтому юридические предписания исламского прошлого должны быть пересмотрены.

Салафиты, напротив, конечной своей целью считают пересмотр всей системы общественных и политических отношений для приведения ее в полное соответствие с буквалистски понимаемыми требованиями священных текстов. Однако иной раз могут соглашаться на использование демократических процедур для завоевания государственной власти.

Наконец, джихадисты принципиально не приемлют никакого взаимодействия с существующей (порочной, с их точки зрения) политической системой и полагают, что она должна быть полностью разрушена насильственным путем.

Если до Арабского пробуждения джихадисты в основном выступали лишь с негативной повесткой дня («все разрушить»), то с уничтожением структур социума на некоторых территориях Сирии и Ирака в 2010-е годы возникла повестка дня «Исламского государства». Это уже не просто власть террористической группировки, а извращенный проект государственного строительства на основе радикального, экстремистского варианта ислама, который, с одной стороны, претендовал на то, что воплотит в жизнь некие изначально существовавшие в этой религии нормы и ценности, с другой – совершенно очевидно расходился с ними.

Анализ динамики развития основных идеологий на Ближнем Востоке – от восприятия западных учений к торжеству исламизма – позволяет сформулировать еще один важный региональный мегатренд – *рост ценностно-смысловой альтернативности Западу при сохранении идеологического единства региона.*

* * *

Между мегатрендами глобального и регионального уровней обнаруживается сложная и противоречивая динамика отношений. В ближневосточном макрорегионе это проявляется самым наглядным образом. Развитие на региональном уровне впитывает в себя некие глобальные тенденции, но отнюдь не определяется ими полностью. Более того – может даже им противоречить, тормозить исходящие от них импульсы и производить прямо противоположные по направленности, характеру воздействия на социум и реальным последствиям. Но и глобальные мегатренды не являются лишь общим знаменателем (или суммой) тех процессов, которые развиваются в региональном контексте. Хотя корректирующее воздействие последних может быть исключительно весомым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барановский В.Г. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 7. С. 5–15.

Барановский В.Г. Трансформация системы международных отношений на рубеже XX и XXI вв. // *Российская политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития* / Науч. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: Аспект Пресс, 2016.

Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 504 с.

Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. (ред.) *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* М.: Языки славянской культуры, 2012. 591 с.

Наумкин В.В. *Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее*. М.: ИВ РАН, 2013. 526 с.

Примаков Е.М. *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами*. М.: Российская газета, 2006. 382 с.

Antonius G. *The Arab Awakening*. London: H. Hamilton. 1938.

Bengio O. *The Kurds of Iraq: Building a State within a State*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2012.

Dawisha A. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: from Triumph to Despair*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2016. 359 p.

Hobsbawm E. *The Age of Revolution: Europe 1789–1848*. New York: Vintage Books, 1996.

Hobsbawm E. *The Age of Capital: 1848–1875*. New York: Vintage Books, 1996.

Hobsbawm E. *The Age of Empires: 1874–1914*. New York: Vintage Books, 1996. 401 p.

Hobsbawm E. *The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. New York: Vintage Books, 1996. 628 p.

Kelsay J., Johnson J.T. *Just War and Jihad: Historical and Theoretical Perspectives on War and Peace in Western and Islamic Traditions*. New York: Greenwood Press, 1991.

Lewis B. *The Multiple Identities of the Middle East*. New York: Schocken Books, 1998.

Maddy-Weitzman B. *A Century of Arab Politics: From the Arab Revolt to the Arab Spring*. Boulder: Rowman & Littlefield, 2016. 273 p.

Zehr N.A. *The War against al-Qaeda: Religions, Policy and Counter-narratives*. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2017. 216 p.

Глава 2

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Основные тренды экономической трансформации Ближнего Востока определяются следующими процессами, происходящими в самом регионе и в мировой экономике: модернизацией экономики региона, модернизацией общества стран региона, глобализацией и влиянием ислама на экономическую жизнь.

Модернизация экономики

Модернизация экономики проявляется в росте обрабатывающей промышленности, сдвигах в региональном топливно-энергетическом комплексе под влиянием изменений в мировом спросе на нефть и газ и развитием новых технологий в этой отрасли; финансизации (росте значимости финансового сектора) экономики по мере накопления в регионе валютных резервов и его включения в мировые финансовые потоки; научно-технической революции, проявляющейся в быстром развитии трудосберегающих технологий, в первую очередь робототехники и искусственного интеллекта.

Макроэкономические показатели

По уровню национального дохода в текущих ценах в долларах США и в пересчете по паритету

покупательной способности страны Ближнего Востока представлены в *табл. 1*.

Таблица 1

Национальный доход стран Ближнего Востока в 2015 г.*

Страна	Уровень национального дохода в текущих ценах		Уровень национально-го дохода в расчете по паритету покупательной способности	
	млрд долл. США	долл. на душу населения	млрд долл. США	долл. на душу населения
Турция	782,8	9950	1553,1	19740
Саудовская Аравия	742,7	23550	1729,6	54840
Иран	511,8	6550	1361,8	17430
ОАЭ	394,6	43090	641,2	70020
Египет	305,9	3340	980,3	10710
Израиль	299,7	35770	302,0	36040
Ирак	211,9	5820	558,9	15340
Катар	187,8	83990	309,5	138480
Кувейт	164,0	42150	328,3	84360
Оман	75,9	16910	173,5	38650
Ливан	45,1	7710	80,5	13750
Иордания	35,5	4680	81,7	10760
Йемен	30,6	1140	73,0	2720
Бахрейн	27,3	19840	53,2	38660

Окончание Табл. 1

Страна	Уровень национального дохода в текущих ценах		Уровень национального дохода в расчете по паритету покупательной способности	
	млрд долл. США	долл. на душу населения	млрд долл. США	долл. на душу населения
Зап. берег и Газа	13,3	3090	21,8	5080
Сирия

* Страны ранжированы по убыванию уровня национального дохода в текущих ценах.

Источник: составлено по таблицам *World View: 2017 World Development Indicators*, World Bank Group, Washington, DC, USA, 2017. p. 10–14.

Страны целесообразно сравнить по объемам национального дохода в текущих ценах, поскольку это сравнение основано на рыночных оценках, которые формируются в результате взаимодействия стран в мировом хозяйстве, а также по душевым показателям в ценах по паритетам покупательной способности, поскольку граждане живут в реальных экономических условиях, в которых влияние мирового хозяйства может сильно различаться.

По объему национального дохода на первом месте стоит Турция, но Саудовская Аравия отстает ненамного. К этому же классу по размеру относятся экономики Нидерландов, Швейцарии и Индонезии. На третьем месте Иран, заметно отстающий от двух лидирующих стран, но сильно опережающий всех остальных. Близкий уровень национального дохода в Швеции, Польше, Норвегии и Нигерии. Следующие – ОАЭ,

также стоящие особняком. Затем Египет и Израиль с практически равным уровнем национального дохода. Следующая группа – Ирак, Катар и Кувейт.

Среди малых экономик региона лидирует Оман. Бахрейн, Иордания, Ливан и Йемен можно отнести к одной группе по объему национального дохода. Самой малой экономикой региона является экономика Палестинского государства. Она несколько больше экономик Монголии, Армении и Таджикистана, но меньше экономики Грузии.

Для всех стран региона переход на паритеты покупательной способности существенно увеличивает национальный доход. Исключением является Израиль. Для него оба варианта расчета национального дохода дают примерно одинаковые результаты. Эта страна больше всех остальных вписана в мировое хозяйство, и внутренние цены на товары и услуги близки к международным, а в остальных есть существенная часть экономики, не связанная с мировым рынком, которая и обеспечивает расхождение расчетов по двум вариантам.

По уровню дохода на душу населения при обоих видах расчета на первых позициях страны – экспортеры нефти и газа. Впереди Катар, лидирующий по этому показателю среди всех стран мира. По паритету покупательной способности далее идут Кувейт и ОАЭ, отстающие от лидера примерно в два раза; от этой группы примерно на треть отстает Саудовская Аравия. Кувейт и ОАЭ имеют доход несколько выше, чем лидирующие по этому показателю среди развитых стран и Люксембург, а национальный доход Саудовской Аравии на душу населения по паритету покупательной способности примерно равен уровню США.

Далее следуют Израиль, Бахрейн и Оман, имеющие примерно одинаковый доход на душу населения, соответствующий уровню Италии. Турция, Иран, Ирак и Ливан образуют еще одну группу, которая в силу большого населения этих стран формирует средние показатели по всему региону. Это уровень Болгарии, Белоруссии, Азербайджана. Затем Иордания и Египет, Йемен и Палестинские территории образуют низшую по доходам группу, но если Египет и Иордания имеют национальный доход лишь на треть ниже среднемирового уровня, то у Йемена и Палестинских территорий он находится на уровне беднейших стран Африки к югу от Сахары. По Сирии данных нет.

Таким образом, для региона характерны большие различия в уровне национального дохода и расхождение рейтингов по абсолютному значению национального дохода и его душевому значению, т. е. одни страны имеют мощные экономики с большими производственными возможностями, но с относительно бедным населением, а другие имеют богатое население, но не особо крупные, хотя и с большими финансовыми ресурсами, народные хозяйства. Такие различия порождают разные возможности, различающиеся, а иногда и разнонаправленные экономические интересы и стратегии в международных экономических отношениях стран региона.

Нефтегазовый комплекс

Основой экономического процветания наиболее богатых стран региона и отраслью, определяющей место региона в мировом хозяйстве, является нефтегазовый комплекс. Основные показатели его развития

в странах ОПЕК Ближнего Востока, определяющих состояние отрасли не только в регионе, но и мире, представлены в *табл. 2*.

Таблица 2

Основные показатели развития нефтяной промышленности стран Ближнего Востока, входящих в ОПЕК, в 2016 г.*

Страна	Подтвержденные запасы нефти, млн баррелей	Добыча нефти, 1000 барр./сутки	Экспорт нефти, барр./сутки
Саудовская Аравия	266,208	10460,2	7463,4
Ирак	148,766	4647,8	3803,5
Иран	157,200	3651,3	1921,7
ОАЭ	97,800	3088,3	2407,8
Кувейт	101,500	2954,3	2128,2
Катар	25,244	651,5	503,4

* Страны ранжированы по уровню добычи нефти.

Источник: составлено по таблице 1.1. *Members' Facts and Figures*, 2016, p. 8; *OPEC Annual Statistical Bulletin 2017*. Organization of the Petroleum Exporting Countries, Vienna, Austria, 2017. 148 p.

По геологическим запасам нефти Саудовскую Аравию в мире опережает только Венесуэла. Суммарные запасы нефти Ближнего Востока превышают 800 млрд баррелей, что составляет около 53% мировых запасов.

По добыче нефти Саудовская Аравия в 2016 г. находилась на первом месте в мире, опережая Россию и США. Эта тройка стран лидирует в мире с большим отрывом от остальных. Суммарный экспорт нефти из стран Ближнего Востока составляет около 1/3 мирового.

По экспорту нефти Саудовская Аравия является безусловным лидером в мире. Россия экспортирует примерно на 1/3 меньше нефти, чем Саудовская Аравия.

На Ближний Восток приходится около 43% мирового экспорта нефти.

При современной структуре потребления топливно-энергетических ресурсов, в которой нефтяное топливо имеет огромное значение, поскольку почти весь транспорт существенно зависит от жидкого топлива, нефтяная промышленность стран Ближнего Востока обеспечивает нефтеэкспортерам региона высокие и достаточно устойчивые доходы от экспорта нефти. Ситуация может меняться под воздействием мировой конъюнктуры, но нефть и нефтепродукты остаются востребованными во всех экономиках мира. Для поддержания экспорта на высоком уровне необходимо постоянно совершенствовать производство, развивать новые месторождения на новой технологической базе. Современная нефтяная промышленность представляет собой высокотехнологичную отрасль, требующую квалифицированной рабочей силы, грамотного инженерного персонала и менеджмента.

Таблица 3

Основные показатели развития газовой промышленности стран Ближнего Востока, входящих в ОПЕК, в 2016 г.*

Страна	Запасы природного газа, млрд куб. м	Добыча природного газа, 1000 млн куб. м	Экспорт природного газа, млн куб. м
Иран	33 721,2	226 905,0	8567,0
Катар	24 072,5	182 830,3	130 324,0
Саудовская Аравия	8 619,3	110 860,0	–
ОАЭ	6 091,0	61 083,7	13 200,0

Окончание Табл. 3

Страна	Запасы природного газа, млрд куб. м	Добыча природного газа, 1000 млн куб. м	Экспорт природного газа, млн куб. м
Кувейт	1784,0	17291,0	—
Ирак	3819,9	10416,4	—

* Страны ранжированы по добыче газа.

Источник: составлено по таблице 1.1 *Members' Facts and Figures*, 2016, p. 8; *OPEC Annual Statistical Bulletin 2017*. Organization of the Petroleum Exporting Countries, Vienna, Austria, 2017. 148 p.

Страны Ближнего Востока помимо нефти имеют богатые геологические запасы природного газа. Хотя Россия обладает наибольшими в мире запасами природного газа, суммарные геологические запасы только двух стран Ближнего Востока – Ирана и Катара – в сумме несколько превышают запасы России. Иран занимает второе, а Катар – третье место в мире по запасам. Ближний Восток суммарно контролирует 40% мировых запасов природного газа.

Иран занимает третье место в мире после США и России по добыче газа, но рынки этого продукта в отличие от нефти более региональны, а возможности экспорта для стран Ближнего Востока в значительной степени связаны с технологией сжижения природного газа. Катар и ОАЭ имеют соответствующую инфраструктуру, поэтому именно они лидируют как экспортеры. Катар занимает второе место в мире по экспорту газа после России. На Ближний Восток приходится около 15% мирового экспорта природного газа¹.

¹ Рассчитано по таблице 9.4 *World natural gas exports by country*, p. 126; *OPEC Annual Statistical Bulletin 2017*. Organization of the Petroleum Exporting Countries, Vienna, Austria, 2017. 148 p.

Нефтепереработка и нефтехимия

Если добыча и экспорт нефти и газа являются начальными фазами развития нефтегазового комплекса, то более высокими в технологическом и экономическом смысле формами выступают нефтепереработка и нефтехимия. Они требуют дополнительных существенных капиталовложений, более зрелой организации бизнеса. В результате повышается добавленная стоимость продукции, растет стоимость экспорта.

Страны – экспортеры нефти Ближнего Востока существенно продвинулись на пути создания перерабатывающих производств (*табл. 4*).

Таблица 4

Нефтепереработка в странах Ближнего Востока, входящих в ОПЕК, в 2016 г.*

Страна	Мощности нефтепереработки, 1000 барр. в сутки	Производство нефтепродуктов, 1000 барр./сутки	Экспорт нефтепродуктов, 1000 барр. в сутки
Саудовская Аравия	2899,0	2825,9	1502,6
Иран	1901,0	1857,3	897,9
ОАЭ	1124,0	1089,0	630,0
Кувейт	936,0	923,5	707,4
Катар	429,0	632,3	568,2
Ирак	900,0	448,9	36,8

* Страны ранжированы по производству нефтепродуктов.

Источник: составлено по таблице 1.1 *Members' Facts and Figures*, 2016, p. 8; *OPEC Annual Statistical Bulletin 2017*. Organization of the Petroleum Exporting Countries, Vienna, Austria, 2017. 148 p.

По мощностям нефтеперерабатывающей промышленности Саудовская Аравия, являющаяся лидером в этой отрасли на Ближнем Востоке, опережает каждую из крупных стран Западной Европы, но ее мощности меньше, чем в Южной Корее. Суммарные мощности всего Ближнего Востока составляют примерно половину мощностей нефтепереработки США², то есть перерабатывающая составляющая нефтегазового комплекса стран Ближнего Востока имеет меньшее мировое значение, чем добывающая. Вместе с тем переработка все в большей мере обеспечивает экспортные поступления, и все страны региона, имеющие возможности для инвестиций в нефтепереработку, развили эту отрасль и экспорт нефтепродуктов.

Гораздо более весом успех стран Ближнего Востока в нефтехимии. Они занимают первое место среди регионов мира, опережая США и КНР, по производству этилена с уровнем 28 млн т в 2016 г.³ Этилен относится к самым широко производимым продуктам нефтехимии и широко востребован для производства других продуктов. Ставка на нефтехимию является очень выгодной стратегией нефтедобывающих стран, гарантирующей экспортные доходы даже при существенном падении роли нефти в энергетическом балансе.

² Рассчитано по таблице 4.3 *World refinery capacity by country*, p. 41; *Annual Statistical Bulletin 2017*. Organization of the Petroleum Exporting Countries, Vienna, Austria, 2017. 148 p.

³ *Global Supply and Demand of Petrochemical Products relied on LPG as Feedstock* http://www.lpgc.or.jp/corporate/information/program5_Japan2.pdf.

Обрабатывающая промышленность

• **Черная металлургия и алюминиевая промышленность**

Важной частью модернизации является развитие металлургии. Сталь является основным конструкционным материалом в строительстве и многих отраслях промышленности. Показателен пример КНР. Эта страна обеспечивает примерно половину мирового производства стали, ярко показывая, что без развития металлургии независимая модернизация всегда будет под угрозой политических и коммерческих ограничений.

На Ближнем Востоке многие страны имеют предприятия черной металлургии, и национальное производство в Турции и Иране велико (*табл. 5*).

Таблица 5

**Производство стали
в странах Ближнего Востока, тыс. т***

Страна	2006 г.	2015 г.
Турция	23315	31517
Иран	9789	16146
Египет	6045	5506
Саудовская Аравия	3974	5229
ОАЭ	90	3006
Катар	1003	2593
Оман	-	2000
Израиль	300	300
Иордания	150	150

Окончание Табл. 5

Страна	2006 г.	2015 г.
Сирия	70	5

* Страны ранжированы по выплавке стали в 2015 г.

Источник: *World Steel Association Steel Statistical Yearbook 2016*. Table 1. Total Production of Crude Steel <https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:37ad1117-fefc-4df3-b84f-6295478ae460/Steel+Statistical+Yearbook+2016.pdf>.

В географической классификации Турция отнесена в отчете к европейским странам. При таком подходе Турция – вторая в Европе после Германии страна по выплавке стали. Она выплавляет около 40% того, что производится в США. Иран производит стали больше, чем Великобритания, Франция и Испания. Производство в Саудовской Аравии и Египте, даже при его стагнации в последнем, выше, чем в Швеции, и находится на уровне Чехии. В сумме производство стали на Ближнем Востоке лишь примерно на 5 млн т ниже, чем в России (70 млн т).

В цветной металлургии самым массовым продуктом является алюминий, он широко применяется в производстве промышленных и бытовых изделий, а также для производства упаковки. Ближний Восток – самый крупный регион в мире после Китая по производству алюминия. По состоянию на июнь 2017 г. здесь производилось около 8,5% мирового первичного алюминия⁴. Учитывая высокую энергоемкость производства алюминия и низкие издержки производства электроэнергии, необходимой для выплавки первичного алюминия, в странах Персидского залива, а также удобное географическое

⁴ Рассчитано по данным International Aluminium Institute <http://www.world-aluminium.org/statistics/>.

положение металлургического производства на морском побережье, можно считать эту отрасль перспективным дополнением нефтяной специализации региона.

- **Автопром**

Важным показателем развития промышленности в стране является наличие в ней автостроительной отрасли. В современных условиях это может быть как сборка, если речь идет о небольших масштабах производства, либо комплекс отраслей, работающих на производство автомобилей. Даже если речь идет о сборочном производстве, организованном иностранными фирмами, их решение инвестировать в соответствующую страну говорит о ее готовности принять современное машиностроительное производство. Производство автомобилей на Ближнем Востоке существует только в крупных странах: Иране, Турции и Египте (табл. 6).

Таблица 6

Производство автомобилей всех классов в странах Ближнего Востока в 2015–2016 гг.*

Страна	2015 г.	2016 г.	Изменение в 2016 г. к 2015 г.
Турция	1 358 796	1 485 927	9,4
Иран	982 337	1 164 710	18,6
Египет	36 000	36 230	0,6

* Страны ранжированы по производству автомобилей в 2016 г.

Источник: составлено по данным “Organisation Internationale des Constructeurs d’Automobiles” (OICA) <http://www.oica.net/category/production-statistics/>

Темпы роста в Иране среди крупных производителей (более 1 млн автомобилей) – одни из самых

высоких в мире. Например, в КНР 14,5%, в ЕС – 3,0, в США – менее 1,0%, а в Японии – спад. Турция производит больше автомобилей, чем Россия, Чехословакия, в которую вынесли значительную часть производства немецкие фирмы, и Италия, имеющая большую историю автостроения.

Все же регион является импортером автомобилей, и его насыщенность легковыми автомобилями высока в результате не столько регионального производства, сколько вследствие импорта (табл. 7).

Таблица 7

**Легковые автомобили
в странах Ближнего Востока, тыс. штук***

Страна	2005 г.	2015 г.	На 1000 жителей в 2015 г.
Кувейт	930	1570	403
Бахрейн	257	500	357
Израиль	1644	2604	321
Катар	246	700	318
Сирия	2160	4600	249
ОАЭ	796	2000	217
Оман	285	760	169
Иран	6500	12700	161
Саудовская Аравия	2160	4400	140
Турция	5773	10589	136
Иордания	428	1000	132
Ливан	430	570	97
Палестина	104	260	55
Египет	2100	4384	48

Окончание Табл. 7

Страна	2005 г.	2015 г.	На 1000 жителей в 2015 г.
Ирак	775	1700	47
Йемен	348	600	22

* Страны ранжированы по числу автомобилей на 1000 жителей в 2015 г.

Источник: составлено и рассчитано по данным “Organisation Internationale des Constructeurs d’Automobiles” (OICA) <http://www.oica.net/category/production-statistics/>.

За пятнадцатилетний период насыщенность всех стран региона автомобилями увеличилась, хотя обеспеченность по странам существенно различается. При всех национальных различиях в качестве парка автомашин экономическое и социальное значение роста числа автомобилей велико, поскольку меняет образ жизни в странах региона в положительную сторону.

По количеству автомобилей на 1 тыс. жителей регион можно разделить на три группы. В первой группе насыщенность автотранспортом высока. Это малые государства-нефтеэкспортеры и Израиль. Здесь уровень автомобилизации примерно соответствует тому, что наблюдается в Восточной Европе. В третьей группе она очень мала. Это Ирак, Палестина, Йемен и Египет. В этой группе автомобилизация находится на уровне Индии и стран Африки к югу от Сахары. Вторая группа промежуточная, в ней насыщенность средняя. Насыщенность автотранспортом на уровне КНР.

- **Станкостроение**

Уровень развития промышленности в стране в значительной степени зависит от наличия и уровня станкостроения. Ряд стран Ближнего Востока имеют станкостроительное производство (*табл. 8*).

Таблица 8

Производство станков в странах Ближнего Востока, млн долл. США*

Страна	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2014 г.,%
Турция	762,7	706,0	-7,4
Израиль	118,3	50,1	-57,6
Иран**	19,9	0	-100,0
Саудовская Аравия	1,8	1,2	-34,0
Египет	0,2	0,2	-1,0

* Страны ранжированы по уровню производства в 2014 г.

Источник: *World Machine Tool Survey 2016*. P. 5. <http://www.gardnerweb.com/cdn/cms/2016%20WMTS%20Report.pdf>.

** Данные по Ирану за 2015 г. отсутствуют.

Турция производит станков больше, чем Индия, Франция и Россия. Это делает ее национальное машиностроение более независимым от иностранных поставок. Сам факт наличия станкостроения в стране означает, что в ней создана среда для развития инженерной мысли и есть квалифицированные рабочие для выполнения сложных технических задач. Израиль имеет небольшую станкостроительную отрасль, которая обеспечивает ему активную позицию на мировом станкостроительном рынке. Это очень сегментированный рынок, все крупные производители не только экспортируют, но и импортируют станки разных классов.

Иран развивает станкостроение в качестве ответа на экономические санкции. Для Саудовской Аравии эта отрасль может быть оценена как еще один эксперимент по поиску нефтяной ниши в мировом

хозяйстве. Египет имеет минимальное производство, говорить о существовании там отрасли еще рано.

Отрицательная динамика производства в 2015 г. ярко показывает зависимость как отрасли, так и всех стран региона от мировой конъюнктуры. Из 56 стран, по которым имеются данные о производстве станков, только в трех наблюдался некоторый рост производства. Мировой выпуск упал в среднем на 12,4%.

Если рассматривать регион в целом в масштабах мирового хозяйства, станкостроение не является сильной стороной его экономики, но на Ближнем Востоке создано и развивается производство сложных машиностроительных изделий.

Финансизация экономики

Для современной мировой экономики характерно сильное развитие финансового сектора, который представляет собой достаточно самостоятельную часть экономики, определяющую наряду с реальным сектором экономический потенциал стран. Одним из важнейших показателей такого потенциала являются золотовалютные резервы государств (*табл. 9*).

Таблица 9

Золотовалютные резервы стран Ближнего Востока в 2016 г., млн долл. США в текущих ценах*

Страна	Млн долл.
Саудовская Аравия	547260,62
Турция	105945,86
Израиль	95446,29

Окончание Табл. 9

Страна	Млн долл.
Ливан	53905,51
Ирак	45323,53
Кувейт	33936,19
Катар	31887,35
Египет	23642,69
Оман	20262,24
Иордания	15543,45
Бахрейн	...
Иран	...
Сирия	...
Йемен	...

* Страны ранжированы по величине резервов.

Источник: <http://data.worldbank.org/indicator/FI.RES.TOTL.CD?locations=AS>.

Золотовалютные резервы Саудовской Аравии являются четвертыми в мире после КНР, Японии и Швейцарии и превышают этот показатель у США. В Европе Турция пятая по золотовалютным резервам после Германии, Франции, Великобритании и Италии.

Ярким выражением роста значимости финансового сектора в его глобальном проявлении стал Дубайский международный финансовый центр. Он позиционируется именно как международный финансовый центр, расположенный между Западом и Востоком, дающий платформу и для бизнеса, и для финансовых институтов для выхода на рынки Ближнего Востока, Африки и Южной Азии. Центр имеет свои правила регулирования коммерческой деятельности, образуя, таким образом, свободную экономическую зону в юридическом

смысле. Центр удачно дополняет временной разрыв между работой финансовых центров Востока в Японии, Республике Корея и Китае и Запада в Европе и Америке. Кроме того, велика роль Центра в организации исламских финансов, поскольку он расположен в регионе, на который приходится почти 80% деятельности исламских финансовых институтов⁵.

Сельское хозяйство и продовольственное обеспечение

Государства Ближнего Востока достаточно разнообразны в природном отношении, но их объединяет обилие пустынь и недостаток воды для орошения. Для большинства стран современного мира характерна вовлеченность в мировой продовольственный комплекс, они являются и экспортерами, и импортерами продовольствия. Тем не менее соотношение внутреннего производства, экспорта и импорта продовольствия показывает характер участия страны в мировом продовольственном комплексе: самообеспеченность продовольствием, экспорт или импорт. Для стран Ближнего Востока показатели внешней торговли продовольствием показаны в *табл. 10*.

Таблица 10

Производство, экспорт и импорт продовольствия в странах Ближнего Востока в 2014 г., млн долл. США*

Страна	Производство	Экспорт	Импорт
Саудовская Аравия	3526	3308	18512

⁵ <https://www.difc.ae/about>

Окончание Табл. 10

Страна	Производство	Экспорт	Импорт
Египет	21 720	3523	13 416
ОАЭ	439	2579	10 821
Иран	25 588	3970	9668
Турция	37 484	12 641	7787
Ирак	2917	57	6333
Израиль	2836	1875	3810
Йемен	1774	180	3682
Иордания	1315	1217	3016
Ливан	1163	478	2348
Кувейт	303	131	2236
Сирия	5121	571	1878
Бахрейн	44	147	877
Государство Палестина	551	91	461
Оман
Катар

* Страны ранжированы по уровню импорта продовольствия.

Источник: составлено по *FAO Statistical Pocketbook 2015*. FAO, Rome, 2015. P. 236.

Лидером сельскохозяйственного производства в регионе является Турция. Почти вдвое от нее отстают Иран и Египет, но именно эти три страны являются наиболее крупными производителями на Ближнем Востоке. Следующая по объему производства группа – Сирия и Саудовская Аравия. Примерно на одинаковую сумму продовольствия производят Ирак и Израиль. Йемен, Ливан и Иордания также могут быть

объединены в отдельную группу. Наконец, прочие страны имеют минимальное производство.

Наиболее крупным экспортером в регионе является Турция. С отставанием в три-четыре раза от лидера идут Иран, Египет, Саудовская Аравия и ОАЭ, для последних двух значим реэкспорт.

Самая значимая для стран Ближнего Востока позиция – импорт продовольствия. Больше всех импортирует Саудовская Аравия. Далее следуют Египет и ОАЭ. Таким образом, крупными импортерами являются не только небольшие по численности населения государства, не имеющие природных предпосылок для сельского хозяйства, но имеющие финансовые возможности импортировать продовольствие, но и такая крупная по населению страна, как Египет. Хотя импорт в Йемен, Палестину и Сирию гораздо меньше по объему, он более значим для этих государств, поскольку их экономические возможности меньше. Во всех остальных странах импорт выше национального производства, что указывает на остроту продовольственного обеспечения, зависимость его от импорта. Она велика как в бедных, так и богатых странах региона.

Модернизация общества

Модернизация общества проявляется в росте уровня человеческого потенциала, урбанизации (все большем развитии городских видов деятельности), проникновении западной культуры в потребительские стандарты. Регион разнообразен с точки зрения величины стран по численности населения и по протекающим в них демографическим процессам (*табл. 11*).

Таблица 11

Демографические характеристики Ближнего Востока*

Страна	Численность населения в 2015 г., млн чел.	Численность населения в 2030 г., млн чел. (прогноз)	Среднегодовой прирост численности населения в 2010–2015 гг.	Городское население в 2015 г., %	Лица 65 лет и старше на 100 человек в возрасте 15–64 года в 2015 г.	Суммарный коэффициент рождаемости, рождений на женщину в 2010–2015 гг.	Миграционное сальдо в 2010–2015 гг., 1000 чел.
Египет	91,5	117,1	2,2	43,1	8,5	3,4	-216
Иран	79,1	88,5	1,3	73,4	7,1	1,7	-300
Турция	78,7	87,7	1,7	73,4	11,3	2,1	2000
Ирак	36,4	54,1	3,3	69,5	5,5	4,6	549
Саудовская Аравия	31,5	39,1	2,3	83,1	4,2	2,9	850
Йемен	26,8	36,3	2,6	34,6	4,9	4,4	-50
Сирия	18,5	28,6	-2,3	57,7	6,9	3,0	-4030
ОАЭ	9,2	11,0	1,9	85,5	1,3	1,8	405
Израиль	8,1	10,0	1,7	92,1	18,4	3,1	19
Иордания	7,6	9,1	3,1	83,7	6,2	3,5	230

Ливан	5,9	5,3	6,0	87,8	12,0	1,7	1250
Палестина	4,7	6,8	2,8	75,3	5,2	4,3	-44
Оман	4,5	5,2	8,4	77,6	3,4	2,9	1211
Кувейт	3,9	5,0	4,8	98,3	2,6	2,2	518
Катар	2,2	2,8	4,7	99,2	1,4	2,1	364
Бахрейн	1,4	1,6	1,8	88,8	3,2	2,1	30

* Страны ранжированы по численности населения.

Источник: составлено по данным *Human Development Report 2016*, UNDP, NY, USA, p. 286, табл. 7 Population Trends; данные по миграциям 2017: *World Development Indicators*, World Bank Group, Washington, D.C., USA, Part 6 "Global Links".

В регионе высок уровень урбанизации. Этот процесс является составной частью модернизации, он способствует развитию современного производства, росту производительности труда, экономическому развитию. В то же время городское общество более зависимо от организации экономической жизни и управления со стороны власти. В случае высокой безработицы в городе меньше шансов обеспечить существование, что провоцирует социальные взрывы. Сельское общество в этом плане более устойчиво, поскольку в нем больше элементов натурального хозяйства.

В регионе идет демографическая модернизация, но демографический переход (переход от традиционно высокого уровня рождаемости и смертности к современному низкому) не закончился. Это важно для Египта как крупной страны. Более того, Йемен и Палестина, а также Иран еще находятся в фазе демографического взрыва – быстрого роста численности населения, а это бедные страны.

Для Ближнего Востока характерны интенсивные международные миграции. Наиболее привлекательны для иммигрантов богатые страны региона, а бедные население покидает. Для региона характерны трудовые миграции, которые идут как между странами Ближнего Востока, так и с привлечением иммигрантов из других регионов, преимущественно из Южной Азии. Обилие иностранной рабочей силы является важным фактором социальной жизни богатых стран – экспортеров нефти. В то же время боевые действия на территории Сирии породили огромный поток беженцев. Наряду с проблемой палестинских беженцев ситуация в Сирии делает регион одним из самых проблемных в мире.

Старение населения, т. е. рост доли пожилых в структуре населения, характерное для развитых стран, является демографической проблемой для Израиля. Ливан и Турция также находятся на пороге старения населения. Остальные страны имеют молодое по своей демографической структуре население, что позволяет им рассчитывать на получение демографического дивиденда, т. е. на эффективный экономический рост за счет оптимального соотношения работающих и иждивенцев в населении.

Важным показателем уровня развития стран в течение последних десятилетий признан уровень развития человеческого потенциала. Он включает помимо оценки уровня развития экономики социальные показатели. В одном показателе, рассчитанном как положение страны между минимальными и максимально возможными значениями ВВП на душу населения, средней ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни при рождении и уровне образования, оцениваются уровень и качество жизни в стране

и качество ее рабочей силы. Индекс не может превышать единицу. Этот показатель рассчитывается на регулярной основе по единой методике почти для всех стран мира. Страны, где индекс равен 0,800 и выше, относятся к категории с очень высоким значением этого показателя, диапазон 0,700–0,799 – высокий уровень, 0,550–0,699 – средний уровень, ниже 0,550 – низкий уровень. Данные по странам Ближнего Востока представлены в *табл. 12–14*.

Таблица 12

**Динамика индекса развития человеческого потенциала
в странах Ближнего Востока в 1990–2015 гг.***

Страна	Ранг страны в 2015 г.	1990 г.	2015 г.	Изменение ранга страны в общем списке стран за 2010–2015 гг.	Среднегодовой темп роста индекса в 1990–2015 гг.,%
Израиль	19	0,785	0,899	2	0,54
Катар	33	0,754	0,856	2	0,51
Саудовская Аравия	38	0,698	0,847	9	0,77
ОАЭ	42	0,726	0,840	–4	0,58
Бахрейн	47	0,745	0,824	–3	0,40
Кувейт	51	0,713	0,800	–1	0,46
Оман	52	...	0,796	–3	...
Иран	69	0,572	0,774	3	1,22
Турция	71	0,576	0,767	9	1,15

Окончание Табл. 12

Страна	Ранг страны в 2015 г.	1990 г.	2015 г.	Изменение ранга страны в общем списке стран за 2010–2015 гг.	Среднегодовой темп роста индекса в 1990–2015 гг.,%
Ливан	76	...	0,763	-12	...
Иордания	86	0,620	0,741	-6	0,72
Египет	111	0,547	0,691	-3	0,94
Палестина	114	...	0,684	-5	...
Ирак	121	0,572	0,649	-3	0,51
Сирия	149	0,556	0,536	-29	-0,15
Йемен	168	0,405	0,482	-12	0,70

* Страны ранжированы по уровню индекса развития человеческого потенциала в 2015 г.

Источник: составлено по данным *Human Development Report 2016*, UNDP, NY, USA, p. 286, Table 2.

Очевидно, что страны Ближнего Востока сильно различаются не только по уровню индекса развития человеческого потенциала, но и по его динамике. Устойчивое лидерство Израиля связано с тем, что эта страна занимает лидирующие позиции в инновационной экономике. По индексу развития человеческого потенциала Израиль находится на одном уровне с Южной Кореей, опережая Францию, Бельгию, Финляндию и Австрию.

Успех Катара и Саудовской Аравии связан с их крупными доходами от продажи нефти и газа, но, как показывает пример других арабских стран Персидского залива, и рациональной политикой развития. Другие нефтеэкспортеры ухудшили свои позиции по сравнению с 2010 г. Уровень трех ведущих по уровню развития человеческого потенциала нефте- и газоэкспортеров региона – Катара, Саудовской Аравии и ОАЭ – между Эстонией и Кипром, где уровень чуть выше, и Венгрией и Латвией, где уровень выше. Уровень Кувейта в 2015 г. примерно равен уровню России.

Не столь высок, как у арабских нефтеэкспортеров, уровень индекса развития человеческого потенциала в Иране и Турции, но эти крупные страны добились больших успехов, существенно улучшив свои позиции в рейтинге. Темпы роста индекса в них за 15 лет были одними из самых высоких в мире. В 2015 г. на одной с ними позиции в рейтинге была Грузия. Такая крупная страна в регионе, как Египет, занимает одну позицию в рейтинге с Туркменистаном.

Остальные страны, за исключением Сирии, нарастили свои показатели, но проиграли в уровне по сравнению с 1990 г. Что касается Сирии, то ее уровень развития человеческого потенциала уменьшился, и страна катастрофически опустилась в списке на 29 позиций. Если в 1990 г. в рейтинге Сирия была на тех же позициях, что и Египет, то в 2015 г. она попала в группу, в которой находятся страны Африки к югу от Сахары с низким уровнем развития человеческого потенциала.

Дополнительную информацию по качеству развития человеческого потенциала дает его структура по составляющим элементам. Она представлена в *табл. 13*.

Таблица 13

Структура показателя индекса развития человеческого потенциала для стран Ближнего Востока в 2015 г.*

Страна	Индекс развития человеческого потенциала	Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Ожидаемое число лет обучения, лет	Среднее число лет обучения, лет	Валовой национальный доход на душу населения по паритету покупательной способности, долл. США	Ранг по доходу на душу населения минус индекс развития человеческого потенциала
Израиль	0,899	82,6	16,0	12,8	31215	16
Катар	0,856	78,3	13,4	9,8	129916	-32
Саудовская Аравия	0,847	74,4	16,1	9,6	51320	-26
ОАЭ	0,840	77,1	13,3	9,5	66203	-35
Бахрейн	0,824	76,7	14,5	9,4	37236	-19
Кувейт	0,800	74,5	13,3	7,3	76075	-48
Оман	0,796	77,0	13,7	8,1	34402	-21
Иран	0,774	75,6	14,8	8,8	16395	-2
Турция	0,767	75,5	14,6	7,9	18705	-7
Ливан	0,763	79,5	13,3	8,6	13312	8
Иордания	0,741	74,2	13,1	10,1	10111	15
Египет	0,691	71,3	13,1	7,1	10064	-7
Палестина	0,684	73,1	12,8	8,9	5256	21

Окончание Табл. 13

Ирак	0,649	69,6	10,1	6,6	11608	-30
Сирия	0,536	69,7	9,0	5,1	2441	13
Йемен	0,482	64,1	9,0	3,0	2300	-4

* Страны ранжированы по уровню индекса развития человеческого потенциала в 2015 г.

Источник: составлено по данным *Human Development Report 2016*, UNDP, NY, USA, p. 286, Table 1.

Во втором столбце представлен рейтинг страны, совпадающий с тем, что представлен в четвертом столбце *табл. 12*. Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении – демографический показатель, характеризующий уровень смертности на основе текущей возрастной смертности. Он отражает состояние здравоохранения в стране. Ожидаемое число лет обучения представляет собой оценку числа лет обучения для ребенка, достигшего школьного возраста, при условии, что на протяжении его обучения сохранятся сложившиеся тенденции в охвате населения образованием. Среднее число лет обучения рассчитывается для лиц старше 25 лет по результатам обучения. На основании этих двух показателей рассчитывается интегральный показатель образования, который входит в индекс развития человеческого потенциала.

Валовой национальный доход на душу населения приведен с поправкой на паритеты покупательной способности валют. Паритеты определяются расчетами по широкой группе товаров и услуг, которые не участвуют в мировой торговле, а население их использует по тем ценам, которые складываются внутри страны.

Для получения равных по качеству товаров и услуг с учетом местных цен требуются разные количества долларов. Паритеты выравнивают национальные цены в долларовом эквиваленте.

В последнем столбце отражено влияние уровня национального дохода на индекс развития человеческого капитала. Если разница положительная, то страна имеет лучшие показатели по здравоохранению и образованию, а вниз ее «тянет» уровень доходов на душу населения. Если разница отрицательная, то вверх индекс развития человеческого потенциала «толкает» доход, а здравоохранение и образование в стране ниже, чем могли бы быть при таком доходе.

Только Израиль, Ливан, Палестина и Сирия при учете уровня национального дохода (последний столбец) показывают положительные значения. Для остальных стран уровень доходов является фактором, повышающим их рейтинг, а положение с образованием и здравоохранением в этих странах намного хуже, чем могло бы быть при таких доходах. Наибольшая разница рейтингов наблюдается у Кувейта, Катара, Ирака и Саудовской Аравии – основных нефте- и газоэкспортеров. Высокое положительное значение разницы рейтингов для Палестины свидетельствует о высоком уровне здравоохранения и образования при том уровне национального дохода на душу населения, который здесь существует.

Индекс развития человеческого потенциала как методика оценки социально-экономического развития стран постоянно совершенствуется. Важным расширением возможностей этого подхода стал учет неравенства в странах при оценке как отдельных показателей индекса, так и индекса в целом. Данные по странам Ближнего Востока представлены в *табл. 14*.

Таблица 14

**Индекс развития человеческого потенциала в странах
Ближнего Востока с поправкой на неравенство в 2015 г.***

Страна	Индекс развития человеческого потенциала	Индекс развития человеческого потенциала с поправкой на неравенство	Уменьшение значения индекса, %	Изменение рейтинга по сравнению с основным рейтингом (без учета неравенства)
Израиль	0,899	0,778	13,5	-11
Катар	0,856	-	-	...
Саудовская Аравия	0,847
ОАЭ	0,840
Бахрейн	0,824
Кувейт	0,800
Оман	0,796
Иран	0,774	0,518	33,1	-40
Турция	0,767	0,645	15,9	-3
Ливан	0,763	0,603	21,0	-10
Иордания	0,741	0,619	16,5	3
Египет	0,691	0,491	29,0	-10
Палестина	0,684	0,581	15,1	13
Ирак	0,649	0,505	22,3	1
Сирия	0,536	0,419	21,8	10
Йемен	0,482	0,320	33,7	0

* Страны ранжированы по уровню индекса развития человеческого потенциала в 2015 г.

Источник: составлено по данным *Human Development Report 2016*, UNDP, NY, USA, p. 286, Table 3.

Страны региона распадаются на три группы. В самых богатых странах-нефтеэкспортерах данные по неравенству отсутствуют. В наиболее бедствующих странах региона: Палестине, Ираке, Сирии и Йемене, а также в Иордании – учет неравенства улучшает положение стран в рейтинге индекса развития человеческого потенциала, т. е., упрощая, можно сказать, что все равны в бедности. В остальных странах учет неравенства резко меняет позиции стран в рейтинге в худшую сторону. Наиболее проигрывает Иран.

Глобализация

Глобализация проявляет себя в регионе ростом международной торговли, в том числе профильными для региона в мире товарами – нефтью и природным газом, международными инвестициями, включением региона в международные финансовые связи (ранее упомянутая финансовизация), трудовыми миграциями, растущим транспортным транзитом через регион, а также ростом иностранного туризма. К этой же группе процессов следует отнести продовольственное обеспечение многих стран региона за счет импорта из стран за пределами Ближнего Востока.

Одной из самых заметных тенденций в современной глобализации является развитие средств связи, в частности распространение мобильных устройств и доступ к Интернету. Данные о доступе к Интернету населения стран Ближнего Востока представлены в *табл. 15*.

Таблица 15

Доступ к Интернету, процент от численности населения в 2016 г.*

Страна	Доля населения, имеющего доступ к Интернету, %
Катар	92,0
ОАЭ	91,9
Бахрейн	91,5
Кувейт	79,9
Ливан	75,9
Израиль	72,5
Оман	71,1
Саудовская Аравия	64,7
Государство Палестина	62,7
Турция	58,0
Иран	48,9
Иордания	45,7
Египет	33,0
Сирия	29,6
Йемен	24,7
Ирак	13,0

* Страны ранжированы по уровню доли населения, имеющего доступ к Интернету.

Источник: <http://www.internetlivestats.com/internet-users-by-country/>.

Наиболее высока степень проникновения Интернета в небольших по размерам богатых государствах (Бахрейн, Катар, ОАЭ). Здесь уровень охвата Интернетом соответствует уровню Великобритании и выше

уровня Германии. Высок уровень в Кувейте, Ливане и Израиле, а также Омане. Палестина обеспечена доступом в Интернет на уровне Саудовской Аравии. Что касается крупных по численности населения государств региона, то выше всех уровень в Турции, но по европейским меркам это уровень Румынии и Болгарии; намного ниже в Иране и очень невысок в Египте (уровень Кыргызстана и Монголии). Наихудшая ситуация – в Йемене, Сирии и Ираке. Если в Йемене причиной отставания можно считать общий невысокий уровень экономического развития, то в Сирии и Ираке причиной являются военные действия, разрушившие инфраструктуру.

Для мировой экономики важны транзитные возможности региона. Мировое значение имеет Суэцкий канал. С 2010 г. он способен пропускать суда грузоподъемностью до 240 тыс. тонн⁶. Это крупные контейнеровозы, танкеры и другие суда. В обе стороны по каналу ежедневно проходит около четырех десятков судов. ОАЭ, используя свое географическое положение и большие финансовые возможности, смогли создать авиационную компанию “Emirates”, которая в последние годы по пассажирообороту занимает четвертое место в мире. В 2015 г. она уступала только американским “American Airlines”, “Delta Air Lines” и “United Airlines”, опережая все прочие авиакомпании мира⁷.

Организация сложных по технологии транспортных компаний повышает уровень технологического управления в странах Ближнего Востока, формирует

⁶ <http://www.suezcanal.gov.eg/English/About/SuezCanal/Pages/Canal-Characteristics.aspx>.

⁷ 2015: *Air Transport Yearly Monitor (Preliminary)*. ICAO. <http://www.icao.int/sustainability/Pages/Air-Traffic-Monitor.aspx>.

рабочую силу, отвечающую мировым стандартам, встраивает местные фирмы в международные сети.

Для Ближнего Востока характерны значительные туристические потоки. В основном это въездной туризм. Данные о туризме в регионе представлены в *табл. 16*. Помимо последних имеющихся данных представлена информация на 2010 г., как наиболее полная.

Таблица 16

Количество посещений туристами стран Ближнего Востока и доходы от туризма*

Страна	Количество туристических посещений страны, тыс. человек		Доходы от туризма, млн долл. США	
	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.
Турция	31364	39478	22585	26616
Египет	14051	9139	12528	6065
Саудовская Аравия	10850	17994	6712	10130
Сирия	8546	...	6190	...
ОАЭ	7432	...	8577	16038
Иордания	4207	3763	3585	4065
Иран	2938	5237	2438	...
Израиль	2803	2800	5098	5365
Ливан	2168	1518	7995	6857
Катар	1700	2930	584	5035
Ирак	1518	...	1660	...
Оман	1441	...	780	1540

Окончание Табл. 16

Страна	Количество туристических посещений страны, тыс. человек		Доходы от туризма, млн долл. США	
Йемен	1025	...	1161	...
Бахрейн	995	...	1382	...
Палестина	522	423	667	...
Кувейт	207	...	290	499

* Страны ранжированы по количеству посещений в 2010 г.

Источник: составлено по *UNWTO Tourism Highlights 2016 Edition*, p. 8, 9, 12. http://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2016.pdf.

Наибольшие масштабы въездной туризм имеет в Турции и Саудовской Аравии. В Средиземноморском регионе, являющемся крупнейшим в мире по числу туристических поездок, Турция занимает третье место по въездному туризму. В Саудовской Аравии основой туризма является хадж.

Иллюстрацией значимости туризма как отрасли экономики может быть тот факт, что для Египта и Саудовской Аравии, крупнейших импортеров продовольствия в регионе, доходы от туризма покрывают около половины стоимости импорта продовольствия.

В регионе развиваются интеграционные процессы, которые можно трактовать не только как часть глобализации, но и как проявление регионализации, т. е. защиту от сверхглобализации. Из интеграционных объединений наиболее значимы Организация исламского сотрудничества, существующая с 1969 г., Организация стран – экспортеров нефти, созданная

в 1960 г., и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, функционирующий с 1981 г.

ОПЕК имеет четко выраженную экономическую направленность и является внерегиональной, но именно она обеспечивает инструмент влияния стран – экспортеров нефти на мировую экономику. Для Организации исламского сотрудничества экономические цели не являются основными. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива является чисто региональной организацией с экономическими целями, и он способен в наибольшей степени повлиять на экономическое развитие входящих в него стран. Таким образом, страны Ближнего Востока входят в разнообразные международные экономические организации, с помощью которых они имеют возможность отстаивать и продвигать свои экономические интересы как внутри региона, так и за его пределами.

Влияние ислама на экономическую жизнь

Спецификой региона является наряду с вестернизацией экономической и социальной жизни сохранение и даже развитие исламских ценностей в обществе и экономике применительно к современным условиям. Основным инструментом, через который осуществляется влияние исламских ценностей на экономику, служит финансовая система, в которой основным институтом выступают исламские банки. Их формой являются так называемые банки участия (participation banks).

Банки участия не могут принимать депозиты, а должны привлекать вкладчиков через специальные

текущие счета или счета участия в прибылях и убытках, вкладывая привлеченные средства в поддержку производства, участвуя в прибылях и убытках, осуществляя финансовый лизинг, участвуя в платежах при торговых операциях⁸. Такая схема работы обеспечивает содержащийся в Сунне запрет на ростовщический процент, допустимый в западной банковской модели.

Основу банковской системы участия составляют рынки девяти исламских стран: Бахрейна, Катара, Индонезии, Саудовской Аравии, Малайзии, ОАЭ, Турции, Кувейта и Пакистана. На этих рынках сосредоточено 93% активов, которые в 2015 г. составляли 920 млрд долл. США⁹. Приведенные данные не включают сведения по Ирану. В Иране разрешены только исламские банки. Финансовая система этой страны составляет 30–40% от мировой исламской финансовой системы¹⁰. Таким образом, исламская финансовая система адаптировалась к современным экономическим реалиям, созданы финансовые институты, которые добились внушительных успехов на рынках в первую очередь исламских государств.

⁸ Assistant Prof. Dr. Ferhat Sayim, Assistant Prof. Dr. Murat Alakel. *The Participation Banking and its comparison with Deposit Banking in the Turkish Finance Market* <http://www.acarindex.com/dosyalar/makale/acarindex-1423869127.pdf>.

⁹ *World Islamic Banking Competitiveness Report 2016*. Ernst and Young [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-world-islamic-banking-competitiveness-report-2016/\\$FILE/ey-world-islamic-banking-competitiveness-report-2016.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-world-islamic-banking-competitiveness-report-2016/$FILE/ey-world-islamic-banking-competitiveness-report-2016.pdf).

¹⁰ The Establishment of National Interest Free Banking Systems in Iran, Sudan and Pakistan <https://www.islamicfinance.com/2015/02/establishment-national-interest-free-banking-systems-iran-sudan-pakistan/>.

Выводы и перспективы

С точки зрения экономического развития Ближний Восток в целом представляется вполне успешным регионом. Тем не менее вырисовываются серьезные угрозы сложившейся модели развития региона. Это новая технологическая революция и уменьшение спроса на нефть и газ. Эти тенденции ударят по промышленности стран региона, хотя для конкретных стран влияние будет различным.

Роботизация и искусственный интеллект могут внести сильные изменения в соотношение сил в регионе и перспективы отдельных стран. Сильно вырастут возможности Израиля, который уже имеет современную промышленность и научно-исследовательский комплекс. Наряду с ним новые возможности для развития обрабатывающей промышленности могут открыться у богатых стран-нефтеэкспортеров. Дело в том, что новые технологии основаны на вытеснении человека из сферы производства. Роботы и искусственный интеллект заменяют человека. В этих условиях радикально уменьшается роль человеческого фактора в производстве. Можно купить за рубежом завод, который будет производить промышленную продукцию, не требуя привлечения многочисленной местной рабочей силы. Небольшое число операторов и ремонтников может как рекрутироваться из местных, так и приглашаться на работу из-за рубежа. В этом смысле машиностроение будет сближаться с нефтепереработкой, нефтехимией и цветной металлургией, которые и так уже хорошо развиты в регионе, поскольку не будут создавать большого числа рабочих мест. Трудовая мораль и квалификация местного населения никак не будут

влиять на возможности успешной работы роботизированных предприятий. Иными словами, богатые страны-нефтеэкспортеры Ближнего Востока смогут купить себе обрабатывающую промышленность за рубежом.

Для крупных стран региона, развивающих промышленность с ориентацией на экспорт в первую очередь в развитые страны, ситуация может быть противоположной. В первую очередь это относится к современному промышленному лидеру региона – Турции. Она потеряет свое конкурентное преимущество – достаточно квалифицированную, но пока еще дешевую рабочую силу. Робототехника в промышленности развитых стран сделает местное производство в развитых странах более выгодным, чем импорт из развивающихся стран. Страны Европы активно развивают робототехнику, страны Дальнего Востока являются мировыми лидерами в этой сфере¹¹.

Такое развитие событий усилит конкуренцию по линии Юг–Юг. Развивающиеся страны будут бороться за рынки уже не развитых, а развивающихся стран. При этом может стимулироваться развитие ныне отстающих стран, которые смогут включиться в этот процесс, но вместе с тем уже индустриализованные развивающиеся страны могут блокировать развитие промышленности в тех странах, где ее нет.

Сокращение спроса на нефть и газ возможно в долгосрочном плане в силу того, что в экономически развитых странах народнохозяйственный рост в меньшей степени зависит от использования топливно-энергетических ресурсов, чем в странах, проходящих период индустриализации, поскольку сфера

¹¹ Акимов А.В. Демографический взрыв, старение населения и трудосберегающие технологии: взаимодействие в XXI в. // *Мировая экономика и международные отношения*, № 4 (60), 2016, с. 50–60.

услуг, преобладающая в экономически развитых странах, менее энергоемка, чем промышленность. Таким образом, экономическое развитие само по себе приводит к понижению темпов роста потребления топливно-энергетических ресурсов. Китай уже прошел фазу индустриализации, так что он будет снижать темпы роста энергопотребления.

Вторым важным фактором является повышение эффективности энергопотребления и развитие новых источников энергии. Эта тенденция ярко проявляется в Европе, Северной Америке и Восточной Азии¹². Большой спрос на нефть могут предъявить развивающиеся страны, модернизирующие свою экономику. Здесь лидирует Индия, однако эти страны не обладают большими финансовыми возможностями для оплаты дорогой нефти. Их спрос будет сильно зависеть от цены.

В социальном плане Ближневосточный регион более уязвим. Тут важными факторами остаются бедность и безработица, ограниченный внутренний спрос, невысокое качество рабочей силы. Экономическая модернизация развивается успешнее, чем социальная. В регионе слабо развита инфраструктура, водная проблема остра повсеместно. Остаются два уязвимых в экономическом отношении звена. Это экономически малоразвитые Йемен и Палестина и отброшенные назад в развитии Ирак и Сирия.

Можно выделить несколько сценариев экономического развития региона, которые тесно связаны с местными социальными и политическими процессами. Сценарии указывают на основную тенденцию развития.

¹² Акимов А.В., Борисов М.Г., Дерюгина И.В., Кандалинцев В.Г. *Страны Востока к 2050 году: население, энергетика, продовольствие, инвестиционный климат*. М.: ИВ РАН, 2017. Разделы «Энергетический прогноз» в части 1 и разделы по энергетике в части 2.

В разных странах могут реализоваться разные сценарии, они могут сочетаться и в границах одной страны.

Первый вариант чисто гипотетический, который можно рассматривать как идеальную модель развития Ближнего Востока. Это сотрудничество всех стран региона на экономической основе при полном равенстве общерегиональных интересов для развития всех региональных экономик. С точки зрения экономики в регионе имеется все необходимое для такого развития. Здесь есть и большие финансовые ресурсы, и природные богатства, и достаточно развитая обрабатывающая промышленность, и научные кадры. Регион представляет собой большой рынок, кроме Израиля, все страны принадлежат к исламскому миру, арабский язык связывает большинство стран, молодая возрастная структура населения позволяет получить демографический дивиденд, т. е. обеспечить экономическое развитие, не обремененное большим количеством иждивенцев молодого или старшего возраста. Политические факторы делают этот вариант очень маловероятным.

Второй вариант может быть связан с постепенным изменением мирового топливно-энергетического баланса и отходом от использования нефти и газа. Их заменят возобновляемые источники энергии. Этот вариант может складываться очень постепенно. В данном случае ныне богатые страны, экспортирующие нефть и газ, потеряют основной источник доходов. Им нужно будет интенсивно менять специализацию экономики.

Аналогичное значение может иметь радикальное потрясение мировой финансовой системы, ее радикальная перестройка, уменьшение роли доллара в мировых финансах. В этой ситуации долларовые активы

стран-нефтеэкспортеров существенно обесценятся, что нанесет чувствительный удар по их экономике. Конечно, в этой ситуации резко возрастет цена всех реальных активов, включая нефть и газ, но потребуются время для их продажи и накопления новых финансовых ресурсов. Такой сценарий не является высоковероятным, но возможность мировых финансовых потрясений постоянно обсуждается как возможный вариант развития мировой экономики для решения проблемы накопившихся финансовых дисбалансов.

Третий сценарий – воздействие на регион новой волны промышленной революции с ростом роли робототехники и искусственного интеллекта. При этом сценарии проигравшими оказываются ныне индустриализированные страны региона с обрабатывающей промышленностью, ориентированной на экспорт. Это прежде всего Турция. Богатые страны-нефтеэкспортеры получают возможность импортировать оборудование для машиностроения так же, как они это сделали для нефтепереработки, нефтехимии и металлургии. Местный персонал в больших объемах для роботизированных предприятий будет не нужен.

Четвертый сценарий – бедность взрывает регион. Помимо Йемена, который относится к категории наименее развитых стран, бедствующей Палестины, разрушенных военными действиями Сирии и Ирака, в странах региона наблюдается существенное имущественное неравенство. Такие крупные по населению страны, как Египет и Иран, имеют высокие показатели неравенства доходов и возможностей их граждан. Эмиграция является определенным клапаном для снятия проблемы неравенства внутри страны, но, если трудовая эмиграция прекратится или резко

уменьшится, неравенство в городах при молодом населении становится детонатором политических волнений¹³.

Еще одним, пятым сценарием может быть исламизация экономики. Регион уже имеет значительный опыт ведения бизнеса по исламским традициям. Созданы соответствующие институты, накоплена практика. Если политическая ситуация изменится таким образом, что государства региона будут в еще большей степени жить в соответствии с шариатом, то уже готовы экономические механизмы для реализации подобной модели развития.

Таким образом, наиболее значимыми для экономики Ближнего Востока будут внешние факторы – развитие мировой экономики и научно-технического прогресса, а также социальные и политические процессы в самом регионе.

¹³ Кортаев А.В., Божевольнов Ю.В., Гринин Л.Е., Зинькина Ю.В., Кобзева С.В. К прогнозированию политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. // *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: КРАСАНД, 2011. С. 357–379.

СТАНОВЛЕНИЕ И КРИЗИС НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ

Ближний Восток переживает, возможно, один из самых сложных периодов в своей истории. Локальных и региональных конфликтов становится все больше, в конфликтное пространство вовлекаются все новые страны, во многих сферах жизни организованность сменяется хаосом. Процесс распада охватил целый ряд стран, резко обострились межконфессиональные – шиитско-суннитские и внутрисуннитские, а также межэтнические противоречия, часть государств перешли в разряд «провалившихся», потерявших или теряющих суверенитет над своей территорией. Ослаблена управляемость и теряют эффективность многие государственные институты. В странах региона размещается все больше иностранных военных баз и воинских контингентов иностранных держав. Границы нередко становятся прозрачными или подвижными. Их беспрепятственно пересекают отряды террористов, наемников, милиции и иные нерегулярные формирования, а также части иностранных армий, не говоря о спецслужбах. Несмотря на детерриториализацию террористического монстра – ИГИЛ, об окончательном разгроме экстремистских организаций говорить пока не приходится. Фрагментация наций-государств носит многоуровневый характер и сопровождается глубокой эрозией всей региональной системы безопасности.

Понять корни нынешнего кризиса можно только ретроспективным рассмотрением столетней истории современной государственности на Ближнем Востоке.

Как уже упоминалось в первой главе этой монографии, примерно столетие назад поражение Османской империи в Первой мировой войне привело к коренному изменению политической карты Ближнего Востока. Перестало существовать большое имперское государство, которое нельзя было отнести к типу нации-государства, поскольку османская нация как таковая не сложилась. Причина распада империи далеко не только в том, что Порты была побеждена в войне, но и в резком росте национального самосознания у ее многочисленных народов, большинство из которых были завоеваны турками-османами еще в XVI в. Среди них в конце XIX – начале XX в. широко распространялись идеи национального освобождения. Победа Антанты в войне отвечала потребности этих народов в создании собственной государственности.

Распад империй и многонациональных федеративных государств, а также деколонизация были источниками появления в мире независимых государств. В XX в. распались Австро-Венгрия, Османская империя, Британская империя (а также Французская колониальная империя), Российская империя и Советский Союз, Югославия. В одних случаях ядро общего государства или метрополия, видоизменившись, сохранились, поэтому можно говорить о процессе отпадения государств, в других произошел полный распад единого образования, из частей которого образовывались нации-государства. Некоторым из них предстоит пройти долгий путь, прежде чем они станут таковыми, поскольку процесс национального строительства в них

еще не завершен. Именно так произошло после Первой мировой войны с арабскими вилайетами Османской империи.

Проигравшая войну и столкнувшаяся с угрозой потери еще большей части территории бывшая имперская Турция парадоксальным образом была вынуждена и сама вступить в этап освободительной борьбы, которую безоговорочно поддержал Советский Союз. Мустафа Кемаль Ататюрк, добившийся успеха в этом сражении, начал строить нацию-государство, в основе которого лежала турецкая идентичность. В нее он попытался «вписать» и курдское меньшинство, которое, как уже говорилось в первой главе, лишилось надежды на получение если не независимости, то хотя бы широкой автономии. В новой Турции ни для какого самоуправления для этой самой многочисленной курдской общины на Ближнем Востоке не было места: курдов стали идентифицировать как «горных турок». Не получили права на государственность или автономию в Турции и армяне, которых, впрочем, после геноцида 1915 г. в стране почти не осталось.

Арабские страны стремились к обретению полной независимости. Еще во время Первой мировой войны великий шериф, эмир Мекки Хусейн задумал план создания Большого арабского государства во главе с собой в качестве короля и халифа – духовного главы мусульман. Это государство должно было быть построено на основе арабско-левантийской идентичности, к чему имелись определенные предпосылки, в первую очередь – цивилизационно-культурная близость арабских народов Леванта.

Однако данному амбициозному проекту не суждено было осуществиться, как не реализовался и вынашиваемый различными группами арабских националистов

другой проект – создания отдельных независимых государств на месте вилайетов Османской империи. Но обозначившаяся тогда дилемма – национально-территориальная партикуляризация или интеграция – осталась с арабами и после завоевания независимости, причем надолго.

Хотя в переписке с великим шерифом Хусейном в 1915–1916 гг. британский верховный комиссар в Египте Артур Макмагон обещал ему взамен за участие в войне против Турции создать на территории Леванта и части Аравии Большое арабское государство под его управлением, Лондон и Париж одновременно в 1915–1916 гг. вели между собой тайные переговоры о будущем разделе азиатской части начавшей терпеть поражение в войне Порты. Согласно этим договоренностям арабские вилайеты Османской империи после ее разгрома должны были превратиться в подмандатные территории двух европейских держав. Их представители – тогда еще ничем не прославившиеся английский политик сэр Марк Сайкс и французский дипломат Франсуа Жорж-Пико вошли в историю как авторы первого, весьма поспешно скроенного варианта колониального раздела азиатской части Османской Турции.

Когда в 1915 г. этим английскому и французскому архитекторам колониального захвата арабских провинций Порты было поручено разграничить сферы влияния двух держав, они в ноябре того же года провели прямо по песку почти прямую линию между палестинским городом Акко около Хайфы на берегу Средиземного моря и Киркуком на севере Ирака, получившую название линия «Е – К» (Е по последней букве английского названия первого города – Акре до первой буквы в названии Киркука), к югу от которой должна была расположиться

сфера господства Англии, а к северу – Франции. Таким образом, Англия не сдержала данного шерифу Хусейну обещания. Хотя разработанный двумя авторами проект будущего, поствоенного устройства Арабского Востока носил чисто предварительный характер и, кроме того, между Лондоном и Парижем потом еще несколько лет продолжалась острая борьба за подмандатные территории, он вошел в историю как упоминавшееся в первой главе «тайное соглашение Сайкса–Пико», став символом колониального закабаления арабов. Это соглашение было заключено 16 мая 1916 г.¹

Соглашение на самом деле еще не установило границ между формировавшимися в Машрике будущими подмандатными территориями/государствами. Для этого потребовалась международно-правовая легитимация, что и было сделано позднее – на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. – 21 января 1920 г.), в Севрском договоре от 10 августа 1920 г., на конференциях в Сан-Ремо (19–26 апреля 1920 г.) и в Лозанне (последняя велась с перерывом с 20 ноября 1922 г. по 24 июля 1923 г.). В соответствии с последним договором, утвержденным Лигой Наций, Ирак и Палестина стали подмандатными территориями Великобритании, а Сирия и Ливан – Франции. А в 1925 г. процесс создания новой карты этой части Ближнего Востока был завершён передачей Великобритании бывшего османского вилайета Мосул, включенного в подмандатный Ирак. Благодаря успешной освободительной борьбе турок под руководством Мустафы Кемала Ататюрка Турции удалось сохранить большую часть территории по сравнению с той, что планировали ей оставить европейские союзники.

¹ См.: Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // *Восток (Oriens)*. 2014. № 4. С. 15–20.

Думали ли создатели границ между различными частями Леванта о том, что через сто лет исследователи заговорят о «конце системы Сайкса–Пико»? В наши дни, к примеру, американский эксперт Пол Салем говорит о коллапсе «делений Сайкса–Пико» и «функциональной дезинтеграции Сирии и Ирака»².

Составной частью англо-французского плана управления Машриком стала так называемая декларация Бальфура – письмо от 2 ноября 1917 г. британского министра иностранных дел Артура Джеймса Бальфура лорду Ротшильду для передачи Сионистской федерации, в котором выражалось одобрение Лондоном проекта «создания в Палестине национального очага для еврейского народа». Именно этот документ стал краеугольным камнем в образовании одного из государств четвертого типа, рассмотренных в первой главе монографии. Не случайно в самом Израиле в 2017 г. столетие этого акта торжественно отмечали как важнейший шаг на пути к созданию еврейского государства в Палестине. Но у него были и другие стороны, касающиеся арабов. «Декларацию Бальфура нельзя считать одним из лучших свершений британской колониальной империи, – пишет сегодня британский автор Линда Херд. – Она не только благословила передачу земли, которая не принадлежала Британии, чтобы она [имела право] отдать ее, но и была предательством обещания, которое Лондон дал арабским лидерам, сражавшимся бок о бок с британскими войсками, чтобы изгнать из региона Османов»³.

² Salem P. A Century after 1014 // *Al-Hayat*, October 31, 2014. www.mei.edu/content/article/century-after.

³ Heard L.S. Palestine was a land without people – a lie that is easily disproved // *Gulf News*, November 3, 2017. P. A5.

Не прошло и несколько десятилетий с момента формирования мандатной системы на Ближнем Востоке, как она закончила свое существование. «В середине XX века рухнула колониальная система, – отмечал Е.М. Примаков. – На карте появились новые государства. Ненадолго пережили крах колониальные системы и те режимы, которые существовали ранее в псевдосуверенных ближневосточных государствах, например в Египте. Между тем и во многих освободившихся от колониальной зависимости странах неустойчивость пришедших к власти руководителей была более чем очевидной – они продолжали сменять друг друга»⁴.

За истекшее с того времени столетие нации-государства, или национальные государства, на Ближнем Востоке подвергались многочисленным угрозам, вызовам и испытаниям на прочность, которые они, несмотря на отдельные поражения, в целом выдерживали, доказывая устойчивость существующей системы. В то же самое время их развитие было в одних случаях поступательным и эволюционным, в других – прерывистым и переживавшим драматические революционные повороты и острые кризисы, в третьих – настолько ничтожным, что казалось, будто его не было вообще. Границы между государствами оставались неизменными, и все разговоры авторами многочисленных прогнозов о возможном их изменении, «перекройке» оставались лишь разговорами.

При формировании территориальных пределов образующихся из частей империи государств большую роль играют политические императивы внешних игроков, в том числе даже фактически «вкусовые» предпочтения их лидеров. Так, в начале 1920-х годов при

⁴ Примаков Е.М. *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами*. М.: Российская газета, 2006. С. 7.

определении судьбы бывших вилайетов Османской империи в Леванте бурно дебатировался вопрос о принадлежности Мосула, на который претендовали Турция и Ирак. Советский Союз прилагал усилия к тому, чтобы Мосул отошел к Турции, поскольку Ирак становился подмандатной территорией Великобритании, а Турция воспринималась как одно из немногих самостоятельных государств в регионе, на том этапе противостоящее Западу. Немалую роль играло при этом личное мнение наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, занимавшего последовательно антианглийские позиции и выступавшего за развитие отношений Москвы с Германией и Турцией. В 1925 г. процесс создания новой карты этой части Ближнего Востока был завершен передачей Мосула Ираку, находившемуся под британским мандатом.

«Новый Ближний Восток», сформированный после Первой мировой войны, с тех пор прошел несколько этапов *радикальной многоэтапной трансформации*, главным из которых был этап обретения арабскими странами полной независимости. Именно этот рубеж следует считать ключевым для формирования наций-государств. А для характеристики тех самых угроз и вызовов, с которыми они сталкивались в процессе своей эволюции, можно предложить следующую каталогизацию, которую вряд ли можно считать совершенной, поскольку в ней неизбежно накладываются друг на друга пересекающиеся явления, одновременно включенные в разные категории.

Это, *во-первых*, потрясавшие Ближний Восток время от времени войны, в том числе как межгосударственные, так и внутригосударственные, или гражданские, хотя последнее название не очень подходит для масштабных боевых действий с участием не только

милиций и иных нерегулярных формирований (вплоть до религиозных структур), но и армии, использовавшей в боях и авиацию, а также других регулярных сил. Зачастую межгосударственные войны были весьма кровопролитными, в первую очередь – ирано-иракская война 1980–1988 гг., называемая еще первой войной в Персидском заливе, в ходе которой более 1 млн человек было убито и немногим менее 1 млн ранено (точных подсчетов не существует). По числу жертв она значительно обошла целую череду войн между Израилем и его арабскими соседями (1948–1949, 1956, 1967, 1973, 1982, 2006), которые явились неотъемлемой частью новейшей истории Ближнего Востока, продолжающей и сегодня вносить элемент неопределенности в прогнозирование развития ситуации в регионе.

В Персидском заливе было еще две войны: вторая – в 1990–1991 гг. между многонациональными силами и Ираком Саддама Хусейна после его вторжения в Кувейт, и третья – в 2003 г., когда в Ирак под надуманным предлогом вторглись войска США и Великобритании. По некоторым данным, за десятилетие, прошедшее со времени этого вторжения, в ходе шедших в Ираке боевых действий их жертвами стало не менее 500 тысяч человек. Война армий, сил безопасности и нерегулярных формирований, или ополчений нескольких стран региона против запрещенного в России ИГ, или ИГИЛ/ДАИШ и «Джабхат ан-Нусра» тоже унесла много жизней.

Все происходящие в регионе войны так или иначе были нацелены на изменение существующих границ. Но они имели различные долгосрочные и непосредственные причины. Если посмотреть на войны между Израилем и его соседями, то они были лишь эпизодами в развитии самого затяжного и непримиримого

конфликта между этими антагонистами. При этом одна война нередко порождала другую. Вот пример непосредственной причины. Американская исследовательница Бетти Андерсон утверждает, что мотивом для вторжения Ирака в Кувейт был огромный долг, накопленный Саддамом Хусейном за время его войны с Ираном. «Саудовская Аравия, Кувейт и другие страны Арабского залива одолжили большие суммы денег Ираку, чтобы он мог вести войну, но ни одна из стран не хотела прощать эти долги»⁵.

Если говорить о границах между государствами, то сегодня в целом ряде ближневосточных государств они становятся настолько прозрачными или эластичными, что их нарушение не представляется сколь-либо рискованным предприятием. Уместно привести в этом контексте интересное мнение российской исследовательницы И.Д. Звягельской, которая пишет, рассматривая проблему через призму концепции «государств с ослабленной суверенностью»: «...прозрачность границ слабых государств на Ближнем и Среднем Востоке остается важным элементом, поддерживающим недостаточную или неполную суверенность государственных образований»⁶.

В сложившейся сегодня ситуации в мировом сообществе государств может оказаться не менее продуктивным подход, который бы базировался на концепте «абсолютного и ограниченного суверенитета». Этот подход отражает новые реалии, одна из которых состоит в эрозии большинства существующих длительное время

⁵ Anderson B. *A History of the Modern Middle East: Rulers, Rebels, and Rogues*. Stanford: Stanford University Press, 2016, P. 431.

⁶ Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке // *Контуры глобальных трансформаций. Политика, экономика, право*, 2017. Т. 10. № 2. С. 106.

институтов и принципов международного права. Возьмем, к примеру, зафиксированный в п. 7 ст. 2 Устава ООН принцип недопустимости вмешательства Организации (это относится и ко всем членам ООН) «в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Похожие положения зафиксированы и в других международных документах. Однако эта норма постоянно нарушается, и сегодня некоторые авторы предпочитают толковать неприменение силы как «воздержание от применения силы». Примеров ущемления суверенитета на Ближнем Востоке в XXI в. не сосчитать.

Во-вторых, это революции, мятежи и перевороты с применением вооруженного насилия, в том числе носившие транснациональный характер. В этом списке особо выделяются национально-освободительные движения, среди которых можно назвать революционную войну за освобождение Алжира 1954–1962 гг., где вооруженным формированием Фронта национального освобождения противостояла французская армия. В 1963–1967 гг. вел вооруженную борьбу за освобождение от английского колониализма Национальный фронт Южного Йемена. В обоих случаях борьба завершилась созданием независимых государств.

Конечно, закономерно считать, что данная категория событий – не вызов нациям-государствам, а, напротив, путь к их созданию на месте зависимых образований. Но все же речь в данных случаях идет не просто о продолжении процесса создания системы независимых государств, а о коренном изменении существующего порядка, которое вызывало немало коллизий. К примеру, через два года после предоставления 30 ноября 1967 г. Великобританией независимости Южному Йемену, в 1969 г., в результате победы левого

крыла Национального фронта в острой межфракционной борьбе в стране фактически образовалось новое государство. В Западной Сахаре и сегодня, через много лет после завершения процесса деколонизации Северной Африки европейскими державами фронт ПОЛИСАРИО ведет политическую борьбу с целью завоевания независимости, в то время как Марокко считает эту территорию марокканской.

У турецких курдов после Лозаннского договора установленный в государстве еще более жесткий, чем прежде, контроль турецких властей над ними вызвал острое недовольство. Как пишет Б. Андерсон, курды испытывали трудности в Турции «вследствие новой концепции турецкой идентичности Мустафы Кемаля»⁷. В 1920-е годы турецкие курды неоднократно поднимали восстания, самым крупным из которых было восстание под руководством пиранского⁸ суфийского шейха Саида при поддержке шейхов ряда племен юго-восточной Анатолии и Комитета «Азади» («Свобода»), объединявшего представителей городской интеллигенции и профессиональных кругов. В феврале 1925 г. турецкое правительство направило на подавление восстания 50-тысячный воинский контингент, и в результате боев повстанцы потерпели поражение, а их лидеры были убиты.

Советский Союз тогда был ориентирован на поддержку единства Турции, хотя и симпатизировал курдам. Но Москве никак не могли нравиться призывы вождей курдов к возрождению халифата. За ними видели интриги англичан. 10 мая 1925 г. Ташкентское мусульманское духовное управление Назарат-и-Диния

⁷ Anderson B. *A History of the Modern Middle East...* P. 212.

⁸ Пиран – город в Турции в 815 км к востоку от Анкары.

обратилось с воззванием ко всем мусульманам в связи с этим восстанием. В сообщении, опубликованном в советской прессе, говорилось, что воззвание раскрывало «контрреволюционную сущность этого восстания». Оно указывало, что «шейх Саид, являющийся орудием английского империализма», в своей борьбе против турецкого правительства использовал также религиозные лозунги. Показателен антихалифатистский пафос воззвания: халифат (во всяком случае, османский) – это, с одной стороны, «игрушка в руках империалистов», с другой – препятствие на пути развития. Так, в сообщении говорилось, что шейх Саид вместе с турецкими контрреволюционерами «требовал восстановления халифата, который осужден истинными мусульманами, стремящимися к культурно-экономическому возрождению народов Востока». Антитурецкая направленность курдского протестного движения, естественно – под водительством родоплеменной верхушки, заставляла в то время Москву во имя поддержки кемалистов даже отступить от привычного курса на поддержку национальных чаяний народов мусульманского мира. В этом контексте рассматривалось стремление шейха Саида к образованию самостоятельного курдского правительства: «Успех шейха Саида, подкупленного англичанами, привел бы к тому, что управление Курдистаном неизбежно попало бы в руки англичан». И далее: «Назарат-и-Диния призывает все сознательное и честное мусульманское духовенство предать проклятию иностранных империалистов и их прислужников»⁹.

В 1921 г. подняли восстание курды-алевиты в Дерсиме¹⁰, но оно было быстро подавлено. Но там же весной

⁹ *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1925. № 106 (2439). 12 мая.

¹⁰ Провинция Тунджели.

1937 г. началось еще более мощное курдское восстание, которое турецкой армии удалось подавить лишь в октябре 1938 г., когда было убито несколько десятков тысяч курдов-алевитов и заза¹¹. А вооруженные акции Курдской рабочей партии против турецких властей периодически продолжают сотрясать Турцию и в настоящее время.

Попыток переворотов – удачных и неудачных – в новейшей истории на Ближнем Востоке было так много, что одно их перечисление заняло бы несколько страниц.

К серьезным изменениям в системе наций-государств арабской части Ближнего Востока, глубокой трансформации арабских обществ, которая изменила геополитическую конфигурацию всего региона, привели события Арабской весны, или Арабского возрождения. Об этих событиях написано много работ, в том числе и отечественных исследователей, к которым можно отослать читателя¹².

Массовые уличные протестные движения Арабской весны смели одни, казавшиеся стабильными, ближневосточные режимы и раскачали другие. В наборе причин, вызвавших столь масштабный протест, называют господство забюрократизированных, загнивших авторитарных режимов, отсутствие гражданских свобод и социальных лифтов (все более болезненное для модернизированной части населения), увеличившийся разрыв в доходах между наиболее обеспеченной властной верхушкой и остальной частью населения, ставшую системным фактором коррупцию, бедность, слабость социальной политики. К этому можно добавить неэффективность управления, экономическую стагнацию,

¹¹ Родственный курдам народ, исповедующий алевизм.

¹² См., например: *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* М.: Языки славянской культуры, 2012.

слабое развитие производительных сил при зависимости от нестабильных, но относительно доступных внешних источников накопления.

По удачному выражению израильского политолога Бруса Мэдди-Вайтцмана, в ходе Арабской весны «арабские общества дали отпор своим “сверхгосударственным” государствам». Этот автор считает, что «на заре нового тысячелетия арабские страны не сумели вспрыгнуть в вагон глобализации, вместо этого сохраняя существующие системы экономической олигархии, политической автократии и наследственной династийности»¹³.

Но в ходе трансформации большинство переживших ее арабских стран не стали более управляемыми, а новые режимы – более эффективными, чем прежние. Единственное исключение до сих пор составлял Тунис. Беспардонное силовое внешнее вмешательство, насильственная смена режимов и разгул вооруженной толпы, в которой все большее влияние приобретали радикал-экстремисты, свели на нет позитивные импульсы выступавших за обновление идеалистов и способствовали фрагментации и распространению хаоса.

Особняком стоит вызов сложившимся нациям-государствам со стороны актов «экспорта революции», цель которого для регионального государства, осуществляющего эту стратегию, – опираясь на поддержку единоверцев-единомышленников, инспирировать смену режима в той или иной соседней стране революционным путем. В этом многие арабские страны обвиняют Иран, который в первое время после исламской революции 1979 г., действительно, давал повод для подобных обвинений.

¹³ Maddy-Weitzman B. *A Century of Arab Politics from the Arab Revolt to the Arab Spring*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2016. P. 214–215.

В-третьих, это бросавшие вызов существованию наций-государств различного рода интеграционные проекты. В их результате происходило объединение отдельных государств, при этом его уровень был разным, вплоть до полного слияния. В одних случаях государства объединялись в соответствии с идеологической доктриной. Так, все три панарабские националистические движения – насеризм, баасизм и Движение арабских националистов (ДАН), ставили перед собой задачу объединения арабов в одно государство, но ни одна из попыток объединения не привела к созданию устойчивого государственного образования. Лишь объединение Египта и Сирии в просуществовавшую чуть более трех лет (1958–1961) Объединенную Арабскую Республику было хотя бы на время удавшейся попыткой воплощения в жизнь этой доктрины. Сам Гамаль Абдель Насер, являвшийся наиболее ярким поборником арабского национализма, способствовал развалу ОАР, запрещая деятельность всех политических партий в этой республике, включая Баас, имевшую сильные позиции в сирийском обществе, особенно среди военных. Наверное, прав Б. Мэдди-Вайцман, полагающий, что «...реальность множественных арабских государств в конце концов победила сторонников панарабского единства. Основанные на нем проекты государственного строительства доказали свою полную несостоятельность»¹⁴.

Запрещенное в России ИГ (в 2014 г. ИГИЛ, или ДАИШ, было его командирами символически переименовано в «Исламское государство») – другая модель трансграничного, транснационального государства (имея в виду то, что его создатели также пытались перейти

¹⁴ Ibid. P. 214.

существующие в регионе границы между нациями-государствами), основанная на идеологических постулатах (см. ниже). Будь то доктрина светского национализма или крайне радикального, уродливого исламизма, основа в этих моделях одна – отрицание существующих границ. Причем если идеологи светского арабского национализма, как уже упоминалось, выдвигали на первый план лозунг панарабизма – относительно новой доктрины, в которой четко прослеживалось знакомство с опытом Запада, то радикал-исламисты ставили целью возрождение халифата, пусть и в извращенной форме.

В других случаях объединение не было напрямую в какой-либо форме связано с идейной доктриной, а объяснялось политическими интересами правящих элит и в какой-то мере соответствовало настроениям населения.

В-четвертых, это, напротив, дезинтеграция, распад наций-государств, отпадение от них тех или иных составных частей. Этот процесс часто угрожает перекинуться на соседние страны в результате эффекта домино. После деколонизации арабских княжеств Персидского залива Бахрейн и Катар довольно быстро вышли из появившейся на географической карте совершенно новой страны и одной из немногих в регионе федераций – Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и стали независимыми.

В Судане после десятилетий гражданской войны между мусульманским Севером и христианским Югом от государства 9 июля 2011 г. отделился Южный Судан. Межконфессиональный и межэтнический разлом явился здесь главным фактором распада единого государства, хотя нельзя игнорировать и такой фактор, как соперничество элит. В новообразованном Южном Судане едва ли не сразу же после обретения

независимости, в декабре 2013 г., разгорелся вооруженный конфликт между соперничающими этноплеменными группами нуэров и динка. Возобновлению кровопролитной войны в 2016 г. не смогло помешать даже присутствие миротворческого контингента ООН. Здесь главными разобщающими факторами, угрожающими существованию государства, стали трайбализм и борьба за власть и контроль над ресурсами между элитами. Вооруженные столкновения между соперничающими племенными группами населения вписались в процесс многоуровневой фрагментации в этой стране. Она дискредитирует и подрывает систему наций-государств в регионе в целом.

Были и редкие случаи поглощения, к примеру, когда в 1938 г. сирийская Александретта (бывший Александреттский санджак Османской империи, с 1919 г. являвшийся подмандатной территорией Франции), населенная в основном арабами, туркоманами и армянами, вошла в состав Турции, став провинцией Хатай.

В охваченной острым конфликтом Сирии создание в 2017 г. так называемых зон деэскалации, существование которых ограничено временными рамками, несло с собой угрозу в случае дальнейшего затягивания политического урегулирования, а также с учетом доминирования в каждой из зон того или внешнего игрока, превращения этого формата в фактическое расчленение страны.

Референдум, проведенный в Иракском Курдистане 25 сентября 2017 г., был новой попыткой курдов создать свое государство, за что высказалось подавляющее большинство (92,73%) голосовавших, однако его результаты не были признаны ни Багдадом, который посчитал референдум «незаконным» и «антиконституционным», ни зарубежными государствами

(кроме Израиля). Нет ничего удивительного в стремлении Багдада не допустить повышения уровня самоопределения Иракского Курдистана, и так пользующегося широкой автономией, что означало бы отпадение от единого государства одной из его важнейших составных частей. В то же время присоединение Иракского Курдистана к всемирному «параду референдумов» означало, что единой нации в Ираке так и не сложилось. Кроме того, старая дилемма: «территориальная целостность или право на самоопределение» не только не теряет своей актуальности, но и по-прежнему представляет собой нерешаемую проблему для мирового сообщества и международного права.

В-пятых, это усиление милиций и других нерегулярных вооруженных формирований, образующих своего рода «государства в государствах», вроде ливанской Хизбаллы, иракских отрядов «аль-Хашд аш-шааби», оппозиционных вооруженных группировок в Сирии или формирований движения Ансарулла (хуситов) в Йемене.

В Судане в 2003 г. разгорелся продолжающийся до сир пор ожесточенный конфликт между правительственными силами и выступающими на стороне правительства милициями местных арабских кочевников «Джанджавид», с одной стороны, и вооруженными повстанческими группировками автохтонных неарабских племен Дарфура – с другой. В отличие от конфликта между Севером и Югом в этом противостоянии стороны не разделены межконфессиональными барьерами. Все участники являются мусульманами, но принадлежат к разным этническим группам.

В-шестых, участие армии в политике вплоть до военных переворотов, в результате которых происходит свержение легитимных правящих режимов

и установление власти военных. Примеров этого очень много, и в регионе до сих пор есть правительства, состоящие едва ли не полностью из бывших офицеров.

В-седьмых, внешнее вмешательство, в том числе с использованием военной силы, приводящее к смене режимов, свержению лидеров и правительств. Ирак и Ливия – наиболее яркие примеры подобных операций, проведенных Западом, в первую очередь США. В настоящее время в регионе находится большое число военных баз, в основном американских.

В-восьмых, это разнородность этнического и конфессионального состава населения и существование родоплеменных и патронажно-клиентельных отношений, препятствующих складыванию общегражданской идентичности, национальной консолидации и мобилизации и способных сорвать их.

В-девятым, это колониалистские и неоколониалистские проекты, которые подрывают уже существующую государственность и мешают самоопределению формирующихся наций. Это в первую очередь относится к палестинским арабам, которым до сих пор не удается обрести свое государство, несмотря на стоящее на его стороне международное право.

В-десятым, это исламистский вызов, уводящий нации-государства от модерности во имя возвращения к псевдоисконным религиозным ценностям. Наиболее яркий пример – кратковременное пребывание у власти в Египте «Братьев-мусульман» (БМ), победивших в демократических выборах после свержения режима Хусни Мубарака. Столь же недолго удержалась на господствующих позициях в Тунисе, но в отличие от египетских БМ сохранилась как легальная политическая сила родственная БМ исламская партия «ан-Нахда».

Дж. Чалкрафт пишет, что в 1914–1952 гг. доминирующей темой в мобилизационных проектах был «поиск более широкой формы представительства в государстве во имя нации», а 1952–1976 гг. революционные и левые движения «стремились использовать государство для национального освобождения и долгосрочной социально-экономической трансформации». Он обоснованно утверждает, что «окончательное поражение этого вида проектов на региональной арене произошло в “крошечном” Ливане, когда *realpolitik* сирийской диктатуры задавила демократический социализм Ливанского национального движения¹⁵, состоявшего в альянсе с палестинской *саурой*». По его наблюдению, «в 1977–2011 гг. природа мобилизации в регионе фундаментально изменилась. Революционные мобилизационные проекты в условиях кризиса светского государства обратились к исламской политике, которая ставила задачу заменить коррумпированное светское государство исламским. С 1950-х годов различные направления исламизма – народный шиитский, модернистский суннитский и салафитско-ваххабитский – стремились перегруппироваться перед лицом того, что они рассматривали как уродливую секулярную узурпацию подлинной судьбы независимых государств региона...»¹⁶.

Удастся ли нациям-государствам в конечном счете выстоять перед лицом угроз, вызовов и испытаний, приведенный выше список которых может оказаться далеко не полным, будет зависеть от степени их прочности.

¹⁵ Ливанское национальное движение – одна из двух главных коалиций, противостоящих друг другу в гражданской войне 1975–1990 гг. в Ливане на ее первом этапе (1975–1982), блокировалась с ООП.

¹⁶ Chalcraft J. *Popular Politics in the Making of the Modern Middle East*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 393.

Как уже упоминалось, они показали одновременно как свою уязвимость, так и устойчивость. Трудно сказать, какие именно режимы и правительства лучше других способны противостоять тем или иным угрозам и вызовам.

Возьмем, к примеру, Арабскую весну. Некоторыми исследователями высказывается предположение, будто особая «хашимитская» легитимность правящих в Иордании монархов, являющихся потомками пророка Мухаммада по мужской линии, и есть та причина, которая позволила им избежать перерастания вспыхнувшего недавно, как везде в арабском мире, народного недовольства в острую стадию и даже погасить его. Однако вспомним антимонархическую революцию 14 июля 1958 г. в Ираке. Тогда восставшие жестоко убили молодого короля Фейсала II – правнука великого шерифа Хусейна (сначала эмира Мекки, затем короля Хиджаза), а также его двоюродного дядю, регента Абдель Иляха и премьер-министра, ветерана антиосманского восстания времен Первой мировой войны Нури Саида, над трупами которых толпа долго глумилась, протащив одного из них по улицам столицы, а другого вывесив с балкона и искромсав ножами. При этом на восставших, по замечанию Е.М. Примакова, «не произвело никакого впечатления, что король (и соответственно Абдель Илях. – *В. Н.*) принадлежали к династии прямых потомков пророка Мухаммада»¹⁷. Да и сакральность самого шерифа Хусейна – отца первых монархов Ирака и Трансиордании, государств, которые были созданы после Первой мировой войны в прочерченных по дизайну бывших колонизаторов границах, «не произвела никакого впечатления»

¹⁷ Примаков Е.М. *Конфиденциально...* С. 8.

на создателя нового арабийского государства, молодого вождя из пустынного Неджда Абдель Азиза бин Сауда, завоевавшего Хиджаз в середине 1920-х годов.

Устойчивость или неустойчивость наций-государств также не зависит от того, представляют ли они собой модернизированные государства современного типа, с развитыми элементами демократии и системой разделения власти или же архаические, с многими «винтажными» структурами.

Что касается исламистских движений, то благоприятным фоном для их роста помимо разочарованных в левых и националистических идеологических доктринах всегда был высокий уровень религиозности населения региона. Атеизм коммунистов, в определенные периоды истории Ближнего Востока и в отдельных странах пользовавшихся доверием немалой части населения, наряду с их интернационализмом мешали завоеванию ими большей поддержки людей. Однако в течение короткого времени, а именно в 1920-х годах, в странах Ближнего Востока все-таки приобрели некоторую популярность атеистические воззрения. В немалой мере этому способствовала, *во-первых*, ошеломительная победа Октябрьской революции в России, призвавшей к освобождению колоний, *во-вторых*, распространение в различных частях мира, в том числе на Ближнем Востоке, при поддержке Советского Союза коммунистических идей и создание коммунистических организаций и партий.

Некоторых ближневосточных интеллектуалов того времени за их труды в наше время постигла бы судьба вынужденного долгие годы прятаться из-за его скандальной книги «Сатанинские стихи» английского писателя индийского происхождения, лауреата Букеровской премии Салмана Рушди (р. 1947) или пережившего

в 1994 г. покушение исламского фанатика египетского писателя, нобелевского лауреата Нагиба Махфуза (1911–2006). А тогда в том же Египте Исмаилом Мазхаром (1891–1962) было основано издательство «Дар аль-Усуль», которое занималось пропагандой атеизма. В нем были опубликованы в арабском переводе знаменитая работа Чарльза Дарвина «Происхождение видов», до сих пор вызывающая недобрые чувства у исламистов; известная работа Бертрана Рассела «Почему я не христианин» («Why I'm not a Christian») и некоторые другие книги, столь же ненавистные поборникам исламизма. Блестящий египетский писатель, выпускник Сорбонны Мухаммад Хусейн Хейкал (1889–1956) написал трехтомное исследование о Ж.-Ж. Руссо. Активной популяризацией атеизма занималась ассоциация, созданная в Турции и Египте выпускником Московского университета Исмаилом Адхамом (1911–1940). Адхам трагически закончил свою жизнь: он утопился в Средиземном море, завещав в оставленной им записке кремировать его тело и не хоронить на мусульманском кладбище.

Стремление резко ограничить влияние ислама в обществе и государстве проявилось в политике пришедшего к власти в Турции лидера турецкого национального движения Кемалья Ататюрка, в 1924 г. упразднившего халифат, заменившего арабскую графику латиницей в турецком языке и осуществившего широкомасштабный проект по созданию в стране светского режима. Аналогичная линия прослеживалась в реформах президента Туниса Хабиба Бургибы, правившего в 1957–1987 гг. При этом необходимо заметить, что в обоих случаях (особенно в тунисском) светскость политического режима все же носила ограниченный характер. Как отмечает В.А. Кузнецов,

в арабских странах произошло «общее “растягивание” шкалы светскости/религиозности и смещение ее в сторону последней»¹⁸. Все без исключения светские политические режимы, возникавшие в арабском мире, сохраняли государственный контроль над религиозной сферой и поэтому в западном понимании были уже не вполне секулярными.

Атеистические и даже секуляристские настроения не находили широкого отклика среди населения большинства ближневосточных государств. Имевший место в начале 1920-х годов спад в исламском движении вновь сменился оживлением. Рубежным событием в этом процессе явилось создание в 1928 г. в Исмаилие (Египет) местным учителем Хасаном аль-Банной политической организации – Ассоциации «Братьев-мусульман», которой предстояло занять видное место в государственно-политической системе в регионе. В творчестве интеллектуалов ведущих арабских государств стал более заметным интерес к исламу. Вышеупомянутый Хейкал в 1935 г. опубликовал ставшую классической книгу «Жизнь Мухаммада».

Еще более разительными явились развороты в сторону исламизма арабских интеллектуалов, вначале проявлявших себя приверженцами светских идей. Аббас Махмуд аль-Аккад (1889–1964) начинал с воспевания английских поэтов-романтиков, а затем стал приверженцем политического ислама. Его учеником был едва ли не самый известный в истории проповедник радикального исламизма, казненный в Египте в правление Г.А. Насера, Сейид Кутб (1906–1966). Кстати, Кутб

¹⁸ Кузнецов В.А. Проблема светскости в странах «Арабского пробуждения»: тунисская версия // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2013. № 4. С. 50.

начинал, подобно его учителю, в качестве поэта и литературного критика. «Кутбизм» и сегодня одно из главных течений в радикальном политическом исламе.

Хорошо известны не стихающие споры вокруг совместности исламских норм с демократическими ценностями. Согласно одной точке зрения сама постановка вопроса о возможности совместить ценности исламской цивилизации с демократическими принципами в корне неверна, так как она демократична по своей сути и не нуждается в заимствовании каких бы то ни было ценностей из других систем. Сторонники иной точки зрения обвиняют исламские общества в авторитаризме, попрании прав человека и отсутствии свобод и т. п. Есть и сторонники концепции конвергенции.

Приведем в этой связи пример, касающийся Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В ее создании от арабского мира тогда непосредственно участвовал известный в то время ливанский дипломат и политический деятель, христианский философ Шарль Малик, который позднее, во время гражданской войны 1975–1990 гг., был идеологическим наставником Ливанских сил – правой христианской милиции¹⁹. Лишь позднее в исламском мире возникло неприятие отдельных положений Декларации, в частности статьи 18, гарантирующей свободу выбирать веру и менять ее, что противоречит базовым положениям шариата. В результате в рамках Организации Исламская Конференция (ОИК) была разработана Каирская декларация прав человека, которая была принята на саммите ОИК в Каире в августе 1990 г. (напомню, что Россия имеет статус наблюдателя в этой структуре, которая теперь называется Организацией исламского сотрудничества). Нетрудно

¹⁹ Allawi A. *The Crisis of Islamic Civilization*. New Haven and London: Yale University Press, 2009. P. 189.

догадаться, что с принятием Каирской декларации базовые противоречия с нормами шариата, прежде всего положений статьи 18, были устранены.

Но насколько непримиримы концепции прав человека в шариате и в большинстве государств мира? Можно ли сегодня вообще говорить об абсолютной универсальности какой-либо концепции в этой сфере? Можно ли, в частности, предположить, что в обозримой перспективе модернизационный процесс в исламе приведет к отказу от запрета на переход мусульманина в другую веру? Утвердительный ответ на этот вопрос дать трудно, хотя исламские и, в особенности, ближневосточные государства постоянно преподносят миру сюрпризы.

Одной из неотъемлемых характерных черт системы институтов в странах Ближнего и Среднего Востока является *дуальность*, или, точнее, множественность силовых структур. Это не несет непосредственной угрозы существованию государства, но затрудняет управляемость, а также может способствовать возникновению и обострению кризисов, мешать эффективному функционированию государственных структур и вести к разделению.

Наиболее яркий пример – Ливан, где параллельно с армией и полицией существуют вооруженные бригады партии Хизбалла. Вооружения, которыми они располагают, включают десятки тысяч ракет. В 2006 г. эти силы эффективно противостояли израильской армии во время ее вторжения в Ливан. А во время сирийского кризиса тысячи бойцов Хизбаллы участвовали на стороне сирийской армии в боях с отрядами вооруженной оппозиции и при необходимости вели переговоры с экстремистами.

Опасной для государственности Иордании и Ливана стало присутствие там вооруженных отрядов Палестинского движения сопротивления. В то же время «попытка избежать превращения в “государство в государстве” (каким стало ПДС в Иордании) была важной частью стратегии партии»²⁰. Эта попытка стала менее убедительной в 2000-е годы, особенно когда бойцы Хизбаллы с оружием появились на улицах Бейрута в мае 2008 г..., вызывая большое беспокойство среди ее оппонентов»²¹.

В Ираке едва ли не самой боеспособной силой являются милиции («аль-Хашд аш-шааби», или «силы народной мобилизации»), образованные на конфессиональной основе. Их подавляющую часть составляют шиитские формирования, подчиняющиеся различным политическим силам, а также и отряды суннитов.

В автономном Иракском Курдистане защиту и безопасность населения обеспечивает вооруженное ополчение *пешмерга*, фактически заменяющее армию и полицию, причем соответствующие федеральные структуры на территории автономии не действуют. Пешмерга активно участвовали в боях с террористами из ИГИЛ, в результате которых они освободили ряд территорий. Хотя они управляются единым командованием, в состав каждого отдельного подразделения входят бойцы, представляющие только одну из конкурирующих между собой политических сил (в основном Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана). После проведения не признанного Багдадом референдума в Курдистане, в котором принимали участие и курды, проживающие в провинции

²⁰ Qassem N. *Hizbullah: The Story from Within*. Trans. Dalia Khalil. London: Saqi, 2010. P. 192.

²¹ Chalcraft J. *Popular Politics...* P. 458.

Киркук, которая не входит в состав автономии, части иракской армии вытеснили отряды пешмерга с контролируемых ими территорий (в первую очередь из районов нефтедобычи), между ними произошли боестолкновения с жертвами. А руководство КДП стало обвинять лидеров ПСК в том, что отряды их пешмерга совершили «предательство», покинув в это время Киркук.

Ливан вплоть до настоящего времени, исключая период длительной и кровопролитной гражданской войны между христианскими и мусульманскими (в том числе палестинскими) милициями в 1975–1990 гг., сохранялся как единое государство, правительство которого контролирует всю территорию страны. Интересно, что введенный в страну в 1976 г. по приказу президента Сирии Хафиза Асада сирийский воинский контингент поначалу выступил не на стороне мусульманского блока Ливанского национального движения во главе с друзским лидером Камалем Джумблатом и Организации освобождения Палестины, которые и приглашали сирийцев, а на стороне противостоящих им правохристианских, маронитских Ливанских сил.

Ставка на религиозную или этническую близость далеко не всегда работает. Во время ирано-иракской войны, например, иранское руководство рассчитывало на поддержку дискриминируемой в Ираке шиитской общины, составляющей более 60% населения страны, но эти расчеты не оправдались. Со своей стороны Саддам Хусейн делал ставку на солидарность с Ираком арабского населения иранской провинции Хузистан, но оно сохранило лояльность своей стране – Ирану.

В Ливии после насильственного свержения власти Муаммара Каддафи с помощью прямого вмешательства Запада множественность силовых структур, среди которых есть и отряды радикал-исламистов, является

отражением отсутствия единой власти в стране, острого кризиса государственности и царства хаоса. В Йемене идет гражданская война, в которой участвуют вооруженные подразделения движения «Ансаруллах», или хуситов (по названию племени, составляющего костяк этих сил), противостоящие друг другу и хуситам части йеменской армии, а также вооруженные группы террористов Аль-Каиды.

В Сирии несколько лет не прекращались кровопролитные бои, которые вели четыре силы. Первая – сирийская армия и силы безопасности с участием бригад Хизбаллы и шиитских милиций из Ирака, Пакистана и Афганистана при поддержке воздушно-космических сил России; отряды террористов из ИГ и «Джабхат ан-Нусра». Последняя организация в результате слияния различных экстремистских группировок на идеологической платформе Аль-Каиды в 2017 г. получила название «Хай’ат Тахрир аш-Шам». В целом эти структуры опирались на поддержку ряда региональных и западных держав. Вторая сила – курдские отряды народной самообороны, поддерживаемые США и некоторыми их союзниками по коалиции. Они стали основой альянса, известного как «Сирийские демократические силы», в котором наряду с курдами воюют арабы и представители других местных этносов. Третья – различные группировки вооруженной оппозиции, поддерживаемые США с их союзниками, Турцией и некоторыми арабскими государствами Персидского залива, в основном Саудовской Аравией и Катаром. На стороне правительства также воевали силы народного ополчения, часть которых была интегрирована в армию, но сохранила автономность действий. Сложная конфигурация вооруженного противоборства в стране и важнейшая роль в нем внешних, преимущественно региональных,

держав позволила М.С. Ходынской-Голенищевой в опубликованных ей работах говорить в этом контексте об «институте спонсорства».

В Иране мощной силой, существующей параллельно с армией, является Корпус стражей исламской революции, принимающий участие в военных операциях за рубежами страны. Об арабских милициях «Джанджавид», воюющих параллельно с армией против ополчений африканских племен Дарфура, упоминалось выше.

В Саудовской Аравии наряду с армией и полицейскими силами существует Национальная гвардия. Все эти структуры безопасности действуют под эгидой правительства и безоговорочно подчиняются королю, но в последние десятилетия они в значительной мере находились под управлением разных, зачастую соперничающих между собой кланов в правящей семье, что обеспечивало баланс интересов в правящей элите. Не случайно молодой реформатор, наследный принц Мухаммад бин Сальман 4 ноября 2017 г. для обеспечения большей централизации управления государством и усиления собственных позиций сместил с должности и поместил под арест министра Национальной гвардии, члена правящей семьи, эмира Мут'иба бин Абдаллу.

Дело вовсе не в том, что в странах региона в сфере безопасности действуют вооруженные негосударственные игроки. Некоторые из них, как мы видим, официально или неофициально являются частью государственных структур и иногда даже легитимированы существующим законодательством. Дело именно в самом дуализме (два уровня), или множественности (она может быть многоуровневой) силовых структур, которые сами по себе могут и отражать, и порождать разобщенность, фрагментацию.

Анализируя ситуацию последних полутора десятилетий, нетрудно видеть, что одна из основных угроз нациям-государствам в регионе исходила от *экстремистских, террористических группировок*. Два уродливых порождения экстремистских, эксклюзивистских концепций в исламе – Аль-Каида и ИГИЛ – по многим параметрам отличаются друг от друга, имеют разную повестку дня, хотя и схожие «идеалы», и фактически ведут бои на одном фронте. В чем основная разница между этими двумя проектами? Не вдаваясь в детали этого хорошо изученного в научной литературе феномена, вкратце коснемся лишь отдельных его сторон.

В качестве общей основы идеологии двух организаций выступает идея транснационального или даже всемирного исламского халифата. Его построение для Аль-Каиды – лишь призрачная стратегическая цель. Аль-Каиду можно охарактеризовать как транснациональную террористическую организацию. Ее можно назвать сетевой, хотя часто она не имеет организационных связей с теми или иными группами или индивидами, использующими ее бренд, а выступает лишь в качестве их идейного вдохновителя. Она не ставила задачу установления контроля над какой-либо большой территорией, довольствуясь «карманами», созданными ею в разных странах – в Пакистане, Афганистане, Йемене, Алжире, Мали, на Филиппинах и т. д.

Следует назвать одно странное определение Аль-Каиды, которое дал британский эксперт Дэвид Килкаллен. Он квалифицировал эту организацию как «транснациональное воинственное исламистское повстанческое движение». Эксперт аргументирует свое определение тем, что цель сети Аль-Каиды – «пытаться свергнуть те или иные местные правительства

с помощью различных повстанческих тактик (включая терроризм)»²². Эти тактики, по его мнению, те же, что используются всеми повстанческими движениями: «провокация, устрашение, затягивание, истощение»²³. Такая оценка так и осталась бы индивидуальным мнением одного из экспертов, если бы не была продублирована американским военным истеблишментом. В «Руководстве армии и морской пехоты США по борьбе с повстанческими движениями», составленном группой американских военных экспертов во главе с генералом Дэвидом Петреусом и увидевшем свет в 2007 г., Аль-Каида называется «глобальным повстанчеством», а войны США и их союзников в Ираке и Афганистане соответственно квалифицируются как «антиповстанческие»²⁴.

Подвергая критике «повстанческую» характеристику Аль-Каиды, Нахид А. Зехр отмечает, что «Аль-Каида не может претендовать на то, чтобы представлять легитимную группу “нерегулярников” (irregulars), или нерегулярных сил». Точно так же она не имеет полномочий представлять нацию или даже политическую группу. Она не может считаться повстанческим движением, поскольку оно является нерегулярной силой, претендующей на то, чтобы представлять «обиды и интересы того или иного политического сообщества и выступать против того или иного правительства»²⁵. В то же время автор справедливо отмечает, что Аль-Каида демонстрирует

²² Kilcullen D. *The Accidental Guerrilla: Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 597–617.

²³ Ibid. P. 12–16.

²⁴ US Army and US Marine Corps. *The US Army and US Marine Corps Counterinsurgency Field Manual*. Chicago: Chicago University Press, 2007. P. 2–3.

²⁵ Zehr N.A. *The War against al-Qaeda: Religion, Policy and Counter-narratives*. Washington D.C.: Georgetown University Press, 2017. P. 27.

свою двойную природу: она одновременно укоренена, но и значительно отделена от исламского традиционного понимания подлинной государственности и справедливого применения силы²⁶.

В отличие от Аль-Каиды выросшее из нее так называемое ИГ, или ИГИЛ/ДАИШ – не просто террористическая группировка, а организация, стремящаяся завоевать территорию, на которой она начала бы практическую реализацию своего проекта государственного строительства с перспективой ее расширения. Не случайно она несколько раз видоизменяла свое название – с «Исламского государства Ирака» в «Исламское государство Леванта» в 2013 г., а затем, вскоре после взятия Мосула, в «Исламское государство». Идея создания «Исламского государства Ирака» изначально принадлежала второму человеку в Аль-Каиде – Айману Мухаммаду аз-Завахири, призвавшему к этому после ликвидации американцами в 2006 г. одного из самых страшных террористов, Абу Мус‘аба аз-Заркави.

Управляя захваченной ею частью территории Ирака и Сирии с двумя столицами – Мосулом и Раккой, оно поначалу небезуспешно пыталось обеспечить свое функционирование как полноценного государства. ИГИЛ опиралось на запредельно жестокие методы обращения с теми, кто жил на этой территории, не говоря уж о зверских способах уничтожения противников – от отрезания голов и сжигания людей заживо до их утопления и сбрасывания с крыш многоэтажных зданий. Там были и система сбора налогов, и система образования, и сельское хозяйство, и торговля, и нефтепереработка, и разветвленная система контрабанды.

²⁶ Ibid. P. 4.

Лидеры ИГИЛ призывали всех мусульман либо совершать *хиджру* (эмиграцию) из своих стран в ИГИЛ, либо публично дать клятву верности этому псевдогосударству и лично его «халифу» Абу Бакру аль-Багдади.

Уродливая модель джихадистского государства, которую пытались воплотить в жизнь террористы, потерпела поражение, но остаются и их идеология, и немалое число ее сторонников, и разбросанные по разным странам Ближнего Востока и за его пределами (в Юго-Восточной Азии, Африке) многочисленные убежища, в которых они скрываются и накапливают силы.

Таким образом, система наций-государств на Ближнем Востоке переживает очевидный кризис. Удастся ли им выйти из кризиса, сохраниться и остановить процесс многоуровневой фрагментации, покажет время.

Глава 4

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Регион Ближнего Востока и Северной Африки в начале XXI в. переживает серьезные международно-политические трансформации, связанные с кризисом государственности, обострением противоречий на региональном уровне и растущим вмешательством внешних сил. Проявлениями общей и многоуровневой нестабильности стали (и этот перечень далеко не полный) распространение экстремизма, экономические трудности, социальная поляризация в обществе, нерешенность палестинской и курдской проблем, войны в Ираке, Ливии, Сирии и Йемене, межобщинная напряженность в Ливане, а также массовые антиправительственные выступления, затронувшие в 2011–2012 гг. почти все арабские страны и приведшие к противоречивым и неоднозначным результатам. Они сделали еще более неопределенными не только перспективы развития региона, но и глобальной международной системы¹.

Одним из элементов ближневосточного порядка, формировавшегося на протяжении десятилетий и ныне переживающего глубокий кризис, являются политические системы арабских стран, возникшие в результате

¹ См.: Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // *Россия в глобальной политике*. 2011. № 4. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>.

политической модернизации, сочетавшей внутреннюю специфику традиционных обществ и западный опыт. От устойчивости политических систем, представляющих собой «совокупность политических институтов, норм, ценностей, идей и отношений, в которых реализуется политическая власть», зависит способность государства решать проблемы развития в интересах всех слоев общества; согласовывать разнообразные интересы государства и социальных групп гражданского общества; противостоять внутренним вызовам стабильности; приобщать членов общества к политическому участию и деятельности; контролировать соблюдение социальных законов и правил и пресекать действия, нарушающие политические нормы².

Однако становление и эволюция политических систем арабских стран имели несбалансированный характер. Усилия политической элиты, мыслившей авторитаризм как необходимость, были сосредоточены на обретении и всестороннем укреплении независимости и проведении модернизации, а также удержании власти. Приоритет был отдан развитию институтов исполнительной власти, в особенности главы государства, подчиненного ему парламента и правящей/единственной партии (во многих монархиях обходились без этих двух элементов), силовых структур. Основными правилами игры стали несменяемость власти, маргинализация оппозиции и гражданского общества, слабость законодательных и судебных органов, сверхцентрализация. С одной стороны, проведение этого курса способствовали объективные условия догоняющей модернизации и особенности политической культуры арабов, но с другой – действия властей

² *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

сами во многом определяли и консервировали развитие общественно-политической сферы.

В последней трети XX – начале XXI в. в арабских республиках обозначился кризис легитимности. Он выражался в политическом отчуждении, недовольстве населения работой политических институтов, партий, отдалении граждан от властных структур, непонимании их политической стратегии и курса, снижении уровня политического участия. Арабские монархии в силу традиционных оснований легитимности имеют большой запас прочности, но и там власти столкнулись с широким общественным недовольством. Социальный договор, определяемый как неписаное соглашение между членами общества, регулирующее их отношения друг с другом и с государством, стремительно устаревал, а запрос на глубокие изменения становился все более актуальным, что привело к массовым протестам, начавшимся в конце 2010 – начале 2011 г., и последующим политическим трансформациям. В этой связи возникает потребность осмысления процесса и факторов эволюции политических систем арабских стран, их типологии и выявления тенденций, способствующих их дальнейшей эволюции.

* * *

В процессе эволюции политических систем арабских стран можно выделить четыре этапа. Периодизация эта в некоторой степени условна, поскольку во многих странах политическое развитие имело свою специфику, масштаб и хронологию. Тем не менее если в качестве основного критерия обозначить развитие

государственных институтов и характер их взаимодействия с обществом, то вырисовывается следующая схема³:

1) Колониальный период и первые годы независимости (XIX – первая половина XX в.). В этот период реформирование политических систем инициировалось либо местными властями, еще сохранявшими независимость (например, реформы хедива Исмаила в Египте или Танзимат в Турции в XIX в.), либо европейскими державами, поставившими под свой контроль государства Северной Африки и Ближнего Востока в XIX – первой половине XX в. Модернизация политических институтов носила ограниченный характер как в географическом, так и содержательном плане. В результате насаждения сверху или заимствования самими арабами европейского опыта появлялись первые политические партии, распространялись западные общественно-политические взгляды, возникали СМИ, формировалась вестернизированная элита, принимались конституции, создавались парламенты, министерства, т. е. политический процесс начинал приобретать современные черты.

2) Период жесткого авторитаризма (1950–1960/70-е годы). С обретением независимости как монархии, так и республики приступили к укреплению институтов государственной власти. В результате чего большинство королей, эмиров и султанов либо закрепили за собой абсолютную власть, либо, несмотря на наличие представительных органов

³ За основу периодизации взята схема, предложенная В. Кузнецовым и В. Салемом в статье «Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире» // *Россия в глобальной политике*. 13.03.2016. URL: <http://globalaffairs.ru/valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudba-gosudarstva-nacii-v-arabskom-mire-18043>.

и конституций, смогли поставить политическую жизнь в стране под свой полный контроль. В республиках жесткий авторитаризм выразался в смещении акцента в сторону президентской власти, становлении однопартийных систем, принятии концепции корпоративного государства, укреплении и двойной функции армии.

Однако «созидательная» тенденция формирования суперпрезидентских республик в большинстве стран на первых порах сопровождалась нестабильностью политического процесса. Мучительные поиски пути оптимального развития, ожесточенная конкуренция между политическими силами, идеологическая поляризация, недостаток прагматизма и тяга политических лидеров к мессианству, вмешательство военных в ряде республик (Алжир, Судан, Ирак, Сирия, Народно-демократическая республика Йемен) вели к частым и неконституционным сменам власти. Конец этого периода наступил по причине кризиса панарабизма после поражения арабских армий в арабо-израильской войне 1967 г., а также с переходом ряда режимов к либеральным экономическим реформам в 1970-е годы.

3) Период мягкого авторитаризма или «фасадной демократии» (1980–2010 гг.). В ходе него власти ряда арабских стран (Египет, Алжир, Иордания, Саудовская Аравия, Сирия) пошли на введение или возвращение формальной многопартийности при доминантно-партийных системах, допустили ограниченное развитие институтов гражданского общества, частичную деполитизацию силовых структур. На фоне ослабления светских оппозиционных сил все больший вес, массовость и подчас радикализм набирало движение

политического ислама, зародившееся в колониальный период.

4) Период Арабского пробуждения и кризиса наций-государств на Арабском Востоке (с конца 2010 г.). На рубеже 2010–2011 гг. многие страны региона вступили в полосу перемен, которые в одних случаях привели к относительно бескровной смене власти (Тунис, Египет); в других – к гражданским войнам, распространению терроризма, внешнему вмешательству (Ливия, Сирия, Йемен); в третьих – к ограниченным политическим реформам, инициированным властями в качестве уступки оппозиции (Марокко, Иордания); в четвертых – потребовали от правительств дорогостоящих финансовых расходов на социальную сферу для снижения уровня недовольства (монархии Персидского залива). Однако в отличие от предыдущих периодов пошатнулись или рухнули не только политические режимы. Под вопросом оказались перспективы модели государственности, сформировавшейся в эпоху колониальной зависимости и постколониальный период.

Реакцией на это стали усиление авторитарных тенденций (например, возвращение к власти военных в Египте в 2013 г.), попытки осуществить демократический транзит (Тунис) или наладить национальный диалог и запустить процесс постконфликтной реконструкции (Тунис, Йемен, Сирия, Ливия), а также выдвижение проектов альтернативной государственности как в формате ИГИЛ, так в виде сецессии или автономизации регионов (Южный Йемен, курдские кантоны Сирии, Иракский Курдистан).

Часть 1

**Политическая модернизация, утверждение
неопатримониальной формы
доминирования и последующая
гибридизация политических режимов**

К середине XX в. наиболее распространенной формой правления в Арабском мире была монархия. С одной стороны, это было продолжением существовавшей на протяжении веков политической практики, отчасти прерванной во времена Османской империи, поставившей во главе арабских провинций губернаторов. При этом Стамбул не мог противодействовать сепаратизму и формированию местных династий в удаленных регионах империи – от Марокко до Аравии. С другой стороны, после окончания Первой мировой войны и формирования мандатной системы усилению монархий содействовали британские власти, опиравшиеся на лояльные династии (Египет, страны Аравийского полуострова, Трансиордания, Ирак), а в последних двух случаях даже создавшие два хашимитских королевства. Методы косвенного управления не применялись в Аденской колонии, которая находилась под прямым контролем британских властей. Специфическая ситуация сложилась в подмандатной Палестине, где власть была сосредоточена в руках британского верховного комиссара. Интересы арабской общины представляли Высший мусульманский совет, а еврейской – Еврейское агентство.

Формы правления во французских владениях отличались большим разнообразием и креном в сторону республиканских структур. На одних территориях Франция сохранила монархическое начало (Марокко и Тунис). Но в большинстве случаев она предпочитала

опираться на создававшиеся ею политико-административные структуры республиканского типа. В мандатных французских Сирии и Ливане после короткого периода существования антифранцузского хашимитского Арабского королевства Сирия (1920) были созданы республиканские институты, возглавляемые представителями местной элиты, но подконтрольные французскому верховному комиссару. Сопrotивляясь мандатным властям, сирийские и ливанские националисты выражали неприятие объединительных проектов «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца», предлагавшихся пробританскими хашимитскими династиями в Ираке и Трансиордании. Особняком стоял французский Алжир, превращенный в смешанную переселенческо-ресурсную колонию. В северной густонаселенной и экономически развитой части страны были образованы три департамента, вошедшие в состав метрополии.

На территории Итальянской Северной Африки, ставшей объектом переселенческой колонизации после победы Италии в итало-турецкой войне 1911–1912 гг., постепенно нарастала тенденция к объединению с метрополией. Но традиционные представления о власти оставались достаточно сильными благодаря особой роли сенуситского братства в истории страны в XIX – первой половине XX в. В результате после окончания итальянской, а затем англо-французской оккупации глава сенуситов Мухаммад Идрис в 1951 г. был провозглашен королем Ливии.

Таким образом, несмотря на перечисленные особенности, именно европейские страны оказали решающее влияние на процесс создания в Арабском мире современных политических институтов. Однако это не всегда было прямым навязыванием арабским

обществам новой политико-административной структуры, так как сопровождалось выделением в традиционной политической элите ближневосточных стран сторонников модернизации.

На фоне деколонизации после Второй мировой войны в наиболее модернизированных государствах Северной Африки и Западной Азии общественное мнение и симпатии значительной части образованных слоев общества оказались не на стороне монархий, ассоциировавшихся с вековой отсталостью, коррупцией, поражением арабских армий в арабо-израильской войне 1948–1949 гг. и остатками колониализма. Результатом стала серия антимонархических переворотов, открывших путь новому этапу политической модернизации обретавшего независимость арабского мира. Республиканские режимы установились в Египте (1953), Ираке (1958), Йеменской Арабской Республике (1962), Ливии (1969). Решающую роль в смене формы правления сыграли военные, безошибочно определившие запрос общества на перемены и слабость других политических сил.

Особый путь к республике (без монархической прелюдии) прошли Сирия и Ливан, где, с одной стороны, колонизаторы привили республиканские ценности, а с другой – в борьбе за независимость решающую роль сыграли гражданские политические силы. В Алжире (1962) и Народно-демократической республике Йемен (1967) переход к республике произошел сразу с получением независимости, что было связано с деятельностью местных фронтов, в руководстве которых были и военные, и гражданские деятели. Впоследствии в обеих странах военные продолжали играть заметную роль, что во многом было обусловлено тем особым положением, которого добились силовики

еще на этапе антиколониальной войны. Единственным «невоенным» примером перехода от монархии к республике стало отстранение от власти тунисского бея Мухаммада VIII аль-Амина гражданским премьер-министром Хабибом Бургибой в 1957 г. в Тунисе, ибо там военные сыграли хоть и важную, но вспомогательную роль.

Приход военных к власти в отдельно взятом государстве влиял на ситуацию в регионе в целом и на межарабские отношения. Г.А. Насер и другие арабские националисты поставили под сомнение сам принцип легитимности монархической формы правления, по их мнению, выгодной только правящим династиям и их западным покровителям.

Эпоха арабских военных переворотов продлилась три десятилетия. По подсчетам израильского исследователя А. Перлмуттера, с 1939 по 1969 г. в семи арабских странах была предпринята 41 попытка военного переворота. В 23 случаях действия военных оказались успешными. В Египте, Сирии, Алжире, Ираке, Судане, Ливии к власти пришли военные режимы⁴.

Даже после того, как военные перевороты стали редким явлением, военная служба для многих политиков осталась обязательной страницей биографии. Политиками с военным прошлым были все президенты Египта, кроме исламиста Мухаммада Мурси. Подготовка передачи власти от президента Сирии Хафеза Асада (на момент переворота 1970 г. бывшего главкомом ВВС) его сыну во второй половине 1990-х годов, сопровождалась обучением «наследника» в военной академии и службой в Республиканской гвардии. Члены правящих семей в арабских монархиях тоже,

⁴ Ben-Dor G. Civilization of military regimes in the Arab world // *Armed forces and society*. 1975. Vol. 1. № 3. P. 317.

как правило, имеют за плечами не только гражданское образование, но и военную подготовку.

Активная и часто решающая роль военных в политической жизни арабских стран была обусловлена целым комплексом причин. Исторически в арабских государствах, а затем Османской империи военные прямо или косвенно были причастны ко многим сферам государственного управления. Успеху военных переворотов способствовали сплоченность офицеров, дисциплина, хороший уровень образования и широкий кругозор, склонность к силовым способам решения вопросов, высокий авторитет военных в обществе, особенно в тех странах, где обретение независимости было связано с длительной и кровопролитной борьбой. Особенности социальной структуры арабских обществ благоприятствовали выходу офицерства на первый план политической борьбы. Военные отстаивали интересы мелкой и средней буржуазии, недовольной влиянием крупной буржуазии и старой аристократии, терявших общественную поддержку.

При этом другим оппозиционным гражданским политикам было трудно конкурировать с военными из-за слабого среднего класса и тяготения большинства населения к сильной власти, с недоверием относившимся к парламентаризму и партиям, чья борьба друг с другом казалась непродуктивной и ослабляла молодые арабские государства.

«Кроме того, сама традиционная политическая культура стран региона препятствовала введению многопартийности. Понятие *хизб*, обозначающее политическую партию, изначально подразумевает любую группу людей, сплоченных общей идеей. В рамках религиозного авраамического миропонимания, предполагающего наличие одной-единственной истины,

возможными оказываются всего два хизба – Аллаха и шайтана, и лишь один из них верный. Соответственно политический плюрализм воспринимается как отказ от истины, ниспосланной человеку Богом»⁵.

После деколонизации «деятельность первых гражданских национальных правительств арабских стран сталкивалась с большими трудностями и отличалась непоследовательностью. Проводимая ими политика лишь формально носила независимый характер. На деле же многие арабские лидеры того времени были вынуждены ориентироваться на бывшие метрополии и связанные с ними традиционные социально-политические группы населения своих стран. Политические институты независимых национальных государств еще только формировались. В большинстве случаев арабские гражданские власти оказывались неспособными решать острые социально-экономические проблемы общества и обеспечивать защиту своей страны от внешних угроз. В этих условиях выход армии на политическую арену становился неизбежным фактором политического процесса в Арабском мире»⁶.

Вероятность свержения монархии и прихода к власти военных были ниже в арабских государствах с наиболее архаичной социальной структурой, основанной на племенном делении. В большинстве монархий консерватизм подданных, умение властей выстроить с ними отношения в рамках традиционной политической культуры и позиция армии, сформированной

⁵ Звягельская И.Д., Кузнецов В.А., Морозов В.М. Ближневосточная государственность: от постколониализма к неизвестности // *25 лет внешней политике России. Сборник материалов X Конвента РАМИ*. Т. 1, ч. 2. *Внешняя политика России: глобальное и региональные измерения*. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 182.

⁶ Ахмедов В.М. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации // *Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России*. М., 2006. Вып. 5 (10). С. 8.

из лояльных выходцев из племенной среды и поставленной под начало членов правящей династии, стали гарантией устойчивости режимов. Но, как показывают примеры Ливии, Йеменского мутаваккилийского королевства, попытки военных переворотов в Марокко и Иордании, такие политические системы имели ограниченный запас прочности.

Успешный военный переворот был наименее вероятен там, где гражданские политики и партии оказывались достаточно влиятельными. Так, в Тунисе была сильная гражданская партия «Новый Дустур» во главе с харизматичным Х. Бургибой. В Ливане политический процесс развивался по пути постоянного поиска баланса между крупными конфессиональными общинами, партиями и клановыми лидерами.

Разные исследователи акцентируют внимание на тех или иных причинах доминирования военных в политической жизни арабских стран, указывая на распад традиционного социально-экономического порядка в постколониальных странах и неэффективность современных политических институтов, в первую очередь партий (С. Хантингтон), в то время как армия выступала как самый современный институт (А. Перлмуттер). Г. Торрей обращает внимание на специфику арабской политической культуры и отмечает слитность военной и гражданской сфер в исламе. Х. Нассиф заостряет внимание на том, что закреплению позиций военных способствовала их ключевая роль в проведении модернизации. Г. Торрей, приводя пример Сирии, подчеркивает, что приход военных в политику более вероятен в странах, где население и традиционные элиты разделены по региональному, религиозному признакам, а армия выступает консолидирующей силой, отстаивающей общенациональные

интересы⁷. При этом в самой армии также могут существовать разделение на идеологической и этноконфессиональной основе, соперничающие группировки, образованные по земляческому принципу, что создает условия для новых переворотов (например, организаторы трех военных переворотов в Сирии в 1949 г. Хусни Аз-Заим, Сами Хинауи и Адиб Шишекли были курдского происхождения)⁸.

При всем многообразии литературы, посвященной роли военных в арабской политике, выделяются два подхода. Сторонники классового подхода, которые рассматривают ту или иную военную группировку как продолжение определенного класса, имеющего противоречия с другими. Так, алавитская группировка в сирийской армии происходила из среды бедных алавитских крестьян и боролась за влияние с офицерами – выходцами из суннитской городской буржуазии. Египетские «Свободные офицеры» в значительной части были сыновьями средних землевладельцев и мелкой буржуазии, теснимых представителями более благополучных и приближенных к власти социальных слоев, которые служили в египетской армии, но на более высоких должностях.

Сторонники так называемого преторианского подхода рассматривают политизированных офицеров как самостоятельный институт, способный к управлению государством и берущий на себя эту функцию в условиях его упадка и неэффективности гражданских политиков. Политическая активность военных, по мнению

⁷ Li A. *The persistence of military coups in Arab politics, some reflection on Syria and Egypt*. P. 1–2. URL: http://www.academia.edu/6482474/The_persistence_of_military_coups_in_Arab_politics_some_reflection_on_Syria_and_Egypt.

⁸ Ахмедов В.М. *Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке...* С. 9.

сторонников данного подхода, обусловлена не социальным происхождением или общинными связями офицеров, а самой принадлежностью к военной касте, что диктует им определенную модель поведения⁹.

Политический процесс после прихода военных к власти мог развиваться по двум сценариям, каждый из которых показывает неоднозначность роли армии.

В первом варианте сложность ситуации в стране, неблагоприятные внешние факторы, высокая степень фрагментации самой армии по этническому, земляческому или идеологическому признакам, радикализм и недостаток прагматизма у военных приводили к целой череде военных переворотов. Примерами могут служить недолговечные режимы Абдель Керима Касема и братьев Арефов в Ираке, а также Сирия, где армейские офицеры трижды в 1949, 1954, 1963 и 1966 гг., захватывали власть, но их положение оказывалось неустойчивым.

Во втором варианте военный переворот позволял надолго стабилизировать ситуацию в стране и проводить глубокие социально-экономические преобразования. Менялась форма участия военных в государственных делах. От прямого военного правления осуществлялся переход к гражданскому, с высокой долей выходцев из военной среды на всех уровнях власти. Подобные изменения произошли в Египте после смещения Г.А. Насером генерала Мухаммада Нагиба с президентского поста в 1954 г., в Сирии в 1970 г. с приходом к власти Хафеза Асада, в Ираке при генерале Ахмаде Хасане аль-Бакре. После переворотов в Сирии (1954 и 1961 гг.) и Судане в 1964 г. военные режимы также стремились к переходу к гражданскому правлению.

⁹ Li A. *The persistence of military coups...* P. 3.

Израильский политолог Г. Бен-Дор в 1970-е годы обратился к вопросу о трансформации военных режимов в гражданские, имея в виду не передачу военными власти в руки политиков, а переход самих военных в категорию гражданских лиц, чье правление не носит какой-либо чрезвычайный характер. На широком азиатском, латиноамериканском и африканском материале исследователь установил, что существует два варианта перехода к гражданскому правлению: краткосрочный (например, Турция, Гана) и поэтапный (Египет, Мексика)¹⁰.

В случае если военные быстро передавали власть слабым гражданским политикам и партиям, то вскоре это приводило к повторному перевороту (в Судане после переворота 1964 г. военные в очередной раз вмешались в 1969 г.; в Сирии после переворота 1954 г. очередное вмешательство было в 1957–1958 гг.). Скорое возвращение власти в руки гражданских лиц было связано с масштабными и неординарными событиями, разворачивавшимися не в пользу людей в погонах. Так, военным приходилось отступать в результате массовых акций протеста в Судане или решительных действий разнородной гражданской коалиции в Сирии в 1954 г. Сталкиваясь с серьезным противодействием, терпя неудачи в управлении страной, военные теряли уверенность и предпочитали уйти в казармы. Уход оказывался временным, так как гражданские правительства не могли решить проблем, оказывались неспособны ослабить армию и создать сильные институты, противостоящие натиску офицеров¹¹.

¹⁰ Ben-Dor G. *Civilization of military regimes...* P. 318.

¹¹ Ibid P. 319–320.

Большее распространение в мире (и арабский регион не стал исключением) получила вторая модель, преимуществом которой была гарантия долгосрочной политической стабильности и создание условий для проведения экономической модернизации. В Египте это произошло раньше всего с приходом умелого политического игрока Г.А. Насера, сначала избавившегося от конкуренции со стороны М. Нагиба, затем оппозиционных «Братьев-мусульман». Принятие конституции 1956 г., избрание Г.А. Насера президентом и роспуск Совета революционного командования положили конец переходному периоду. На рубеже 1960–1970-х годов, после прихода к власти в Ливии Муаммара Каддафи и Хафеза Асада в Сирии, военного переворота в Судане в 1969 г. у власти в большинстве стран установились стабильные режимы и сильные лидеры с армейским прошлым. За два-три десятилетия активного участия в политике военные не только получили большой опыт и научились захватывать власть, но и выработали умение эффективно управлять государством. Проникновение во власть для военных самого разного уровня означало карьерный рост, и они были заинтересованы в закреплении такого порядка. Региональные условия благоприятствовали устойчивости военных режимов. К началу 1970-х годов завершилось противостояние между «прогрессивными» арабскими государствами и консервативными прозападными монархиями.

Политическая стабилизация происходила за счет усиления авторитарных тенденций, персонификации политического процесса, ослабления оппозиции, повсеместного утверждения однопартийных или формально многопартийных республик с одной господствующей партией. Степень влияния партий, военных

и роль идеологии различались. В Сирии, Алжире, НДРЙ, Ираке, Египте роль военных оставалась чрезвычайно высокой. В Тунисе и Ливии власти планомерно ослабляли армию, чтобы исключить военный переворот.

Но авторитарные тенденции были характерны не только для стран, столкнувшихся с военными переворотами, но и практически для всех арабских государств, как республик, так и монархий.

Например, в конституционно-монархической Иордании с 1956 г. были запрещены политические партии (опасность представляли силы левого и националистического толка, вдохновлявшиеся идеями насеризма, баасизма и панарабизма, а также радикальные исламисты из «Хизб-ат-тахрир»), в 1970–1971 гг. были подавлены оппозиционные военизированные палестинские организации. С 1970 по 1992 г. действовал режим чрезвычайного положения. В 1974 г. был распущен парламент, который не собирался в течение десяти лет, а полноценные выборы в законодательный орган состоялись только в 1989 г. Эти меры, которые были шагом назад по сравнению с периодом конца 1920-х – первой половины 1950-х годов, когда в стране активно велись легальные политические дискуссии, исключили для оппозиции возможность действовать открыто¹².

Своеобразную форму приобрел процесс укрепления власти короля и госаппарата в Марокко. Исторически власть в стране носила децентрализованный характер, а государь был авторитетным, но считавшимся с интересами племен и суфийских братств. Участие

¹² Демченко А. Королевская власть в Иордании и исламистская оппозиция // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 10.

короля Мухаммеда V (1927–1961) в национально-освободительной борьбе существенно упрочило позиции Алавитской (Алауитской) династии. При его преемнике Хасане II (1961–1999) дворец сосредоточил в своих руках все нити управления страной, а в результате умелого вмешательства в партийное строительство, в том числе политики дробления партий, марокканская многопартийность, как отмечают российские исследователи М.Ф. Видясова и М.Ш. Умеров, оказалась иллюзорной¹³.

В абсолютистской Саудовской Аравии экономическая модернизация на основе сверхдоходов от экспорта нефти сопровождалась созданием современных органов исполнительной власти, внешне напоминавших западные аналоги, но формирование даже подконтрольных властям партий (за исключением Кувейта) и законодательных органов исключалось. Так, в 1953 г. в саудовском государстве был создан совет министров для всего королевства (ранее в его ведение формально входили только дела Хиджаза), но королевский диван по-прежнему мог вмешиваться в деятельность совета министров, хотя в законодательном порядке это не регулировалось, а зависело от реальной власти короля по отношению к премьер-министру и веса отдельных лиц в дворцовых ведомствах. Как пишет А.М. Васильев, власти сочетали ограниченную модернизацию сверху, репрессии, и, «обладая все растущими нефтяными доходами, принявшими колоссальные размеры, саудовский режим... успешно “откупался” от требований коренных перемен. Потенциально недовольных

¹³ Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. *Египет в последней трети XX века. Опыт либерализации экономики и политической системы*. М., 2002. С. 71–72.

и политически активных лиц поглощал разбухший неэффективный, но престижный и хорошо оплачиваемый государственный аппарат»¹⁴.

В республиканском Тунисе, избежавшем военных переворотов, авторитарный режим президента Хабиба Бургибы (1957–1987) стремился к контролю над всей жизнью тунисского общества. В своей политике он умело подавлял левую оппозицию. Опорой Х. Бургибы служили конституция 1959 г., дававшая президенту огромные полномочия, лояльные профсоюзы, молодежные, женские и прочие общественные организации и партия «Новый Дустур»¹⁵.

Повсеместное преобладание авторитарных тенденций объясняется столкновением двух моделей в колониальную и постколониальную эпохи – современной западной и традиционной, что привело к созданию гибридной модели, сочетающей в себе элементы обеих, в которой восточная составляющая оказалась достаточно сильна. Новые арабские государства оказались структурно слабыми, и с получением независимости компенсация этого недостатка происходила по пути чрезмерного усиления государственного контроля в политике, экономике и идеологии и приспособления традиционной патримониальной формы доминирования к заимствованным у Запада институтам. Результатом синтеза стало распространение феномена неопатримониальности, описанного последователем М. Вебера Г. Ротом. Израильский и американский социолог Ш.Н. Эйзенштадт выделил следующие признаки неопатримониальных форм господства:

¹⁴ Васильев А.М. *История Саудовской Аравии*. М., 1982. Заключение. https://www.e-reading.by/chapter.php/1034067/71/Vasilev_-_Istoriya_Saudovskoy_Aravii.html.

¹⁵ Ланда Р.Г. *История Туниса. XX век*. М., 2017. С. 121-122.

1) «государство управляется как частное владение (патримониум) носителей государственной власти. При этом происходит приватизация общественных функций и институтов, которые становятся источником частных доходов для этих носителей;

2) этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи отнюдь не исчезают, а встраиваются в логику функционирования государственного аппарата, мимикрируя под «с виду современные» политические и экономические отношения;

3) политический центр отделен от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, перекрывая доступ к ним всем остальным группам и слоям общества»¹⁶.

Неопатримониализм был не только результатом синтеза двух политических практик и культур, но и подкреплялся особенностями экономической модернизации арабских стран. В государствах первого эшелона развития (Западная Европа) этот процесс занял несколько веков и в целом носил поступательный и органичный характер. Меньший срок для модернизации был у стран второго эшелона (США, Германия, Япония, Россия и др.). В Арабском мире, наряду с другими странами Азии, Африки и Латинской Америки относящемся к третьему эшелону, роль политического фактора оказалась более значимой и даже определяющей. Арабские государства находились в неблагоприятных изначальных условиях для догоняющей модернизации, а именно: низкий уровень социальной дифференциации, слабое капиталистическое развитие городов, проблемы национальной

¹⁶ Мельников К.В. Неопатримониализм в контексте типологии политических режимов // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 52.

консолидации, консерватизм культурных традиций, наследие колониализма и др. Возникла необходимость компенсировать эти недостатки. «Отсюда повышенная роль политической власти, государства как “толкача” и организатора модернизации – роль тем более значительная, чем позже то или иное общество начинает нелегкое восхождение к структурам индустриальной цивилизации. С этим связано появление такого феномена, как “авторитаризм развития (или модернизации)”», – заключают российские исследователи В.Г. Хорос и М.А. Чешков¹⁷.

В Арабском мире авторитарный тип организации власти обладал своими особенностями.

Во-первых, ни одна арабская страна по уровню экономического развития не попала в категорию новых индустриальных стран, оставшись позади Республики Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга, Индии, Чили, Турции, Малайзии и др., где авторитарная власть, несмотря на все издержки кумовского капитализма (коррупция, ограниченный круг крупных предпринимателей, получивших выгоды от модернизации, сильное социальное расслоение и т. д.), оказалась способна обеспечить экономический рывок. В арабских странах, вступивших на путь либерализации экономики, достижения были намного скромнее. Даже экономический бум стран Персидского залива из-за его сырьевого характера долгое время не сопровождался индустриализацией, созданием современных отраслей промышленности и развитием НИОКР.

Во-вторых, выделенная американским политологом С. Хантингтоном третья волна демократизации (вторая половина 1970-х – 1991 г.) затронула страны,

¹⁷ *Авторитаризм и демократия в развивающихся странах* / Отв. ред. В.Г. Хорос. М., 1996. С. 14.

где был «авторитаризм развития». Успешно решая экономические и социальные задачи модернизации, авторитаризм вольно или невольно подрывал основы своего существования, после чего добровольно или вынужденно совершался переход к демократическим формам правления. В Арабском мире, где достижения «авторитаризма развития» оказались настолько скромными, что можно поставить под вопрос применимость этого термина к региону, не произошло ничего, что можно было бы сравнить с демократизацией республик Тайвань, Южная Корея или Чили, где стал возможен приход к власти оппозиционных партий.

Но некоторая эволюция политических систем Арабского мира в последней трети XX – начале XXI в. все же наблюдалась. Процесс ограниченной либерализации протекал асинхронно, сопровождался откатами к авторитаризму и нес в себе угрозу дестабилизации.

Арабским лидерам рано или поздно было необходимо приспособляться к новой ситуации, характеризовавшейся падением популярности арабского социализма и арабского национализма, которые ранее оказывали огромное мобилизационное и консолидирующее воздействие на политизированные массы и компенсировали трудности развития, представлявшиеся элитам и населению временными и преодолимыми. Происходила смена модели экономического развития, ограничение государственного регулирования, переход к частичной приватизации, повышение открытости экономик, формирование индустриального экспорта.

Показательным примером стала политика египетского президента Анвара Садата (1970–1981), во многом воспринятая его преемником Хосни Мубараком (1981–2011). В сфере экономики (политика *инфтах*)

был взят курс на укрепление частного сектора, в социальной политике – на отказ от декларировавшегося насеровского эгалитаризма, во внешних делах – на привлечение иностранных инвестиций и укрепление политических связей с западным миром и монархиями Персидского залива. В политической области произошло некоторое смягчение авторитаризма за счет отхода от прежней однопартийной системы, выразившееся в разделении насеровского Арабского социалистического союза на три блока, а затем в создании Национально-демократической партии Египта, которая получила статус правящей, но уже в рамках многопартийной системы.

В результате серии реформ в стране сложилась имитационная демократия. Власти продолжали заявлять об успехах экономического развития (таковые, хотя и с социальными издержками, действительно были). Общество, принявшее Х. Мубарака как безальтернативного и пожизненного президента, теряло интерес к выборам, превращавшимся в обязательный, но имевший мало практического смысла ритуал. Оппозиция ждала своего часа или была удовлетворена сервильным положением в политической системе. На первых в истории Египта альтернативных выборах президента в сентябре 2005 г. явка составила 23%. По итогам парламентских выборов в ноябре–декабре того же года НДП получила 336 депутатских мест из 444, «Братья-мусульмане» – 88, а либерально-демократические силы – 14 мандатов. На следующих парламентских выборах в конце 2010 г. административный ресурс применялся в еще большем масштабе, и оппозиция опять потерпела поражение. Результаты выборов, утверждение на референдуме 2007 г. поправок в конституции, в том числе запрета на создание

партий на религиозной основе, опасения оппозиции, что пожилой президент может передать власть своему сыну Гамалю Мубараку, ознаменовали глубокий кризис египетской имитационной демократии.

Аналогичным путем шел президент Туниса Зин аль-Абидин Бен Али (1987–2011). При нем экономические реформы и послабления в пользу светской оппозиции сочетались с коррупцией, к которой оказались причастны родственники главы государства; безработицей среди молодежи; злоупотреблениями репрессивного аппарата; разрешением президенту переизбираться неограниченное число раз и отменой предельного возраста (75 лет) для участия в борьбе за пост главы страны.

Другим разочарованием стал режим Б. Асада в Сирии. С его приходом в 2000 г. на пост президента внутри страны и на Западе связывались надежды на экономическую и политическую либерализацию. Оживление общественно-политической жизни в начале 2000-х годов получило медийное название «Дамасская весна», но клан Асадов, опасавшийся утраты контроля над ситуацией и бывший в принципе не готовым к серьезным политическим реформам, положил ей конец.

Менее гибким был беспартийный режим М. Каддафи в Ливии (1969–2011), перешедший в начале XXI в. к некоторой либерализации экономической и политической жизни и улучшению отношений с Западом. Совсем в стороне от реформ оказался авторитарно-тоталитарный режим Саддама Хусейна в Ираке.

Примером решительной, но неудачной демократизации стал Алжир. После трех десятилетий монопольного правления Фронта национального освобождения (ФНО)

в конце 1980-х – начале 1990-х годов, в условиях социально-экономического кризиса и разочарования населения в прежней идеологии, значительная часть избирателей на парламентских выборах 1991 г. поддержала радикальный Исламский фронт спасения. Военные ответили переворотом, после чего в стране началась гражданская война (1991–2002) и произошел возврат к сильной президентской власти, доминированию ФНО и силовых структур. Тем не менее достижениями либерализации в Алжире стали многопартийность и интеграция умеренных исламистов в легальную политическую жизнь.

Вообще подъем политического ислама с 1970-х годов, в том числе революция в Иране 1979 г., захват заложников в мечети Мекки в 1979 г., убийство радикалами А. Садата в 1981 г., гражданская война в Алжире, теракты в Египте в 1990-е годы, деятельность Аль-Каиды, способствовали поддержанию режима сильной власти и репрессивных функций государства, так как, с одной стороны, элита искренне считала себя гарантом стабильности перед лицом исламистской угрозы, а с другой – использовала ее для оправдания сохранявшегося авторитаризма.

Таким образом, ограниченная либерализация привела к тому, что в Арабском мире распространялись гибридные режимы с такими атрибутами, как парламенты, формальная многопартийность, подконтрольные институты и организации и т. п. Этому сопутствовало усиление репрессивных функций государства, призванных уравновесить либеральные уступки. Демократические институты в действительности обслуживали интересы не общества, а правящей элиты, встраивавшей их в патронажно-клиентельную систему. Высшим проявлением триумфа мягкого

авторитаризма стал вопрос о наследовании президентской власти родственниками действующих лидеров. Хотя осуществить это удалось только в Сирии, широко распространились прогнозы о возможности повторения сирийского сценария в Ливии, Египте, Йемене и Тунисе¹⁸. Независимо от реальной возможности, например, для супруги тунисского президента Лейлы Трабелси занять его пост, такие разговоры отражали восприятие обществом ущербной либерализации сверху.

В арабских монархиях социально-политическая напряженность оставалась существенно ниже. В Марокко Мухаммед VI (король с 1999 г.) продолжил курс отца на осторожную либерализацию и модернизацию, умелое вовлечение умеренных исламистов в политику. Ряд мер по чистке госаппарата и силовых структур от наиболее влиятельных и одиозных руководителей прибавил популярности молодому королю.

Либерализация и экономические реформы в Иордании, начавшиеся в конце 1980-х – начале 1990-х годов, несмотря на сохранение курса на демократизацию, на деле привели лишь к ужесточению контроля над оппозицией. В 1989 г. состоялись первые за 22 года полноценные выборы в парламент. Участие в избирательной кампании принесло успех «Братьям-мусульманам», получившим в нижней палате парламента 22 места из 80. Режим быстро отреагировал на изменившуюся ситуацию и провел манипуляции с избирательным законодательством, в результате чего по итогам выборов 1993 г. представительство Фронта исламского

¹⁸ Laurel E. Miller et al. *Democratization in the Arab World: Prospects and Lessons from around the Globe*. The RAND Corporation, 2012. P. 43. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1192.pdf.

действия (ФИД) в парламенте снизилось до 17 депутатов. Не добившись изменения условий политической борьбы в свою пользу, ФИД бойкотировал парламентские выборы 1997 г. Впоследствии отношения между властями и оппозицией развивались по известному сценарию. Власти планомерно ужесточали законодательство, сужая поле действий для оппозиции, а исламисты предпочитали бойкотировать парламентские выборы¹⁹.

В абсолютистской Саудовской Аравии, учитывая низкий стартовый уровень, в начале 1990-х годов произошли важные преобразования в политической сфере. В 1992 г. обнародованы четыре закона: Основной закон правления, Закон о Консультативном совете, Закон об управлении провинциями и Закон о Совете министров. Создание Консультативного совета стало результатом глубоких изменений в социальной структуре королевства и стремления династии расширить свою базу путем назначения в этот своего рода «протопарламент» представителей нового образованного класса, появившегося в ходе модернизации. Аналогичные изменения произошли на региональном уровне. Закон об управлении провинциями предусматривал введение в состав Совета провинции не менее десяти представителей бизнеса и новой интеллектуальной элиты. Как отмечает Г.Г. Косач, в королевстве «по сути, зарождался парламент, закладывались основы регионального самоуправления»²⁰.

¹⁹ Демченко А.В. Затянувшаяся «весна» в Иордании // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М., 2013. С. 85–106.

²⁰ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: реформы и стабилизация // *Россия в глобальной политике*. 2005. № 5. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_5744.

В Кувейте по инициативе эмира в 1999 г. женщинам было предоставлено право участия в парламентских выборах (парламент утвердил этот указ только в 2005 г.). Осторожная и поэтапная либерализация в соседнем Омане выразилась в формировании Консультативного совета в 1981 г. (спустя десять лет преобразован в Совет *шурры*) и принятии первой в истории страны конституции 1996 г., которая подтвердила неограниченную власть султана и зафиксировала основные права граждан. Однако, как и прежде, сверхдоходы от экспорта нефти и газа позволяли консервировать арабийский монархический авторитаризм.

Часть 2

Разнонаправленные векторы политических трансформаций в контексте арабского пробуждения

Отсутствие реальных демократических перемен и исчерпание арабскими автократами, находившимися у власти в течение нескольких десятилетий, запаса легитимности, социально-экономические трудности, несмотря на удовлетворительные темпы экономического роста, сложная демографическая ситуация, характеризовавшаяся наличием «молодежного бугра» (высокого процента среди населения лиц в возрасте от 15 до 30 лет, в том числе образованных, но безработных), привели к массовым протестам в 2011–2012 гг., получившим названия «Арабская весна» или «Арабское пробуждение».

Их максимальными результатами стало то, что в одних странах авторитарные правители были вынуждены уйти

в отставку (Тунис, Египет, Йемен); в других – выступления вооруженной оппозиции привели к гражданской войне (Ливия, Сирия, а также Йемен).

Наиболее устойчивыми оказались арабские монархии. Накануне Арабской весны их политические системы были наименее модернизированными, отличались заметной ролью традиционных институтов в социально-политической системе и сакральной легитимацией власти. Последняя реализована через возведение родословной правящей династии к пророку Мухаммеду (в Иордании и Марокко) или статус хранителя двух мусульманских святынь – городов Мекка и Медина (в Саудовской Аравии).

Дополнительным инструментом обеспечения устойчивости монархий является племенной консенсус²¹, как в большинстве монархий Персидского залива, бурный экономический рост и наличие финансовых резервов, накопленных за счет экспорта углеводородов, что позволяет в большинстве случаев устранить социально-экономические причины для проявлений недовольства населения или снизить его уровень до безопасного для властей. Хотя на фоне республик арабские монархии отличаются меньшей динамичностью политических изменений, их было бы неверно воспринимать как реликтовые, законсервированные формы. На протяжении десятилетий они адаптировали ряд демократических институтов и процедур, а Королевство Марокко, наряду с Республикой Тунис по итогам Арабской весны следует отнести к числу наиболее продвинувшихся на направлении демократизации и укрепления легитимности.

²¹ Труевцев К.В. Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 7. С. 158.

Республики оказались в уязвимом положении, как по причине большей модернизованности населения, отсутствия финансовых резервов для погашения недовольства, так и из-за самой природы их авторитарных систем. Персоналистские режимы, не допустившие на предыдущем этапе ограниченной либерализации, оказались наименее устойчивыми, ибо узкая властная элита не могла продлить или изменить социальный договор, переложив ответственность за неудачи на чужие плечи, и дистанцироваться от правительства, что могли себе позволить лидеры монархических государств.

В зависимости от специфики каждой из стран политические перемены протекали в рамках следующих моделей: 1) движение в сторону консолидированной демократии (Тунис); 2) частичная либерализация без демократизации (Марокко, Иордания, Алжир, Оман); 3) авторитарный регресс (Египет, Бахрейн, Кувейт); 4) несостоявшаяся демократизация и деградация политических систем (Сирия, Йемен, Ливия); 5) поддержание статус-кво (варианты – сохранение монархического авторитаризма (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ) и продолжение затяжного системного кризиса (Ливан, Ирак, Палестина)).

1) Движение в сторону консолидированной демократии (Тунис). Единственным примером успешного демократического перехода следует признать Тунис. В нем, несмотря на некоторые издержки (всплеск терроризма и политические убийства, частую смену премьер-министров, введение режима чрезвычайного положения, социально-экономические трудности, большой отток молодежи в ряды ИГИЛ в Ираке, Сирии и Ливии), последовательно осуществляются демократические реформы. Оказался успешным

национальный диалог, существует межпартийная борьба, власть передается исключительно через конституционные механизмы. Есть свобода слова и СМИ. Население в большинстве своем сохраняет приверженность курсу на демократизацию. Это стало возможным благодаря особенностям тунисского общества, более модернизированного и урбанизированного, умеренности самой весомой исламистской партии «Ан-Нахда», наличию влиятельных и массовых светских сил – профсоюзов, партий и НПО²².

Основными вехами демократизации в Тунисе стали свободные выборы в Конституционную ассамблею в октябре 2011 г., формирование правительства «Ан-Нахдой» в коалиции с двумя светскими партиями, сложный, но продуктивный национальный диалог между различными силами на протяжении 2013 г., принятие конституции в январе 2014 г., выборы в Ассамблею народных представителей в октябре 2014 г. (83 места получила главная светская партия «Нидаа Тунис», а «Ан-Нахда» – 68 мест).

Отличительными чертами тунисской конституции стали сохранение светского характера государства (отсутствует традиционное для арабских стран упоминание о шариате как источнике законодательства), акцент на правах граждан, в особенности женщин, закрепление приоритета над внутренним законодательством международных договоров, одобренных парламентом, включение в Основной закон статьи о партиях. В результате компромисса между

²² Fareed Zakaria: Why democracy took root in Tunisia and not Egypt // *The Washington Post*. October 30, 2014. https://www.washingtonpost.com/opinions/fareed-zakaria-why-democracy-took-root-in-tunisia-and-not-egypt/2014/10/30/c5205adc-606a-11e4-9f3a-7e28799e0549_story.html?utm_term=.56818c0138f5.

«Ан-Нахдой», выступавшей за парламентскую республику, и светскими партиями, склонявшимися в сторону президентской, исполнительная власть была разделена между президентом, избираемым на прямых всеобщих выборах не более чем на два пятилетних срока, и премьер-министром, представляющим победившую на парламентских выборах партию или коалицию партий и наделенным правом формировать правительство²³.

2) Частичная либерализация без демократизации (Марокко, Иордания, Алжир, Оман). Оппозиция в этих странах организовала массовые акции протеста, но не ставила целью отстранение от власти (хотя такие лозунги также имели место), а призывала к демократизации политических систем. Власти проводили дозированные либеральные реформы, но не допускали реального влияния оппозиции на процесс принятия решений.

На первое место по масштабу либерализации следует поставить Марокко. В ответ на протесты оппозиции король пообещал широкие политические реформы. Новая конституция, принятая в июле 2011 г., расширяла права и свободы граждан, партий, профсоюзов и НПО. На пост премьер-министра должен назначаться глава победившей на парламентских выборах партии. Таким образом, Марокко продолжило длительный процесс эволюции в сторону парламентской монархии.

Однако эти уступки уравниваются статьями конституции, определяющими «неотчуждаемые

²³ Tunisia's Constitution of 2014: https://www.constituteproject.org/constitution/Tunisia_2014.pdf; Сапронова М. Становление новой государственности на арабском Востоке // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 29–30.

полномочия короля» и те, которыми он делится с законодательной и исполнительной властью. Исключительное положение в политической системе короля, чья фигура «священна и неприкосновенна», подчеркивается тем, что он сохраняет традиционный статус повелителя правоверных, возглавляет Высший совет улемов. Король является «высшим представителем нации, символом ее единства, гарантом устойчивости и преемственности государства, его независимости и территориальной целостности», выполняет функции верховного арбитра и защитника демократии²⁴.

На досрочных парламентских выборах в ноябре 2011 г. и очередных в октябре 2016 г. наилучшего результата (107 и 125 мест из 395) добилась умеренная исламистская Партия справедливости и развития, сформировавшая правительство в коалиции со светскими партиями.

В Алжире умеренность требований оппозиции объяснялась памятью о гражданской войне 1991–2002 гг. и мерами по ослаблению оппозиции, предпринятыми властями во второй половине 1990-х – 2000-е годы. Был отменен режим чрезвычайного положения, действовавший с 1992 г., смягчен закон о политических партиях и СМИ. Незадолго до парламентских выборов 2012 г. был принят новый закон о выборах, сделавший процедуру голосования более открытой (хотя и далекой от мировых стандартов). Итоги выборов в нижнюю палату парламента, на которых победили проправительственные силы во главе с ФНО (221 место из 462), и переизбрание на новый четырехлетний срок действующего президента Абд аль-Азиза Бутефлики в апреле 2014 г. (81% при явке 51,7%) подтвердили

²⁴ Morocco's Constitution of 2011. https://www.constituteproject.org/constitution/Morocco_2011.pdf?lang=en.

устойчивость политической системы, сформировавшейся после принятия конституции 1996 г.

В феврале 2016 г. парламент Алжира утвердил давно обещанные изменения в конституцию страны, которые ограничили пребывание у власти президента страны только двумя сроками, тогда как ранее можно было переизбираться неограниченное число раз. В качестве уступки берберскому движению язык тамазиг получил статус официального, в то время как арабский был назван «национальным и официальным языком государства». Оппозиция оказалась недовольна запоздалыми и скромными изменениями. По словам бывшего премьер-министра Алжира Али Бенфлиса, дважды выступавшего против А. Бутефлики на выборах главы государства, конституционная реформа была направлена на то, чтобы «решить проблемы существующего режима, а не страны», т. е. подготовить передачу власти преемнику престарелого главы государства²⁵.

Оппозиционное движение в Иордании, возглавленное связанным с местными «Братьями-мусульманами» Фронтом исламского действия, в качестве главных политических требований выдвинуло необходимость принятия нового, справедливого закона о выборах, усиления роли парламента, в том числе передачи победившей партии права формировать правительство. Однако король Абдалла II, умело играя на противоречиях между коренными восточными иорданцами и гражданами палестинского происхождения, используя такие проверенные временем меры, как роспуск непопулярного правительства, проведение досрочных парламентских выборов, апелляция

²⁵ Куделев В.В. Ситуация в Алжире: февраль 2016 г. // *Институт Ближнего Востока*, 04.03.2016. – <http://www.iimes.ru/?p=27640>.

к необходимости консолидации вокруг трона в условиях нестабильности в Сирии и Ираке, смог ограничиться символическими поправками в конституцию и дожидаться спада протестных настроений.

В Омане в ответ на спорадические протесты султан Кабус бин Саид в 2011 г. единолично внес поправки в конституцию 1996 г. Полномочия Консультативного совета были несколько расширены. Его председатель стал избираться самими депутатами, а не назначаться султаном. Совет был наделен правом законодательной инициативы, правом утверждения правительственных законопроектов. Однако реформа Консультативного совета оказалась очень поверхностной. По сути, он так и не превратился в законодательный орган, правительство осталось подотчетным султану, а такие ключевые сферы, как национальная безопасность, нефтяной сектор, внешняя политика или характер политической системы, остались вне его компетенции.

3) Авторитарный регресс (Египет). После ухода Х. Мубарака с поста президента начался переходный период, когда страной с февраля 2011 г. по август 2012 г. руководил Высший совет вооруженных сил во главе с маршалом Хусейном Тантауи. Параллельно с процессом демократизации между исламистскими, левыми, либерально-демократическими партиями развернулась борьба за власть. На парламентских выборах, которые прошли в три тура в ноябре 2011 – январе 2012 г., одержала победу связанная с «Братьями-мусульманами» Партия свободы и справедливости. Причинами триумфа исламистов стали не только социальная работа «Братьев-мусульман», но и особенности египетского общества – менее модернизированного и слабо секуляризированного. Следующим успехом исламистов стало избрание на пост

президента в июне 2012 г. М. Мурси. Принятие ими в декабре того же года новой конституции, несомненно более демократической, чем прежняя, но содержащей спорные статьи о роли ислама, усилили опасения относительно перспектив дальнейшей демократизации в случае укрепления позиций исламистов.

Тяжелое социально-экономическое положение в стране и растущая политическая напряженность создали благоприятные условия для военного переворота в июле 2013 г. Армия, оставшаяся в стороне от попыток Х. Мубарака подавить выступления оппозиции и сохранившая доверие значительной части общества, вновь сыграла в египетской истории решающую роль. Военные запретили организации «Братья-мусульмане», закрепили в новой конституции, принятой в январе 2014 г., особый статус армии, исключили реальное влияние норм ислама на процесс принятия решений. Согласно закону о выборах, одобренному в марте 2014 г., усиливался административный и законодательный контроль над электоральным процессом. В мае 2014 г. ушедший в отставку с поста верховного главнокомандующего Абдель Фаттах ас-Сиси был избран президентом, и в Египте установился авторитарный военно-бюрократический режим, даже более жесткий, чем до революции.

4) Несостоявшаяся демократизация и деградация политических систем (Ливия, Йемен, Сирия). На фоне гражданских войн и распространения терроризма в этих странах перспективы демократизации после ухода М. Каддафи в Ливии, Али Абдаллы Салеха в Йемене в 2012 г. и семилетней борьбы Б. Асада против вооруженной оппозиции и исламистских террористических организаций отсутствовали. Попытки новых или старых властей осуществить либеральные

реформы оказались неактуальными в условиях потери контроля над значительной частью страны и создания в провинциях альтернативных центров политической власти. Существовавшие до начала вооруженных конфликтов политические системы деградировали, перестав нормально функционировать.

5) Поддержание статус-кво (сохранение монархического авторитаризма в Саудовской Аравии, Катаре и ОАЭ и продолжение затяжного системного кризиса в Ливане, Ираке, Палестине). В указанных аравийских монархиях безусловно имеют место недовольство части населения, в том числе шиитского меньшинства в КСА, и запрос на либерализацию со стороны наиболее вестернизированных слоев населения. Но серьезного давления на власти оказано не было. Монархическим режимам для сохранения стабильности хватило имевшегося запаса прочности и легитимности и солидных финансовых ресурсов, направленных в социальную сферу, чтобы предупредить рост оппозиционных настроений.

В Ливане, Ираке и Палестине развитие политического процесса шло по особому пути. Все три страны в той или иной степени переживают продолжительный и глубокий общественно-политический кризис, столкнувшись с вызовом собственной государственности. В центре политической жизни находится вопрос о возможности преодоления внутреннего раскола по политическим, конфессиональным, этническим линиям (политический конфликт между ФАТХ и ХАМАС – в Палестине; этнополитический – между Иракским Курдистаном и центральным правительством в Багдаде; суннитско-шиитские противоречия в Ираке, многомерный политический кризис

в Ливане)²⁶. Из-за специфической и сложной ситуации в каждом из государств политической процесс демонстрирует некоторую самостоятельность от региональной динамики.

Необходимость классификации арабских режимов с учетом описанных изменений очевидна. Однако формально-юридический подход при описании и определении типа политической системы в современных незападных обществах оказывается недостаточным ввиду несоответствия конституционной формы и ее содержания. Декларируемая приверженность демократии и гражданским свободам не означает их действительного воплощения в политической практике. Низкий уровень развития государственно-правовой сферы, подчиненность законодательной и судебной властей исполнительной, влияние неформальных факторов политического процесса, слабость гражданского общества приводят к тому, что для получения подлинной картины необходимо применять другие критерии классификации политических режимов.

Рассмотрение арабских режимов по уровню развития плюрализма, децентрализации, политической конкуренции, степени открытости, соотношению принуждения и компромисса в достижении политических соглашений, эффективности правительства, ситуации в сфере соблюдения прав человека и обеспечения гражданских свобод позволяет предложить адекватную типологию и учесть новые тенденции в политическом развитии арабских стран. Немаловажными критериями являются устойчивость политической системы и ее способность адаптироваться

²⁶ См.: Сарабьев А.В. «Сейсмография» ливанского системного кризиса // *Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)* / Отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. М., 2015. С. 219–220.

к меняющимся условиям, способность власти обеспечивать стабильность и порядок, представления в обществе о легитимности существующего политического режима.

Сравнение арабских стран по этим параметрам позволяет выделить следующие типы режимов, чьи громоздкие названия, несмотря на этот недостаток, лучше отражают их сущность²⁷:

1) Хрупкая конкурентная демократия (Тунис). Благодаря проведенным в стране глубоким либеральным реформам Тунисская республика после 2011 г. оказалась единственной арабской страной, ставшей на путь демократизации. Тем не менее в ее политической жизни наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, хрупкость молодой тунисской демократии обусловлена вспышками насилия, нереализованностью завышенных ожиданий части населения, сохранением чрезвычайного положения, а с другой стороны, об устойчивом укреплении демократии свидетельствуют успешный национальный диалог и практика свободных парламентских и президентских выборов.

2) Неполюценные консенсусные демократии (республики Ливан и Ирак). В рамках их политических систем, построенных на основе демократических конституций, активно действует оппозиция, отсутствует господствующая политическая партия,

²⁷ При выделении второго–пятого типов политических режимов использована классификация И. Шмолкой арабских режимов накануне 2011 г.; некоторые государства мной отнесены к иным категориям: Szmolka I. Theoretical Framework and Types of Processes of Political Change in Arab Regimes // *IEMed Mediterranean Yearbook 2014*. URL: http://www.iemed.org/observatori/arees-danalisi/arxius-adjunts/anuari/anuari-2014/Szmolka_Arab_Regimes_Types_of_Process_IEMed_yearbook_2014_EN.pdf. P. 23–24.

политические силы тяготеют к формированию коалиций, парламентские и президентские выборы проходят в обстановке высокой конкурентной борьбы. Выбор консенсусной модели был продиктован необходимостью сглаживания противоречий между различными частями многосоставного общества, разделенного в случае с Ливаном по конфессиональному признаку (христиане, мусульмане-шииты, мусульмане-сунниты, друзы), а в случае с Ираком – по этноконфессиональному (арабы-шииты, арабы-сунниты, мусульмане-туркоманы, курды и езиды). Не меньшее значение имеет концентрация политической жизни вокруг авторитетных клановых лидеров (например, маронитская семья Жмайелей, друзский клан Джумблатов, курдский клан Барзани).

В Ливане консенсусная демократия существует со времени провозглашения независимости в 1943 г., но о ее хрупкости свидетельствуют регулярные обострения внутривнутриполитической ситуации и вспышки насилия: события в 1957 г., гражданская война 1975–1990 гг., правительственные и президентские кризисы после убийства бывшего премьер-министра Рафика Харири и вывода из Ливана сирийских войск в 2005 г. Однако главным недостатком ливанской демократии является то, что свободное волеизъявление не дополнено эффективными мерами контроля над политиками и их ответственностью перед избирателями. У власти пребывают представители одних и тех же влиятельных семей, широко используются патронажно-клиентельные связи, заменяющие формальные политические институты²⁸.

²⁸ Laurel E. Miller ... [et al.]. Democratization in the Arab World... https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1192.pdf

Иракский опыт консенсусной демократии очень скромный. В 1921–1958 гг. монархическое правление, а в республиканский период идеология арабского национализма, доминирование партии Баас, авторитарное правление президентов, в особенности тяготившего в тоталитаризму Саддама Хусейна, не предполагали ни демократических процедур, ни диалога между общинами. Ирак перешел к строительству консенсусной демократии только после свержения Хусейна в 2003 г. и принятия конституции 2005 г., введившей парламентскую республику и федеральную форму государственного устройства. В наибольшей степени от этого выиграли курдское меньшинство и шиитское большинство. Но ущемленное положение ранее доминировавших суннитов, активизация исламских террористических организаций Аль-Каида и Исламское государство, натянутые отношения между Курдским региональным правительством в Эрбиле и федеральным центром, недовольство туркоманов, нетерпимость премьер-министра Нури аль-Малики (2006–2014) к оппозиции поставили под вопрос эффективность консенсусной демократической модели в Ираке и перспективу сохранения страны в ее современных границах.

О неполноценности ливанской и иракской консенсусной демократии свидетельствует не только то, что их общества остаются не просто многосоставными, а глубоко разделенными, но и то, что правительства оказываются неэффективными в решении проблем коррупции, социально-экономического развития, права и свободы граждан систематически нарушаются, общины остаются недовольными своим статусом и обвиняют оппонентов в дискриминации. Власти не в полной мере или вообще не контролируют

значительные территории страны, где властвуют клановые и общинные лидеры, у которых имеются свои вооруженные формирования и которые подрывают монополию государства на легитимное насилие.

3) Авторитарные монархии с ограниченным и квазиконкурентным плюрализмом (королевства Марокко и Кувейт). В этих странах участие в политическом процессе, несмотря на достаточно влиятельную по меркам региона роль парламента (особенно в Марокко), скорее приводит не к свободной политической конкуренции, а служит дополнительным источником легитимации монархических режимов, использующих формальные (конституционные) и неформальные рычаги для контроля над участниками политического процесса. Принятие политических решений остается централизованным, влияние на него парламентских сил слабое, а гражданские свободы ограничены. Особенно низка роль парламента в Кувейте, где запрещены политические партии, что осложняет консолидацию и конкуренцию политических сил, а также использование монархией кланово-племенного фактора в целях укрепления лояльности политических игроков.

4) Гегемонистские и ограниченно-плюралистические авторитарные режимы (республики Алжир и Египет, королевства Иордания и Бахрейн). В этих государствах наблюдается чрезмерное усиление власти главы страны, контролирующего законодательные и судебные органы, процедура выборов далека от демократических стандартов и сводится к формированию в парламенте проправительственного большинства. Механизм обеспечения ответственности власти перед гражданами фактически не работает.

5) **Закрытые авторитарные монархические режимы.** В настоящее время к этому типу можно отнести только ряд монархий Аравийского полуострова (Саудовскую Аравию, ОАЭ, Оман и Катар), но до недавнего времени в этом же ряду находились Сирия, Ливия и Ирак. В этих странах не только все рычаги управления страной находятся в руках узкого круга родственников и приближенных главы государства, но и отсутствуют представительные институты западного типа (парламенты, партии), которые бы выполняли функции демократического фасада. Запрещены политические партии, гражданские свободы сильно ограничены, граждане не имеют возможности выражать мнение по общественно-политическим вопросам, не согласующееся с политикой властей. Однако закрытость политических систем стран этого типа не исключает широкого использования традиционных и неформальных каналов связи с широкими слоями общества.

6) Особняком стоят арабские страны, оказавшиеся в числе несостоявшихся или слабых государств. На повестке дня в них стоят вопросы прекращения гражданской войны и ликвидации угрозы государственности со стороны международного терроризма, а также формирования новой политической системы в рамках национального диалога. К этому типу можно отнести Йемен, Ливию и Сирию (к ним также близок Ирак)²⁹, которым в рамках постконфликтного урегулирования предстоит сформировать политические системы.

²⁹ *Fragile States Index Annual Report 2017*. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/2017/05/14/fragile-states-index-2017-annual-report/>.

* * *

Политические системы арабских стран за десятилетия независимого развития прошли долгий и сложный путь развития, к которому термин «эволюция», вынесенный в заголовок настоящей главы, означающий медленные и постепенные изменения, применим весьма условно, так как многие государства неоднократно переживали поистине революционные политические трансформации. Постепенные или резкие перемены происходили либо в рамках внутренней динамики развития (революции и военные перевороты, реформы), либо внешнего вмешательства.

Начав со становления современных форм политической жизни в результате заимствования западного опыта, многие государства претерпели смену формы государственного правления. Большинство стран региона совершили драматичный переход от монархии к республике, пережили военные перевороты, идеологические эксперименты, попытки построения однопартийных или же формально многопартийных режимов, перешли к частичной либерализации, но так и не создали полноценной представительной демократии, хотя в ряде случаев приблизившись к ней.

Почти все многообразие монархий и республик, за некоторыми исключениями, в течение долго времени вплоть до событий Арабской весны объединяло то, что и монархические, и республиканские режимы можно было, по мнению российского политолога В.К. Труевцева, определить как авторитарные. В отличие от Европы, где «и та, и другая формы правления, независимо от разницы между ними, не стали препятствием для развития современных

форм представительной демократии», в Арабском мире ситуация сложилась с точностью до наоборот, в том смысле, что ни в рамках монархий, ни в рамках республик парламент, партии, гражданское общество, СМИ так и не стали влиятельными элементами политической системы³⁰.

Учитывая, что в результате Арабской весны некоторая демократизация политической системы имела место только в Тунисе и отчасти в Марокко, то этот вывод сохраняет свою актуальность. В остальных странах оказался нереализованным ни один из двух радикальных сценариев (широкая и успешная демократизация или долговременный приход к власти исламистов). Третий радикальный сценарий (гражданская война, внешнее вмешательство, деградация государственности), ввиду раскола обществ, неспособности властей к проведению гибкой внутренней политики и смягчению авторитаризма, оказался более реальным.

Небольшой срок, прошедший после общественно-политического подъема в 2011–2012 гг., явно недостаточен для оценок тенденций развития политических систем в арабских странах в долгосрочной перспективе. Однако сохранение и в ряде случаев усиление авторитаризма, умелое манипулирование властями политическим процессом с целью ограничиться минимальной либерализацией – не единственные явления арабской политики. Обращают на себя внимание следующие черты политической жизни, присутствовавшие ранее, но заметно усилившиеся во втором десятилетии XXI в.: снижение доверия к неопатримониальной

³⁰ Труевцев К.В. Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 7. С. 157–158.

модели и харизматическим лидерам (таковых вообще осталось мало), уменьшение роли и размывание политических идеологий, использовавшихся в целях авторитарной консолидации, взрывной рост количества политических партий, профсоюзов, НПО; активизация гражданского общества, широкое использование интернет-площадок и социальных сетей для свободного выражения мнений, а также повышение интереса к политике со стороны либеральной и образованной молодежи, которая стала основным двигателем Арабской весны. Молодежь, несомненно, будет формировать политические запросы в обозримом будущем.

От учета властями арабских стран новых тенденций будут зависеть возможности преодоления диспропорций политической модернизации XX в. и формирования политических систем как целостных, интегрированных организмов.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

В первой половине XXI в. Ближний Восток как никакой другой регион мира продолжает оставаться объектом международно-политических трансформаций и применения инструментов национального строительства со стороны внешних игроков¹. Попытки сконструировать демократические государства на Ближнем Востоке многочисленны и дают значительный эмпирический материал для того, чтобы оценить механизмы их реализации, степень успешности и характер последствий.

С начала 1990-х годов поддержка гражданского общества занимала важное место в политике западных держав и международных организаций по продвижению либеральной демократии и демократических ценностей на Ближнем и Среднем Востоке. В основе такого акцента лежал примат либеральной модели гражданского общества. Между тем распространенная среди политиков, равно как и политических экспертов разных стран, точка зрения о тесной взаимосвязи или

¹ См.: Наумкин В.В. *Круговорот арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* Сборник статей под ред. В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 3–20; Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. *Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего*. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016; Ахмедов В.М., Звягельская И.Д., Кузнецов В.А., Наумкин В.В. и др. *Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка*. М.: ИВ РАН, 2015.

даже взаимозависимости между гражданским обществом и его институтами, с одной стороны, и демократией с либеральными ценностями – с другой, по сути, является следствием упрощенного понимания гражданского общества². Если пример демократического транзита в странах Восточной Европы и Латинской Америки говорит об оправданности такой корреляции между гражданским обществом и демократией, то исследования гражданской активности в Турции³, Египте⁴, Ливане⁵, Иордании⁶ и ряде других стран региона⁷ в 1990-е и 2000-е годы отчетливо показали ее ограниченность.

Несмотря на всю свою привлекательность, концепция гражданского общества как матрицы эффективной демократии имеет существенные ограничения в понимании самой природы феномена гражданского общества и специфики его функционирования

² Отсутствие прямой корреляции между активностью гражданского общества, нередко измеряемой числом существующих и вновь созданных НПО, и гражданскими свободами и политической ответственностью на примере Турции 1990-х – начала 2000-х годов очень хорошо показал Поль Кубичек. См.: Kubicek P. *The European Union and Grassroots Democratization in Turkey* // *Turkish Studies*, vol. 6, issue 3, 2005. P. 361–377.

³ Шлыков П. В. Амбивалентность «мягкой» силы ЕС в развитии сферы гражданского общества в Турции // *Актуальные проблемы Европы*. 2014. № 3. С. 97–135.

⁴ Alvarez-Ossorio I. *Civil Society and Political Change in Contemporary Egypt* // *The Arab Spring, Civil Society, and Innovative Activism*. New York: Palgrave Macmillan, 2017. P. 57–80.

⁵ Altan-Olcay Ö., İçduygu A. *Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey* // *British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 39, Issue 2, 2012. P. 157–179.

⁶ Wiktorowicz Q. *Civil Society as Social Control: State Power in Jordan* // *Comparative Politics*, Vol. 33, Issue 1, 2000. P. 43–61.

⁷ Cavatorta F., Durac V. *Civil Society and Democratization in the Arab World: The Dynamics of Activism*. Oxford: Routledge, 2011.

в разных странах современного мира. Идеализация гражданского общества сужает возможности анализа его как инструмента, с помощью которого авторитарные режимы могут укреплять свою власть, а правящие элиты наращивать свое влияние в стране. Еще в начале 1990-х годов Август Нортон в работе «Гражданское общество на Ближнем Востоке» предупреждал о негативных последствиях идеализации гражданского общества как панацеи в построении демократии, поскольку, как и любой другой социальный феномен, гражданская активность имеет и положительные, и негативные стороны, где «свобода действия вызывает не воодушевление, а вселяет серьезные опасения»⁸.

Гражданское общество как инструмент демократизации: возможности и ограничения

С конца 1980-х годов западная модель либеральной демократии и связанные с ней идеи и концепции – гражданское общество, негосударственные общественные организации и т. д. – начали победный марш по странам незападного мира. Оценивая масштабы этого явления, Сэмюэл Хантингтон даже назвал его «демократизацией третьей волны»⁹. Базовые концепции либерализма оказались на устах практически всех политиков и общественных деятелей этих стран. Однако результатом массового увлечения либерально-демократическими ценностями, и в частности

⁸ Norton A.R. *Civil Society in the Middle East*. Leiden: Brill, 1994. P. 14.

⁹ Хантингтон С. *Третья волна: демократизация на исходе XX века*. М., 2003. С. 31–52.

концептом гражданского общества, стало неточное понимание и упрощение этих понятий.

Одно из таких упрощений – восприятие гражданского общества как необходимого условия демократизации, когда наличие элементов гражданского общества – профсоюзов, ассоциаций, добровольных организаций, профессиональных объединений и негосударственных общественных организаций – рассматривается как показатель степени «демократичности» того или иного государства¹⁰. Вместе с тем тесная взаимосвязь гражданского общества и демократизации отнюдь не является правилом. Даже в тех случаях, когда она есть, эта связь крайне неустойчива¹¹. Еще одним следствием упрощения содержания понятия гражданского общества предстает утверждение о категорической оппозиции, противостоянии государства и гражданского общества. По логике этого тезиса, государство – воплощение колоссальной, всепроникающей властной машины – Левиафана, как определял ее Томас Гоббс, нормальное функционирование которой может осуществляться только в рамках авторитарной, если не тоталитарной, системы.

Между тем в современных обществах, особенно в странах, не принадлежащих ни географически, ни идеологически к Западу, можно наблюдать разнообразные формы связи и сотрудничества государства и гражданского общества через политические партии, общественные организации, профессиональные

¹⁰ См.: Beckman B. Explaining Democratisation: Notes on the Concept of Civil Society // Özdalga E., Persson S. (eds.) *Democracy, Civil Society and the Muslim World*. Istanbul: The Swedish Research Institute in Istanbul, 1997. P. 1–15.

¹¹ См.: *Civil Society: Challenging Western Models (European Association of Social Anthropologists)*. L.: Routledge, 1996; Seligman A.B. *The Idea of Civil Society*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995.

союзы, ассоциации и целый ряд других институтов. Причем сцепление государства и гражданского общества оказывается настолько прочным, что ни о какой неприкрытой бинарной оппозиции «общество—государство» говорить не приходится, а сам подход оказывается неадекватным для понимания и анализа гражданского общества¹². Часто между гражданским обществом и обществом как таковым ставится знак равенства, словно два этих понятия тождественны по своему значению. Хотя разница между ними очевидна: в случае гражданского общества мы имеем дело с искусственно созданными группами свободных индивидов, а касательно общества вообще или общины, рассматривая это понятие в историческом смысле, — перед нами более естественная конструкция, объединяющая людей по какому-то исходному «качеству» (рождению, происхождению и т. д.). Это различие объясняет всю сложность выхода за границы естественного и заданного сообщества и вступления в сферу гражданского общества¹³.

Нельзя забывать о внутренних противоречиях и авторитарных тенденциях, неизбежно присущих гражданскому обществу (наряду со всеми истинно демократическими чертами и возможностями). Ведь при отсутствии отлаженной системы регулирования и баланса сил гражданское общество быстро превращается в инструмент подавления в руках отдельных индивидов. Еще одна распространенная ошибка — трактовка гражданского общества как

¹² Beller-Hann I., Hann C. *Turkish Region: State, Market and Social Identities on the East Black Sea Coast*. Oxford: J. Currey; Santa Fe, N.M.: School of American Research Press, 2001. P. 32.

¹³ Yerasimos S. *Civil Society, Europe and Turkey // Civil Society in the Grip of Nationalism*. Istanbul: Ergon, 2000. P. 15.

единого организма, однородного общества. Между тем как правильнее было бы говорить о нескольких гражданских обществах, действующих синхронно в рамках одной системы. Или, по крайней мере, о разнородном гражданском обществе, объединяющем отчасти соперничающие социальные группы, обладающие разными интересами и имеющие различные политические установки и взгляды.

Наконец, стоит учитывать «отрицательные» стороны и несовершенство гражданского общества, о которых говорили еще Г.Ф.В. Гегель и К. Маркс¹⁴, а поборники либеральных ценностей часто забывают. Гражданское общество, по Гегелю, есть весьма несовершенный уровень организации социальной жизни, регулировать который способно только сильное государство¹⁵. Маркс видел в гражданском обществе воплощение индивидуалистической разобщенности¹⁶. Наконец, и Гегеля, и Маркса не удовлетворяло состояние общества как «войны всех против всех», умиряемое лишь внешним воздействием государства¹⁷.

Тем не менее в теоретических работах, посвященных проблемам демократизации, отчетливо прослеживается

¹⁴ Сагатовский В.Н. Гражданское общество в философии Гегеля и Маркса // *Человек, государство, глобализация. Сборник философских статей*. Вып. 3. СПб.; Тбилиси, 2005. С. 238–259.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 286.

¹⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 1. С. 31; Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 1. С. 410.

¹⁷ Сагатовский В.Н. Гражданское общество в философии Гегеля и Маркса // *Человек, государство, глобализация...* С. 259. См. также: Savran G. *Sivil Toplum ve Ötesi: Rousseau, Hegel, Marx*. Istanbul: Belge Yayınları, 1987; Keane J. *Despotism and Democracy: The Origins and the Development of the Distinction between Civil Society and the State 1750–1850 // Civil Society and the State: New European Perspectives*. L.; N.Y.: Verso, 1988. P. 50–52.

и другая линия, связанная с утверждением о ключевой роли неправительственных организаций и в целом гражданского общества в процессах либерализации и укрепления демократии. Она просматривается уже в работах Алексиса де Токвиля, автора знаменитого историко-политического трактата «Демократия в Америке» (1835, 1840)¹⁸. В дальнейшем к этой концепции обратился американский политолог Габриэль Алмонд: в своей книге «Гражданская культура: Политические установки в пяти странах», написанной в соавторстве с классиком современной политической науки Сиднеем Вербой, Алмонд проводил мысль о прямой связи развития культуры гражданственности с расширением ареала либеральной демократии¹⁹.

Творчески развивал эту идею и другой известный американский политолог – Роберт Патнэм. В напечатанной книге «Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии»²⁰ Патнэм вывел формулу прямой зависимости между уровнем культуры гражданской ассоциации и уровнем социально-политического развития, показав на материале Италии прямую пропорциональную зависимость качества развития регионов от количества гражданских организаций (от хоровых обществ до футбольных клубов). Согласно Патнэму, социальное доверие, нормы взаимодействия, сети гражданской вовлеченности и успешно сотрудничающегося – все, что объединяется

¹⁸ Токвиль А. *Демократия в Америке*. М.: Весь мир, 2000.

¹⁹ Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963; Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // *Политические исследования*. 1992. № 4; *Антология мировой политической мысли*: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 593–600.

²⁰ Патнэм Р. *Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem, 1996.

понятием «социальный капитал», — есть ключевые факторы «работающей демократии» и основные стимулы экономического процветания²¹.

Крупный специалист в вопросах демократии Ларри Даймонд²², исследуя связи гражданского участия и трансформации демократических структур, пришел к выводу, что в большинстве случаев гражданское общество не только выступает матрицей для построения демократической политической системы, но и служит универсальным инструментом, обеспечивающим эффективность демократии²³.

Критики неотоквилианских подходов к гражданскому обществу и демократии обращают внимание на широту диапазона гражданской активности и механизмов функционирования общественных ассоциаций в зависимости от регионального социокультурного и политического контекста. Особенно это касается незападных обществ, как отчетливо показывают исследования директора программы «Управление и гражданское общество» Фонда Форда Майкла Эдвардса²⁴. Другие исследователи, несогласные с парадигмой

²¹ Задаваясь вопросом об условиях, обеспечивающих создание сильных, ответственных и эффективных институтов представительной власти, Роберт Патнэм показал, что именно в тех регионах Италии, где сто лет назад итальянцы наиболее активно вовлекались в новые формы общественной солидарности и социального действия, их потомки максимально «гражданственны» в политической и социальной жизни.

²² Diamond L. Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // *Journal of Democracy*, Vol. 5, Issue 3, 1994. P. 4–17; Diamond L.J. *The Spirit of Democracy: The Struggle to Build Free Societies throughout the World*. New York: Times Books, 2008.

²³ Barber B. Clansmen, Consumers, and Citizens: Three Takes on Civil Society // *Civil Society, Democracy, and Civic Renewal*. Lanham: Rowman & Littlefield, 1999. P. 9–30.

²⁴ Edwards M. *Civil Society*. Malden, MA: Polity Press, 2004.

Патнэма и Даймонда, отмечают фактическое отсутствие у гражданского общества единой субъектности, поскольку оно является ареной борьбы разных социальных сил, нередко едва ли сводимых к общему знаменателю²⁵.

Наконец, политика по стимулированию развития гражданского общества в странах незападного мира иногда приводит к тому, что инфраструктура гражданского общества используется для реализации разрушительных целей и задач, далеких от гуманистических идеалов либеральной демократии и гражданского общества²⁶.

Вместе с тем политика ЕС по взаимодействию с гражданским обществом незападных стран в целом и Турции в частности базировалась на неотоквилианских принципах²⁷, в рамках которых активное гражданское общество – краеугольный камень нормально функционирующей демократической политической системы.

У такого подхода есть историческое объяснение. В структуре общеевропейских институтов с конца 1950-х годов функционирует Европейский социально-экономический комитет, который создавался в 1957 г. с целью обеспечить представительство интересов разных экономических и социальных групп

²⁵ Chandoke N. *State and Civil Society: Explorations in Political Theory*. New Delhi: Sage, 1995. Tarrow S. Making Social Science Work across Space and Time: A Critical Reflection on Robert Putnam's Making Democracy Work // *American Political Science Review*, Vol. 90, Issue 2, June 1996. P. 389–397.

²⁶ См.: Ottoway M., Carothers T. *Funding Virtue: Civil Society Aid and Democracy Promotion*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2000.

²⁷ Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции и влияние европейских институтов на его развитие // *Актуальные проблемы Европы*. 2012. № 3. С. 210–252.

в Европейском Сообществе. Таким образом, идея моста между разными группами интересов и его институционализация в рамках единых европейских структур – феномен не 2000-х годов, а середины прошлого века. Однако признание за неправительственными организациями ключевой роли в европейской политике и их активное вовлечение в работу общеевропейских институтов – явление, которое датируется серединой 1990-х годов, когда в городе Маастрихт был подписан «Договор о Европейском Союзе» (7 февраля 1992 г.), фактически открывший новые сферы прямого политического и гражданского сотрудничества внутри объединенной Европы. Именно в 1990-е годы в сферу деятельности Европейского социально-экономического комитета вошли сюжеты, связанные с привлечением и использованием НПО. К концу 1990-х годов Брюссель постепенно начал включать в орбиту своей политики неправительственные организации стран-кандидатов, превращая сотрудничество в сфере гражданского общества в один из базовых инструментов своей внешней политики. Модель окончательно оформилась в рамках пятого расширения ЕС 2004–2007 гг., коснувшегося преимущественно бывших участников «Восточного блока»²⁸.

Внешняя политика Евросоюза всегда отличалась богатым инструментарием по продвижению ценностей либеральной демократии и защиты прав человека в разных странах за пределами Западной Европы: от давления и увещевания правительств

²⁸ Расширение ЕС в 2004 г. было самым крупным в истории как по географии, так и по населению. Оно коснулось Кипра, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии и Словении. Частью этой же волны расширения было присоединение Болгарии и Румынии в 2007 г.

до «технической» поддержки модернизационных преобразований на разных уровнях и с использованием широкого диапазона средств²⁹. Один из таких инструментов – «политическая кондициональность», признаваемая сегодня одной из наиболее успешных внешнеполитических стратегий Евросоюза. В узкоспециальном смысле финансово-правовое понятие «кондициональность» означает условия, которые кредитор ставит перед должником в форме обязательств проводить определенную экономическую политику (такова, в частности, процедура помощи МВФ). В современной европейской политике кондициональность интерпретируется как «набор стандартов... которые должны быть приняты и введены в действие» при желании государства получить взамен бонус или преференцию³⁰, особенно это распространено в отношениях с государствами – кандидатами на вступление в ЕС.

Базовая логика политической кондициональности достаточно проста, а опыт ее применения в странах Восточной Европы даже подвигнул некоторых поверить в ее универсальность и высокую эффективность³¹. Очевидно, что подобная модель способна работать в условиях, когда баланс выгод и затрат от либерализации прогнозируемо смещен в сторону выгод. В случае

²⁹ Vachudova M.A. *Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration after Communism*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 19–23.

³⁰ Stivachtis Y.A. *Conditionality: A New Form of the Old Standard of "Civilization": The Case of EU Conditionality*: Paper prepared for the 48 ISA Annual Convention, Chicago, February 28 – March 3rd, 2007. Abstract. P. 2. URL: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/1/8/0/2/7/pages180272/p180272-1.php.

³¹ Grabbe H. European Union Conditionality and the Acquis Communautaire // *International Political Science Review*. Vol. 23, Issue 3, 2002. P. 249–268, 249.

большинства стран такой осязаемой и реальной выгодой выступало полноправное членство в ЕС, ставшее наиболее мощным стимулом либерализации³².

Однако успешность «политики условий» – это не только очевидность выгод, но и готовность местных элит идти на издержки. В случае, когда либерализация требует фактического перераспределения властных полномочий или угрожает целостности государства, местные элиты ожидаемо выступают против. Особенно этот эффект усиливается, когда у страны есть альтернативный геополитический выбор. У Турции это ближневосточный вектор, Центральная Азия, а также иногда всплывающий концепт Евразии. И здесь при прагматическом подходе оказывается, что соотношение издержек и выгод – не в пользу либерализации³³.

Эффективность «политики условий», реализуемой исключительно по межправительственным каналам без охвата сферы гражданского общества, в реальности оказалась явно недостаточной. Это показал опыт работы со странами «Восточного блока», где Брюссель широко использовал политику кондициональности, чтобы за счет адресной финансовой и технологической помощи задавать необходимый вектор социально-политическим преобразованиям³⁴. Поэтому

³² Kubicek P. (ed.) *The European Union & Democratization*. London: Routledge, 2003; Schimmelfennig F. Strategic Calculation and International Socialization: Membership Incentives, Party Constellations, and Sustained Compliance in Central and Eastern Europe // *International Organization*. Vol. 59, Issue 4, 2005. P. 827–860.

³³ Smith T.W. The Politics of Conditionality: the European Union and Human Rights Reform in Turkey // *The European Union & Democratization*. London: Routledge, 2003. P. 111–130.

³⁴ Schimmelfennig F., Engert S., Knobel H. Costs, Commitment and Compliance: The Impact of EU Democratic Conditionality on Latvia,

на турецком направлении встала задача использовать неправительственные каналы и выстраивать отношения с представителями гражданского общества, которое, как предполагалось, должно было взять на себя задачу ускорения либерализации социально-экономической и политической сферы стран-кандидатов³⁵. ЕС разработал богатый арсенал программ сотрудничества с неправительственными организациями³⁶, наладил каналы финансирования проектов гражданского сотрудничества (в бюджете ЕС были открыты специальные статьи по поддержке «третьего сектора» наряду с малым и средним бизнесом) с целью не только обеспечить экономическую либерализацию, но и способствовать укреплению гражданского общества как базы политической либерализации³⁷.

Однако работа в сфере гражданского общества столкнулась с рядом трудностей процедурного и концептуального свойства: аксиоматичное утверждение о необходимости привлечения гражданского общества

Slovakia and Turkey // *Journal of Common Market Studies*, Vol. 41, Issue 3, 2003. P. 495–518. Schimmelfennig F.; Sedelmeier U. Governance by Conditionality: EU Rule Transfer to the Candidate Countries of Central and Eastern Europe // *Journal of European Public Policy*. Vol. 11, Issue 4, 2004. P. 661–679.

³⁵ Way L.A., Levitsky S. Linkage, Leverage, and the Post-Communist Divide // *East European Politics and Societies*. Vol. 21, Issue 1, 2007. P. 48–66.

³⁶ Mediterranean Economic Development Area Programme (MEDA), Poland and Hungary Assistance for the Restructuring of the Economy (PHARE), Instrument for Structural Policies for Pre-Accession (ISPA), Special Accession Programme for Agriculture and Rural Development (SAPARD), Community Assistance for Reconstruction, Development and Stability in the Balkans (CARDS), Technical Aid to the Commonwealth of Independent States (TACIS).

³⁷ См.: Шлыков П.В. Амбивалентность «мягкой» силы ЕС в развитии сферы гражданского общества в Турции // *Актуальные проблемы Европы*. 2014. № 3. С. 97–135.

в процесс евроинтеграции автоматически не рождало универсальных моделей и алгоритмов его вовлечения в эти процессы. В официальных документах ЕС часто фигурирует тезис о необходимости выстраивания отношений с гражданским обществом стран-кандидатов, в частности в программе ФАРЕ (*Poland and Hungary Assistance for the Restructuring of the Economy – PHARE Programme*), запущенной еще в 1989 г. в качестве основного канала финансового и технического сотрудничества ЕЭС со странами Центральной и Восточной Европы для «финансовой поддержки экономических преобразований и укрепления демократии»³⁸. Однако при этом провозглашаемая политика в сфере гражданского общества фактически свелась к развитию сектора неправительственных организаций³⁹.

Некоторые исследователи критиковали Брюссель за то, что его политика в странах Восточной Европы по сути противоречила одному из базовых принципов внешнеполитической активности ЕС – распространению демократии, поскольку в странах «Восточного блока» гражданское общество фактически оказалось за бортом либерализации⁴⁰. Главной издержкой подобной стратегии стали низкий уровень информированности общества о евроинтеграции и как следствие

³⁸ Помимо технологического содействия программа ФАРЕ должна была способствовать «приобретению накопленного Сообществом опыта», завершению рыночных реформ, реструктуризации национальных экономик и созданию необходимых условий для будущего членства в ЕС. Особое внимание в программе уделялось вопросам развития инфраструктуры межрегионального сотрудничества.

³⁹ Pridham G. *European Union Accession Dynamics and Democratization in Central and Eastern Europe: Past and Future Perspectives // Government and Opposition*, Vol. 41, No. 3, 2006. P. 373–400, 382.

⁴⁰ Whitehead L. (ed.) *The International Dimensions of Democratization Europe and the Americas*. New York: Oxford University Press, 1996. P. 381.

эрозия общественного интереса и поддержки⁴¹. Таким образом, стремительная смена законодательных декораций, демонтаж «правовой надстройки» без участия гражданского общества затормозили и усложнили сущностные изменения, реализовать которые было не просто⁴².

Из опыта «пятого расширения» ЕС сделал выводы, что простая перекройка административно-правовой ткани не является достаточной для подтягивания страны к общеевропейскому уровню и без полноценной поддержки со стороны гражданского общества проекты либерализации и демократизации обречены на низкую эффективность⁴³. В этих условиях неправительственные организации и гражданские активисты стали рассматриваться как ключевые участники евроинтеграции. Одной из базовых задач для НПО должно было стать распространение позитивного знания о евроинтеграции и создание привлекательного имиджа реформ, на проведении которых настаивал ЕС. Предполагалось, что НПО способны выступить эффективным каналом обратной связи между населением и властью – барометром общественных настроений и чаяний. В рамках «диалога гражданского общества» от НПО требовалось создать канал обратной связи с двухсторонним движением, чтобы через него в общество транслировались задачи и цели реформ,

⁴¹ Grabbe H. How Does Europeanization Affect CEE Governance? Conditionality, Diffusion and Diversity // *Journal of European Public Policy*, Vol. 8, No. 6, 2001. P. 1013–1031, 1017–1029.

⁴² Dimitrova A., Pridham G. International Actors and Democracy Promotion in Central and Eastern Europe: The Integration Model and Its Limits // *Democratization*. Vol. 11, No. 5, 2004. P. 91–112, 107–108.

⁴³ Keyman F., İcduygu A. Globalization, Civil Society and Citizenship in Turkey: Actors, Boundaries and Discourses // *Citizenship Studies*, Vol. 7, Issue 2, 2003. P. 219–234, 222–232.

обеспечивалась лучшая осведомленность о преимуществах и вызовах, которые таит в себе евроинтеграция⁴⁴. Тем самым вовлеченные в процесс евроинтеграции НПО должны были обеспечить максимально возможную консолидацию общества. ЕС ожидал, что НПО и гражданские активисты стран-кандидатов – в соответствии с неотоквилианской логикой – создадут необходимые условия для внутренней динамики либерально-демократических преобразований, дадут им импульс «снизу», что НПО станут главными драйверами социальных трансформаций, через которые страна-кандидат должна пройти на пути вступления в ЕС. Все это привело к включению вопросов активности в сфере гражданского общества в арсенал политики кондициональности ЕС.

Функциональные особенности гражданского общества, его основных институтов и акторов на Ближнем Востоке

Несмотря на длительную историю существования, концепт гражданского общества по-прежнему остается «достаточно неоднозначной и дискуссионной категорией для анализа политических процессов»⁴⁵. Исследователи традиционно отводят гражданскому обществу важную роль в «уравновешивании государства» и нивелировании авторитарных тенденций

⁴⁴ *Civil Society Dialogue between the EU and Candidate Countries*. Brussels, 2005, 15 p. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2005:0290:FIN:EN:PDF>.

⁴⁵ Owen R. *State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East*. London: Routledge, 2004. P. 201.

власти благодаря его основной функции медиатора отношений между сферой политики, экономической и частной жизнью, т. е. между интересами государства, бизнеса и отдельной ячейки общества⁴⁶.

В конце 1980-х и 1990-е годы на волне демократизации в странах Восточной Европы и Латинской Америки многие стали рассматривать гражданское общество и его основные институты (НПО, ассоциации и др.) как ключевой фактор демонтажа авторитарных режимов и становления демократии. При этом некоторые исследователи критически оценивали подобный взгляд на гражданское общество и трактовку парадигмы демократизации, для которой переход от авторитаризма к демократии представлялся естественным линейным процессом при условии наличия свободы для гражданской деятельности и активных общественных объединений (ассоциаций, НПО и т. д.)⁴⁷.

Пример стран Ближнего и Среднего Востока очень показателен в этом смысле. В регионе достаточно сильны и влиятельны разного рода исламские движения, в большинстве своем крайне отрицательно настроенные по отношению к западным концепциям либеральной демократии. Как правило, исламские движения обладают серьезными возможностями мобилизации сторонников и нередко находятся вне

⁴⁶ См.: Геллнер Э. *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. М., 1995, с. 105–111; Патнэм Р. *Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem, 1996; Diamond L. Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // *Journal of Democracy*, Vol. 5, Issue 3, 1994. P. 4–17.

⁴⁷ Tempest C. Myths from Eastern Europe and the Legend of the West // *Democratization*, Vol. 4, Issue 1. P. 132–144; Sardamov I. 'Civil Society' and the Limits of Democratic Assistance // *Government and Opposition*, Vol. 40, Issue 3, 2005. P. 379–402; Carothers T. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*, Vol. 13, Issue 1, 2002. P. 5–21.

прямого контроля со стороны государства, тем самым обладая всеми основными характеристиками влиятельных институтов гражданского общества. Однако они не выступают катализатором процессов либерализации и демократизации. Это обстоятельство подталкивает к парадоксальному утверждению – слабость демократических институтов и дефицит демократии на Ближнем и Среднем Востоке, по сути, являются следствием сильного гражданского общества, но нелиберального типа, что в сочетании с доминированием зависимых от власти светских НПО дает результат в виде «сохранения и воспроизводства авторитарного порядка»⁴⁸.

В характеристиках гражданского общества в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока, таким образом, доминируют две прямо противоположные оценки, объясняющие сохранение авторитарных порядков: либо «сильное, но недемократическое/нелиберальное», либо «слабое и недееспособное». Однако массовые протесты, прокатившиеся по странам региона в начале 2010-х годов (Арабская весна), показали, что подобная аналитическая дихотомия нерелевантна разнообразию

⁴⁸ Berman S. Islamism, Revolution, and Civil Society // *Perspectives on Politics*, Vol. 1, Issue 2, June 2003. P. 257–272. URL: <http://carnegieendowment.org/pdf/files/berman.pdf>; Edwards B., Foley M. The Paradox of Civil Society // *Journal of Democracy*, Vol. 7, Issue 3, 1996. P. 38–52; Volpi F. Pseudo-democracy in the Muslim World // *Third World Quarterly*, Vol. 25, Issue 6, 2004. P. 1061–1078; Hinnebusch R. Authoritarian Persistence, Democratization Theory and The Middle East: An Overview and Critique // *Democratization*, Vol. 13, Issue 3, 2006. P. 373–395; Ben Nefissa S., Abd al-Fattah N., Hanafi S. et al. *NGOs and Governance in the Arab World*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2005; Wiktorowicz Q. Civil Society as Social Control: State Power in Jordan // *Comparative Politics*, Vol. 33, Issue 1, 2000. P. 43–61; Wiktorowicz Q. *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach*. Bloomington: Indiana University Press, 2004; Wickham C.R. *Mobilizing Islam: Religion, Activism, and Political Change in Egypt*. New York: Columbia University Press, 2003.

существующих общественных структур и негосударственных игроков, которые оказались способны мобилизовать усилия под демократическими лозунгами. В результате в 2010-е годы проблема концептуализации «гражданского общества» на Ближнем Востоке обрела еще большую актуальность.

Наиболее масштабные исследования гражданского общества в регионе дают усредненные дефиниции, удобные для оценки социальных порядков в конкретный момент времени⁴⁹, но не очень подходящие для выявления динамики развития гражданского общества нелиберального типа. Согласно ооновским критериям, сформулированным в докладе Программы развития ООН – ПРООН (*United Nations Development Programme – UNDP*), организации гражданского общества должны иметь внепартийный характер уставных целей и не должны иметь связей с политическими движениями или выступать в поддержку конкретных политических сил⁵⁰. Аналогичного подхода в определении гражданского общества и его институтов придерживалось большинство западных политиков, вынужденных при работе с гражданским обществом ближневосточных стран демонстрировать

⁴⁹ Роберт Кокс отмечал меняющийся характер гражданского общества, который имеет смысл точно определять только в привязке к конкретному историческому событию: «реально существующее “гражданское общество” формируется диалектической борьбой между разными социальными, политическими и институциональными силами... любая жестко зафиксированная дефиниция концепта “гражданского общества” лишь фиксирует это состояние в конкретный момент истории и соответствующее соотношение сил». См.: Cox R. *Civil Society at the Turn of the Millennium: Prospects for an Alternative World Order // Review of International Studies*, Vol. 25, Issue 1, 1999. P. 3–28, 5.

⁵⁰ Handoussa H. et al. *Egypt's Social Contract: The Role of Civil Society*, Cairo: Egypt Human Development Report, UNDP, 2008.

беспристрастность в работе с его представителями, чтобы избежать обвинений в предвзятости⁵¹.

Когда в начале 2000-х годов в Египте начал работать проект мониторинга активности гражданского общества, «Индекс гражданского общества» (*Civil Society Index (CSI) CIVICUS*), исследователи столкнулись с проблемой неприменимости традиционных критериев оценки гражданского общества для Египта. Общепринятая дефиниция гражданского общества как «поля совместного действия людей ради продвижения общих интересов вне семейной, государственной и экономической сферы»⁵² оказалась нерелевантной применительно к Египту. В нем граница между государством и НПО была проницаемой и очень условной, поскольку в большинстве своем эти структуры создаются и управляются бывшими или даже действующими чиновниками, серьезно зависят от государственного финансирования и поддержки, а главное – в своей деятельности четко следуют в заданном властью направлении. Иными словами, они подыгрывают действующему режиму, а не выступают противовесом авторитарной власти⁵³.

Отсутствие четкого разделения политического и гражданского общества заставляет внести коррективы в привычную дефиницию. Исламские движения, утвердившись в сфере формальной политики и действуя через свои политические партии, сохранили

⁵¹ McInerney S., Bockenfeld C. *The Federal Budget and Appropriations for Fiscal Year 2017: Democracy, Governance, and Human Rights in the Middle East*. Washington: Project on Middle East Democracy, 2006. URL: http://pomed.org/wp-content/uploads/2016/07/POMED_BudgetReport_FY17_Final-Web.pdf.

⁵² *An Overview of Civil Society in Egypt: Civil Society Index Report for the Arab Republic of Egypt*. Cairo: Center for Development Studies, 2005. P. 20.

⁵³ Ibid.

и продолжили развивать неформальные сети сторонников, а также вести внеинституциональную деятельность. ХАМАС на палестинских территориях, «Братья-мусульмане» в Египте, Хизбалла в Ливане и так далее – все это примеры гражданской активности сразу на нескольких уровнях – политических партий и движений, в формате НПО, а также посредством многообразных неформальных объединений⁵⁴.

Таким образом, ооновская аполитическая концепция гражданского общества оказывается бесполезной для понимания специфики механизмов его действия в странах Ближнего и Среднего Востока, где и политические партии, и НПО целесообразно рассматривать не в отрыве друг от друга, а как части единого целого – «обширной коалиции оппозиционных сил»⁵⁵. Все это требует выработки альтернативной исследовательской стратегии в отношении гражданского общества на Ближнем и Среднем Востоке, отхода от его привычной дефиниции как «сферы отношений» в пользу «поля деятельности институтов и акторов гражданского общества».

Рассматривая гражданское общество на Ближнем и Среднем Востоке как «пространство действия», а не как общность, необходимо вспомнить концепцию Антонио Грамши, который определял гражданское общество не просто как совокупность

⁵⁴ У Хизбаллы есть обширная сеть НПО и даже исследовательский центр (Consultative Center for Studies and Documentation – CCSD) (<http://www.dirasat.net/>). Harb M. Faith-Based Organizations as Effective Development Partners? Hezbollah and Post-War Reconstruction in Lebanon // *Development, Civil Society and Faith-Based Organizations: Bridging the Sacred and the Secular*. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 214–239.

⁵⁵ Langohr V. Too Much Civil Society, Too Little Politics? Egypt and Other Liberalizing Arab Regimes // *Authoritarianism in the Middle East: Regimes and Resistance*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2005. P. 193–218, 194.

негосударственных акторов, а как поле, где государство осуществляет «культурную гегемонию»⁵⁶. Грамши утверждал, что власть в государстве действует не только исключительно методами принуждения, но и генерирует общественное согласие. Гражданское общество выступает инфраструктурой для реализации «культурной гегемонии» правящей элиты, навязывающей остальному обществу свою «картину мира», которая в результате должна стать «общепринятой»⁵⁷.

Однако гражданское общество – это и сфера, где оспаривается незыблемость существующих общественных порядков и разнообразные движения, как системные, так и несистемные, ратуют за ревизию статус-кво. Именно в среде гражданского общества формировались модели альтернативного общественного порядка – исламского, секулярного, антиглобалистского и т. д. Реакция государства на активность гражданского общества и выдвигаемые проекты общественного переустройства не сводилась исключительно к мерам сдерживания и подавления, но выражалась в попытке взаимодействия с институтами гражданского общества в форме кооперации и соперничества.

Для фиксации состояния гражданского общества в конкретный момент времени подходы индекса гражданской активности (*CIVICUS*) оказываются достаточно точными⁵⁸, однако для анализа и понимания динамики развития гражданского общества и его значения

⁵⁶ Gramsci A. *The Prison Notebooks*. New York: Columbia University Press, 1971.

⁵⁷ Ayubi N. *Over-Stating the Arab State: Politics and Society in the Middle East*. London: I.B. Tauris, 1995.

⁵⁸ Cox R. Civil Society at the Turn of the Millennium: Prospects for an Alternative World Order // *Review of International Studies*, Vol. 25, Issue 1, 1999. P. 3–28, 5.

в политическом процессе требуются расширенная дефиниция гражданского общества и подход, исходящий из множественности типологических моделей как его институтов, так и отношений внутри гражданского общества, не сводящихся только к кооперации или соперничеству.

Если привести к общему знаменателю особенности развития гражданского общества на Ближнем Востоке, зафиксированные в многочисленных исследованиях⁵⁹, то среди общих характеристик можно выделить три основные. К ним относится разная степень автономии организаций гражданского общества от власти и государственной поддержки, проницаемость границ или их отсутствие между политической сферой и гражданским обществом («политическим» и «гражданским» обществом), многообразии неформальных организаций, формирующих институциональное содержание гражданского общества.

Гражданское общество на Ближнем Востоке – констелляция традиционных (эндогенных) и заимствованных (модернизированных/вестернизированных) институтов. Категория эндогенных институтов

⁵⁹ Cavatorta F., Durac V. *Civil Society and Democratization in the Arab World: The dynamics of Activism*. Oxford: Routledge, 2011; Wiktorowicz Q. Civil Society as Social Control: State Power in Jordan // *Comparative Politics*, Vol. 33, Issue 1, 2000. P. 43–61; Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey // *British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 39, Issue 2, 2012. P. 157–179; Hawthorne A. Middle Eastern Democracy: Is Civil Society the Answer // *Carnegie Papers: Middle East Series*, Vol. 44, 2004. P. 3–24; Yom S. Civil Society and Democratization in the Arab World // *Middle East Review of International Affairs*, Vol. 9, Issue 4, 2005. P. 14–33; Ketola M. EU Democracy Promotion in Turkey: Funding NGOs, Funding Conflict? // *The International Journal of Human Rights*, Vol. 15, Issue 6, 2011. P. 787–800; Mühlenho H. Funding Democracy, Funding Social Services? The European Instrument for Democracy and Human Rights in the Context of Competing Narratives in Turkey // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, Vol. 16, Issue 1, 2014. P. 102–118.

и организаций гражданского общества включает в себя объединения, сформировавшиеся на основе религиозной и общинной идентичности и имеющие достаточно длительную историю.

Подобное структурирование гражданского общества, однако, не отражает функциональные особенности его институтов, которые могут относиться к разным категориям, но сходиться по роду деятельности. Так, светские и либеральные НПО нередко активно взаимодействуют с религиозными организациями, хотя отношения с властью у них складываются по-разному. Степень автономности их статуса от государства тоже различна, соответственно и вопросы общественной легитимности они решают по-разному. В обобщенном виде этот сегмент «традиционного» гражданского общества представлен тремя категориями общественных структур – неформальные объединения («сетевые структуры»), общинные и религиозные организации. Среди общинных организаций особое место занимают «фамильные» и «общинные» вакфы, то есть фонды, созданные влиятельным общественным или религиозным деятелем и отдельной общиной соответственно. Подобные структуры не нацелены на расширение своего состава, но традиционно обладают большим влиянием и активно участвуют в общественной жизни.

Примеры подобных организаций в странах региона достаточно многочисленны, поскольку они воспроизводят широко распространенную на Ближнем Востоке модель патронажно-клиентских отношений, сохраняющуюся даже в условиях «сильного государства»⁶⁰. В частности, к ним относится Фонд Мохаммеда Сафади (*Safadi Foundation*), осуществляющий масштабные

⁶⁰ Ayubi N. Over-Stating the Arab State...

социальные проекты в Ливане. Основатель вакфа – известный политик и государственный деятель Мохаммед Сафади, занимавший в 2011–2014 гг. пост министра финансов Ливана. Как правило, деятельность подобных организаций тесно связана с личностью патрона-основателя. Если он близок к власти, его фонд служит интересам правящего режима (укреплять «культурную гегемонию» власти в терминологии Антонио Грамши). Если же его основатель, наоборот, критически настроен к режиму, то подобный вакф может стать центром оппозиционной активности, что широко распространено в Турции⁶¹.

Конфессиональные общинные организации объединяют членов конкретных этноконфессиональных меньшинств (шиитов, суннитов, друзов, коптов, маронитов и т. д.), существующих в условиях давления со стороны представителей титульной нации или доминирующей этноконфессиональной группы. Подобные организации существуют как в форме семейных фондов, принадлежность к которым обусловлена кровнородственными связями, так и в формате территориальных НПО. Как показывают статистические данные по разным странам региона, число подобных семейных фондов и общественных организаций за последние годы ощутимо увеличилось одновременно с расширением сектора вестернизированных НПО⁶². Семейные фонды могут функционировать как

⁶¹ См.: Шлыков П.В. *Вакфы в Турции: трансформация традиционного института*. М.: Марджани, 2011. С. 169–195.

⁶² *The 2016 Civil Society Organization Sustainability Index for the Middle East and North Africa*. United States Agency for International Development (USAID). Washington, 2016. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/2016_MENA_CSOSI_-_508.pdf; *The 2012 Civil Society Organization Sustainability Report for the Middle East and North Africa*. United States Agency for International Development (USAID).

религиозно-благотворительные организации, оказывая систематическую помощь малоимущим и нередко имея аффилиацию с конкретной мечетью или церковью, или работать как фонды развития, то есть действовать как НПО западного образца, участвуя в различных проектах социальной направленности. От распространенных в регионе НПО подобные структуры отличаются большей привязкой к конкретной этноконфессиональной общине и меньшей зависимостью от внешней финансовой поддержки (со стороны западных стран и международных организаций), что снимает многие вопросы «общественной легитимности» и репутации в глазах простого населения.

Сегмент вестернизированных организаций гражданского общества можно разделить на три группы. Это разного рода НПО (чаще политически ангажированные), ассоциации (профессиональные и отраслевые) и неформальные объединения (студенческие, молодежные и другие, принципиально противящиеся формализации своей гражданской активности). Каждая из этих групп объединяет разные по типу и общественному влиянию структуры. Среди НПО есть структуры, напрямую аффилированные с конкретными политическими движениями и партиями, помогающими им и финансово, и организационно, есть отдельная группа «проправительственных» НПО, фактически представляющих собой государственные структуры, имитирующие НПО.

Фонды национального развития представляют собой широко распространенную в регионе форму организации гражданской активности. Среди них

есть как довольно известные организации, имеющие длительную историю существования и отработанные механизмы взаимодействия с властью, равно как и более молодые структуры, нередко оппозиционно настроенные к действующему режиму и с ним конфликтующие. Большинство подобных фондов занимают независимую позицию по отношению к власти, однако при этом они зависимы от внешнего финансирования, что не только несет риски для репутации, но и ограничивает их возможности участия в общественной жизни.

Правозащитные организации представляют собой еще более пеструю группу, включающую как локальные, так и общенациональные структуры социальной/правовой взаимопомощи. Сфера их деятельности – не только мониторинг соблюдения прав человека и помощь родственникам заключенных, но и вопросы межконфессионального взаимодействия, информационно-разъяснительная работа среди населения и т. д. В этой сфере представлены и международные правозащитные организации, которые сумели выстроить партнерские отношения с идеологически близкими им местными НПО. Организационно они, как правило, носят имя головной международной структуры, но управляются и работают под началом местных правозащитников (как, например, Трансперенси Интернешнл).

Категория бизнес-ассоциаций объединяет разнообразные профессиональные ассоциации, влияние которых на Ближнем Востоке, как показал опыт массовых протестов начала 2010-х годов, весьма значительно. Возможности эффективной мобилизации сторонников и организации массовых акций (забастовок, коллективных петиций и др.), то есть наличие рычагов

воздействия на власть, делают профсоюзы заметными игроками на поле гражданского общества. Большим влиянием в странах региона (Турция, Египет и др.) пользуются профсоюзы юристов. Проблема независимости судебной системы фигурировала среди базовых лозунгов протестного движения в Египте против президента Хосни Мубарака в конце 2000-х годов, в Тунисе профсоюзы рабочих выступили в авангарде протестного движения против президента Бен Али в 2011 г.⁶³

Неформальные структуры представляют собой пограничную категорию, обладающую характеристиками как традиционных, так и модернизированных организаций гражданского общества. Это неформальные объединения социально активной молодежи (студентов, безработных и т. д.), действующие вне рамок формальных организаций гражданского общества («легальных» НПО), которых они обвиняют либо в оппортунизме, либо в чрезмерной зависимости от иностранных спонсоров. Неформальные молодежные объединения активно участвовали в антиправительственных выступлениях в Тунисе, Египте, Турции и других странах региона в начале 2010-х годов, что позволило некоторым исследователям считать их «органическим гражданским обществом, имеющим глубокие корни в общественной культуре и стоящим на антиглобалистских позициях»⁶⁴.

Политически ангажированные неформальные объединения служат еще одной формой выражения

⁶³ Кузнецов В.А. Тунис (2010–2011) // *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* / Ред. В.В. Наумкин, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 138–168, 140, 145.

⁶⁴ Hardig A.C. Beyond the Arab Revolts: Conceptualizing Civil Society in the Middle East and North Africa // *Democratization*, Vol. 22, Issue 6. P. 1131–1153, 1139–1140.

гражданской активности в регионе. Это достаточно аморфные объединения политических активистов, не вполне организованных и сплоченных для создания политической партии или блока. Это могут быть как краткосрочные ситуативные коалиции, например «Коалиция 14 марта» (или «М14») в Ливане, так и более долговременные объединения, например египетское оппозиционное движение «Кифая» («Хватит!»).

Значительное институциональное и организационное многообразие гражданского общества в странах Ближнего и Среднего Востока не только демонстрирует динамичный характер его развития в 1990-е и 2000-е годы и подтверждает тот факт, что оно является полем активной деятельности оппозиционных сил, но и свидетельствует о наличии внутренних проблем, которые тормозят его развитие в той же степени, в какой и авторитарные режимы. Гетерогенность Ближневосточного региона и многообразие культурных особенностей в развитии стран региона в полной мере отражаются на специфике развития гражданского общества. Однако при всем этом возможно говорить о значительном сходстве траектории развития гражданского общества, прежде всего с точки зрения существующих ограничений. К ним относится широкое распространение неформальных структур власти («закулисного государства»), агрессивное использование «политики идентичности» (конструирование идентичностей как со стороны государства, так и различных групп интересов), амбивалентность внешней финансовой поддержки местных организаций гражданского общества⁶⁵. И наконец, еще одно важное

⁶⁵ Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey // *British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 39, Issue 2, 2012. P. 157–179.

сходство в развитии сферы гражданского общества в странах региона заключается в том, что именно в его среде зародились движения политического ислама.

Государство и гражданское общество на Ближнем Востоке

Среди ключевых характеристик ближневосточной государственности современные исследователи отмечают всеохватный и интервенционистский характер государства («много государства» во всех сферах жизни), который сочетается с «проблемной» легитимностью в глазах граждан⁶⁶. Как иронично отмечал британский историк Роджер Оуэн, «жесткое» государство хочет казаться «сильным»⁶⁷. Для многих стран региона, обретших государственность вследствие распада Османской империи и крушения колониальной системы, патримониальный характер государственных институтов и ведущая роль военной элиты нередко выступают всего лишь маскировкой для режима наследственного правления, реализованного в Сирии, где Башар Асад наследовал своему отцу, и не реализованного в Египте, где Хосни Мубарак не удалось передать руководство страной своему сыну⁶⁸.

⁶⁶ Anderson L. *The State in the Middle East and North Africa // Comparative Politics*, Vol. 20, Issue 1, 1987. P. 1–18.

⁶⁷ Owen R. *State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East*. London: Routledge, 2004. P. 201. Ayubi N. *Over-Stating the Arab State: Politics and Society in the Middle East*. London: I.B. Tauris, 1995. P. 3.

⁶⁸ Bellin E. *Coercive Institutions and Coercive Leaders // Authoritarianism in the Middle East: Regimes and Resistance*. Boulder: Lynne Rienner, 2005. P. 21–42.

Безотносительно эпитетов, фиксирующих нюансы ближневосточной государственности в их страновом измерении, для организаций гражданского общества это означает разнообразные формы давления, ограничений и репрессий, угрозы которых исходят от государственных институтов. В условиях авторитарных режимов достаточно свободно и безопасно чувствуют себя лишь те институты гражданского общества, которые работают в «неопасных сферах», таких, например, как социальное обеспечение. Те же организации, которые вовлечены в гражданскую активность по политически острым вопросам, чувствуют на себе не только повышенное внимание власти, но и «внешнее» давление⁶⁹.

В Саудовской Аравии, как утверждают некоторые исследователи, сфера гражданского общества процветает и бурно развивается. В стране функционирует колоссальное количество религиозно-благотворительных организаций, которые хотя и не обладают возможностью выступать с собственной политической повесткой, оказывают серьезное влияние на трансформацию социальной сферы⁷⁰. Представители правящей королевской династии Саудидов непосредственно участвуют в развитии гражданского общества через спонсируемые институты, выстраивая тем самым неформальные каналы влияния и взаимодействия между государством и элитой, с одной стороны, и обществом – с другой. Как показывают в своих работах Кэролайн Монтегю

⁶⁹ Handoussa H. et al. *Egypt's Social Contract: The Role of Civil Society*, Cairo: Egypt Human Development Report, UNDP, 2008. P. 89.

⁷⁰ Montagu C. Civil Society and the Voluntary Sector in Saudi Arabia // *Middle East Journal*, Vol. 64, Issue 1, 2010. P. 67–83; Kanie M. Civil Society in Saudi Arabia: Different Forms, One Language // *Saudi Arabia Between Conservatism, Accommodation and Reform*. The Hague: Netherlands Institute of International relations “Clingendael”, 2012. P. 33–56.

и Мериван Канье, это дорога с двусторонним движением – патронаж монаршей семьи дает организациям гражданского общества в Саудовской Аравии существенные рычаги воздействия на власть и возможность продвигать свое видение реформирования социальной сферы⁷¹. Парадоксальным образом здесь тоже проявляется весь потенциал многоуровневого взаимодействия государства и гражданского общества на Ближнем и Среднем Востоке, заключающийся не только и не столько в подавлении гражданского общества, сколько в попытках взаимовыгодного сотрудничества и/или использования его в интересах власти.

Насколько количественные и статистические показатели не всегда адекватно отражают развитие гражданского общества, хорошо видно на примере Турции, где как и в других странах мира, в 1980-е и 1990-е годы появилось множество НПО. До военного переворота 12 сентября 1980 г. в Турции их насчитывалось 38 тыс., в 2010-е годы количество НПО превышало 150 тыс.⁷² Однако большое число НПО и относящаяся к ним статистика могут легко ввести в заблуждение: количество добровольных организаций, профессиональных ассоциаций, союзов, палат и т. д. выглядит вполне солидным (хотя и недостаточным по сравнению с европейскими странами⁷³), но вклад этих НПО в публичную сферу, степень их влияния чрезвычайно малы⁷⁴.

⁷¹ Ibid.

⁷² *Türkiye’de Sivil Toplum: Bir Dönüm Noktası*. İstanbul: TÜSEV Yayınları, 2011. S. 18. Dernekler Dairesi Başkanlığı. URL: www.dernekler.gov.tr/; Vakıflar Genel Müdürlüğü. URL: www.vgm.gov.tr/.

⁷³ См.: *Sabah*, 11/05/2004. URL: <http://arsiv.sabah.com.tr/2004/11/05/sarier.html>.

⁷⁴ Beller-Hann I., Hann C. *Turkish Region: State, Market and Social Identities on the East Black Sea Coast*. Oxford, 2001. P. 92–93.

И здесь мы сталкиваемся с фундаментальным несоответствием и различием западной и «незападной» моделей гражданского общества. В первом случае перед нами система взаимных формализованных отношений, обязательств и договоренностей между отдельными индивидами, во втором – господство неформальных связей, распространение разнообразных форм «реципрокных отношений»⁷⁵. Поэтому оценивать гражданское общество на Ближнем Востоке необходимо, исходя из других, неколичественных показателей, поскольку ситуация с гражданским обществом во многих странах региона характеризуется существованием десятков тысяч НПО и разнообразных общественных движений, которые хорошо заметны в публичной сфере, на экране телевизора, в печатных СМИ, но весьма скромной способностью гражданского общества влиять на решения и политику своего правительства. С одной стороны, практически каждый, будь то партийный лидер, общественный деятель или простой обыватель, говорят о гражданском обществе, его фактическом и гипотетическом вкладе в развитие демократии в стране. Но при этом остается неясным, что в общественном дискурсе понимается под «гражданским обществом». Одни видят в определении «гражданский» оппозицию «государственному», в то время как другие имеют в виду противовес «влиянию армии». Для кого-то гражданское общество означает просто наличие общественных организаций, для других – важно, какие это НПО (либеральные, исламские или светские). Известный социолог Адам Селигмен объясняет эту притягательность гражданского общества «заключенной в нем идеей синтеза общего

⁷⁵ White Jenny B. *Civic Culture and Islam in Urban Turkey // Civil Society Challenging Western Models*. L.; N.Y.: Routledge, 1996. P. 143–144.

и частного “блага”, индивидуальных и общественных интересов. Идея гражданского общества, таким образом, воплощает в себе этический принцип социального порядка, который если и не преодолевает, то, по крайней мере, согласовывает часто противоречащие друг другу желания индивидов и общее благо»⁷⁶.

Вместе с тем сфера гражданского общества в странах Ближнего Востока – объект повышенного интереса западных политиков, которые из геополитических соображений видели в нем большой потенциал как инструмента, с помощью которого, используя терминологию Роберта Патнэма, можно «заставить демократию работать»⁷⁷. Главным выражением растущего интереса к гражданскому обществу в 1990-е и 2000-е годы стала масштабная поддержка местных неправительственных организаций, объяснявшаяся простой логикой: даже при слабом развитии сферы гражданского общества его формальная составляющая – НПО, ассоциации и др. – неизбежно будет работать над преодолением «дефицита демократии»⁷⁸. В результате в ряде значимых стран региона – Египте, Турции и др. – были созданы разнообразные механизмы внешней финансовой поддержки организаций гражданского общества.

Одновременно политика поддержки гражданского общества получила и научно-теоретическое обоснование. В 1990-е и 2000-е годы появилась масса публикаций научного и публицистического характера о роли гражданского общества в политике как катализатора

⁷⁶ Seligman A.. *The Idea of Civil Society*. N.Y.: The Free Press, 1992. P. X.

⁷⁷ Патнэм Р. *Чтобы демократия работала...*

⁷⁸ Kamrava Mehran. *The Middle East's Democracy Deficit in Comparative Perspective // Perspectives on Global Development and Technology*, Vol. 6, 2007. P. 189–213.

процессов демократизации и либерализации. Все это вылилось в ощутимый рост числа НПО и расширение диапазона их уставной деятельности, что большинство экспертов приветствовало как «новую эпоху» в истории ближневосточных стран. Ведь, исходя из доминирующей либеральной трактовки гражданского общества, рост гражданской активности должен способствовать повышению социальной ответственности власти и обеспечить правовой характер государства⁷⁹. При этом практически не принималось во внимание, что присущие большинству ближневосточных стран авторитарные модели общественных отношений – власть–общество, начальник–подчиненный (принуждение и контроль) – механически будут воспроизводиться и в сфере гражданского общества. В свою очередь, практика функционирования институтов гражданского общества на Ближнем Востоке в 1990-е и 2000-е годы показала множество примеров манипулирования гражданской активностью и использования институтов гражданского общества в интересах укрепления власти правящего режима.

Исследование механизмов функционирования гражданского общества в Иордании показало, что в этой стране институты гражданского общества не создают инфраструктуру для реализации гражданских свобод и участия общества в политической жизни страны, а играют роль дополнительного инструмента контроля государства над обществом⁸⁰. Каждая общественная организация или организованная группа должна пройти регистрацию в специальном правительственном

⁷⁹ Kubba L. The Awakening of Civil Society // *Journal of Democracy*, Vol. 11, Issue 3, 2000. P. 85–86.

⁸⁰ Wiktorowicz Q. Civil Society as Social Control: State Power in Jordan // *Comparative Politics*, Vol. 33, Issue 1, 2000. P. 43–61.

учреждении, занимающемся ранжированием и мониторингом этих структур. Таким образом, государство, с одной стороны, получает возможность использовать неправительственные организации как дополнительный канал контроля общественной активности, с другой – пресекать появление «несистемных» общественных структур, деятельность которых может угрожать действующей власти или подрывать интересы близких к ней элитных групп. Существующие нормативные процедуры и механизмы правового регулирования сферы гражданского общества в Иордании позволяют все это делать быстро и эффективно.

Одна из отличительных черт гражданского общества в странах Ближнего и Среднего Востока, красной линией проходящая через большинство исследований этого феномена, – органическая связь между институтами гражданского общества и государством, точнее – представителями власти и национальной элиты. Хрестоматийный пример такой связи – доминирование действующих и отставных чиновников среди функционеров неправительственных организаций. Они выступают в роли учредителей, входят в состав попечительских и управляющих советов, занимают ключевые посты в руководящих и исполнительных органах значительной части крупных и влиятельных НПО в регионе.

В Египте, одной из ключевых стран региона, наиболее влиятельные НПО – бизнес-ассоциации, которые в 1990-е и 2000-е годы благодаря экономическому потенциалу и тесным связям с действующими крупными чиновниками имели возможность влиять на политику правительства⁸¹. В своей деятельности египетские бизнес-ассоциации ориентируются, как

⁸¹ Abdelrahman M.M. *Civil Society Exposed: The Politics of NGOs in Egypt*. London: I.B Tauris, 2004.

правило, не на чаяния рядовых граждан, а на интересы действующей власти, крупного и среднего бизнеса⁸². Получается, что наиболее влиятельные институты гражданского общества служат укреплению действующего режима власти, а не выдвигают альтернативы существующему социальному, политическому и экономическому порядку.

Профсоюзы и профессиональные объединения, еще один важный субъект сферы гражданского общества, находятся в прямой экономической зависимости от правительства, что лишает их возможности вступать в конфронтацию с властью в отстаивании своих групповых интересов, а их оппозиционность по сути оказывается в большей степени видимостью⁸³.

Очевидно, что в условиях многопланового контроля над институтами гражданского общества – особенно НПО, в шутку именуемыми «государственными неправительственными организациями» – едва ли можно ожидать, что гражданская активность, зажатая в такие рамки и направляемая «сверху», может способствовать повышению социальной и политической ответственности власти. Скорее наоборот, подобные НПО служат наращиванию влияния правящих элит, которые с их помощью навязывают обществу соответствующий политический и экономический дискурс. Получается замкнутый круг: у простых граждан отсутствуют механизмы воздействия на власть, которая имеет возможность манипулировать институтами гражданского общества.

В таких условиях общенациональные НПО становятся инструментами распространения

⁸² Ibid.

⁸³ Hawthorne A. *Middle Eastern Democracy: Is Civil Society the Answer // Carnegie Papers: Middle East Series*, Vol. 44, 2004. P. 3–24.

государственной идеологии и навязывания обществу выгодных власти моделей социально-политического развития. Политики нередко публично говорят о НПО как «активных партнерах» власти. Так, Хосни Мубарак в выступлениях начала 2000-х годов характеризовал египетские НПО как «активных партнеров в обеспечении устойчивого развития»⁸⁴. Подобный взгляд на НПО как удобный инструмент для решения политических задач – распространения идеологии и управления общественным согласием – характерен не только для представителей власти и национальных элит, но и для оппозиционных сил, использующих институты гражданского общества исключительно как инструмент мобилизации общественной поддержки⁸⁵, международных организаций и внерегиональных игроков.

Так, США поддерживали египетские НПО, рассчитывая с их помощью ускорить экономическую либерализацию в Египте. Аналогично с помощью поддержки палестинских НПО в 1990-е годы американские политики решали задачу формирования позитивного общественного мнения о соглашениях в Осло и последовавшем за ними процессе мирного урегулирования палестино-израильского конфликта⁸⁶.

В 2000-е годы инструментальный характер внешней поддержки НПО на Ближнем Востоке стал еще более откровенным. На первый план вышли вопросы региональной безопасности и противодействия

⁸⁴ Hawthorne A. *Middle Eastern Democracy...* P. 12. Abdelrahman M.M. *Civil Society Exposed: The Politics of NGOs in Egypt*. London: I.B. Tauris, 2004.

⁸⁵ Abdelrahman M.M. The Politics of 'Uncivil' Society in Egypt // *Review of African Political Economy*, Vol. 29 (91), 2002. P. 21–35.

⁸⁶ Hawthorne A. *Middle Eastern Democracy...* P. 3–24.

распространению радикального исламизма⁸⁷. Донорская политика в отношении НПО в Египте, Ливане, Турции и других странах региона напрямую увязывалась с конкретными требованиями к финансируемым НПО (каким критериям они должны соответствовать и в чем должны заключаться их приоритетные задачи)⁸⁸. Так, одна из стержневых задач выделения средств турецким общественным организациям со стороны международных фондов – это их формальное вовлечение в большой проект либерализации Турции, подготовки ее к вступлению в ЕС. Фактически от получателей поддержки европейских фондов ждали приверженности европейским ценностям и правовым нормам на уровне убеждений и активность в аспекте общественно-политической трансформации Турции на уровне практической деятельности.

Однако мониторинг высказываний представителей крупных турецких НПО, так или иначе воспользовавшихся помощью со стороны структур ЕС, показывает довольно парадоксальную на первый взгляд ситуацию. Как демонстрируют социологические опросы, примерно половина НПО, участвовавших в грантовых проектах ЕС, не являлись твердыми сторонниками вступления Турции в ЕС. Их позицию можно назвать прагматичным цинизмом. Они готовы сотрудничать с ЕС настолько, насколько европейские универсальные ценности совпадают с ценностями

⁸⁷ Altan-Olcay Ö., İçduygu A. Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey // *British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 39, Issue 2, 2012. P. 157–179, 169.

⁸⁸ Ibid.; Yom S. Civil Society and Democratization in the Arab World...

конкретной организации⁸⁹. Известные консервативные НПО Ассоциация защиты прав человека и угнетенных или Ассоциация за свободу мысли и права на образование, несмотря на свой скепсис по отношению к европейским грантам, выступали с позиций твердой и последовательной поддержки евроинтеграции Турции. Нефинансовая логика здесь тоже объяснима: поддержка европейских демократических ценностей в данном случае – скорее поиск дополнительных гарантий от возможных репрессий со стороны кемалистской элиты 1990-х и 2000-х годов и судебного преследования за свои консервативные взгляды.

Данные опросов представителей турецких НПО с точки зрения их приверженности одной из базовых задач «Диалога гражданского общества» (одного из самых дорогих проектов по поддержке гражданского общества в Турции) – подготовке общества к евроинтеграции, создают неожиданную «тепловую карту» лояльности гражданского общества к ЕС. Так, из числа турецких НПО, получивших в 2000-е годы гранты от ЕС, только 4% предусматривали в рамках своих проектов просветительскую деятельность о европейских ценностях и политике ЕС, 27% никак не соотносили свои проекты с задачами «Диалога гражданского общества», а 15% отметили, что подобная деятельность не соотносится с их целевой аудиторией и их репутация пострадала от самого факта сотрудничества с европейскими организациями⁹⁰.

⁸⁹ Высказывания представителей Хельсинкской ассамблеи граждан (Helsinki Yurttaşlar Derneği – HYD). Приводится по: Zihnioğlu Ö. *European Union Civil Society Policy and Turkey: A Bridge Too Far?* New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 50–71.

⁹⁰ Приводится по: Zihnioğlu Ö. *European Union Civil Society Policy and Turkey...* P. 50–71.

Традиционные для ЕС методы реализации потенциала «мягкой силы» в турецком контексте столкнулись с концептуальными и функциональными ограничениями. Не учитывая особенности незападной модели гражданского общества, политика ЕС исходила из дихотомии гражданского общества и государства как совокупности властных отношений, а также созидательно либеральных возможностей гражданской активности. Традиция периодических военных переворотов, почти каждые десять лет сотрясавших страну всю вторую половину XX в., замедлила внутреннюю динамику развития гражданского общества и его возможности организатора общественно-политических трансформаций. Низкий организационный потенциал турецких НПО – их способность, используя собственные административные, интеллектуальные, технологические и финансовые ресурсы, осуществлять уставные цели, а не имитировать деятельность – базовая характеристика и одна из слабых сторон гражданского общества в Турции, неоднократно отмеченная масштабными социологическими исследованиями. Так, одно из наиболее репрезентативных по своему охвату исследований такого рода, осуществленное «Вакфом третьего сектора Турции» в 2011–2013 гг., фиксировало более 44% НПО, функционирующих как почти коммерческие структуры с большим количеством наемного персонала, и низкий уровень общественного интереса к НПО как таковым и формам их деятельности⁹¹.

Пониженный интерес к гражданской активности, тормозящий развитие сектора НПО, – во многом наследие 1990-х годов. По данным Всемирного обзора

⁹¹ *Sivil Toplum İzleme Raporu*. İstanbul: TÜSEV Yayınları, 2013. URL: <http://www.tusev.org.tr/tr/arastirma-ve-yayinlar/sivil-toplum-izleme-raporu-1/sivil-toplum-izleme-raporu-2013>.

ценностей (*World Values Survey*), в 1990-е годы доля населения, вовлеченного в работу неправительственных организаций, не превышала 1% при численности лиц, занятых в сфере интеллектуального труда, более 2%⁹². Более поздние национальные обследования общественных отношений в Турции констатировали сохранение этих особенностей. Так, проект «Индекс гражданского общества» Всемирного альянса за гражданское участие (CIVICUS), осуществленный в конце первого десятилетия 2000-х годов, обнаружил, что членами каких-либо социально и политически активных НПО в Турции выступают не более 10% населения, из которых на добровольных началах трудятся только 6,7%⁹³. В переводе с количественных на качественные категории это означает отсутствие необходимой инфраструктуры для реализации политики по поддержке гражданского общества в Турции.

Манипулирование гражданским обществом превращает его в арену противостояния соперничающих политических сил: исламистов и сторонников светских порядков, как, например, в Египте, Турции, Иордании, или между конкурирующими исламскими течениями, как в Ливане⁹⁴. Эффект внешнего манипулирования

⁹² *World Values Survey, 1990, 1996, 2001 Turkey*. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/>

⁹³ İçduygu A., Meydanoglu Z., Sert D. *Civil Society in Turkey: At a Turning Point*. CIVICUS Civil Society Index (CSI) Project. Country Report for Turkey II. Istanbul: TUSEV Publications, 2011. URL: <http://civicus.org/downloads/CSI/Turkey.pdf>.

⁹⁴ Алжир и Иордания: Cavatorta F., Durac V. *Civil Society and Democratization in the Arab World: The dynamics of Activism*. Oxford: Routledge, 2011. Ливан, Египет: Altan-Olcay Ö., İçduygu A. *Mapping Civil Society in the Middle East: The Cases of Egypt, Lebanon and Turkey // British Journal of Middle Eastern Studies*, Vol. 39, Issue 2, 2012. P. 157–179.

гражданским обществом нередко приводит к незапрограммированным результатам. Так, разделение гражданского общества по линии отношения к исламу и кемализму определяет не только концептуальный облик гражданского общества в Турции, но и отношение турецких НПО к политике ЕС. Поэтому и среди получателей грантов по степени поддержки евроинтеграции лидируют консервативные силы, которые в сближении Турции с ЕС видят возможность расправиться со своими оппонентами, но при этом сами не горят желанием выстраивать тесное партнерство с европейскими структурами ввиду расхождений в ценностных ориентациях.

Поляризация общественных и политических отношений, ставшая одной из отличительных черт современной истории Турции, напрямую отражается на характере связей и взаимоотношений внутри гражданского общества. Естественное объединение неправительственных организаций, преследующих схожие цели, но придерживающихся трудноводимых политических платформ, становится малопродуктивным либо исключается в принципе, поскольку у этих НПО не получается найти общий язык для осуществления совместной деятельности.

Степень дезинтеграции турецкого гражданского общества, сравнимая с фрагментацией политического спектра, хорошо ощущается на примере ситуации вокруг торговых палат и предпринимательских союзов, которые теоретически должны действовать, руководствуясь логикой экономической рациональности в большей степени, чем политическими пристрастиями. Между тем эти институты успешно служат интересам политических партий – от радикально-правых до ультралевых. Таким образом, экономическая

сфера в стране оказывается разделенной по линии культуры и идеологии, что не дает возможности турецким промышленникам и предпринимателям выступать единым фронтом в противостоянии государству и правительству.

Политическая раздробленность гражданского общества⁹⁵ проявляется даже среди организаций по защите прав человека. Хотя, казалось бы, права человека – универсальная категория, превосходящая идеологические границы. Однако и здесь, как и в случае торговых палат, наблюдается поляризация по политическим предпочтениям. Как показывает практика, при тесном взаимодействии между теми или иными организациями по защите прав человека различия в политических предпочтениях и взглядах проявляются со всей очевидностью и становятся труднопреодолимой преградой на пути выработки совместных проектов, действий и т.д.⁹⁶

Фрагментация гражданского общества и отсутствие взаимного доверия среди общественных организаций, стоящих на разных политических платформах, делает крайне сложной консолидацию потенциала в рамках гражданского общества, не позволяя ему выступить генератором социально-политического развития «снизу». Эти же факторы не дают возможности внешним силам получить желаемый результат от материальных и нематериальных вложений в развитие сферы гражданского общества, вызывают сбои механизмов «мягкой силы».

⁹⁵ См.: Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность // *Восток (Oriens)*. 2009. № 1. С. 109–122.

⁹⁶ Plagemann G. Human Rights Organizations: Defending the Particular or the Universal // *Civil Society in the Grip of Nationalism*. Istanbul, 2000. P. 433–471, 471.

События в Египте в 2011 г., итогом которых стало свержение президента Хосни Мубарака, – интересный пример, иллюстрирующий особенности функционирования гражданского общества на Ближнем Востоке, различающиеся по многим параметрам в странах региона. В авангарде протестного движения в Египте оказались не институционализированные субъекты гражданского общества – НПО, ассоциации, а преимущественно его «формально неорганизованная» часть – молодежные объединения и т. д. В отличие от Туниса, где одним из главных каналов мобилизации антиправительственного движения стали профсоюзы (считавшиеся «поглощенными» государством)⁹⁷, египетские НПО выступили преимущественно во втором эшелоне. Эпицентр массовых протестов – площадь Тахрир, где был организован лагерь протестующих, – превратился в особую общественную среду со своей экономикой и нормами взаимоотношений (детский сад, госпиталь, система распределения воды и снабжения продуктами питания, даже собственные СМИ в виде стенгазеты и регулярных репортажей в социальных сетях)⁹⁸. Как отмечают некоторые исследователи, активное участие в акциях сторонников ненасильственного протеста⁹⁹ изменило традиционный сценарий антиправительственных выступлений, которые в Египте обычно заканчивались масштабными столкновениями с силами правопорядка, косметическими

⁹⁷ Кузнецов В.А. Тунис (2010–2011)... С. 140, 145.

⁹⁸ Egypt: The camp that toppled a president (Interactive Graphic) // BBC, 11/02/2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-12434787>.

⁹⁹ El-Ghobashy M. The Praxis of the Egyptian Revolution // *Middle East Report*, Vol. 41, no. 258, 2011. P. 2–13. URL: <http://www.merip.org/mer/mer258/praxis-egyptian-revolution>.

уступками властей, очень быстро все возвращавших в прежнее русло¹⁰⁰.

В протестное движение 2011 г. оказались вовлечены не только разрозненные активисты и молодежные неформальные организации, но и очень широкий спектр населения страны: многочисленные молодежные структуры, правозащитные организации, профессиональные ассоциации, семейные фонды, даже армия, поначалу выступившая против, потом фактически поддерживавшая протестующих. Молодежные сетевые структуры, подобные известному «Движению 6 апреля», возникшему как группа единомышленников в социальной сети Facebook, выступили главными инструментами мобилизации населения к уличной активности. Блогеры занимали особое место на Тахрире и своими постами–репортажами с места событий создавали информационный поток, альтернативный официальной пропаганде, с помощью которого мировая общественность во многом формировала свое мнение о событиях в Египте.

Помимо неформальных молодежных организаций профессиональные объединения активно участвовали в протестах. Врачи-волонтеры организовали походный госпиталь для протестующих, а добровольцы-фармацевты бесплатно раздавали медикаменты нуждающимся. Политические объединения, например движение «Кифая», не оставались в стороне от протестов и энергично работали на сплочение противников режима Мубарака¹⁰¹. В поддержке протестных

¹⁰⁰ Bayat A. Activism and Social Development in the Middle East // *International Journal of Middle East Studies*, Vol. 34, Issue 1, 2002. P. 1–28.

¹⁰¹ Shorbagy M. Understanding Kefaya: The New Politics in Egypt // *Arab Studies Quarterly*, Vol. 29, Issue 1, 2007. P. 39–60; Oweidat N., Benard C. et al. *The Kefaya Movement: A Case Study of a Grassroots Reform Initiative*.

акций были задействованы ресурсы вакфов. В стороне не остались ученые и студенты университета Аль-Азхар, флагмана религиозного образования в Египте¹⁰². Светские НПО – правозащитные организации создали объединенную платформу для правовой защиты протестующих – «Фронт защиты протестующих в Египте»¹⁰³. Профсоюзы организовывали забастовки в поддержку борцов с режимом Мубарака¹⁰⁴. Известно об участии в протестах судей и адвокатов¹⁰⁵.

Любопытна роль египетской армии, которая проявила высокую степень активности в сфере гражданского общества, сначала холодно встретив антиправительственные выступления, потом выступила «в защиту народа» и соответственно протестующих¹⁰⁶. В конечном итоге военные даже призвали население выйти на улицу в поддержку переворота против избранного президента Мухаммеда Мурси¹⁰⁷.

Santa Monica: RAND Corporation, 2008. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG778.pdf.

¹⁰² Brown N.J. Post-Revolutionary Al-Azhar. *Carnegie Papers: Middle East*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, September 2011. URL: https://carnegieendowment.org/files/al_azhar.pdf.

¹⁰³ Journalists and Human Rights Activists Arrested and Beaten in Cairo Crackdown // *Democracy Now*, 3/02/2011. URL: https://www.democracynow.org/2011/2/3/journalists_and_human_rights_activists_arrested.

¹⁰⁴ Workers boost Egypt protests // *Al-Jazeera*, 10/02/2011. URL: <https://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/02/20112913546831171.html>.

¹⁰⁵ Bernard-Maugiron N. *Judges and Political Reform in Egypt*. Cairo: American University in Cairo Press, 2015; Kirkpatrick, David D. Egyptian Judges Challenge Morsi Over New Power // *New York Times*, 24/11/2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/11/25/world/middleeast/morsi-urged-to-retract-edict-to-bypass-judges-in-egypt.html>.

¹⁰⁶ Аксененок А.Г. Египет: особенности переходного периода // *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* С. 204–220, 210–212.

¹⁰⁷ Egyptian Army Chief Calls for Street Protests // *BBC*, 24/07/2013. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-23434809>.

Послереволюционный экономический спад, сопровождавшийся значительным ухудшением материального положения большинства населения (кратный рост цен на продовольствие, разгул преступности) и идеологическая поляризация привели к разочарованию и политической апатии среди основных участников протестного движения (основной лозунг молодежи, составляющей 65% населения, «хлеба, свободы и социальной справедливости» так и не был реализован). Часть активистов даже заговорила о тоске по сильной власти¹⁰⁸. Смещение Мурси и приход к власти Абдул-Фаттаха ас-Сиси летом 2013 г. ознаменовали не только возвращение к правлению военной элиты, но и новый этап институциональной и функциональной реструктуризации египетского гражданского общества, отличительными чертами которой стали создание инструментов жесткого контроля над гражданской активностью с помощью закона о протестной активности (2013)¹⁰⁹ и волна репрессий против гражданских активистов и оппозиционных движений.

* * *

Несмотря на то что многообразие особенностей и характеристик сферы гражданского общества отдельных стран не дает возможности говорить о единой модели его развития и функционирования на Ближнем и Среднем Востоке, представляется

¹⁰⁸ Alvarez-Ossorio I. Civil Society and Political Change in Contemporary Egypt // *The Arab Spring, Civil Society, and Innovative Activism*. New York: Palgrave Macmillan, 2017. P. 59.

¹⁰⁹ Egypt: Law No. 107 for 2013 For organizing the right to peaceful public meetings, processions and protests. URL: <http://www.constitutionnet.org/vl/item/egypt-law-no107-2013-organizing-right-peaceful-public-meetings-processions-and-protests>.

возможным выделить ряд общих черт, характерных в этом плане для большинства ближневосточных государств. Опыт Турции и других стран региона показывает, что организации гражданского общества как в демократических, так и в недемократических государствах нередко служат инструментом консолидации политической власти и экономического влияния в руках правящих элит. Идеализация гражданского общества и его институтов, присущая политическому истеблишменту на Западе, выводит из фокуса внимания факторы, размывающие его демократический потенциал. Тем временем обширный фактический материал стран Ближнего и Среднего Востока (Турции, Египта, Иордании, Ливана и др.), рассмотренный ранее, свидетельствует о том, что организации гражданского общества зачастую служат интересам политической элиты в гораздо большей степени, чем интересам простых граждан и демократическим ценностям в широком смысле этого слова.

Помимо неоднозначных последствий донорской политики западных стран и международных организаций в отношении региональных НПО, наиболее рельефно проявившихся в Турции, развитие гражданского общества в странах региона объединяет еще одна важная черта – особая роль и влияние различных исламских движений. Как правило, эти движения обладают серьезными возможностями мобилизации своих сторонников и нередко находятся вне прямого контроля со стороны государства. Обладая всеми основными характеристиками влиятельных институтов гражданского общества, они не выступают катализатором либерализации и демократизации, поскольку в большинстве своем они крайне отрицательно настроены по отношению к западным

инвариантам либеральной демократии. Это обстоятельство высвечивает подлинный характер развития гражданского общества в регионе и объясняет причину слабости демократических институтов и дефицита демократии на Ближнем Востоке. В странах региона действует достаточно сильное и многосоставное нелиберальное гражданское общество, которое в сочетании с доминированием зависимых от власти светских НПО ведет к сохранению и воспроизводству авторитарных порядков.

На Ближнем Востоке гражданское общество, как правило, лишено политической субъектности. Идеалистическая картина либеральной модели гражданского общества, непосредственно участвующего в «построении государства», оказывается перевернутой наоборот. Здесь государство задает границы деятельности гражданского общества и форматы его участия в общественно-политической жизни. Таким образом, модель западного гражданского общества, вращиванием которой на Ближнем Востоке занимались США и ЕС, оказалась невоспроизводимой в регионе. И это позволяет говорить об ограниченности либеральной модели гражданского общества, особенно ярко проявляющейся при попытке наложить ее на общества незападного типа. Опыт социально-политического развития Турции, Египта и других стран региона отчетливо показывает, насколько неоднозначны последствия поддержки общественных организаций, исходя из аксиомы об универсальной закономерности между активностью гражданского общества и эффективностью демократических институтов.

Глава 6

НАСИЛИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

Глубокие политические изменения, начавшиеся на Ближнем Востоке в 2011 г., за семь прошедших лет привели к возникновению принципиально новой региональной ситуации, породив множество исследовательских вопросов и придав импульс обсуждению вопросов старых. Насилие при этом стало одним из важнейших мотивов дискуссий. Лишь в редких случаях превращаясь в предмет непосредственного научного анализа, оно тем не менее приковывает к себе взгляды ученых, экспертов и политиков, зачастую воспринимаясь как едва ли не главная черта новой реальности. Отчасти это связано с феноменом ИГИЛ, чьи профессионально сделанные видеоролики с изображением казней и пыток широко распространялись в Интернете в 2014–2015 гг.

Стремление террористической организации не просто уничтожать противников и даже не просто подвергать их тяжелейшим мучениям, но эстетизировать убийства¹, одновременно превращая их в рядовой продукт культуры массового потребления, вызывало не только ужас и отвращение, но и нараставший исследовательский интерес.

¹ Comolli J.-L. *Daech, le cinéma et la mort*. Lagrasse: Editions Verdier, 2016.

Политологи², психологи³, социологи⁴, культурные антропологи⁵, культурологи⁶ и искусствоведы⁷ написали в 2014–2016 гг. тысячи страниц, посвященных насильственным практикам ИГИЛ, однако так

² Вайс М., Хасан Х. *Исламское государство. Армия террора*. М.: Альпина нон-фикшн, 2016; Stepanova E. Regionalization of violent jihadism and beyond: the case of Daesh // *Interdisciplinary journal for religion and transformation in contemporary society*. 2016. № 3. С. 30–55; Трубецвев К.М. Ближневосточный узел как эпицентр противостояния панисламского проекта и национальных государств // *Нации и национализм в современном мире*. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 93–115; *Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. A Theory of Isis: Political Violence and the Transformation of the Global Order*. London: Pluto Press, 2018.

³ Mueller J., Henry Sh., Akkaya N., Li J., Ross D.B., Matteson R. *Forensic Psychological Perspectives in Deterring the Impact of Acts of Terrorism from ISIS and Khorasan: An Antiterrorism*. Fischler College of Education: Faculty Articles, 2015. URL: http://nsuworks.nova.edu/fse_facarticles/246, accessed 10.10.2017; Meloy J.R., Yakeley Y. The Violent True Believer as a “Lone Wolf” – Psychoanalytic Perspectives on Terrorism. *Behavioral Sciences and the Law*, 2014. URL: http://drreidmeloy.com/wp-content/uploads/2015/12/2014_TheViolentTrue.pdf. *Terrorism, Political Violence, and Extremism: new Psychology to understand, face, and defuse the Threat* / Ed. Ch.E. Stout Santa Barbara, California: Praeger, 2017. 359 p.

⁴ Juergensmeyer M. Thinking Sociologically about Religion and Violence: The Case of ISIS // *Sociology of Religion*, Volume 79, Issue 1, 28 February 2018, P. 20–34; Al Raffie D. Social Identity Theory for Investigating Islamic Extremism in the Diaspora // *Journal of Strategic Security* 6, no. 4 (2013): 67–91. Gambetta D., Hertog S. *Engineers of jihad: The Curious Connection between Violent Extremism and Education*. Princeton University Press, 2016.

⁵ Günther Ch., Kaden T. *The Authority of the Islamic State*. Max Planck Institute for Social Anthropology, Working Paper No. 169. Halle/ Saale 2016. URL: <https://www.eth.mpg.de/pubs/wps/pdf/mpi-eth-working-paper-0169>.

⁶ Crone, M. Religion and Violence: Governing Muslim Militancy through Aesthetic Assemblages // *Millennium – Journal of International Studies*. 2014, No. 43 (1), p. 291–307.

⁷ Botz-Bornstein Th. The “futurist” aesthetics of ISIS // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2017, No. 9. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/20004214.2017.1271528>. Comolli J.-L. Op. cit.

и не смогли предложить комплексное объяснение их генезиса и функциональной роли в социально-политической деятельности организации. И хотя разгром ИГИЛ на территории Сирии и Ирака и многочисленные сообщения о смерти «халифа» аль-Багдади⁸ способствовали снижению интереса к теме, поставленные перед академическим сообществом вопросы вовсе не утратили своей значимости.

Поиск ответов предполагает выбор одной из двух аналитических перспектив – глобальной или региональной.

Можно согласиться с теми авторами, которые считают, что ИГИЛ был порождением не только Ближнего Востока, но и всей современной культуры⁹, причем именно эта принадлежность организации к «большому» миру позволяла ей находить адептов за пределами

⁸ Первый раз информация о смерти аль-Багдади была оглашена каналом «Аль-Арабия» 26 февраля 2015 г., хотя слухи о гибели террориста появлялись и ранее: Мукталя кийадат мин да'иш фи гайат ли-т-тахалиф мин аль-каим // *Аль-Арабия*. 26.02.2015. URL: <http://www.alarabiya.net/ar/arab-and-world/iraq/2015/02/26/%D9%85%D9%82%D8%AA%D9%84-%D9%82%D9%8A%D8%A7%D8%AF%D8%A7%D8%AA-%D9%85%D9%86-%D8%AF%D8%A7%D8%B9%D8%B4-%D9%81%D9%8A-%D8%BA%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D9%84%D9%84%D8%AA%D8%AD%D8%A7%D9%84%D9%81-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%A7%D8%A6%D9%85.html>. 12 февраля 2018 г. арабская редакция “Sky News” сообщила со ссылкой на иракское министерство внутренних дел, что террорист находится при смерти в одной из больниц Сирии: Аль-кашф ‘ан аль-вад’ ас-сахий ли-ль-багдади ва макан ихтибаих // *Скай-Ньюз Арабия*. 12.02.2018. URL: <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1021292-%D8%A7%D9%84%D9%83%D8%B4%D9%81-%D8%A7%D9%84%D9%88%D8%B6%D8%B9-%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%AD%D9%8A-%D9%84%D9%84%D8%A8%D8%BA%D8%AF%D8%A7%D8%AF%D9%8A-%D9%88%D9%85%D9%83%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D8%AE%D8%AA%D8%A8%D8%A7%D9%8A%D9%94%D9%87>.

⁹ Atran S. ISIS is a Revolution // *AEON*. URL: <https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution>.

Ближнего Востока, обращаясь к западному миру на его языке и встречая там отклик понимания.

Вместе с тем универсализм террористического дискурса и тот факт, что видеоролики ИГИЛ или статьи в публиковавшемся на нескольких языках журнале «Дабик»¹⁰ несли для западного читателя вполне ясное послание, не отменяет главного: в качестве организации ИГИЛ появился в конкретном месте, времени и при вполне определенных социально-политических обстоятельствах. Подобная обусловленность, как представляется, заставляет если и не полностью отказаться от глобальной перспективы анализа в пользу региональной, то признать лишь ограниченную полезность первой.

Применявшиеся ИГИЛ садистские практики оказались не только возможны, но и естественны из-за существования определенного исторического контекста. Этот контекст позволил террористической организации распространить свою деятельность на Ливию и Йемен и привел к возникновению феномена джихадистской миграции¹¹, когда в ИГИЛ тысячами съезжались молодые люди из всех стран региона – Туниса, Марокко, Саудовской Аравии, Турции и др.

Применяемое ИГИЛ насилие их если и не всегда притягивало, то, по меньшей мере, почти никогда

¹⁰ Ingram H.J. An analysis of Islamic State's Dabiq magazine // *Australian Journal of Political Science*, 2016. URL: <http://www.internationalaffairs.org.au/wp-content/uploads/2016/06/An-analysis-of-Islamic-State-s-Dabiq-magazine.pdf>.

¹¹ Mehra T. *Foreign Terrorist Fighters: Trends, Dynamics and Policy Responses*. ICTT Report, December 2016. URL: <https://icct.nl/wp-content/uploads/2016/12/ICCT-Mehra-FTF-Dec2016-2.pdf>; Кузнецов В.А. Истоки и движущие силы вооруженного экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 1 (52). С. 138–154.

не отталкивало, хотя в культурных традициях тех стран, к которым принадлежали молодые люди, оно воспринималось не одинаково и играло в политической жизни каждый раз особую роль. Разными были его проявления и вызываемый ими эффект и в запущенных в регионе в 2011 г. трансформационных процессах, где-то выражавшихся в глубоких реформах, где-то приводивших к вооруженным конфликтам, а где-то оборачивавшихся восстановлением авторитаризма и репрессиями.

Однако при всех различиях везде и повсюду насилие играло свою роль, превратившись в постоянный рефрен политической жизни региона: не насилие было порождено ИГИЛ, а политическая тактика ИГИЛ определялась уже восторжествовавшим насилием.

Война в Сирии привела к гибели нескольких сотен тысяч человек (от 160 до 470)¹², война в Ливии – нескольких десятков тысяч¹³, в Йемене жертвами военных

¹² База данных “Violations Documentation Center in Syria” содержит данные о 160 234 человеках, погибших в стране с 2011 г. по март 2018 г. URL: <http://www.vdc-sy.info/index.php/en/martyrs>. В то же время “Syrian Observatory for Human Rights” в декабре 2017 г. оценивала количество погибших приблизительно в полмиллиона человек: About 500,000 persons were killed in Syria during 81 months after the Syrian Revolution started // *Syrian Observatory for Human Rights*. 10.12.2017. URL: <http://www.syriahr.com/en/?p=80436>.

¹³ Число жертв в Ливии фиксируется хуже, чем в Сирии, отчасти из-за хотя и спорного, но устоявшегося разделения политического процесса в этой стране на две гражданские войны (2011 и 2014–2018 гг.) с трехлетним перерывом, отчасти из-за существенно меньшего внимания к конфликту со стороны мирового сообщества. Миссия ООН по поддержке Ливии (UNSMIL) ведет постоянный мониторинг политического насилия в стране: URL: <https://unsmil.unmissions.org/human-rights-report-civilian-casualties-0>. Считается, что основное число жертв в стране приходится на период проведения операции НАТО в 2011 г., приведшей к гибели от 10 до 50 тысяч человек (чаще встречаются оценки в 20–30 тысяч): Milne S. If the Libyan War was about Saving Lives, It was a Catastrophic Failure //

действий стало порядка 15 тысяч человек, однако несколько миллионов погибло в результате развернувшейся в стране гуманитарной катастрофы¹⁴.

Надо, впрочем, признать: теракты, политические убийства, массовые беспорядки и репрессии, становившиеся обыденностью в одних случаях, в других превращались в предмет извращенной эстетизации, а в третьих вызывали резкое отторжение.

Тому, почему фактор насилия играл разную роль в различных странах в ходе политических трансформаций, и будет посвящена настоящая глава.

К постановке проблемы: как считать трансформации

Решение поставленной проблемы затрудняется тем, что, несмотря на кажущуюся очевидность взаимосвязи между политическим насилием и трансформацией политической системы, эти феномены с большим трудом поддаются определению¹⁵.

The Guardian. 26 October 2011. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/oct/26/libya-war-saving-lives-catastrophic-failure>.

¹⁴ Серебров С. Н. Йеменский тупик: причины, угрозы, сценарии выхода. *Аналитическая записка РСМД*. № 14, Октябрь 2017. С. 4.

¹⁵ В энциклопедии «Британника» предлагается три определения политической системы. Согласно первому, речь идет о формальных правовых институтах, составляющих правительство, или государство. Согласно другому, речь идет как о существующих, так и о предписанных формах политического поведения, определяющих не только правовую организацию государственного аппарата, но и действительные механизмы его функционирования. Наконец, согласно третьему, политическая система рассматривается как социальная подсистема, взаимодействующая с другими, например с экономической подсистемой. *Political System // Encyclopaedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-system>. Несмотря

Формальный подход, предполагающий фокусировку на правовой архитектуре власти, кажется бесполезным при определении того, что считать трансформацией политических систем на Ближнем Востоке. В слабо институализированных обществах легко найти как примеры того, что изменение нормативных основ государственности ничего не меняло в ее функционировании, так и того, как серьезные внутренние изменения системы получали лишь незначительное выражение на политико-правовом уровне.

Ярчайшим примером первого случая может служить упразднение республики в Ливии при М. Каддафи¹⁶ или его же демонстративный отказ от занятия

на постепенное расширение понятия, очевидно, что институциональный аспект остается ключевым в понимании сущности политической системы.

¹⁶ Культурная и административная революция, провозглашенная в программном выступлении М. Каддафи 15 апреля 1973 г. в Зуаре, обозначила стремление ливийского лидера создать принципиально новую политическую систему, сама архитектура которой препятствовала бы отчуждению власти от народа. Конкретные формы этой системы, судя по всему, тогда еще для самого ее архитектора оставались не вполне ясными. Они были обозначены официально только в 1977 г. в решении Всеобщего народного конгресса, ставшего к тому моменту высшим руководящим органом в стране. Именно в этом решении Ливия официально была провозглашена Джамахирией – народовластием; ее законом провозглашался Коран; основой политического режима называлось прямое народное правление; а вооруженные силы заменялись всеобщей военной подготовкой. См.: Ouannes M. *Militaires, élites et modernization dans la Libye contemporaine*. Paris: L'Harmattan, 2009. P. 144–158; Twati M. *L'organisation des pouvoirs publics territoriaux en Libye*. Thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'université François – Rabelais soutenue le 10 février 2012. P. 70–73; Excerpts from the Historic Zwara Speech // *The Road to People's Authority: A collection of Historical Speeches and Documents*. Published by the Information Section the People's Committee for Students of the Socialist Peoples Libyan Arab Jamahiriya. [б.м.] [б.г.]. P. 17–23.

государственных должностей¹⁷, разумеется, не помещавший полковнику остаться полновластным хозяином страны вплоть до самого 2011 г.

Другие, менее экзотические случаи – периодическое принятие новых конституций в Марокко, постепенное введение в 1980-х годах многопартийности в Тунисе, принятие конституций в ряде монархий Залива и т. д.

Примерами второго может быть постконфликтное развитие Алжира в 2000-е годы, рост авторитаризма в Египте и Тунисе в 1990–2000-е годы, экономическая либерализация той же Ливии после 2003 г. при одновременной переориентации режима с опоры на ветеранов 1969 г. на соплеменников и семью лидера¹⁸ и т. д.

Помимо нормативно-правовых изменений маркерами трансформации могут служить смена политического руководства и обновление элит. На практике, однако, эти два процесса не только зачастую протекают независимо друг от друга, но они далеко не всегда предполагают серьезные изменения системы осуществления власти.

Некоторая ясность в проблему может быть внесена при обращении к теории социальных порядков Д. Норта¹⁹.

¹⁷ Формирование новой политической системы было завершено в основном к 1979 г. Годом ранее, провозгласив отделение политической власти от революции, М. Каддафи отказался от государственных постов, оставшись до конца жизни «Братским лидером и руководителем революции 1 сентября». Separation between Authority and the Revolution // *The Road to People's Authority...* P. 29–34.

¹⁸ Ouannes M. Op. cit. P. 319–346.

¹⁹ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Институт Гайдара, 2011.

Согласно ей, все политические системы Ближнего Востока, за исключением, вероятно, израильской, могут рассматриваться как естественные государства, или порядки ограниченного доступа (ПОД), в рамках которых доступ к политической власти оказывается возможен исключительно для групп, обладающих возможностями применения насилия²⁰. Стремясь минимизировать издержки, эти группы договариваются между собой о разделении ренты, одновременно гарантируя друг другу внутреннюю консолидацию и участие во власти. В такой логике уровень развития ПОД определяется такими параметрами, как степень инклюзивности господствующих коалиций, устойчивость гарантий, предоставляемых друг другу составляющими их группами, степень политического контроля над насилием, прозрачность и стабильность «правил игры», со временем претворяющаяся в верховенство закона, и т.п.²¹

В случае линейного развития системы (на практике не встречающегося) все большее число групп должно постепенно принимать участие в получении ренты. Сами эти группы должны постепенно институализироваться, превращаясь в деперсонализированные политические объединения. Постоянное соблюдение договоренностей должно вести к тому, что потребность в применении участниками насилия друг против друга должна исчезать, а контроль над насилием — передаваться профессиональным объединениям, действующим в интересах всей системы. Итогом подобного движения становится превращение

²⁰ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011. С. 56–69.

²¹ Там же. С. 54, 100–104, 256–266.

ПОД в порядке свободного доступа (ПСД). Очевидно, однако, что лишь в редких случаях в мировой истории можно было наблюдать хотя бы приблизительно линейное развитие систем, завершившееся установлением ПСД.

Если смотреть на Ближний Восток через призму концепции Д. Норта, то можно заметить, что в XX в. развитие ПОД в регионе не раз прерывалось, и за короткий период государства откатывались назад от развитого ПОД к хрупкому, вплоть до полного разрушения государственности.

И все же если смотреть на процесс с высоты прошедшего столетия, становится видна основная тенденция развития и укрепления систем – повышение их инклюзивности²². При этом, по всей видимости, можно говорить о нескольких трансформационных моделях.

²² В отличие от большинства государств «третьего мира» арабские страны в конце XX в. избежали демократического перехода, не попав в «третью волну» демократизации по С. Хантингтону. Устойчивость авторитаризма в этих странах стала основой для формирования концепции «арабской исключительности», преодоление которой, равно как и выявление ее истоков, стало едва ли не основным сюжетом современной арабской общественно-политической мысли: *Arab Human Development in the Twenty-First Century: The Primacy of Empowerment* / Ed. by B. Korany. Cairo: The American University in Cairo Press, 2014. P. 327–351. Пессимистические оценки, однако, могут быть поставлены под сомнение. В 1990-е годы в десятке арабских государств была введена многопартийность (Мавритания, Алжир, Тунис, Йемен и др.). В Марокко, Египте и Иордании в то же время участие партий во власти было расширено, в Ливане и Кувейте восстановлен ранее прерванный электоральный процесс. В Омане, ОАЭ, Катаре, Бахрейне, Саудовской Аравии были созданы так называемые Консультативные советы (Маджалис аш-шура) – прообразы парламентов. В 2000-е годы, хотя и в специфических обстоятельствах, произошло расширение политического пространства в Палестине и Ираке. В 2010-е годы Тунис и Ливан перешли к вполне демократическому правлению, в других странах продолжилась гибридизация режимов. Все это дает основания согласиться с Илийей Хариком, что «Арабский мир, хотя и медленно и неохотно, но все же присоединяется к процессу “глобальной демократизации”». *Arab Society. Class, Gender, Power,*

В первой из них трансформация происходила в три этапа.

Первый – обретение независимости большинством стран региона в середине XX в. и формирование современных политических систем.

Второй – обновление элит в 1970-е годы и формирование доминантно-партийных систем²³.

Третий – расширение политического участия в 2010-е годы в ходе процессов Арабского пробуждения.

and Development / Ed. by Hopkins N.S., Ibrahim S.E. 3rd Ed. Cairo: American University in Cairo Press, 2006. P. 340.

²³ В странах, получивших независимость в середине XX в., в 1970-е годы происходила смена политических поколений. На политическое участие, помимо первого поколения лидеров, заработавших капитал в период борьбы за независимость, стали претендовать политики, родившиеся уже при независимости. Отчасти расширение участия было связано с необходимостью предоставить им пространство для политической самореализации, поскольку в ином случае эти политики грозили составить (и составили) ядро контрэлит, главным образом в рамках движений политического ислама. Практически образцовые для региона доминантно-партийные системы были созданы в 1970–1980-е годы в Египте и Тунисе, однако сущностно они довольно сильно различались между собой. В Тунисе речь шла о сохранении власти у той же партии, что привела страну к независимости и сыграла ключевую роль в выстраивании всей современной государственности. Это была доминантно-партийная система по М. Дюверже: «Доминирующая партия – это партия, которая отождествляется с какой-то определенной эпохой; ее доктрина, ее идеи, ее методы, в известном смысле сам ее стиль совпадают с соответствующими характеристиками эпохи» (Дюверже М. *Политические партии*. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2013. С. 365–366). Верность этого тезиса подтверждается сохранением в тунисском обществе скрытого противостояния бургибистов и исламистов после 2011 г. В то же время в Египте Национально-демократическая партия, созданная А. Садатом в 1978 г., из единой политической организации Арабского социалистического союза изначально была лишь партией бюрократии, своеобразной производной государственного аппарата. Она скорее похожа на гегемонистскую партию Дж. Сартори, чем на доминантную М. Дюверже: Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Colchester: ECPR Press, 2005. P. 197–211.

В наиболее ясном виде такая линейная схема нашла выражение в Египте и Тунисе – странах, уже имевших довольно развитые политические институты к моменту обретения независимости²⁴, обладавших собственным опытом государственности и модернизации²⁵, в обществах которых вполне осознавалась собственная национальная идентичность.

Алжир в своем развитии миновал второй этап, попытавшись в начале 1990-х годов перепрыгнуть от жесткого авторитаризма к инклюзивной многопартийности, что обернулось «черным десятилетием» 1990-х годов,²⁶ после чего в стране все же был установлен гибридный политический режим²⁷ с относительно высокой степенью участия.

²⁴ Первая конституция в арабском мире была принята в Тунисе в 1861 г., политические партии появились после Первой мировой войны, первые профсоюзы созданы в 1920-е годы, приведший страну к независимости «Новый Дустур» возник в 1934 г. и к моменту обретения независимости существовал уже 22 года. См.: Видясова М. Ф. *Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000)*. Т. I. Кн. 1. М.: Гуманитарий, 2005. Первая египетская партия «Аль-Ватан» была создана в 1895 г., движение «Братьев-мусульман» – в 1928 г. К концу 1930-х годов, когда была создана Всеобщая федерация профсоюзов Королевства Египет, в нее входило 32 профсоюзные организации (Beinin J., Lockman Z. *Workers on the Nile: nationalism, communism, Islam, and the Egyptian working class, 1882–1954*. Cairo: The American University in Cairo Press, 1998. P. 232–233).

²⁵ Имеется в виду опыт модернизации Мухаммеда Али в Египте и Ахмед-бея и Хейраддин-паши в Тунисе.

²⁶ См.: Долгов Б. В. *Исламистский вызов и алжирское общество (1970–2004 гг.)*. М.: ИИИиБВ, 2004; Moussaoui A. *De la violence en Algérie: les lois du chaos*. Arles: Actes Sude, 2006; Mundy J. *Imaginative Geographies of Algerian Violence: Conflict Science, Conflict Management, Anti-politics*. Stanford, California: Stanford University Press, 2015.

²⁷ Это не бесспорное, но возможное определение. Алжирский политический режим разными авторами характеризуется как псевдodemократический, авторитарный, режим нелиберальной демократии

В Марокко стадии трансформации не просматриваются четко в силу сохранения в стране алауитских основ власти и после обретения независимости. Сакрализация монаршей персоны и высокий авторитет королевского дома позволяли и Хасану II, и сменившему его Мухаммеду VI продолжать традиционную линию на вовлечение в политический процесс оппозиционных групп при одновременном их дроблении и сталкивании между собой²⁸. Тем не менее, как показывают реформы 2010-х годов постепенное изменение социальной ситуации, рост уровня образования и модернизация населения заставляют систему меняться. С одной стороны, произошло расширение функций парламента и правительства, с другой — махзену пришлось создать верхнюю палату парламента, комплектуемую посредством непрямых

и режим-рантье. Первому определению недостает нейтральности, второе не позволяет увидеть отличия нынешнего режима от предыдущих; третье игнорирует существующую свободу слова и парламентаризм, четвертое не описывает институциональную специфику. D'Amato S. *A Different Perspective on Rentierism: Regime Oil Dependency and Political Violence in Algeria*. 9th ECPR General Conference, 2015. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/2ca211d2-f0ab-437a-a2cf-e20d7c4a5599.pdf>, accessed 15.10.2017; Addi L. *Army, State and Nation in Algeria* // *The Military and Nation Building in the Age of Democracy*. Zed books, New York, USA, p. 159–178, 2001; Zinecker H. *Regime-Hybridity in Developing Countries: Achievements and Limitations on New Research on Transitions* // *International Studies Review*, 2009, No. 11. P. 302–331; Volpi F. *Algeria's Pseudo-Democratic Politics: Lessons for Democratization in the Middle East* // *Democratization*. 2006. Vol. 13, No. 3. P. 442–455.

²⁸ Орлов В. В. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти // *Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы*: Материалы конференции «круглого стола» / Отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. С. 53–56; Мохова И. М. Марокко // *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* Сборник статей / Отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов М.: ИВ РАН, 2012. С. 376–401.

выборов и традиционно выполняющую тормозящую функцию²⁹. Таким образом, сценарий трансформации начинает напоминать республиканские варианты (например, египетский).

В Машрике развитие систем протекало несколько иначе.

В Иордании расширение групп участия произошло в самом конце 1980-х – начале 1990-х годов, однако в 2000-е и особенно в 2010-е годы доступ к ренте вновь был ограничен³⁰. Как до периода демократизации, так и в XXI в. отсутствие реформ или их ограниченность всегда объяснялись наличием внешних угроз (израильской, сирийской, джихадистской)³¹ и необходимостью сохранить островок стабильности в бушующем море Ближнего Востока. Одновременно с этим стабильность обеспечивалась взаимным недоверием палестинской и восточноиорданской частей иорданского общества, антагонизм которых позволял снизить угрозу действующей власти.

Политическая жизнь Сирии отличалась чрезвычайной нестабильностью вплоть до установления режима Х. Асада, сформировавшего в результате прочный треугольник влияния алавитской общины,

²⁹ Сапронова М. А. Постреволюционные конституции и институты власти арабских стран (на примере Египта, Марокко и Туниса) // *Политическая наука*. 2012. № 3. С. 186.

³⁰ Ланда Р. Г. *История Иордании. XX век*. М.: Институт востоковедения РАН, 2016; Демченко А. В. *Иордания // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* С. 321–337.

³¹ Choucair J. *Illusive Reform: Jordan's Stubborn Stability*. Carnegie Papers. No. 76. December 2006. URL: http://carnegieendowment.org/files/cp76_choucair_final.pdf, accessed 23.09.2017; Barari H. A. *The Limits of Political Reform in Jordan: The Role of External Actors*. Friedrich Ebert Stiftung. December 2013. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/iez/10455-20140108.pdf>, accessed 23.09.2017.

армии и высшей бюрократии³². Включение в систему суннитских групп влияния как через их участие в бизнесе, так и через их инкорпорирование в политическую элиту³³, а также ограниченное участие во власти представителей основных меньшинств позволили усилить стабильность системы, хотя свою роль в ее поддержании играла и непреходящая внешняя угроза.

Жесткий авторитаризм, характерный для иракской политической жизни на протяжении всего ее развития в XX в., закончился обвальным демократизацией 2000-х годов, обернувшейся нескончаемым насилием.

В общем, ни в иракском, ни в сирийском случаях говорить о расширении политического участия вплоть до XXI в. не приходится. В обоих случаях оно происходило при большой роли внешних сил (хотя и разной), в обоих случаях политические институты оказались для этого расширения не приспособлены. В результате в Ираке произошло разрушение системы и продолжается формирование новой устойчивой правящей коалиции, в Сирии же государственность была серьезно ослаблена и, по всей видимости, ее архитектура будет так или иначе изменена даже в случае военной победы правительства, в силу глубоких общественных изменений, произошедших в стране за годы конфликта.

В Ливане характер ПОД на протяжении всего развития страны определялся прямым соотношением элитных групп с этноконфессиональными общинами.

Наконец, в монархиях Залива общая тенденция к расширению участия может быть заметна в Бахрейне

³² Ахмедов В.М. Сирия // *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* С. 313.

³³ Ш. Бар описывает построенный Асадами режим как «конфессиональный коалиционизм»: Bar Sh. Bashar's Syria: The Regime and its Strategic Worldview // *Comparative Strategy*. Vol. 25, No. 5, 2006. P. 357.

и Кувейте³⁴ и в гораздо меньшей степени – в других странах региона.

Таким образом, при дальнейшем анализе можно ориентироваться на наличие в регионе трех основных моделей развития ПОД:

Североафриканской, условно линейной (Египет, Тунис, Марокко, Иордания, отчасти Алжир);

Левантийско-иракской, предполагающей формирование господствующей коалиции на основе этноконфессиональных групп и оборачивающейся либо жестким эксклюзивистским режимом, либо выстраиванием хрупких и неизменно слабых балансов сил (Ирак, Сирия, Ливан, отчасти Йемен и Бахрейн);

Аравийской, поддерживающей стабильность межплеменных балансов за счет сверхприбылей от продажи углеводородов (монархии Аравийского полуострова и Ливия).

Несмотря на то что во всех трех моделях (в особенности в двух первых) трансформации осуществляются волнообразно и долгие периоды стагнации сменяются краткими моментами революционных изменений, общим трендом развития можно считать постепенное расширение политического участия, заставляющее системы отвечать на все новые внутренние вызовы.

Что такое насилие, и как его измерять

Если определить, что такое политическая трансформация, непросто, то с насилием дело обстоит еще сложнее. Важная его роль в осуществлении политической

³⁴ См.: Мелкумян Е.С. *История государств Аравийского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман) в XX – начале XXI в.* М.: ИВ РАН, 2016.

власти общепризнана, а необходимость его минимизации стала сегодня настолько естественным требованием к любому политическому режиму, что воспринимается как само собой разумеющаяся. Характерно, между прочим, что именно масштабы политического насилия Д. Норт рассматривает как ключевой критерий для определения развитости социального порядка³⁵. Вместе с тем приходится признать, что у нас все еще отсутствует надежная методология, которая бы позволяла исследовать и описывать роль насилия в политической жизни. Мы не только не знаем, как измерять насилие, но и не до конца понимаем, что это такое и как отличить политическое насилие от неполитического.

Более того, даже поверхностное исследование истории вопроса покажет, что, несмотря на извечное присутствие темы насилия в философской мысли и изящной словесности, проблематизация насилия относится к временам не столь давним. По всей видимости, речь должна идти о конце XVIII – начале XIX в., когда еще с Р. Декарта и авторов эпохи Возрождения начавшаяся переоценка роли личности привела И. Канта и Г.Ф.В. Гегеля к созданию новой социальной философии, определившей на следующие полтора столетия два основных модуса отношения к насилию в европейской политической мысли. При полном единодушии относительно естественности насилия для человека философы расходились в итоговом отношении к нему. Если для традиции, заложенной Кантом³⁶

³⁵ Норт Н., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст В. *В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности*. М.: ВШЭ, 2012. С. 5.

³⁶ Кант И. К вечному миру. Философский проект // И. Кант. *Собр. соч.*: В 8 т. Т. 7. С. 5–56.

и полнее всех воспринятой либеральными авторами, насилие есть совершенное зло, а смысл социального бытия человека в значительной степени и состоит в том, чтобы это зло побороть³⁷, то для мысли Гегеля, остававшейся путеводной звездой многочисленных правых и левых романтиков, насилие – способ исторического бытия³⁸. Оба философа, правда, в своих рассуждениях оперируют больше понятием «война», чем насилие, но понимают войну всегда расширительно.

На протяжении следующих двух столетий общим явлением в политической философии было, с одной стороны, расширение понимания самого феномена насилия, а с другой – диверсификация теоретических подходов к его объяснению. Характерно, что зачастую одни и те же социальные феномены могли толковаться разными мыслителями и как проявление едва ли не жесточайших форм насилия, и прямо противоположным образом – как образцы ненасилия, которое само по себе было осмыслено уже после

³⁷ «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть установлено». Там же. С. 13.

³⁸ Помимо того что диалектическая философия как таковая проникнута духом насилия, Гегель в некоторых своих работах и прямо его оправдывает: «...Правительство должно время от времени внутренне потрясать их (эгоистические общественные системы. – *В. К.*) посредством войн, нарушать этим и расстраивать наладившийся порядок и право независимости; индивидам же, которые, углубляясь в это, отрываются от целого и неуклонно стремятся к неприкосновенному для-себя-бытию и личной безопасности, дать почувствовать в указанной работе, возложенной на них, их господина – смерть. Этим разложением формы существования дух предотвращает погружение из нравственного наличного бытия в природное и сохраняет самость своего сознания и возводит его в свободу и в свою силу» (Гегель Г.Ф.В. *Феноменология духа*. М.: Наука, 2000. С. 230–231).

Первой мировой войны. Достаточно в этом отношении сравнить идеи Ж. Сореля и политическую практику М. Ганди³⁹.

Наконец, в новейшей европейской философии насилие толкуется уже максимально широко – понимаемое как дисциплинарные практики у М. Фуко⁴⁰, С. Жижека⁴¹ и других, оно превращается во всепроникающий принцип социальных отношений, нуждающийся в рефлексии, но в принципе неизбежный.

Таким образом, вслед за проблематизацией насилия в философии произошло и максимально возможное расширение его семантики – вплоть до того, что едва ли не любое проявление жизни стало возможным трактовать как насилие⁴².

Параллельно с этой общеполитической традицией – чересчур абстрактной для практического применения – в политической философии, политологии

³⁹ Для Ж. Сореля основной формой насильственного сопротивления власти была всеобщая стачка. Для М. Ганди – сатьяграха, означающая акции коллективного несотрудничества. См.: Сорель Ж. *Размышления о насилии*. М.: Фаланстер, 2013; Ганди М. *Моя жизнь*. СПб.: Азбука, 2013.

⁴⁰ См., напр.: Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999; Фуко М. *Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1973–1974 уч. году*. СПб.: Наука, 2007.

⁴¹ Он не использует понятие «дисциплинарные практики», однако насилие у него пропитывает всю систему общественных отношений: Жижек С. *О насилии*. М.: Европа, 2010.

⁴² Строго говоря, в философии романтизма и наследовавшей ей философии жизни традиция подобного отношения уже была заложена: «Но именно в том и цель мира, чтобы познать, с каким несказанным горем связана воля к жизни, ибо воля к жизни и горе в сущности – одно и то же... Не в том цель мира, чтобы быть пресно-скучною сказочною странюю с молочными реками, – а в том, чтобы мир был трагедией, в котором воля к жизни познала бы себя и обратилась...» (Шопенгауэр А. *Введение в философию*. Минск: Белорусский Дом печати, 2000. С. 103).

и антропологии разрабатывались прикладные вопросы, связанные с проблемой политического насилия и самим его определением. Легко заметить при этом, что для целого ряда мыслителей и ученых, работавших после Второй мировой войны, концепция насилия превратилась в своеобразного «троянского коня», вместе с которым в политическую науку они возвращали изгнанную позитивистами категорию морали.

Цитируя А.В. Дмитриева и И.Ю. Залысина, российский философ Б. Капустин разбирает следующее политологическое определение: «...физическое принуждение, используемое как средство навязывания воли субъекта, с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты»⁴³. Дефиниции, предлагаемые другими авторами, от него отличаются мало. Так, Т. Гарр пишет: «В свою очередь, политическое насилие определяется через “силу”, использование или угрозу насилия какой-либо партией или институтом для достижения своих целей в рамках определенного политического порядка или вне его»⁴⁴.

Это заставляет сконцентрироваться на двух вопросах: о соотношении насилия и власти и о его границах.

Первый из них если и не вечен, то очень стар, и ответы на него давались самые противоположные: и что насилие – основа всякой (политической) власти

⁴³ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. *Насилие: социально-политический анализ*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 23–24. Цит. по: Капустин Б.Г. К понятию политического насилия // *Полис. Политические исследования*. 2003. № 6. С. 8–9.

⁴⁴ Гарр Т.Р. *Почему люди бунтуют*. СПб., 2005. С. 43.

(М. Вебер⁴⁵), и что они несовместимы (А. Кожев⁴⁶), и что насилие уничтожает власть (Х. Арендт⁴⁷).

Рассматривая проблему в практическом ключе, Ю. Галтунг предложил различать прямой, структурный и культурный типы политического насилия (в духе М. Фуко и С. Жижека). Если структурный тип, будучи встроен в социум, не имеет прямого источника и проявляется как «неравные возможности и соответственно неравные жизненные шансы»⁴⁸, а культурное насилие представлено использованием идеологии, религии, языка и искусства, то прямое насилие предполагает наличие очевидной цели и источника насилия⁴⁹. Очевидно, что в узком смысле политическое

⁴⁵ В «Политике как призвании и профессии» М. Вебер при помощи идеи государства прочно увязывает понятия власти и насилия. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 645–646.

⁴⁶ «Употребление власти не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно исключают друг друга. Вообще говоря, для употребления Власти следует ничего не делать. Обязанность вмешиваться посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует. И наоборот, невозможно принудить людей (не применяя силы) к совершению чего-то, что они самопроизвольно не делают, без вмешательства Власти» (Кожев А. *Понятие власти*. М.: Практикс, 2007. С. 19–20).

⁴⁷ Если у А. Кожева власть и насилие противопоставляются друг другу в феноменологической перспективе, то у Х. Арендт в исторической: «Насилие появляется там, где власть оказывается под угрозой, но, предоставленное собственному ходу, оно приводит к исчезновению власти. Отсюда следует, что неверно мыслить противоположность насилия как ненасилие; [противоположностью насилия является власть]...» (Арендт Х. *О насилии*. М.: Новое издательство, 2014. С. 66).

⁴⁸ Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*, Vol. 6, No. 3 (1969). P. 171. Определяя структурное насилие, автор ссылается на «Черную власть» Стокли Кармайкла, испытавшего влияние не только Ф. Фанона, но и М. Фуко.

⁴⁹ Сначала Дж. Галтунг ограничивался в своем анализе разграничением прямого и структурного насилия и только потом добавил к ним культурное, или «те аспекты культуры, которые узаконивают

насилие подразумевает под собой исключительно этот третий тип.

Предложенный Ч. Тилли подход к исследованию актов коллективного насилия, в соответствии с которыми они рассматриваются как «своего рода переговоры, какими бы жестокими или односторонними они ни казались»⁵⁰, дает возможность анализировать каждый эпизод как «высказывание» одной из сторон. Этот же подход позволяет системно описать динамику межгруппового насилия – от появления дилеммы безопасности в результате ослабления институтов к формированию границ, консолидации противостоящих друг другу групп и, наконец, к запуску маховика насилия.

По всей видимости, имеет смысл различать при этом (хотя и с известной долей условности) горизонтальное – межгрупповое, и вертикальное насилие, предполагающее противостояние общества и государства. Фокусируясь на втором, Х. Арендт отмечает, что насилие – результат ярости, возникающей в ситуации, когда обоснованная с точки зрения субъекта надежда на изменение сложившейся ситуации не оправдывается⁵¹. Виновник обманутых ожиданий неизменно обвиняется в лицемерии, а нанесение ему ущерба рассматривается как способ восстановления справедливости. При этом если рассматривать ситуацию антигосударственных протестов, то насилие в них оказывается,

или легитимируют прямое и структурное насилие», подчеркивая при этом, что речь всегда идет лишь об отдельных аспектах культуры, играющих инструментальную роль. Последний тезис, впрочем, спорен. Galtung J. Cultural Violence // *Journal of Peace Research*, Vol. 27, No. 3. (Aug. 1990). P. 291.

⁵⁰ Tilly Ch. *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 6.

⁵¹ Арендт Х. Указ. соч. С. 73.

с точки зрения Х. Арендт, единственной рациональной формой ответа на лицемерие, потому что последнее делает невозможными иные способы коммуникации⁵². Т. Гарр, в свою очередь, отмечает: «...каузальная последовательность в политическом насилии – это прежде всего развитие неудовлетворенности; во-вторых, политизация этой неудовлетворенности; и, наконец, в-третьих, реализация его в насильственном действии, направленном против политических объектов и деятелей. Неудовлетворенность, возникающая из осознания относительного лишения, выступает базовым побуждающим условием для участников политического насилия»⁵³.

Помимо каузальности и структуры необходимо затронуть вопрос и о границах политического насилия. С одной стороны, речь при этом идет о том, в какой момент те или иные действия начинают восприниматься как насилие, с другой – в какой момент они становятся насилием политическим.

Понимание того, что можно считать насилием, а что нет, значительно различается в зависимости от конкретной социальной и культурной ситуации. Так, метание палестинскими подростками камней в израильтян рассматривается обыкновенно как форма ненасильственного сопротивления в контексте Ближневосточного конфликта. Одновременно с этим разгоны студенческих демонстраций в Европе или США воспринимаются соответствующими обществами как едва ли не террор властей⁵⁴.

⁵² Арендт Х. Указ. соч. С. 77.

⁵³ Гарр Т.Р. *Почему люди бунтуют...* С. 51.

⁵⁴ Так, 17 ноября 2013 г. в Софии, где тогда развернулось протестное движение, периодически подавляемое властями, студенты устроили представление, надев майки в память о подавлении пражского

Если «количественные» границы насилия определить непросто, то с «качественными», фиксирующими момент, когда насилие становится политическим, дело обстоит еще сложнее. Согласно приведенным ранее определениям, политическое насилие осуществляется с целью овладения властью, ее использования, распределения или защиты. При таком узком понимании феномена редкий случай может квалифицироваться с уверенностью как политическое насилие, потому что чаще всего мотивы поведения людей, прибегающих к насилию, остаются неизвестными. Убийства Дж.Ф. Кеннеди, А. Политковской, Б. Немцова, теракты 11 сентября и т. д. – ни в одном из случаев нельзя сказать точно, с какой целью было применено насилие, однако политический его характер сомнений не вызывает.

Возможно, стоит уточнить дефиницию и сказать, что насилие становится политическим в тот момент, когда оно получает такую оценку в социальной среде, где оно разворачивается. Общество, наполняющее акт насилия политическим смыслом, становится третьим, помимо агента и жертвы, участником разворачивающейся драмы. При этом смысл, который общество вкладывает в события, совершенно не обязательно совпадает со смыслами, полагавшимися агентом насилия или воспринимаемыми его жертвой. Причины, по которым один акт насилия наделяется политическим смыслом, а другой – нет, далеко не всегда очевидны.

студенческого движения нацистами в 1939 г. и афинского – черными полковниками в 1973 г. <https://news.bg/politics/ranobudnite-students-parformans-pred-parlamenta.html>. Чуть раньше в Москве после ареста ряда оппозиционеров, участвовавших в протестах 2012 г., развернулась наполненная аллюзиями на сталинский террор кампания «Привет, 37».

Таким образом, при дальнейшем анализе необходимо учитывать относительность «количественных» и «качественных» границ политического насилия, их обусловленность конкретными историко-культурными обстоятельствами. Сознвая значимость символического и структурного типов, основное внимание мы сосредоточим на прямом «вертикальном» и «горизонтальном» насилии⁵⁵, выполняющих так или иначе коммуникативную функцию в системе общественных отношений.

Важнейший вопрос, который при этом необходимо иметь в виду, заключается в том, насколько ближневосточные тенденции развития совпадают с глобальными и можно ли говорить о том, что параллельно с расширением политического участия в странах региона идет проблематизация насилия.

Вертикальное насилие в моменты трансформаций и между ними

Власть против общества

Сама авторитарная модель правления, сформировавшаяся на Ближнем Востоке в XX в. и хотя и претерпевшая немалые изменения за последние столетия, но почти нигде так до конца и не упраздненная, предполагает широкое использование властью

⁵⁵ Дж. Галтунг предложил выделять эти типы еще в 1975 г.: Gal-tung J. *The Specific Contribution of Peace Research to the Study of the Causes of Violence: Typologies*. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Interdisciplinary Expert Meeting on the Study of the Causes of Violence. Paris, 12–15 November 1975. P. 14.

репрессивных методов управления, в том числе мер физического насилия. При том что формы, масштабы и цели применения насилия могут довольно сильно различаться между собой в зависимости от специфики той или иной политической системы, по меньшей мере в двух вещах все эти системы идентичны.

Прежде всего, все они устроены таким образом, что вопрос о легитимном и нелегитимном насилии не имеет смысла⁵⁶. Институциональная слабость и авторитаризм позволяют власти не только принимать совершенно любые законы, но и чувствовать себя совершенно свободной в применении правовых норм. Гораздо более значима, таким образом, проблема допустимых с точки зрения общества масштабов открытого физического насилия, используемого властью, и того, какие объяснения в каких случаях принимаются как удовлетворительные обществом и политическими элитами.

Конечно, некоторые режимы склонны к правовому оформлению репрессивных практик более, чем другие. Основную роль здесь, по всей видимости, играют такие факторы, как открытость режима, испытываемая им потребность в создании позитивного международного имиджа, степень институционализации системы, развитость гражданского общества и т. п.

⁵⁶ Выдвинутый в свое время М. Вебером тезис о монополии государства на легитимное насилие проложил путь к различению «хорошего» и «плохого» насилия, однако не с принятых ранее позиций романтического бунта, оправдывавших революционные движения, а с прямо противоположных. Воспринятый К. Шмиттом и некоторыми другими интеллектуалами, вроде А. Дугина, он на протяжении сотни лет позволяет им оправдывать любые людоедские практики под тем предлогом, что их применяет государство на основании закона. См.: Дугин А. День памяти жертв политических репрессий // *Katehon*. URL: <http://katehon.com/ru/directives/den-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressiy>.

Другая общая черта всех рассматриваемых систем состоит в том, что физическое насилие властью применяется либо для недопущения изменений, либо для подтверждения своей легитимности, но практически никогда не для запуска трансформационного процесса. Если пользоваться терминологией А. Кожева⁵⁷, власть прибегает к насилию, подтверждая свои полномочия Судьи и Господина, но никак не Вождя или Отца.

По всей видимости, для североафриканской модели (Египет, Тунис, Марокко) использование открытого физического насилия характерно меньше, чем для левантийско-иракской или аравийской.

Конечно, и в Северной Африке власти не брезговали физическим устранением нежелательных элементов и массовыми репрессиями, однако они редко делали это открыто. Более того, жесткое подавление антиправительственных выступлений в Тунисе 1978 г., жертвами которого стали несколько сотен человек, стало катализатором формирования исламистской оппозиции и первым серьезным ударом по режиму Х. Бургибы⁵⁸. Забастовка 2008 г. в Гафсе, также приведшая к гибели нескольких человек,

⁵⁷ Проанализировав основания, на которых покоится легитимность власти, А. Кожев смог выделить четыре ее типа. Эти типы – власть Судьи (справедливости), Господина над рабом (победителя, человека, способного принимать решения, в политическом смысле в первую очередь военного диктатора), Вождя, предлагающего новый проект (пророка, революционера), и, наконец, власть Отца (традиции, авторитета). Каждый тип власти, кроме Судьи, имеет свою временную направленность: Господин – настоящее, Вождь – будущее, Отец – прошлое. Идея справедливости (Судья) обращена в вечность и в этом отношении противостоит остальным трем. Кожев А. Указ. соч. С. 17–20.

⁵⁸ Видясова М.Ф. *Тунис. Маршрут в XXI век*. М.: Садра, 2018. С. 452–456.

в свою очередь, оказалась началом конца Бен Али⁵⁹. В Египте борьба с движением «Братьев-мусульман» велась в разные времена по-разному, однако практически никогда не приобретала характер открытого вооруженного противостояния. Казнь идеолога исламистов Сейида Кутба в 1966 г. вошла в историю как, возможно, самый драматичный эпизод в истории политического ислама.

Для всех этих стран характерно инструментальное и прагматичное использование физического насилия. Власть, стремящаяся завоевать доверие в обществе, строит тайные тюрьмы, устраняет или вынуждает уехать из страны диссидентов и оппозиционеров, криминализирует ту или иную деятельность исключительно для сохранения статус-кво.

Характерна в этом отношении широко распространенная практика криминализации оппозиционной деятельности. Принимавшиеся в разных арабских странах в 1990–2000-е годы на фоне драматичных алжирских событий и после них законы о борьбе с терроризмом (экстремизмом)⁶⁰ позволяли подвергать

⁵⁹ Gobe E. *The Gafsa Mining Basin between Riots and a Social Movement: meaning and significance of a protest movement in Ben Ali's Tunisia*. Working paper. 2010. URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/file/index/docid/557826/filename/Tunisia_The_Gafsa_mining_basin_between_Riots_and_Social_Movement.pdf.

⁶⁰ Самый известный пример дает Египет, где антитеррористический закон был принят в 1992 г. Обвиняемые представляли перед военным трибуналом, что делало судопроизводство совершенно непрозрачным. Вместе с тем необходимость подобных мер свидетельствует о неполной подконтрольности судейского корпуса исполнительной власти. В принятом президентским декретом законе № 94 2015 г. толкование терроризма было расширено, а предусмотренные меры наказания ужесточены. Критику правоприменения см.: *Human Rights in the Arab World: Independent Voices* / Ed. by A. Chase and A. Hamzawy. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006; Hassan H.A. *Civil Society in Egypt under the Mubarak Regime* // *Afro Asian*

преследованиям любых исламистов. Одновременно с этим оппозиционеры левого или либерального толка зачастую оказывались в суде по обвинениям в уголовных преступлениях, зачастую дискредитировавших их в глазах общества⁶¹.

Другим важным правовым инструментом, легитимировавшим использование физического насилия, были режимы чрезвычайного положения, десятилетиями сохранявшиеся в Алжире⁶², Египте⁶³ и в относящейся к другой модели Сирии⁶⁴ и полностью развязывавшие руки силовым структурам, а также законы

Journal of Social Sciences. Vol. 2, No. 2.2 Quarter II. 2011. URL: <https://www.zu.ac.ae/main/files/contents/iiws/documents/dr.hamdy.pdf>. Об антитеррористическом законодательстве Магриба см.: Bras J.-P. Le Maghreb dans la «guerre contre le terrorisme»: enjeux juridiques et politiques des législations «anti-terroristes» // *L'Année du Maghreb. Dossier: Femmes, famille et droit*. N2, 2005–2006. P. 447–467. В Иордании это закон 2006 г.: Osman I. 10 years on: Jordan's anti-terrorism law and the crackdown on dissent // *Open Democracy*. <https://www.opendemocracy.net/north-africa-west-asia/in-s-osman/10-years-on-jordan-s-anti-terrorism-law-and-crackdown-on-dissent>. В монархиях Аравийского полуострова подобные законы также были приняты в 2000-е годы: *Saudi Arabia: Assaulting Human Rights in the Name of Counter-terrorism*. London, Amnesty International Publications, 2009; Alzubairi F. *Kuwait and Bahrain's Anti-terrorism Laws in Comparative and International Perspective*: A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Master of Laws Graduate Department of the Faculty of Law University of Toronto, 2011. URL: https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/30158/6/Alzubairi_Fatemah_201107_Master_thesis.pdf.

⁶¹ El-Ansary M. The Role of the Public Prosecution in Egypt's Repression // *Project on Middle East Democracy*. July 2017. P. 1–26; Он же: *Egypt's Judiciary: A Tool of Repression*. Geneva, International Commission of Jurists, 2016.

⁶² *Algerie: indépendance et impartialité du système judiciaire. Rapport du REMDH*. Octobre 2011. URL: <http://www.euromedrights.org/fr/publications-fr/emhrn-publications/publications-du-reseauen-2011/10561.html>.

⁶³ Reza S. Endless Emergency: The Case of Egypt // *New Criminal Law Review*, Vol. 10, No. 4, 2007. P. 532–553.

⁶⁴ *Syria: The Permanent State of Emergency – A Breeding Ground for Torture. Report submitted to the Committee Against Torture in the context of*

об охране морали, национального единства, традиций и т. п.

В длительной ретроспективе видно, что масштабы применения репрессий в странах североафриканской модели не были постоянными. В Египте в 1952 г. и десятью годами позже в Алжире новые власти сразу заявили о себе как об антизападных революционерах. Военное прошлое молодых элит, их стремление кардинально переустроить сложившуюся систему, присущее им ощущение враждебности окружающего мира сделали обращение к насилию не только естественным, но и неизбежным. В то же время в получивших независимость в 1956 г. Тунисе и Марокко политические лидеры которых изначально чувствовали себя хозяевами положения⁶⁵ и пользовались немалым доверием, окончательному установлению авторитаризма предшествовал краткий период демократических иллюзий⁶⁶. В 1950–1960-е годы во всех этих странах, с одной стороны, происходила консолидация господствующей коалиции, с другой – выстраивался эффективный репрессивный аппарат, позволяющий более не прибегать к партийным чисткам или раскрытию заговоров, а систематически подавлять альтернативные центры силы.

В 1970–1980-е годы смена поколений, старение элит, провалы во внешней политике, проблемы экономического развития, снижение поддержки со стороны

the review of the initial periodic report of the Syrian Arab Republic. Geneva: Alkarama, 2010.

⁶⁵ В Тунисе этому предшествовала борьба Х. Бургибы с С. Бен Юсефом, развернувшаяся накануне обретения страной независимости, однако к 1956 г. юсефисты в основном уже проиграли. Впрочем, в последующие годы раскрытие юсефистских заговоров стало важным инструментом чистки элит. Видясова М.Ф. Указ. соч. С. 309–316.

⁶⁶ Видясова М.Ф. Указ. соч. С. 318–330.

СССР и переориентация на США привели к либерализации сначала экономической, а вслед за ней и политической жизни. Последнее грозило развалом господствующих коалиций и формированием мощных контрэлит, в основном выступавших под исламистскими лозунгами. Необходимость борьбы с ними в новых условиях заставляла власти проявлять немалую изобретательность в выстраивании вышеописанных правовых механизмов для легитимации репрессий.

Давление внешней среды, рост уровня образования и формирование некоторых элементов гражданского общества привели в 1990–2000-е годы к формированию сначала марионеточных, а потом и полусамостоятельных правозащитных организаций⁶⁷ и адвокатских сообществ⁶⁸, деятельность которых ограничивала масштабы применяемого властями открытого физического

⁶⁷ Национальные правозащитные институты в арабских странах появились в основном в 1990–2000-е годы. Сначала они были созданы в Марокко, Тунисе, Алжире, Судане, Йемене и Палестине, затем – в Иордании, Саудовской Аравии, Египте и Катаре. При всех различиях в процедурах их состав прямо или косвенно определялся главой соответствующего государства (кроме палестинского случая), а полномочия не выходили за пределы совещательных (кроме Марокко). Даже в тех случаях (Египет), где поначалу эти структуры демонстрировали способность к некоторой критике власти, ко второй половине 2000-х годов они этих возможностей лишились. El Fegieri M. *The Effectiveness of Human Rights Commissions in the Arab World // Carnegie Endowment for International Peace*. 12.08.2008. URL: <http://carnegieendowment.org/sada/20521>.

⁶⁸ Gobe E., Ayari M.B. *Les avocats dans la Tunisie de Ben Ali: une profession Politisée // L'Année du Maghreb Édition 2007*. Paris: CNRS, 2007. P. 105–132; Tabib Ch. *Avocats et politique en Tunisie 1887–2011*. Tunis, Editions SOTÉPA, 2015; Reid D. *Lawyers and Politics in the Arab World, 1880–1960*. Chicago: Bibliotheca Islamica, 1981; Ziadeh F.J. *Lawyers, the Rule of Law and Liberalism in Modern Egypt*. Stanford: Stanford University, Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, 1968; Moustafa T. *Law versus the State: The Judicialization of Politics in Egypt // Law & Social Inquiry*, Vol. 28, 2003. P. 883–930.

насилия в отношении граждан. Определенное исключение тут составляют переживший «черное десятилетие» Алжир и Египет после 2013 г., где хаос 2011–2012 гг. и постоянная террористическая угроза на Синае не только дали новым властям своеобразный карт-бланш, но и заставили их испытывать постоянную скрытую угрозу со стороны общества⁶⁹.

Довольно сильно от североафриканской модели отличается левантийско-иракская, прежде всего представленная Ираком и Сирией и в гораздо меньшей степени Ливаном, где центральная власть всегда была слишком слаба.

В то время как Сирия прошла путь от перманентной нестабильности и политического хаоса к жесткому авторитаризму баасистов, в Ираке на протяжении всего его независимого развития происходила смена одного авторитаризма другим, пока страна не пришла в состояние перманентного полураспада в 2003 г.

Как в баасистской Сирии, так и в Ираке не только масштабы физического насилия власти в отношении граждан были значительно выше, чем в североафриканских странах (за исключением Ливии), но и его формы, равно как и цели его применения принципиально отличались.

В 2015 г. в разгар идеологической войны между Аль-Каидой и ИГИЛ едва ли не самый авторитетный среди салафитов богослов Абу Мухаммед аль-Макдиси, прозванный еще «библиотекарем джихадистов», выступая против «чрезмерности»⁷⁰, заявил, что

⁶⁹ Addi L. Les obstacles à la formation de la société civile en Algérie // *Les sociétés civiles dans le Monde Arabe*. Paris: La Découverte, 2011. P. 369–381.

⁷⁰ Гула – религиозный термин, изначально применявшийся главным образом к шиитским группам, впадавшим, с точки зрения их оппонентов, в неумеренное почитание Али ибн Аби Талиба. Hodgson M.G.S.

практику применения насилия «ко всем несогласным последователи ИГ переняли именно от прошлого бааситского режима»⁷¹.

До определенной степени это так, однако и до прихода к власти баасистов в 1963 г. власти Ирака не стеснялись прибегать к насильственным методам управления. Так, еще в монархическом, считающемся наиболее «вегетарианским» из всех иракских режимов, курдские части вырезали от пяти до шести тысяч ассирийцев в Сумайиле в 1933 г.⁷²

Приход к власти генерала Абдель Керима Касема, сопровождавшийся массовыми расстрелами королевской элиты и последующим глумлением над телами убитых, привел к установлению полномасштабной военной диктатуры, «состоявшей из сельских групп, которым не хватало космополитического видения, присущего иракским элитам. На местном уровне эксклюзивистская ментальность новых лидеров вела к племенным конфликтам и соперничеству, которые, в свою очередь, вели к угнетению во внутренней политике и авантюризму во внешней»⁷³. Экспроприация собственности и преследования инакомыслящих оказавшимися у власти военными привели к тому, что в течение нескольких лет иракская диаспора за рубежом достигла трех

Ghulat // *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1991. P. 1093–1095.

⁷¹ Гасымов К. Разлад в стане джихадистов: идеологическая борьба Аль-Каиды с организацией Исламское государство // *Индекс безопасности*. 2015. № 3 (114). Т. 21. С. 70.

⁷² Zubaida S. Contested Nations: Iraq and the Assyrians // *Nations and Nationalism*, No. 6 (3), 2000. P. 363–382.

⁷³ Ghabra Sh.N. Iraq's Culture of Violence // *Middle East Quarterly*, Summer 2001. URL: <http://www.meforum.org/101/iraqs-culture-of-violence>.

миллионов человек (при населении страны в 23 млн)⁷⁴. Однако уже в 1963 г. Касем был свергнут баасистами, использовавшими авиацию, чтобы захватить здание министерства обороны, где укрылся диктатор. Вместе с несколькими генералами Касема расстреляли на телестудии, после чего на протяжении нескольких дней его привязанный к стулу труп показывали по центральному иракскому телевидению. Стоявший рядом с трупом солдат периодически закидывал голову генерала и плевал ему в лицо⁷⁵. Несколькими десятилетиями позже иракцы поделятся этим опытом со всем миром, показав казнь Саддама Хусейна.

В политической истории Сирии последнего столетия крови было несколько меньше, чем в иракской. Военные перевороты, регулярно совершавшиеся в стране до окончательного установления диктатуры Х. Асада, носили в основном верхушечный характер. Кроме того, широко использовавшиеся властями насильственные практики в отношении населения были лишены свойственного иракским баасистам стремления к эстетизации насилия.

Наибольшую известность получили, конечно, массовые расстрелы «Братьев-мусульман» в 1981–1982 гг., число жертв которых до сих пор остается неизвестным, и цифры расходятся от 20 тыс. до 50 тыс. человек. Во время подавления восстания в Хаме в 1982 г. власти использовали тяжелую артиллерию для расстрела жилых кварталов⁷⁶. В дальнейшем поводом

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Подробное описание казни см.: Са'ид А.К. *Ирак 8 шабат 1963 мин хивар ал-мафахим ила хивар ад-дамм. Мураджа'ат фи закира Талиб Шабиб*. Бейрут: Дар ал-кунуз ал-адабийя, 1999. С. 104–109.

⁷⁶ Üngör, Uğur Ümit. Mass Violence in Syria: A Preliminary Analysis // *New Middle Eastern Studies*, 3 (2013). P. 4. <http://www.brismes.ac.uk/nmes/>

для тюремного заключения становилось само подозрение в принадлежности к исламистской организации.

Режим чрезвычайного положения, специальные трибуналы и внесудебные расправы с потенциальными оппозиционерами также применялись очень широко⁷⁷.

В целом, если сравнивать сирийский и иракский опыт с североафриканским, то можно заметить, что в первых двух странах, прибегая к насилию, власти стремились не просто избавиться от существующих противников, но и вселить ужас в общество, чтобы сама мысль о протесте больше в нем не возникала. Кроме того, они демонстрировали всю полноту своих властных возможностей, тем самым еще раз утверждая собственный статус.

Наконец, в случае с арабийскими государствами, равно как и в случае с Ливией эпохи М. Каддафи, анализировать насильственные практики несколько сложнее, чем в предыдущих ввиду большей закрытости систем, с одной стороны, и существенно меньшей развитостью в них современных институтов с другой.

Тем не менее можно утверждать, что если в двух предыдущих моделях использование физического насилия в отношении населения рассматривалось всегда как экстраординарная практика, то здесь она была (и часто остается) нормой, легитимизируемой самой системой племенных монархий, опирающихся на исламское право. Важнейшим инструментом ее реализации становятся публичные казни и наказания

wp-content/uploads/2013/10/NMES2013%C3%9Cng%C3%B6r.pdf.

⁷⁷ A Wasted Decade Human Rights in Syria during Bashar al-Asad's First Ten Years in Power // *Human Rights Watch*, 2010. URL: <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/syria0710webwcover.pdf>.

для преступников⁷⁸, через которые власть реализует свой статус Судьи и Отца, если пользоваться терминологией А. Кожева.

Пока речь шла только о непосредственных проявлениях насильственных практик – физических репрессиях. Однако помимо них нельзя не упомянуть и о многообразных формах символического и структурного

⁷⁸ В середине 2000-х годов согласно данным “Amnesty International”, около трех четвертей всех смертных казней в мире совершалось в странах Залива. В Саудовской Аравии она применяется на основе фикха к таким преступлениям, как государственная измена, шпионаж, убийство, терроризм, наркоторговля, вооруженные ограбления, воровство при отягчающих обстоятельствах, изнасилования, адюльтер, сексуальные домогательства, содомия (в том числе между супругами), гомосексуализм, лесбиянство, колдовство, богохульство, вероотступничество, богоборчество и атеизм. Обычная форма казни – публичное усекование головы, зачастую с последующей демонстрацией тела казненного. Иногда применяется и забивание камнями. Наказание через избивание палкой формально не считается смертельным, хотя часто приводит к летальному исходу. Смертная казнь – единственное возможное наказание за преступления против Бога, однако в других случаях она иногда может быть заменена иными формами наказания, в том числе выкупом пострадавшему. При этом, насколько известно, в большинстве случаев смертная казнь назначается за преступления, не связанные с насилием против личности. Суровость наказаний за религиозные преступления и преступления против общественной морали – одна из форм самовыражения власти как верховного охранителя религиозной традиции и гаранта справедливости. Публично применяемые по шариату насильственные наказания, таким образом, оказываются едва ли не наиболее очевидными проявлениями религиозной основы саудовской государственности. Характерно в этом контексте, что профессия палач рассматривается в обществе не просто как приемлемая, но и как богоугодная и заслуживающая уважения. В интервью “Arab News” палач Мухаммед Саад аль-Баши отмечает, что считает свою работу «Божьим делом», гордится ею и выполняет ее при помощи меча, подаренного ему государством. Saudi executioner tells all // *BBC News*. 05.06.2003. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/2966790.stm; Alhabdan S. *Domestic Violence in Saudi Arabia*. Indiana University Maurer School of Law. Theses and Dissertations. 2015. Justice Crucified: The Death Penalty in Saudi Arabia // *Reprieve*. 14.10.2015. URL: https://www.reprieve.org.uk/wp-content/uploads/2015/10/2015_10_14_PUB-Saudi-Arabia-DP-report.pdf.

насилия, широко распространенных во всех странах региона. Практически во всех государствах региона опыт символического насилия присутствует повсеместно, повторяясь в названиях улиц и городов, регулярно воспроизводясь в государственных праздниках и ритуалах, превращаясь в объект поклонения в музеях и мемориалах, становясь в результате важнейшей основой современной государственности.

Площади Мучеников в Алжире, Триполи, Бейруте и других городах, площади Тахрир (Освобождения)⁷⁹ в Каире, Багдаде, Дамаске, Санае, улицы, названные в память о погибших героях и датах восстаний.

Наиболее яркий пример использования символов насилия дает, конечно, Алжир, где увековечение начала войны за независимость, а затем борьбы с терроризмом стало главным инструментом легитимации политической элиты на долгие десятилетия. В Бейруте памятник жертвам Османской империи на площади Мучеников специально не реставрируется, сохраняя на себе следы от снарядов, попавших в него во время гражданской войны. Другими местами памяти о насилии в городе служат разрушенное во время гражданской войны здание Бейт Баракат и место убийства Рафика Харири⁸⁰.

Менее очевидны иные проявления символического насилия. Одни его легитимные агенты – полицейские и военные – присутствуют повсеместно и в большом количестве, резко выделяясь своей щеголеватой (как

⁷⁹ Характерно, что слово «освобождение» (*тахрир*) встречается в названиях на порядок чаще, чем «свобода» (*хуррийа*). На память приходит только улица Свободы в центре Туниса – продолжение улицы Парижа.

⁸⁰ О «местах памяти» Бейрута см.: *Mémoires de guerres au Liban (1975–1990)*. Arles: Actes Sud/Sindbad, 2010.

правило) формой из толпы. Другие – агенты спецслужб и тайной полиции – как бы растворены в воздухе, незаметны и в сущности анонимны. Зачастую гражданам остается неизвестным месторасположение официальной штаб-квартиры, настоящее название спецслужб (если оно есть), остающихся для всех просто *мухабарат*, или их структура. Сам размах деятельности *мухабарат* в общественном сознании приобретает тотальный характер, создавая видимость их вседесущности и всеведения. Если судить по тунисскому опыту времен Бен Али, как авторитарный режим, так и противостоящие ему диссиденты склонны кратно завышать численность сотрудников этих организаций. Судя по опыту остальных стран, страдающих от деятельности террористических организаций, население, в свою очередь, склонно преувеличивать и их осведомленность, и профессионализм.

Высокая развитость институтов легитимного насилия, постоянное присутствие символов насилия вместе с периодическим использованием властью репрессивных инструментов управления создали специфическую атмосферу постоянного страха и беспомощности общества перед лицом всемогущего государства. Если в странах североафриканской модели этот образ постепенно размывался, приведя в результате к событиям 2011 г., то в Сирии, Ираке или в государствах Аравийского полуострова подобного не происходило.

Общество против власти

По всей видимости, речь может идти о двух основных типах протестного насилия, всегда присутствовавших не только в Арабском мире, но и в любом другом

обществе и несколько изменившихся в XX в. *Во-первых*, о протестных движениях в городах (бунтах, восстаниях и т. п.), периодически выливающимися в массовые беспорядки и иногда приводящих к свержению режимов. *Во-вторых*, о тех или иных вариантах вооруженного сопротивления, способных приобретать характер партизанской борьбы (обычно в отдаленных труднодоступных местностях) или превращающихся в террористическую активность.

Вполне очевидно, что массовые антиправительственные выступления характерны более для «мягких» режимов. Их частотность прямо пропорциональна уровню демократичности политической системы, авторитарные же режимы относятся к таким выступлениям с той или иной мерой гибкости, но всегда манипулятивно.

В демократиях такие выступления становятся постоянным аккомпанементом политической жизни, не приводя ни к серьезному насилию, ни к большим политическим изменениям. На сегодняшний день лучшими примерами такой ситуации в Арабском мире могут служить Ливан и Тунис.

Важнейшие изменения, произошедшие за последние сто лет с протестными движениями, были связаны с повышением уровня образования и модернизацией общества, с одной стороны, и с распространением новых технологий – с другой. Первым следствием этого стала относительная политизация протестности.

Х. Арендт права, когда утверждает, что любое протестное насилие происходит из ненависти к лицемерию или жажды справедливости⁸¹. Эти мотивы,

⁸¹ Арендт Х. Указ. соч. С. 74–77.

впрочем, не столь различны, сколь кажутся⁸², а содержание идеи справедливости в XX в. в арабском обществе, кажется, серьезным образом изменилось, оказавшись в значительной мере обмирщенным⁸³. Городские бунты в Средние века или в Новое время, во множестве описанные в классических хрониках, происходили в основном по двум причинам – либо из-за ухудшения экономической ситуации, либо из-за несправедливых притеснений. И то и другое означало несоблюдение правителем религиозной обязанности заботиться о своих подданных⁸⁴.

Однако в XX в. наравне с социальными, экономическими или религиозными обнаруживаются и совершенно новые – политические (в современном смысле слова) мотивации к выступлениям, которые, впрочем, также меняются на протяжении столетия.

⁸² Х. Арендт противопоставляет их, отмечая, что война лицемерию была объявлена французскими моралистами, воспринята Робеспьером и далее – радикальными мыслителями вроде Ж. Сореля или Ф. Фанона (с. 75). В исламе, однако, обличение лицемеров (мунафикун) присутствовало еще в проповеди Мухаммеда, хотя само лицемерие понимается иначе, чем в европейской мысли Нового времени, где его воплощает так называемое добропорядочное общество. Борьба с лицемерием и борьба за справедливость, понимаемые в рамках религиозной традиции, в сущности, уравниваются.

⁸³ Так, Хасан Ханафи отмечал, что некоторые традиционные понятия, в том числе справедливость, «нуждаются в переосмыслении в свете того, насколько они соответствуют времени». См.: Фролова Е.А. *Дискурс арабской философии*. М.: Языки славянской культуры; Садра, 2016. С. 259.

⁸⁴ Elbendary A. *Crowds and Sultans: Urban Protest in Late Medieval Egypt and Syria*. Cairo: The American University of Cairo Press, 2015. P. 156–201. Автор предлагает рассматривать городские протестные движения как форму политического участия. С такой оценкой можно согласиться только в самом общем виде: во всех случаях протестующие стремятся изменить социальную или экономическую ситуацию, но не ситуацию политическую. Они не мыслят себя как политических деятелей.

В первой половине XX в. речь идет в основном о протестах против колонизаторов в случаях, когда их действия представлялись местным жителям недопустимыми с точки зрения морали, обычая или «естественных» прав⁸⁵, а также против сотрудничающих с ними политиков. Как условные «западники» (вафдисты в Египте, «мусульфранки» в Алжире), так и условные «почвенники» («Братья-мусульмане», алжирские традиционалисты), несмотря на все различия во взглядах, относились к узкой прослойке модернизированной (и вестернизированной) элиты. Она сформировала костяк национально-освободительных движений и восприняла западные ценности (пусть иногда и в зеркальном их отражении) и идеи национализма, выступив

⁸⁵ В Палестине конца 1920–1930-х годов антиколониальное движение было связано с ростом национального палестинского самосознания, неприятием иммиграционной политики Британии, ее нежеланием признавать в палестинцах субъектов отношений. В Ираке антиколониальное движение в период уже формально обретенной независимости поначалу носило характер межэлитной борьбы, зачастую проходившей в форме восстаний племен, требовавших участия во власти. Если племенные шейхи критикуют власти за неуважение их феодальных прав, то оппозиционно настроенная интеллигенция критикует власти за лицемерие, эгоизм и оппортунизм. После Второй мировой войны протест стал городским, массовым, протестующие критиковали власти за безразличие к страданиям народа и предательство национальных интересов. Аморальность колониализма раскрывалась в многочисленных произведениях египетских писателей межвоенного периода (напр., «Синие фонари» М. Теймура), в «Тунисе-мученике» А. ат-Таальби. Вообще в Магрибе, где колониальные практики были жестче, моральные основания протеста, кажется, проявлялись сильнее, чем в Машрике – характерна реакция тунисского общества на празднование 50-летия протектората в 1931 г. Banko L. *Citizenship Rights and Semantics of Colonial Power and Resistance: Haifa, Jaffa, and Nablus, 1931–1933 // Violence and the City in the Modern Middle East*. Stanford, California: Stanford University Press, 2016. P. 75–92; Jones K.M. *The Poetics of Revolution: Cultures, Practices, and Politics of Anti-Colonialism in Iraq, 1932–1960*. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (History) in the University of Michigan, 2013.

в результате против самого факта колониального угнетения с требованием равенства прав⁸⁶.

К середине столетия, однако, идеи социальной справедливости и права народа на самоопределение прочно устоялись в общественном сознании. Именно они легли в основу большинства революций 1950-х годов. Тогда же центральным мотивом любого протеста стала поддержка народа Палестины.

Наконец, в конце XX – начале XXI в. основными требованиями стали свобода, демократия, достоинство, а также, хотя и в меньшей степени, борьба с коррупцией⁸⁷.

Другим следствием произошедших в обществах региона изменений, отчасти определившим и первое, было изменение методов мобилизации и консолидации протеста. Хотя мечети, религиозные святыни, рынки и кафе, как и прежде, оставались основными центрами консолидации, свою роль стали играть и современные средства распространения информации. В 1950–1960-е годы вещавшая из Каира радиостанция «*Saut al-араб*» («Голос арабов») сыграла в арабских революциях роль не меньшую, чем «Аль-Джазира» и социальные сети в событиях

⁸⁶ Сама идея противопоставления своей традиции иностранному влиянию, присутствовавшая как у традиционалистов в Алжире, так и у «Братьев-мусульман» в Египте, требует становления национальной идентичности, что означает не только модернизацию, но и восприятие западной идеи нации, то есть вестернизацию.

⁸⁷ Последнее находило скорее имплицитное выражение, скрытое требованиями повышения качества жизни и т. п. Разбор слоганов см., например: Lahlali, El Mustapha. The Discourse of Egyptian Slogans: from 'Long Live Sir' to 'Down with the Dictator' // *Arab Media & Society*, No. 19, Fall 2014. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/185412/20140926111357_Lahlali_Slogans_Final.pdf; Al-Sowaidi B., Banda F., Mansour A. Doing politics in the recent Arab uprisings: Towards a political discourse analysis of the Arab Spring slogans // *Journal of Asian and African Studies*, No. 50 (5), 2015. P. 1–25.

Арабского пробуждения⁸⁸. Односторонний характер радио- и телевещания и низкая конкуренция позволили египетскому руководству во времена Г.А. Насера стать монополистами в определении общественно-политической повестки для арабской улицы.

Относительная демократичность Интернета, в свою очередь, отчасти вернула ситуацию к более ранним временам, сделав практически невозможным формирование единого протестного нарратива, с одной стороны, и послужив важным источником восприятия западных либеральных концептов – с другой. Если палестинская тема, а вместе с ней и стремление искать источник проблем за пределами собственного общества, была подсказана обществам идеологами арабского национализма, то темы исламского пути, демократии, прав человека были им предложены пользователями Facebook и владельцами «Аль-Джазирь».

Распространение в 2000-е годы смартфонов, позволившее моментально заливать видео в Интернет, привело к быстрой медиатизации протестных выступлений, увеличению в них перформативного элемента. Характерны в этом отношении музыкальные композиции, появлявшиеся на Youtube в период Арабского пробуждения⁸⁹, использование протестующими

⁸⁸ Alahmed A. *Voice of the Arabs Radio: Its Effects and Political Power during the Nasser Era (1953–1967)*. Paper Presentation Prepared for The Joint Journalism Historians Conference. Arthur L. Carter Journalism Institute, New York University. March 12, 2011.

⁸⁹ Тунисское протестное движение началось не только с самосожжения М. Буазизи 17 декабря 2010 г., но и с появления в эти же дни в Интернете клипа рэпера El General «Президент страны» (*Pa'uc аль-бляд*), вскоре превратившегося в гимн революции. На протяжении следующих нескольких лет рэп оставался основным выразителем социально-политических настроений молодежи. Не случайно в 2013 г. Weld el-15 был арестован за песню «Менты-суки» (*Булис аль-кляб*). В то же время в Египте главными певцами событий

общепринятых культурных символов (например, маска Гая Фокса), популярность фотографии и граффити, ставших едва ли не основными изобразительными искусствами арабских революций, а также разнообразные эффектные акции – свадьбы на каирской площади Тахрир, танго в спасающих от слезоточивого газа масках в стамбульском парке Гези и т. п.

Наконец, еще одним фактором, повлиявшим на изменение характера массового протеста, по всей видимости, следует считать создание Джинном Шарпом методологии ненасильственной борьбы

2011 г. стали рок-группы “Cairokee” и “Wust al-bled”, прославившиеся композициями «Голос свободы» (*Saut аль-хуррийя*) и «О, площадь!» (*Йеа аль-мидан*). Клипы по обоим этим песням становились рекордсменами по просмотрам на Youtube. Тунисские рэперы творили хотя и на молодежном тунисском аргю, но в русле франкофонной рэп-традиции (EL General, кажется, находился под прямым влиянием камерунского исполнителя Valsego, чья песня «Письмо президенту» двумя годами ранее взорвала Камерун). Египетские музыканты вдохновлялись классическим западным роком (“Pink Floyd”, “The Beatles”) – некоторые критики отмечали несоответствие национального содержания текстов и западной мелодики в их произведениях. Такое сочетание универсальной эстетики современной поп-культуры с локальной поэтикой и содержанием, кажется, в обоих случаях лучше всего отражало мировосприятие протестующей молодежи. Характерно и то, что и в тунисском, и в египетском случаях снятые клипы серьезно выбивались из принятой в арабском мире стилистики. Вместо привычных студийных съемок и красивых картинок зритель получал либо нарезку документальных кадров, либо снятые на смартфон или субъективную камеру сцены уличных протестов. Наконец, и в тунисском, и в египетском случаях произошло серьезное изменение поэтического строя текстов. Метафоричность, тонкая ирония, намеки, собственные дореволюционные музыкальным произведениям («99% демократии» Venderman), сменились жесткостью прямых высказываний. Таким образом, на уровне содержания, поэтики, мелодики и видеоряда музыкальные клипы превращались из произведений современного искусства в политические высказывания, воспринимавшиеся любым зрителем соцсетей. Кузнецов В.А. *Поэтика политики. Тунисский вариант*. М.: Институт востоковедения РАН, 2013; Gilman D.J. *Cairo Pop: Youth Music in Contemporary Egypt*. Minneapolis: The University of Minnesota Press, 2014. P. 167–201.

с авторитарными режимами, легшей в основу антиправительственных движений по всему миру в 1990–2000-е годы⁹⁰.

Вне зависимости от того, насколько творчество Дж. Шарпа было знакомо протестующим (хотя его работы и распространялись в арабских странах⁹¹), сами принципы ненасильственного сопротивления и представление о его возможном успехе оказались к началу XXI в. чрезвычайно популярными и были восприняты образованными слоями арабских обществ.

Несмотря на довольно значительное количество массовых протестов во всех арабских странах в истекшем столетии, лишь в редких случаях они напрямую могут быть соотнесены с трансформациями политических систем. Очень часто власти относительно спокойно реагировали на протестные выступления и даже на ограниченные проявления коллективного насилия, пока речь не заходила о прямых нападках протестующих на правящую элиту. Опасаясь политизации протеста, они стремились сделать объектами народного гнева внешних врагов или инородцев (например, еврейские погромы 1967 г.).

Если обратиться к трем выделенным моделям развития политических систем, то можно заметить, что в каждой из них массовые антиправительственные движения обладали собственной спецификой. Наименее кровавый характер они носили, по всей видимости, в Египте, Тунисе, Марокко и Иордании – странах, где

⁹⁰ Шарп Дж. *От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения*. Институт имени Альберта Эйнштейна. URL: https://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf.

⁹¹ Stolberg Sh.G. *Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution // The New York Times*. 16.02.2011. URL: <https://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html>.

власти в основном не прибегали к демонстративным насильственным практикам, а политические институты были довольно развитыми. Во всех этих странах правительства с большей или меньшей искусностью пытались проявлять чуткость к народным настроениям, избегая односторонних репрессивных мер против протестующих. Гибридизация политических систем и переход к многопартийности в 1970–1980-е годы были средствами снижения протеста и укрепления положения господствующих коалиций.

Естественным следствием подобной ситуации во всех этих странах стало снижение порога толерантности к политическому насилию по сравнению с другими государствами. Общества не только оказались более чуткими к насилию, но и гораздо быстрее начинали давать ему политическую интерпретацию, власти же зачастую оказывались не готовыми к насильственному подавлению протестов. Самые яркие примеры относятся к последним годам. Самоубийство М. Буазизи стало триггером тунисской революции 2011 г., а правительство Бен Али оказалось не готово подавить массовые протесты. Двумя годами позже убийства двух оппозиционеров заставили все политические силы начать Национальный диалог, закончившийся отставкой исламистов. В Египте Мубарак также предпринял лишь вялую попытку противостоять протестующим с площади Тахрир, а в 2013 г. «Братья-мусульмане» лишились власти в результате хотя и поддержанного армией, но мирного движения, вызванного их неспособностью обеспечить общественную безопасность. Сожжение иорданского летчика, попавшего в плен к игиловцам в 2015 г., вызвало столь яростную волну антиправительственных выступлений

в Аммане, что король был вынужден обратиться к нации по телевидению⁹².

В Сирии и особенно в Ираке ситуация принципиально иная. Чрезмерное насилие властей вело не только к запугиванию обществ, но и к нормализации насильственных практик в общественном сознании, к формированию чрезвычайно высокой толерантности к насилию. Так, во время революции 1958 г. толпа, захватившая королевский дворец, сначала расправилась с королем, а затем с наследным принцем Абдельилой. Последнего выволокли на улицу, привязали еще живого к армейскому джипу и потащили по улицам города. Затем его труп разрубили на куски, повесив их на три месяца перед зданием министерства обороны, где он ранее вешал своих врагов⁹³.

2000-е годы показали, что этот эпизод был не совсем случайным, но вписывался в определенную традицию. В марте 2004 г. в Фаллудже было убито четыре сотрудника американской охранной компании. Толпа пронесла их обгоревшие тела по улицам города и вывезла на мосту через Евфрат⁹⁴. В конечном счете, известная мысль, что насилие порождает насилие, имеет вполне конкретный политический смысл.

Близкой к сирийско-иракской модели протестного насилия можно считать и алжирскую. Чрезвычайная

⁹² Калима ал-'ахил ал-урдуний 'Абдалла ас-саний ба'да и'дам ат-майар Ма'аз ал-Касаба. 03.02.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D56lSzFF1Q0>.

⁹³ Safar Kh.M. *The Iraqi revolution of July 14, 1958: a sociological interpretation*. A Thesis submitted to the Faculty of the Atlanta University. Atlanta, Georgia, August 1963. P. 69.

⁹⁴ Gettleman J. Enraged Mob in Falluja Kills 4 American Contractors // *The New York Times*. 31.03.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/03/31/international/worldspecial/enraged-mob-in-falluja-kills-4-american.html>.

жестокость колониального режима, легитимировавшего самые жесткие расистские практики, и кровавая война за независимость сформировали специфическую политическую культуру алжирского общества. Пришедший к власти в 1962 г. Фронт национального освобождения (ФНО) не нуждался в постоянном устрашении общества для утверждения собственной власти. Вплоть до 1990-х годов, а также в 2000-е годы применявшиеся им репрессивные практики скорее соответствовали североафриканской модели, нежели левантийско-иракской. Исключение составляет «черное десятилетие» 1990-х годов.

Попытка стабилизации находившейся в кризисе политической системы путем ее формальной демократизации привела тогда к реальной угрозе утраты господствующей коалицией монополии на власть и продемонстрировала существование мощного альтернативного центра силы в лице Исламского фронта спасения (ИФС). События 1991 г. могут быть интерпретированы и как консолидация общества в противостоянии исламистской угрозе, и как военный переворот, остановивший демократический процесс в стране и приведший к масштабному кровопролитию. Готовность обеих сторон противостояния к самым жестким формам борьбы объясняется, по всей видимости, спецификой генезиса тех и других. Если выступавшие за полное уничтожение исламистов «терминаторы» (так называли «ястребов» из военного руководства страны) были возвращены войной за независимость, то их радикальные противники имели за спиной опыт Афганистана, сделавший их привычными к вооруженной борьбе.

Последняя составляет вторую из выделенных ранее форм протестного насилия. Из всего многообразия видов вооруженного сопротивления действующему

политическому режиму наиболее значимых для региона в истекшем столетии было четыре. *Во-первых*, это антиколониальные вооруженные движения, в основном на этнонациональной основе. *Во-вторых*, это локальный этноконфессиональный сепаратизм: курды в Ираке, Турции и Сирии, берберы в Марокко и Алжире, сахрави в Марокко (Западной Сахаре) и т. п. *В-третьих*, это деятельность ультралевых революционно-террористических организаций в середине XX в. *В-четвертых*, исламистская террористическая активность. Если первые три вида сопротивления постепенно сошли на нет (за исключением курдского сепаратизма, который, однако, сегодня представляет собой скорее горизонтальное насилие, чем вертикальное), то джихадизм к концу XX в. вышел за рамки национальных организаций, сформировав транснациональные террористические сети.

Не останавливаясь подробно на анализе деятельности террористических организаций, отмечу только несколько наиболее существенных моментов.

Становление терроризма как основного метода борьбы с режимами происходило параллельно со становлением государственности в регионе. Национально-освободительные, революционные и этнонациональные движения не брезговали совершением терактов, которые, однако, вписывались в некую тактическую программу борьбы и были направлены против представителей вражеского лагеря, как правило, из власть имущих. Такой же еще в середине века была и деятельность египетских «Братьев-мусульман», перешедших к вооруженной борьбе в 1940-е годы.

В Сирии во второй половине 1970-х годов «Братья-мусульмане» возглавили антиправительственное движение, совершая нападения не только

на государственных чиновников, но и на алавитов, поскольку рассматривали новый политический режим как алавитский и антиисламский⁹⁵.

Однако к концу XX в. жертвами террористов в Алжире, Египте, Йемене и других странах все чаще становились обычные граждане. Джихадисты стали все шире применять *такфир* (обвинение в неверии), тем самым наделяя себя священным правом вести джихад против кого угодно, а сама террористическая деятельность утратила очевидные тактические цели. Вертикальное насилие стало горизонтальным, а его политическое содержание оказалось размыто.

Это объясняется двумя обстоятельствами. С одной стороны, интернационализация терроризма привела к формированию некоей универсальной повестки, не имеющей отношения к местным обстоятельствам. В результате, даже если появление джихадистской альтернативы становится формой протеста против конкретной политической реальности, ее сторонники вынуждены принимать, хотя бы частично, и эту универсальную повестку, что вырывает их из собственной социальной среды, делая чужаками. С другой стороны, формирование современного бюрократического государства, широко использующего для утверждения власти практики как символического, так и физического насилия и при этом в значительной степени деперсонифицированного, привело к размыванию образа противника. Произошло ровно то, о чем предупреждала Х. Арендт: противником стало само государство, присутствующее везде и нигде, лицемерное

⁹⁵ Porat L. *The Syrian Muslim Brotherhood and the Asad Regime*. Brandeis University. Crown Center for Middle East Studies. Middle East Brief. December 2010, No. 47. URL: <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB47.pdf>.

и анонимное⁹⁶, воплощенное в образе анонимных, неуловимых, но вездесущих мухабарат.

Другой важный момент касается популярности и эффективности вооруженной борьбы, в том числе террористической. Вполне естественно, что население должно чаще обращаться к оружию в попытках добиться политических изменений в тех странах, где порог терпимости к насилию выше, а политическая система менее инклюзивна. Вместе с тем чрезвычайная жесткость потенциального ответа и свойственный соответствующим режимам тотальный контроль служат серьезными препятствиями для деятельности несогласных. В результате в таких странах, как Сирия и Ирак, Ливия при Каддафи, ставки противостояния власти и оппозиции были очень высоки и ситуация развивалась взрывообразно: долгие периоды тишины оборачивались взрывами насилия. Теоретически такой же могла бы быть ситуация и в Саудовской Аравии, однако руководство королевства за долгие годы выработало довольно эффективные механизмы борьбы с джихадистами (помимо прямых репрессий и физической ликвидации они включали в себя частичное заимствование дискурса и стимулирование эмиграции радикальных элементов).

Особые случаи составляют Египет и Алжир.

В Египте, несмотря на его принадлежность к североафриканской трансформационной модели с ее относительно низкой терпимостью к насилию и тенденцией к повышению инклюзивности, правящий режим неоднократно сталкивался с вооруженным сопротивлением: деятельность «Братьев-мусульман» в 1940-е годы, убийство Анвара Садата и формирование

⁹⁶ Арндт Х. Указ. соч. С. 76.

джихадистского подполья в 1970-е годы, волны террористических атак в начале 1990-х годов, деятельность террористов на Синае и теракты в городах после 2013 г. Это может объясняться, *во-первых*, тем, что расширение господствующей коалиции никогда не касалось исламистов, уже девяносто лет остающихся вытесненными из легального политического пространства и сформировавших за это время собственную политическую субкультуру, а *во-вторых*, резкостью смены правительственных стратегий. Страна прошла путь от однопартийного режима Г.А. Насера через демократический эксперимент А. Садата к авторитаризму Х. Мубарака за десять лет, и от авторитаризма Х. Мубарака через хаос 2011–2013 гг. к эксклюзивистской модели А. ас-Сиси за три года.

Алжир – единственная, пожалуй, страна, где исламисты хотя и потерпели поражение в вооруженной борьбе, но политическая система серьезно изменилась. В состав господствующей коалиции были включены наиболее умеренные представители исламистской альтернативы (хотя костяк элиты и остался прежним), повысилась инклюзивность системы, сам режим из классического авторитарного стал гибридным, а общественная жизнь была резко исламизирована. Террористическая активность тем не менее на территории страны сохраняется. Однако сегодня она связана скорее не с местными обстоятельствами, а с деятельностью транссахарских джихадистско-криминальных сетей.

В целом, если рассматривать вооруженное сопротивление власти как фактор трансформации политических систем, можно заметить постепенное снижение его эффективности по мере вытеснения джихадистской альтернативой всех других форм сопротивления.

Если вооруженная борьба и революционные движения первой половины–середины XX в. не раз приводили к свержению власти (Алжир, Египет, Южный Йемен, Ирак, Сирия и др.) и установлению новой государственности, то джихадистская активность становилась – и все более становится – фактором укрепления существующих политических режимов. Лишь в случаях уже состоявшегося развала государственности в 2010-е годы можно обнаружить несколько примеров, когда исламисты получали шанс на формирование собственных территориальных структур; впрочем, все они оказались нежизнеспособными.

Неожиданную выгоду от такой ситуации получили сторонники ненасильственного продвижения исламистской повестки, интеграция которых в легальное политическое пространство рассматривается элитами как одно из средств снижения популярности антисистемных сил. Таковы практически все легализованные исламистские партии в Марокко, Алжире, Тунисе, Египте, Иордании. Другим средством ее снижения оказывается частичное заимствование властью религиозного дискурса у исламистов, в результате чего все политическое пространство подвергается существенной исламизации. Современные Алжир, Египет и Тунис служат тут, пожалуй, лучшими примерами.

Подводя итог анализу вертикальных форм политического насилия в Арабском мире и их соотносительности с моделями политических трансформаций, можно сделать некоторые выводы.

Роль фактора насилия в трех выделенных трансформационных моделях существенным образом различается, как различаются и тенденции в изменении этой роли.

В североафриканской модели физическое насилие как со стороны власти, так и со стороны протестующего общества выполняло в основном инструментальную функцию и применялось умеренно, причем его масштабы постепенно уменьшались, а порог толерантности общества снижался. Ненасильственное сопротивление режимам при этом давало больший трансформационный эффект, ведя к постепенному расширению политического пространства и росту инклюзивности.

В Ираке и в несколько меньшей степени в Сирии с их сложным этноконфессиональным устройством и глубоким расколом обществ власть, напротив, была вынуждена регулярно демонстрировать свой насильственный потенциал, тем самым утверждая собственный суверенитет (по К. Шмитту) и веру в невозможность сопротивления. Соответственно и протест в этих странах оказывался более ожесточенным, а трансформации носили взрывообразный характер.

Наконец, в случае с аравийской моделью, где важнейшей функцией правителя является поддержание межплеменного баланса, мы обнаруживаем перманентно высокий уровень насилия со стороны власти, которая, однако, в отличие от сирийско-иракского случая, стремится тем самым доказать не свою способность принимать решения, а свои полномочия арбитра. Именно поэтому важнейшими формами государственного насилия здесь становятся не расправы с оппозиционерами, а демонстративные исполнения судебных решений, вовсе не обязательно по политическим делам.

Горизонтальное насилие

Горизонтальное насилие, вбирающее в себя все многообразные формы межгрупповых конфликтов на этнической, конфессиональной, племенной, территориальной и других основах, присутствует в любом обществе, хотя и далеко не всегда становится существенным фактором политической жизни. Более того, в большинстве случаев оно вообще не рассматривается обществами как политическое.

Тем не менее, определяя характер базовых социальных отношений, оно предшествует формированию политической системы и косвенно определяет ее характер. Кроме того, в некоторых случаях оно вполне способно играть непосредственную политическую роль, прямо влияя на характер происходящих трансформаций.

Как представляется, практики существующего горизонтального насилия в Арабском мире формировались под воздействием, *во-первых*, племенных традиций, *во-вторых*, норм существования традиционных городских сообществ, *в-третьих*, исламских представлений о социальной организации.

Физическое насилие выступает ключевым фактором организации политической жизни в безгосударственных племенных обществах. Поддержание хрупкого межплеменного баланса в условиях постоянного дефицита ресурсов оказывается возможным только посредством постоянной готовности племен силой подтвердить свои притязания на ту или иную территорию. В сущности, речь идет о том изначальном социальном порядке, который предшествует формированию описанного Д. Нортон естественного государства. Те группы, которые в перспективе могут

составить господствующую коалицию ПОД, в племенном обществе не способны еще установить устойчивый контроль над рентой, обеспечив друг друга достоверными гарантиями и тем самым избавиться от необходимости постоянного обращения к насилию.

Возникающая в таких средах государственность (аравийская модель) предполагает специфическую роль правителя, основными функциями которого становятся, *во-первых*, справедливое перераспределение ренты, *во-вторых*, постоянное утверждение своего права быть верховным арбитром, поддерживающим межплеменной баланс, и, *в-третьих*, утверждение собственных властных полномочий посредством силы. Пока правитель справляется с этими задачами, межплеменное насилие в таких обществах может быть сведено к минимуму, однако если правитель вдруг исчезает, оно становится определяющим фактором социальной жизни вплоть до установления власти нового лидера.

Если племена играли определяющую роль в формировании государственности на Аравийском полуострове и в Ливии, то в других странах региона они, хотя и присутствовали всегда в жизни обществ, все же воспринимались обыкновенно как внешняя и враждебная государству сила. Последнее было порождено именно городами.

Гарнизонные города, создававшиеся мусульманами в период завоеваний, – Басра, Куфа, Фустат, Кайруан – заселялись арабами по родам и племенам таким образом, что каждый род занимал собственный квартал⁹⁷. В завоеванных городах, таких как Кесария или Иерусалим, завоеватели часто чувствовали

⁹⁷ См.: Kubiak W.B. *Al-Fustat: Its Foundation and Early Urban Development*. Cairo, The American University in Cairo Press, 2016. P. 70–77.

себя неуютно и селились в отдельных кварталах⁹⁸. В обоих случаях городское пространство оказывалось изначально разделено между различными группами.

Традиция подобного разделения сохранялась и далее. Кварталы Каира, Багдада и других больших городов отделялись друг от друга запиравшимися на ночь воротами, что позволяло властям сдерживать регулярно возникавшие городские бунты.

Уже в колониальный период эта практика приобрела новые формы⁹⁹, особенно ярко заметные в Магрибе, где рядом со средневековыми мединами европейцы стали строить роскошные кварталы, вход в который в соответствии с действовавшим, например, в Алжире и Тунисе «Туземным кодексом» местным жителям был запрещен.

Так традиционная практика разделения не просто получила новую жизнь, но и была переосмыслена, с одной стороны, приобретя дискриминационный характер, а с другой – заложив основы для антиколониальной консолидации местного населения. Материальное воплощение этой практики в самой городской застройке позволило ей надолго пережить колониализм, воспроизводясь и в градостроительстве независимых государств. Рядом с мединами и колониальными районами возникали, с одной стороны, новые кварталы современных городов,

⁹⁸ Whitcomb D. Notes for an Archaeology of Mu'āwiya: Material Culture in the Transitional Period of Believers // *Christians and Others in the Umayyad State*. Chicago, Illinois: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2016. P. 19–21. Это правило, впрочем, не было общим: во многих городах внутренней Сирии присутствовало значительное арабское население, и иногда завоеватели расселялись по всей территории города, занимая пустые дома.

⁹⁹ Fuccaro N. Urban Life and Questions of Violence // *Violence and the city in the Modern Middle East*. P. 12.

а с другой – огромные стихийно застраивавшиеся бедные пригороды и бидонвили, заселявшиеся выходцами из сельской местности.

Последние, равно как зачастую и средневековые кварталы, воспринимаются принадлежащими к благополучным классам жителями современных районов как источник постоянной опасности, как враждебная и априори насильственная среда, в которой зарождаются как обычный бандитизм, так и религиозный и политический экстремизм. Взаимное неприятие жителей разных городских кварталов, чувство ущемления одних и постоянный страх других, с одной стороны, закладывают основу для поляризации и фрагментации обществ, с другой – делают маловозможной консолидацию общества на антиправительственной основе.

Наконец, третьим фактором, определившим специфику межгруппового насилия в арабских обществах, по всей видимости, следует считать сформированные в исламе представления о нормах межконфессиональных отношений.

Как известно, одной из причин успеха мусульманских завоеваний была демонстрируемая завоевателями терпимость к иноверцам, получавшим статус *зимми*, или покровительствуемых. Институциональное развитие халифата Омейядов и Аббасидов и Османской империи привело к формированию широкой нормативной базы, регулирующей положение различных конфессиональных сообществ, права и обязанности немусульман, их отношения с мусульманами, государством и между собой. Ближний Восток в результате оказался избавлен от той насильственной конфессиональной гомогенизации, которой подверглась Европа, а общества региона привыкли к постоянным поискам компромиссов между

интересами различных сообществ. Демографическая динамика, изменения в расстановке политических сил, иностранные завоевания или появление мощных союзников за рубежом не раз становились причиной нарушения статус-кво и приводили к кровавой междоусобице¹⁰⁰, не заканчивавшейся вплоть до складывания нового баланса.

Все это превратило этноконфессиональные группы в наиболее важный элемент всего социального устройства региона, в особенности в Леванте и Ираке. Выстраивание особых отношений между европейцами и отдельными конфессиональными сообществами в колониальный период, с одной стороны, и отсутствие, столь жесткого, как в Магрибе, противопоставления колонизаторов и местного населения – с другой, стали препятствием к консолидации обществ на надобщинной основе. Тем самым была заложена основа для будущей фрагментации и конфликтов, а также специфическая для региона традиция воспринимать отдельные этноконфессиональные группы (евреи, шииты, христиане, салафиты и т. д.) как потенциальных союзников внешних игроков и пятую колонну.

Все эти обстоятельства в значительной степени предопределили специфику политических систем левантийско-иракской модели подобно тому, как племенная культура определила характер модели арабийской, а городская – североафриканской.

Это, конечно, не означает, что каждая из моделей формировалась под воздействием лишь одного из трех

¹⁰⁰ Самый известный пример – христианская резня в Дамаске в 1860 г., за которой последовала Сирийская экспедиция Наполеона III. См.: Панченкова М.Т. *Политика Франции на Ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860–1861 гг.* М.: Наука, 1966.

факторов. Племена играли значительную роль в Ираке и Алжире, городская культура в Сирии и Ливане была распространена не меньше, чем в Тунисе и Египте и т. д., однако о преобладающем значении того или иного элемента говорить вполне можно.

Если в североафриканской модели горизонтальное насилие не оказывает прямого воздействия на политический процесс даже в условиях кризиса государственности, то в странах аравийской и левантийско-иракской модели дело обстоит иначе.

Примером аравийской модели служит Ливия после 2011 г. Свержение М. Каддафи, хотя и осуществлялось при помощи внешних сил, все же было инициировано изнутри страны и стало результатом, с одной стороны, неспособности полковника поддерживать межрегиональный и межплеменной баланс, а с другой – структурных изменений в ливийском обществе, требовавших изменений и практик управления.

В результате модернизации, резкого роста населения и быстрой урбанизации племенные сообщества в стране за время ее независимого развития подверглись серьезной эрозии¹⁰¹. Отчасти они начали

¹⁰¹ Вопрос о степени разложения племенной системы в Ливии накануне событий 2011 г. остается дискуссионным. С одной стороны, чрезвычайно высокий уровень урбанизации при очень молодом населении должен был привести к разрушению племенных структур. С другой стороны, большая скорость урбанизации в сочетании с целенаправленной политикой возрождения племен М. Каддафи этому препятствовали. Омар Эльбендак в диссертации, посвященной социальной жизни Триполи, указывает на сохранение племенных структур в столице, однако отмечает тенденцию их разложения: молодое поколение образованно, интегрировано в современную экономику, предпочитает жить малыми нуклеарными семьями и отказывается зачастую от племенных традиций. Elbendak O.E. *Urban Transformation and Social Change in a Libyan City: An Anthropological Study of Tripoli*. Submitted in fulfilment of the PhD degree to the Department of Anthropology, Faculty of Social Sciences, National University of Ireland, Maynooth, 2008. P. 136–141.

стихийно восстанавливаться в условиях распада государственности, вновь создавая структуры управления (советы старейшин), вооруженные формирования и экономические институты (кассы взаимопомощи и т. п.). Однако одновременно с этим они оказались вынуждены конкурировать с социальными структурами, формирующимися городской средой, – муниципалитетами, вооруженными группировками, землячествами, этническими общинами, религиозными и политическими организациями. Кроме того, племенам трудно консолидироваться из-за того, что многие их члены ранее переселились в другие части страны, а выросшая в городских условиях молодежь далеко не всегда готова признавать власть шейхов. В результате большинство племен в Триполитании и в Киренаике оказались расколотыми¹⁰².

В совокупности с чрезвычайно низкой степенью институционализации политического процесса в стране, отсутствием опыта строительства политических организаций у населения и в условиях сверхмилитаризации общества (по оценкам экспертов, в стране курсирует ≈26 млн единиц огнестрельного оружия¹⁰³) это делает практически невозможным формирование стабильных политических игроков.

Таким образом, если в идеальной племенной модели свержение правителя должно было привести к межплеменной борьбе, завершающейся установлением нового баланса сил, то в реальных обстоятельствах оно ведет к борьбе не только между племенами, но и между самыми разными участниками, каждый из которых внутренне чрезвычайно хрупок.

¹⁰² Интервью с ливийскими экспертами. Декабрь 2017.

¹⁰³ Там же.

Очевидно, что насилие в этих условиях становится не только основным средством организации общественной жизни, но и основным инструментом экономических отношений, поскольку главным экономическим благом становится безопасность. Многочисленные группировки – *милишиат* – делают торговлю безопасностью главным видом своей деятельности.

Интересно в этой ситуации, что, как ни парадоксально, количество жертв в Ливии из всех охваченных конфликтами стран региона оказывается едва ли не наименьшим: по разным оценкам, до 60 тыс. человек за весь период 2011–2018 гг., при том что основная часть погибших приходится на 2011 г.¹⁰⁴

По всей видимости, это может объясняться спецификой горизонтального насилия в племенных обществах, где оно выполняет строго ограниченные функции, противостояние не носит экзистенциального характера и воспринимается его участниками скорее не как игра с нулевой суммой, а как форма переговоров.

В государствах левантийско-иракской модели горизонтальное насилие играет совершенно иную роль. В Ливане оно стало основным инструментом реорганизации социально-политического пространства в результате изменения устоявшегося этноконфессионального баланса в середине 1970-х годов, что привело к пятнадцатилетней гражданской войне, унесшей жизни более ста тысяч человек и сделавших эмигрантами более полумиллиона. Таифские соглашения, легшие в основу мирного процесса, не помогли созданию мощного центра силы, который бы мог регулировать отношения между основными группами

¹⁰⁴ Интервью с ливийскими экспертами. Официальной сводной статистики по жертвам конфликта сегодня не существует.

населения, но позволили выстроить хрупкую политическую систему, основанную на компромиссе.

Результатом стала парадоксальная ситуация – усиление каждой общины, формирование ими развитых политических и социальных организаций, активная экономическая деятельность при чрезвычайной слабости центра. Существование подобной системы оказывается возможным при том условии, что ни одна из конкурирующих групп не имеет оснований надеяться на усиление своих позиций в случае нарушения баланса и каждая из них периодически демонстрирует готовность отстаивать свои позиции силой. Соблюдению первого из условий способствует внешний фактор. Вне зависимости от того, насколько это справедливо, считается общепризнанным, что за шиитской общиной стоит Иран, за суннитской – Саудовская Аравия, за христианской – Франция и США. Соблюдению второго условия способствует наличие вооруженных подразделений у отдельных политических организаций и периодически совершаемые политические убийства.

Иракский и сирийский опыт насилия последних лет отчасти похож на ливанский, хотя и превосходит его по масштабам жертв и разрушений. В нем, правда, присутствует несколько новых элементов.

Во-первых, пятнадцать лет, прошедшие с падения С. Хусейна, продемонстрировали, с одной стороны, относительную устойчивость иракской государственности, сколь бы слабой она ни была, а с другой – тенденцию к непрекращающейся фрагментации политического пространства внутри страны. Каждая из трех полунезависимых частей страны оказалась со временем охвачена внутренним противоборством, а все группы населения – шииты, сунниты и курды – разделились между противоборствующими политическими

или военно-политическими центрами. Межгрупповое насилие, таким образом, стало основным инструментом выстраивания отношений не только между этноконфессиональными группами, но и между сообществами более низкого уровня, что свидетельствует об уже не политической, а социальной фрагментации общества и о разрушении в нем механизмов доверия. Тот же процесс можно наблюдать и в Сирии с ее неспособностью консолидировать оппозиционные движения.

Во-вторых, гражданское противостояние в Ираке и в Сирии стимулировало рост сепаратистских тенденций и поставило под сомнение сохранение этих государств в существующих границах. Проведение М. Барзани референдума о независимости Иракского Курдистана, хотя и не привело пока к действительному отделению, стало все же свидетельством очевидной тенденции. В Сирии таким свидетельством стало формирование собственных органов власти на контролируемых курдами территориях (Демократическая Федерация Северной Сирии, или Рожава). Подобные процессы можно наблюдать и в других охваченных конфликтами странах – Йемене, где независимости все громче требуют южные провинции и Хадрамаут, и Ливии, где идея отделения регулярно озвучивается в Киренаике. На уровне общественного сознания стремление к независимости зачастую объясняется представлениями о том, что конфликт, в условиях которого вынуждено жить население стремящихся к отделению территорий, происходит извне, а его участники покушаются на находящиеся на этих землях ресурсы. На политическом уровне требования независимости или автономии служат элементом торга с противником.

Наконец, *в-третьих*, отсутствие какого бы то ни было контроля над некоторыми территориями Ирака и Сирии сделало возможным появление там квазигосударственного образования ИГИЛ, отличительной чертой которого стала фетишизация насильственных практик. Об этом, впрочем, уже говорилось.

Стало ли насилие проблемой на Ближнем Востоке?

Подводя итоги, имеет смысл обозначить общие тенденции в динамике культуры насилия в Арабском мире и ее роли в трансформациях политических систем.

Говорить о существовании некоего тренда, однозначно описывающего все происходящее в регионе, не приходится. В государствах североафриканской модели, включая Алжир, но за исключением Египта в последние годы, наблюдается общая тенденция роста инклюзивности и снижения уровня как вертикального, так, кажется, и горизонтального насилия. В странах левантийско-иракской модели вертикальное насилие оказалось конвертировано в горизонтальное, а масштабы его увеличились. Такая же конвертация произошла в Ливии, в то время как другие государства, относящиеся к аравийской модели, пока избавлены от явных изменений.

Все эти наблюдения, впрочем, носят совершенно умозрительный характер, поскольку никаких надежных инструментов количественного измерения насилия, как уже говорилось, не существует. В связи с этим стоит вернуться еще к одной мысли, обозначенной

в начале: одним из результатов политических трансформаций Арабского мира последних лет стало утвердившееся как во внешней среде, так и в самих арабских обществах представление о доминировании фактора насилия в жизни региона.

Мы оказались в ситуации, когда огромный регион — «от Океана до Залива», населенный тремя сотнями миллионов людей, ежесекундно переживает страх возможного насилия, когда его политические элиты не испытывают никакой уверенности в вечности существующих государственных образований, а тема возможного изменения границ стала постоянным рефреном любых разговоров о будущем региона.

Конечно, столь пессимистическое восприятие реальности не вполне обоснованно. Вооруженными конфликтами охвачены не все и даже не большинство стран региона, а всего четыре государства из более чем двух десятков. «Растекания» конфликтов за семь лет не произошло. Террористическая угроза, конечно, есть, однако в последние годы не только Турция, Египет или Тунис стали аренами деятельности террористов, но и Барселона, Ницца, Париж, Берлин, Бостон, Санкт-Петербург и многие другие считающиеся благополучными места.

Большинство политических систем Ближнего Востока остаются вполне стабильными, а предпринятые после 2011 г. реформы в Марокко, Алжире, Тунисе, Иордании в совокупности с негативным региональным фоном положительно сказались на развитии этих стран. Да и в наиболее проблемных странах полного крушения государственности не произошло — ни в Сирии, ни даже в Ливии или Йемене. Более того, даже в бурлящем Ираке и переходящем от одного кризиса к другому Ливане все большую значимость для

регулирования политической жизни приобретают вполне современные механизмы – выборы, межпартийная борьба и т. д.

Однако впечатление всепобеждающего насилия никуда не уходит. И дело тут не только в отрицательной для региона информационной среде, формирующей образ Ближнего Востока как территории хаоса, но и в принципиальном изменении в общественно-политическом сознании арабских обществ. Насилие для них стало проблемой – пожалуй, впервые в истории. В этом плане Арабский мир с меньшими издержками повторил путь, пройденный Европой в предыдущем столетии.

Если в краткосрочной перспективе последствия этой проблематизации насилия и возросшего страха неоднозначны, то в долгосрочной они могут сыграть положительную роль, став источником формирования более стабильных и более инклюзивных политических систем, нежели ранее.

Существенно и то, что проблематизация насилия накладывает на другое важное социальное изменение в регионе – усиление гражданского общества. В странах североафриканской модели оно стало следствием правительственных реформ для ответа на вызовы десятилетия. В левантийско-иракских государствах и в Ливии – следствием ослабления государственности и появления необходимости социально-политической самоорганизации обществ.

В Марокко число неправительственных организаций с 2011 г. выросло почти в два с половиной раза¹⁰⁵,

¹⁰⁵ Le Maroc compte 130.000 associations en 2016. *Medias24*. Le 14 mars 2016. URL: <https://www.medias24.com/SOCIETE/162411-Le-Maroc-compte-130.000-associations-en-2016.html>.

в Тунисе – более чем в два раза¹⁰⁶, в Иордании хотя и остается незначительным, все же увеличилось в полтора раза¹⁰⁷; в Алжире хоть и не выросло столь сильно, все же и до того было довольно велико¹⁰⁸. Во всех этих странах, избежавших массового насилия, создающиеся НПО позволяют вовлекать в гражданскую жизнь все более широкие массы населения. И в этом плане не столь важно, существуют ли они за счет правительства, как в Марокко, или получают внешнее финансирование, как в Тунисе.

Гражданское общество, однако, заявляет о себе и в государствах, находящихся в состоянии вооруженных конфликтов. В Сирии его развитие связано и с организациями, действующими среди беженцев, и с множеством структур на территориях, контролируемых Дамаском, и с деятельностью местных советов на освобожденных территориях. В Ливии необходимость самоорганизации граждан заставляет их формировать локальные органы власти как по племенному, так и по территориальному принципу.

Активизация гражданского общества в совокупности с проблематизацией насилия ведет к развитию принципа согласия, или компромисса (*тауфик*), который предполагает принятие политических решений не в результате победы одной из сторон политического противостояния, а в результате поиска договоренностей между ними. Наибольшее развитие он получил

¹⁰⁶ *Tableau Général des Associations au 28 Novembre 2017*. Le centre d'information, de formation, d'études et de documentation sur les associations. URL: <http://www.ifeda.org.tn/stats/francais.pdf>.

¹⁰⁷ *Towards a New Partnership with Citizens: Jordan's Decentralization Reform*. OECD Public Governance Reviews. Paris: OECD Publishing, 2017. P. 156.

¹⁰⁸ МВД АНДР. URL: <http://www.interieur.gov.dz/images/pdf/Thematiquedesassociations.pdf>.

в Тунисе, реализовавшись в 2013 г. в Национальном диалоге, который положил конец гражданскому противостоянию власти и оппозиции.

Основные инициативы по ливийскому урегулированию, делающие ставку на выстраивание системы «снизу вверх» на основе договоренностей на уровне муниципалитетов, племен и сельских общин, свидетельствует о движении в том же направлении.

На стремлении к *тауфик* основывалось и когда-то высказанное предложение Турции аль-Фейсала об организации Второго сирийского национального конгресса, однако последующая динамика конфликта не позволила ему воплотиться в жизнь. Прошедший в январе 2018 г. конгресс в Сочи, в сущности, выстраивался в той же логике.

Корни культуры *тауфик* можно обнаружить в совершенно разных политических традициях, существовавших в регионе. Его можно считать элементом демократии, делающей необходимым поиск договоренностей между конкурирующими сторонами. Однако с тем же успехом его можно рассматривать и как воплощение в жизнь основ исламской политической культуры. Принцип совещательности (*шуро*), первоочередная роль экспертов в принятии политических решений, согласованное мнение (*иджма*) – все эти принципы, много раз проговоренные в исламской политической мысли, и указывают на признание ею «культуры компромисса». Можно обнаружить его корни в некогда популярной среди арабских националистов идее корпоративного государства, а можно – в традиции племенного самоуправления. Подобная универсальность делает *тауфик* приемлемым для любых политических сил, действующих в арабских обществах.

Вместе с тем очевидно, что как в зрелых демократиях, так и в политических системах, основанных на мусульманском праве, как в режимах, выстроенных арабскими националистами, так и в племенных обществах культура компромисса реализовывалась далеко не всегда. Более того, как показывает практика, успешная ее реализация оказывается возможной лишь тогда, когда стороны политического противостояния (вооруженного или нет) не имеют оснований надеяться на конечную победу, с одной стороны, и оценивают риски продолжения противостояния как неоправданно высокие – с другой. Именно поэтому компромисс оказался невозможен ни в Бахрейне, ни в Йемене, ни пока в Сирии.

Тем не менее сохранение напряженности или развитие конфликтов в этих странах, ослабление опеки обществ со стороны всемогущих политических элит в совокупности с всепроникающим страхом насилия вполне может стать импульсом для формирования политической культуры согласия.

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ АКТОРЫ

Многочисленные конфликты на Ближнем Востоке между отдельными государствами или все чаще внутри государств оказывают серьезное негативное воздействие на вовлеченные в них стороны. Ослабление государственного управления; разрушение современных институтов в ходе гражданских войн; причудливо переплетающиеся интересы внешних и внутренних игроков имеют своим результатом процессы деструктуризации и ослабления государственности. Одним из существенных факторов, действующих в направлении лишения государства права на легитимное насилие и контроль над собственной территорией, является фрагментация участников конфликта и выход на сцену вооруженных негосударственных формирований, имеющих собственную повестку дня.

Среди них можно выделить различные группы и организации: 1) выступающие в зависимости от ситуации как государственные или как негосударственные акторы (Хизбалла);

2) ориентированные на военное сопротивление («Джейш аль-Ислам», «Ахрар аш-Шам», Сирийская свободная Армия);

3) совмещающие военные функции и патронаж (полевые командиры);

4) трансформировавшиеся в отсутствие государственности в управленцев при сохранении силовой

оставляющей (ФАТХ-ООП-ПНА, ХАМАС, курдские организации в Ираке и Сирии при ослабленной государственности).

В данной главе не рассматриваются трансграничные террористические организации (ДАИШ, Аль-Каида), которые имеют собственную природу, не являются непосредственно производной от ближневосточных конфликтов, а скорее связаны с общими процессами глобализации и вызовами современного развития.

Термин «негосударственные акторы», достаточно широко используемый в исследовательской литературе и в политическом дискурсе, не нов. Влиятельные негосударственные игроки существовали достаточно давно, развиваясь параллельно с процессами становления и укрепления государств (например, Ганзейский союз, Ост-Индская компания). В современном мире негосударственные акторы действуют в кардинально отличных условиях, порожденных глобализацией, новым уровнем развития информационных и военных технологий, а также мобилизационных возможностей.

Самостоятельную роль играют или могут играть не только современные акторы – транснациональные компании, бизнес, НПО, но и этнорелигиозные общины, племена и даже отдельные личности. Их можно определить как «несуверенные единицы, которые обладают существенной экономической, политической или социальной силой и влиянием на национальном, а в ряде случаев на международном уровне»¹.

¹ *Nonstate Actors: Impact on International Relations and Implications for the United States*. Report prepared under the auspices of the National Intelligence Officer for Economics and Global Issues. Washington: NIC,

Специалисты по международным отношениям все еще обсуждают вопрос о том, можно ли считать негосударственных акторов автономными игроками или инструментами межгосударственного взаимодействия. Действительно, в биполярной системе ведущие державы предпочитали инструментально рассматривать различные имевшие собственную повестку дня движения и организации и пытались их использовать в борьбе за влияние. Да и сами эти организации всегда искали внешнего покровительства для эффективного продвижения своего дела.

Так, в период становления и роста национально-освободительного движения на Ближнем Востоке национализм, идейно и политически оформивший стремление к обретению национальной государственности, национально-освободительные движения породили политические организации с собственными военными структурами, которые были призваны реализовать национальные задачи. Таких негосударственных акторов на Ближнем Востоке было много: Фронт национального освобождения в Алжире, целью которого было вооруженное освобождение страны; военные структуры еврейской общины в Палестине (Хагана, Пальмах, ЭЦЕЛЬ, Лехи), боровшиеся за отмену британского мандата и независимость; Народный фронт освобождения оккупированного Южного Йемена; Организация освобождения Палестины, имевшая в своем составе военизированные формирования и осуществлявшая операции против Израиля. Они участвовали в асимметричных конфликтах и противостояли регулярным армиям. Почти все эти организации прибегали к террористическим и диверсионным методам,

широко использовали военное давление. Многие из них вдохновлялись социалистическими и марксистскими идеями, что превращало их в «исторических союзников» СССР.

В современном мире функции и статус негосударственных акторов часто оказываются гораздо менее определенными, чем прежде. Самостоятельность «негосударственников» не исключает их связей с государственными структурами и поддержки последних. Теоретические подходы к этой теме все больше отличает движение к некой перспективе смешения различных акторов в отличие от привычных взглядов на международные отношения как базирующиеся на сосуществовании государств и негосударственных акторов².

Все большая фрагментация участников международных отношений, их оформление в качестве самостоятельных субъектов является помимо общих, связанных с глобализацией причин результатом развития событий на региональном и/или страновом уровне. Многочисленные конфликты обеспечивают вовлеченным в них организациям и группам влияние на политику в масштабе, намного превосходящем их собственные относительно скромные возможности. В качестве сторон конфликта они приобретают известность, статус и ресурсы.

Можно вспомнить, как в результате гражданской войны и прихода к власти талибов в Афганистане возникла серая зона, где готовились боевики, базировались экстремистские организации, было налажено массовое производство наркотиков и т. п. До сих пор

² Подробно см.: Geeraerts G. *Analyzing Non-State Actors in World Politics*. Pole Paper Series. vol. 1, N4, 1995. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/polepapers/pole0104.htm>.

управляемость территории не обеспечена, сохраняется власть отдельных полевых командиров, напряженные межплеменные отношения, увеличено производство наркотиков, продолжается усиление экстремистских и террористических группировок. Тот же вывод можно сделать в отношении Ливии, Сирии, Ирака, Йемена, лишившихся системы управления и ставших жертвами общественного раскола и внешнего вмешательства.

На Ближнем Востоке активны многочисленные вооруженные негосударственные акторы. Среди них джихадистские группы типа Аль-Каиды, ДАИШ, ан-Нусры; ополчения, действующие в рамках государственных границ Сирии, Ливии, Ирака и не разделяющие транснациональную идеологию джихадистов; полувоенные формирования, пытающиеся одновременно быть частью политической системы и сохранять свою военную автономию, рассматривая силовой элемент как главную гарантию своего политического участия.

«Ополчения представляют угрозу, если они заполняют функциональное пространство, оставленное государством, тем самым еще больше бросая вызов легитимности государства. Это может привести к конфликту, так как ополчения не поддерживают государственные институты, потому что их лояльность направлена на собственную группировку. Кроме того, вооруженные группировки в Ираке, например, имеют связи по всему региону, особенно с Ираном, они в основе являются субнациональными организациями, которые сформировались для того, чтобы защищать определенные группы. Однако они используют насилие не только для обороны

или защиты, но также в наступательном плане против соперников и конфессиональных врагов»³.

В конфликтных ситуациях грань между негосударственным и государственным игроком часто условна и подвижна. В ходе конфликта происходит изменение ролевых функций – независимые и незаконные военные группировки становятся частью милиции, вооруженных сил, а затем снова порывают с ними. Полевые командиры сотрудничают с официальными структурами до тех пор, пока им это выгодно, а затем могут обратить оружие против них.

Идеология vs интересы. В традиционном обществе идейные установки (националистические или исламистские) тесно связаны с защитой локальных, этнических или конфессиональных интересов. Идеологию монополизировать отдельные игроки для собственных нужд – защиты или освобождения считающейся исторически своей территории, мобилизации этноконфессиональных групп. Так, использовавшие демократическую лексику ССА или курдская партия Демократический союз в Сирии боролись за усиление политического влияния суннитской и курдской общин соответственно за выполнение их требований, а не за построение демократического государства.

Размытость идеологий и их кризис – результат глобализации, в том числе доступности и открытости информационного пространства. Кризис идеологий, когда-то бывших атрибутами структурированных обществ модерна, не означает отказа от идейных исканий, от возрождения, казалось, обветшалых истин. В этой связи происходящие на Западе социальные

³ O'Driscoll D., van Zoonen D. *The Hashd al-Shaabi and Iraq Subnationalism and the State*. Erbil: MERI, March 2017. P. 14. URL: <http://www.meri-k.org/wp-content/uploads/2017/03/PMF-Report-0.2.pdf>.

выступления и столкновения можно рассматривать как запрос на изменения, который способствует возрождению наиболее радикальных левых и ультра-националистических правых идей. В Арабском мире на такой запрос, трансформировавшийся в требования справедливости, ответ чаще всего стремится дать политический ислам, хотя светские идеологии по-прежнему имеют приверженцев.

В 1950–1960-е годы в завершающий период анти-колониальной борьбы и установления новых режимов в странах Азии и Африки различные общественные группы тяготели к популярным левым идеям. Не случайно, например, что одним из факторов (хотя далеко не единственным), способствовавшим в этот период сближению Израиля и освободившихся государств Африки был социализм, из которого черпали идеи и левосионистские лидеры и представители молодого поколения революционной африканской элиты. Результаты их освоения были при этом абсолютно различны и зависели от уровня политической культуры общества, а не от желания отдельных руководителей.

Светская идеология в интерпретации элит развивающихся государств упрощалась, адаптировалась под их непосредственные нужды, становилась инструментом во внутренней борьбе. Так, по рассказам очевидцев, в Южном Йемене (НДРЮЙ), где было особенно сильно влияние СССР и где существовала даже Высшая партийная школа для местных кадров, инструментализм в использовании ими марксизма вызывал удивление. Например, в борьбе против религиозных предрассудков местных мулл сажали в тюрьму и заставляли читать произведения классиков марксизма-ленинизма.

В современных внутренних конфликтах трудно ожидать появления массовой спаянной общими идеями оппозиции. Более того, в затянувшемся конфликте участие в вооруженных группировках создает для индивида дополнительную идентичность помимо этнической, конфессиональной, территориальной или племенной, что может способствовать обострению противостояния. Группы, сложившиеся на основе общей идентичности и социальной принадлежности, тяготеют к созданию жестко не связанных коалиций для сдерживания общего врага. Такие объединения остаются хрупкими и при первой же возможности рассыпаются для создания меньшей, но более сплоченной и эффективной коалиции.

Сама природа негосударственных акторов, каждый из которых имеет собственную повестку дня, не способствует их консолидации. Их численность может серьезно меняться в зависимости от военной конъюнктуры и потребности в ресурсах, но в целом ни процессы слияния, ни дальнейшее дробление, как правило, не влияют на общую идейно-политическую конфигурацию оппозиционных сил. По свидетельству российского исследователя В.М. Ахмедова, в 2012 г. в Сирии на стороне оппозиции воевало около 12 тыс. военных группировок. К концу 2016 г. их численность серьезно сократилась: часть присоединилась к более радикальным и мощным движениям, часть была уничтожена в ходе боев. Параллельно возникали новые формирования, представленные ССА и курдскими отрядами. К началу 2017 г. в Сирии было 100–200 вооруженных группировок оппозиции (включая ДАИШ и ан-Нусру), у которых под ружьем было

не менее 70 тыс. хорошо вооруженных профессиональных бойцов⁴.

При таком разнообразии, нередко взаимоисключающих целях и соперничестве столкновения внутри оппозиционных сил могут стать своего рода рутиной. Сирийский конфликт дает немало тому примеров, но он не является исключением. Так, в иракском конфликте Курдская демократическая партия и Патриотический союз Курдистана даже сотрудничали со своими общими противниками – Саддамом Хусейном и Ираном – в стремлении уничтожить друг друга⁵. Причин для столкновений внутри вооруженной оппозиции может быть много, но в целом они сводятся к нескольким основным – борьба за сокращающиеся финансовые и людские ресурсы; попытки предотвращения будущих угроз со стороны усиливающейся группировки, противостояние экзистенциальным угрозам; общее недоверие, несмотря на наличие коалиционного соглашения, и отсутствие сдерживающих механизмов⁶.

Феномен полевых командиров. Полевые командиры в соответствии с определением, предложенным профессором Колумбийского университета Кимберли Мартен, – «это индивидуумы, которые контролируют небольшие территории, используя комбинацию силы и патронажа»⁷. В английском языке существует очень точное слово для их обозначения “warlords”, которое

⁴ Akhmedov V. *The Syrian Conflict: Is There Light at the End of the Tunnel?* Berlin: Dialogue of Civilizations Research Institute, May 2, 2017. P. 7.

⁵ Hatahet Sinan. *Infighting among the Syrian Opposition*. Istanbul: Al Sharq Forum, July 2017. P. 5.

⁶ См.: Hatahet Sinan. *Op. cit.*

⁷ Marten Kimberly. *Warlords. Strong-Arm Brokers in Weak States*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2012. P. 3.

несколько меняет смысл в русском переводе. Это своего рода военные повелители, получившие власть и влияние на развалинах ослабленного государства за счет участия в вооруженных столкновениях. Их функции по защите контролируемой территории и обеспечению нужд оказавшегося на ней населения в сочетании с войной всех против всех породили достаточно модное утверждение о новом Средневековье на Арабском Востоке, в Афганистане и в других охваченных конфликтами регионах. Никакого отката к Средневековью и даже к более поздним историческим эпохам не произошло, хотя порой трудно отказаться от некоторых исторических реминисценций, от сходства давно ушедших лидеров и применявшихся ими инструментов установления власти с нынешними «воителями» и их тактикой.

Так, «с 1776 по 1832 г. Палестина была вотчиной не подчинявшихся Порте турецких пашей, сделавших своей столицей крепость Акко. Среди них, безусловно, выделялся Ахмед Джаззар-паша... Он фактически создал свою микроимперию по образу и подобию Османской империи. У него была своя армия, набранная из уголовников и головорезов, не имевших родины и признававших только власть денег. Благодаря этой армии, подкупам разных должностных лиц, многочисленным осведомителям, разжиганию междоусобиц среди племен, жесточайшему подавлению всех проявлений недовольства на удерживаемой территории Джаззар-паша правил 29 лет»⁸.

В современных конфликтах при условии внутреннего противостояния активизировались традиционные структуры, которые обеспечивают населению возможность выживания. В Афганистане неформальный

⁸ Федорченко А.В., Крылов А.В., Морозов В.М. *Государство Палестина: право на будущее*. М.: МГИМО(У), 2017.

институт полевых командиров был и остается неотъемлемой частью его общества, когда традиционные лидеры (вожди племен) вставали во главе собственных вооруженных формирований и обладали реальной властью на подконтрольных территориях⁹. В Ливии, Йемене, Ираке племенные организации всегда были важной частью местного политического и военного ландшафта.

Феномен полевых командиров и их активность обусловлены тем, что они существуют внутри государств и паразитируют на их ресурсах. Любая патронажная система, выстроенная на военной силе, представляет угрозу государству. Тем более такая, где командиры широко используют нелегальный бизнес (наркотики, торговлю оружием и проч.), коррумпируют местную бюрократию, открыто нарушая установленные законы. Они поддерживают связи и с иностранными державами, которые по своим соображениям порой готовы воспользоваться их услугами. Речь может идти об охране коммуникаций и транспортных караванов, о предоставлении необходимых сведений разведке и, наконец, о получении политических преимуществ.

Слабое государство в условиях фрагментированного общества удерживается на плаву в результате различного рода сделок с имеющими власть и влияние территориальными и/или криминальными лидерами. Так, Саддам Хусейн (а он был вовсе не исключением) поддерживал отдельные вооруженные группировки, в том числе племенные, представители его служб безопасности имели с ними собственные связи. По мнению

⁹ Дьякова М.А. Конфессиональный фактор во внешней политике государства (на примере Афганистана) // *Вестник Новгородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. Т. 1. № 6. С. 366.

Кимберли Мартен, США после вторжения в Ирак в 2003 г. способствовали их укреплению, став своего рода клеем, который удерживал постсаддамовские ополчения¹⁰. И это было не случайно. Пребывание американских войск в Ираке могло бы сопровождаться гораздо большими потерями, если бы командование не нашло подходов к местным «властителям».

Модель поведения полевых командиров может быть использована отдельными политическими или военными деятелями в условиях фрагментации официальных структур и продолжающейся борьбы за власть. Такого рода ситуация сложилась, в частности, в Ливии, где существует признанное ООН правительство во главе с Фаизом Сарраджем в Триполи и Палата представителей в Тобруке, которая противостоит правительству. Яркой фигурой в этом военно-политическом раскладе являлся маршал Халиф Хафтар, связанный с Тобруком и контролирующий северо-восточные районы страны (Бенгази и др.).

Хафтар был одним из командующих армии Каддафи во время ливийско-чадского конфликта. Когда он попал в плен, Каддафи от него отсекся и стал для Хафтара злейшим врагом. После освобождения Хафтар уехал в США, где прожил около 20 лет. Еще в 1996 г. он примкнул к тем, кто пытался поднять мятеж против Каддафи на юге Ливии, а следующую самостоятельную попытку предпринял уже в 2011 г.

«Благодаря старым связям и поддержке США Хафтар быстро влился в революционное движение и стал третьим по важности человеком в “Национально-освободительной армии Ливии”, воюющей с режимом Каддафи. Однако недоверие со стороны Переходного

¹⁰ Marten Kimberly. Op. cit. P. 140.

национального совета Ливии/Всеобщего национального совета заставило его “пойти своим путем”... Хафтар выступил на стороне Тобрука, возглавив “Ливийскую национальную армию”...»¹¹.

Название «Национальная армия» условно, поскольку в отсутствие единого правительства созданные Хафтаром вооруженные силы ассоциируются лишь с одним из противостоящих лагерей. Наличие военной организации является для него важнейшим ресурсом и источником легитимации: с ним встречаются представители ведущих иностранных держав¹². По сути, несмотря на свою активность и влияние, он оставался в 2017 г. «военным правителем», опирающимся на вооруженную силу и контролирующим «собственную» территорию.

Боевики и управленцы. В условиях кризиса негосударственные акторы берут на себя наряду с военными и управленческие функции, становятся частью местного управления (Хайят Тахрир аль-Шам), возглавляют квазиправительства в отсутствие государственности (ХАМАС) и даже претендуют на собственное государственное строительство (ДАИШ).

¹¹ URL: <http://www.vz.ru/world/2017/1/30/855549.html>.

¹² Имели место и контакты с Россией. По словам главы российской контактной группы по Ливии Льва Деньгова, «часто пишут и говорят о том, что Москва активно поддерживает Хафтара, многие в это верят. Мы столкнулись с этой ситуацией, когда были в Мисурате (где действуют свои вооруженные группировки. – И. З.), а Хафтар именно в этот день поднимался на борт российского авианосца “Адмирал Кузнецов”. Это было совпадение. Но в Мисурате в совпадение не верили... Но наша задача заключается как раз в том, чтобы показать: мы не поддерживаем только Хафтара, мы ведем диалог со всеми ключевыми участниками конфликта в Ливии». «В Ливии мы не хотим ассоциироваться ни с одной из сторон конфликта». Глава российской контактной группы по Ливии Лев Деньгов – о планах Москвы по примирению Триполи и Тобрука. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3374208>.

Можно выделить два основных типа негосударственных вооруженных акторов. Первая группа – движения и организации, чье формирование и укрепление связаны со слабостью государства, не способного обеспечить безопасность своих граждан и социальные обязательства перед ними, либо с его распадом. Население вынуждено вооружаться, чтобы выжить в сложных обстоятельствах, ищет возможности присоединиться к любым, даже наиболее радикальным силам, ассоциация с которыми дает надежду на защиту. Появление второй группы акторов связано с отсутствием государства, когда его функции пытаются взять на себя отдельные организации, способные предложить привлекательную повестку дня и обеспечить высокий уровень мобилизации.

Одна и та же организация может рассматриваться как государственная и негосударственная одновременно. Например, Хизбалла, созданная в 1982 г. на базе шиитской общины Ливана, начала принимать активное участие в политической жизни страны с 1992 г., когда она впервые завоевала места в парламенте. Позже ее представители получили министерские посты, причем постепенно приобрели своего рода «контрольный пакет». В 2011 г. в сформированном после кризиса ливанском правительстве представители Хизбаллы «получили 18 мест из 30 и заручились поддержкой выдвинутого ими премьера Наджиба Микати, у людей которого было семь министерских портфелей. Для принятия любого решения в ливанском правительстве требуется две трети голосов министров, то есть 20. Таким образом, при голосовании у коалиции будет еще пять голосов в запасе»¹³.

¹³ Все на фронт. Правительство Ливана стало филиалом «Хизбаллы». URL: <https://lenta.ru/articles/2011/06/15/hizballah/>.

На президентских выборах в 2016 г. ее поддержка была важным фактором, обеспечившим победу христианину-марониту Мишелю Ауну. В Иране, тесно связанном с Хизбаллой, президентские выборы назвали «великим триумфом Исламского движения сопротивления в Ливане, а также иранских союзников и друзей». По словам Али Акбара Велаяти, советника духовного лидера, избрание Ауна было «выдающимся достижением» Хизбаллы¹⁴.

Являясь важным политическим игроком в Ливане, Хизбалла обладает большим военным потенциалом и зарекомендовала себя как гораздо более эффективная военная организация, чем ливанская армия, что в рамках суверенного государства вряд ли может считаться нормой. По оценке израильских источников, Хизбалла располагает 45 тыс. боевиков, включая 21 тыс. на активной службе, и 100 тыс. ракет, точность которых постоянно повышается. Тысячи этих ракет – большого радиуса действия. В Израиле неоднократно высказывались опасения, что в следующей войне Хизбалла противопоставит израильским ВВС современные системы ПВО. Вывод из этих алармистских оценок был ожидаем: «Мы во всех отношениях имеем дело с армией»¹⁵.

Хизбалла имеет собственный бизнес, отлаженные связи с иностранными партнерами. Она неоднократно самостоятельно принимала решения о войне и мире, участвуя в столкновениях и войнах с израильской армией, приводивших к серьезным последствиям для Ливана. Она предлагала свои услуги «на экспорт». Как известно, Хизбалла не получала официального мандата ливанского правительства на ведение боевых

¹⁴ Lebanon: Michel Aoun elected president, ending two-year stalemate. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-37821597>.

¹⁵ URL: http://mignews.com/news/politic/060416_192016_56802.html/.

действий в Сирии на стороне правительства Асада, и на сирийском фронте она выступает в качестве негосударственного игрока. Более того, Хизбаллу, имеющую официальный статус и позиции в Ливане в качестве политической партии, признали террористической организацией не только на Западе, но и в Арабском мире (Египет, государства Персидского залива, Лига арабских государств), что отражает шиитско-суннитский раскол и отрицательное отношение многих арабских государств к Ирану, давнему союзнику Хизбаллы.

Если Ливан – государство со слабыми институтами, что является важным стимулом и причиной появления негосударственных акторов, то ХАМАС (Исламское движение сопротивления) дает пример квазигосударственной структуры. ХАМАС и сходные с ним организации и движения эффективно замещают государство на общинном уровне, обеспечивая военное сопротивление и выполняя социальные функции.

Движение было основано в начале 1988 г. в Газе шейхом Ахмедом Ясином на основе организации «Аль-Муджамма аль-ислами» (Исламское объединение), выросшей на идеологии «Братьев-мусульман». Разделяя общую стратегию этой организации на усиление влияния ислама в качестве пути к созданию исламского государства, ХАМАС в отличие от «Аль-Муджамма аль-ислами» активно включилось в борьбу против израильской оккупации. В идеологии ХАМАС задачи исламизации и вооруженного сопротивления оказались совмещены. Рождение и укрепление ХАМАС отражало глубинные процессы, шедшие в Арабском мире. В идеологическом плане «взлет ХАМАС как активной и важной силы в палестинской политике был частью регионального феномена кризиса светскости, в контексте которого арабский и палестинский национализм

стал утрачивать позиции, а исламизм – укрепляться. Палестинский пример – всего лишь один элемент этого более широкого феномена»¹⁶. В практическом плане интифада Аль-Акса, начавшаяся в конце 1990-х годов, в которой главную роль играли подготовленные исламистами террористы-смертники, превратила ХАМАС в мощного военно-политического игрока.

Ранее противостояние на межрелигиозной почве не было главной характеристикой палестино-израильского конфликта. Основные палестинские организации были представлены светскими националистами, которые почти не использовали религиозные лозунги в качестве инструмента военно-политической борьбы. Тем не менее радикальные исламистские организации смогли придать более высокие смыслы сопротивлению. За время интифады произошла героизация терроризма. Семьи молодых «мучеников-шахидов» стали объектом всеобщего внимания и уважения. Свою роль играла и финансовая поддержка. В 2001 г. основатель ХАМАС шейх А. Ясин утверждал, что его организация ежемесячно выдает от двух до трех миллионов долларов родственникам погибших «шахидов» и заключенных в израильских тюрьмах. Сумма такого пособия составляет от 500 до 5000 долл., причем, кроме этого, ежемесячно выплачивается приблизительно 100 долл. По информации, поступившей к израильтянам, семьи террористов из ХАМАС, как правило, получают более высокие пособия, чем семьи не принадлежащих к организации террористов¹⁷.

¹⁶ Susser A. *The Rise of HAMAS in Palestine and the Crisis of Secularism in the Arab World*. Brandeis University. Crown Center for Middle East Studies, 2010. P. 1.

¹⁷ Levitt M. *HAMAS: Politics, Charity and Terrorism in the Service of Jihad*. New Haven and London: Yale University Press, the Washington Institute

В 2005 г. израильское правительство приняло решение о выводе израильских поселений и армии из Газы. Эвакуировав поселенцев и сломив их сопротивление и сопротивление сочувствовавшего им Поселенческого совета, израильское правительство оставило население Газы на произвол судьбы. Фактически оно оказалось в замкнутом пространстве заблокированным израильскими блокпостами и лишенным возможности нормального проезда на Западный берег. При этом граница с Египтом далеко не всегда работала в нормальном режиме. В этом переполненном эмоциями и отчаянием котле у умеренных политиков оставалось немного шансов. Они не могли предложить ничего кроме опробованных рецептов и примелькавших лиц. А ХАМАС делало упор на простую логику: палестинцы-смертники вынудили Израиль уйти из Газы, и надо только усиливать давление.

В январе 2006 г. движение одержало победу на демократических выборах в Палестинской автономии. Формула США и государств ЕС «сначала демократия» разбилась о нерешенные социальные проблемы и отсутствие поддержки либеральных ценностей в местных обществах. Организации, выдвигавшие лозунги бескомпромиссной борьбы с Израилем, почти автоматически получали поддержку разочарованного и униженного избирателя, а в условиях прозрачных выборов подкорректировать их результаты было практически невозможно. Сказалась слабость светского палестинского руководства, утратившего в ходе палестинского восстания инициативу и контроль и ставшего предметом справедливой критики избирателей в связи с коррупцией и неумелым

менеджментом. С 2007 г. ХАМАС после кровопролитных столкновений с ФАТХ обеспечило себе возможность единоличного правления в Газе.

Исламистские организации, ставшие драйверами формирования общественных предпочтений, нередко называют «активистскими». Они пользуются широкой массовой поддержкой, но эту массовость необходимо постоянно завоевывать. Использование вооруженного насилия, и в том числе террористических методов, является для них демонстрацией движения в сторону реализации декларируемых ими максималистских целей. Отсутствие прогресса делает их еще более зависимыми от поддержки местного населения. «Именно в этой острой жизненной необходимости обеспечивать себе такую поддержку кроется, – по мнению российского исследователя Е. Степановой, – более прагматическое объяснение широкой социальной и гуманитарной активности исламистских движений типа ХАМАС»¹⁸.

ХАМАС, которое в отличие от своих оппонентов в ФАТХ позиционировало себя как исключительно честное, не замешанное в коррупционных скандалах движение, уделяло много внимания предоставлению образовательных, благотворительных услуг, помогало обеспечивать занятость, в том числе среди женщин, справедливо полагая, что роль женщин в семье может быть использована как ресурс для усиления идеологического воздействия на общество. 6 из 74 депутатов от ХАМАС, избранных в 2006 г., – женщины. Для арабских государств это некая средняя величина, которая не имеет отношения к степени демократичности режима. Например, если в Тунисе процент

¹⁸ Степанова Е. *Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты*. М.: Научная книга, 2010. С. 139.

женщин в парламенте составлял 31,3%, в Ираке – 25,3, в Египте – 14, в Кувейте и Ливане соответственно по 3,1, в Омане – 1,2, а в Катаре – 0%, то результат ХАМАС можно было считать вполне приемлемым¹⁹.

«Мы руководим фабриками и фермами, – сказала депутат – преподавательница исламского университета Газы Джамилааш-Шанти, – мы присутствуем в обществе всюду»²⁰. На самом деле в ХАМАС не отказывались от традиционного отношения к женщине, а после победы на выборах – от прессинга палестинских интеллектуалов в Газе, нажима на местную культурную элиту.

В 10-ю годовщину своего правления ХАМАС оказалось в сложном положении. Оно не смогло решить острые проблемы жителей Газы и сдержать их дальнейшее обострение с учетом израильской блокады. В вышедшем в 2017 г. очередном докладе ООН говорится о проблемах жителей сектора Газы в сфере занятости, здравоохранения и экологии.

«По сравнению с 2012 г. ситуация в секторе ухудшилась. Реальный ВВП на душу населения в Газе сократился, растет спрос на медицинскую помощь, однако услуги в этой сфере сокращаются. Постоянная международная помощь замедляет наступление полного коллапса, но негативная тенденция продолжается. Если не предпринять мер, то к 2020 г. будет полностью истощен единственный источник пресной воды в Газе. Уже сегодня жители сектора испытывают серьезные перебои с поставками воды и электричества. В Газу подавалось не более 90 МВт электроэнергии, тогда как для

¹⁹ *Women in Power*. Data compiled by the Inter-Parliamentary Union on the basis of information provided by National Parliaments by 1st July 2017. URL: <http://www.ipu.org/WMN-e/classif.htm>.

²⁰ URL: http://studbooks.net/553190/politologiya/uchastie_zhenschin-musulmanok_v_politike_i_obschestvennoy_zhizni.

удовлетворения спроса требуется более 450 МВт. Эксперты отмечают, что нехватка электричества – наиболее заметный аспект ухудшения условий жизни в Газе. Есть множество других хронических и острых проблем, которые уже стали частью “нормальной” жизни в Газе²¹.

Прямой корреляции между социально-экономической ситуацией и поддержкой ХАМАС со стороны местного населения нет. Идеи и лозунги сопротивления в условиях сохраняющегося и периодически обостряющегося конфликта остаются главным мобилизирующим фактором, который по символической значимости оказывается для многих несравненно выше простого стремления к налаженной жизни. Тот, кто не видит перспектив, пытается вырваться из Газы. Тот, кто остается, ищет смысл существования в священной борьбе, ради которой можно и нужно с готовностью идти на лишения.

Тем не менее с точки зрения идеологии положение ХАМАС не безоблачно. В настоящее время на одном с ним исламистском поле в Газе действуют куда более радикальные и непримиримые группы джихадистов, идейно связанные с Аль-Каидой. В основном эти группировки представлены местными палестинцами, хотя и было зафиксировано проникновение с территории Египта боевиков, вернувшихся из Ирака, но их число было минимально. К джихадистам примкнули как разочаровавшиеся в политике ХАМАС бывшие участники движения, так и отдельные представители ФАТХ, ставящие под вопрос эффективность проводимого ПНА курса. Их главные претензии к ХАМАС

²¹ Информационный центр ООН в Москве. URL: <http://www.unic.ru/event/2017-07-11/v-mire/tyazheleishee-sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-v-gaze-posledstvie-10-letn>.

заключались в том, что движение недостаточно активно воевало с Израилем, не проявило настойчивости по внедрению шариата и созданию основ для провозглашения в будущем халифата. По скромным оценкам, численность боевиков-джихадистов составляла в Газе в 2010–2011 гг. 2,5–3 тыс. человек²².

Среди организаций джихадистского толка заметную роль в Газе играла «Джейш-аль-ислам», созданная в 2006 г. бывшим членом Комитета народного сопротивления²³ Мумтазом Дугмушем, представляющим влиятельный клан Дугмуш в Газе, а также «Джейш аль-умма», основанная в 2007 г. Помимо них упоминали организацию «Джунд Ансар Аллах», созданную в 2008 г. в Рафахе, и «Джалджалат», возглавляемую одним из лидеров военного крыла ХАМАС²⁴. Не все вышеперечисленные организации можно было назвать организациями в привычном смысле слова. Это были ячейки боевиков, не связанные жесткой дисциплиной и подчинением лидеру. Однако такого рода структуры пытались бросить политический вызов ХАМАС и представляли военную угрозу. Были зафиксированы случаи столкновений, диверсионных действий и т. п.

Идеология джихадистов находила поддержку у части палестинцев. В этой связи можно было бы полагать, что ХАМАС, ориентируясь на настроения электората, будет вынуждено начать дрейф в сторону

²² Berti B. HAMAS's Internal Challenge: The Political and Ideological Impact of Violent Salafist Groups in Gaza // *Strategic Assessment*, Vol. 14, No. 2, July 2011 (INSS). P. 74–75.

²³ Комитет народного сопротивления был основан в 2000 г. В него входят преимущественно бывшие члены ФАТХ и Танзим, а также Бригад мучеников Аль-Аксы.

²⁴ Berti B. Op. cit. P. 77.

более жестких позиций, идейно завязанных на политическом исламе. Однако этого не произошло. Дело в углублении идейной фрагментации палестинского общества, где на фоне радикализации существенно возросло число жителей, глубоко разочарованных исламистским правлением в Газе. Это не могло не отразиться и на подходах к общей идее строительства исламского государства. Создание исламского государства, основанного на законах шариата, поддерживают в секторе Газа всего 0,2% избирателей²⁵.

Лидеры ХАМАС, почувствовав изменившуюся конъюнктуру, сделали крен в своих политических установках в сторону национализма. Так, в принятом в начале мая 2017 г. новом заявлении о принципах руководство ХАМАС продемонстрировало скорее прагматизм, чем желание плыть по волнам незамутненной исламистской утопии.

«Основная разница между обновленным заявлением о принципах и хартией – это акцент на национальном палестинском компоненте в отличие от исламского аспекта... Перенос центра тяжести с религии на палестинский национализм очевиден в определении, которое дает документ Палестине как “земле и месту рождения палестинского народа”, в то время как хартия описывает Палестину, используя религиозные термины “священной исламской земли”»²⁶.

Обновленные принципы отразили, как представляется, пройденный ХАМАС путь в качестве квазиправительства, желание его руководства превратить

²⁵ *The Jerusalem Media and Communications Centre*. Poll No. 89, February 2017. P. 9.

²⁶ Dekel U. *Hamas's New Statement of Principles: A Political Opportunity for Israel?* INSS Insight No. 928, May 14, 2017. URL: <http://www.inss.org.il/publication/hamass-new-statement-principles-political-opportunity-israel/>.

«террористическую» организацию в легитимного партнера на любых возможных переговорах по палестинской проблеме. Кроме того, после Арабской весны исламисты и наиболее радикальный их извод – джихадисты – оказались неспособны ответить на ожидания жаждущих перемен и справедливости обществ. На поле боя они были последовательны в своей безжалостности и стремлении победить любой ценой, но при этом и в Сирии и в Ираке ДАИШ было разгромлено силами коалиций. Идеи, разумеется, остались, но безуспешность – плохой способ укрепить влияние. Что касается тех исламистских сил, которые пришли ненадолго к власти в Египте и Тунисе, то их неспособность что-либо изменить также ни для кого не была секретом. Им продолжали сочувствовать, особенно когда египетский президент обрушил на «Братьев-мусульман» сокрушительные удары, но как мученикам, а не как героям, за которыми надо следовать (сказанное не исключает возможности расширения их поддержки в будущем, особенно среди молодежи). Возможно, лидеры ХАМАС, генетически связанного с «Братьями-мусульманами», не могли не учесть этот урок. В конечном итоге в октябре 2017 г. ими было принято решение о создании правительства Национального единства с ФАТХ, которое будет контролировать Западный берег и Газу²⁷. Устойчивость этой договоренности, которой по своим соображениям содействовали многие государства региона, будет зависеть от слишком многих обстоятельств.

Примером совмещения военных и управленческих функций являлась деятельность «Хайят Тахрир аль-Шам» (ХТШ). Группа возникла 28 января 2017 г.

²⁷ URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/10/13_a_10930646.shtml.

в результате объединения «Джабхат Фатх аль-Шам» (новое название террористической организации «Джабхат ан-Нусра») и нескольких радикальных менее известных групп. Часть сторонников «Хайят Тахрир аль-Шам» присоединились к новому объединению в индивидуальном порядке. В его рядах, по имеющимся оценкам, в начале 2017 г. было от 19 до 20 тыс. человек, включая не только боевиков, но и администраторов и религиозных деятелей²⁸. Район деятельности джихадистов был достаточно обширен, включая Идлиб, восточную Гуту и провинцию Дераа. Поскольку Ан-Нусра официально признана международным сообществом террористической организацией, переговоры с ней не ведутся и при установлении режима прекращения огня боевые действия против нее не прекращались.

В отличие от ДАИШ Ан-Нусра (вне зависимости от названия) позиционировала себя как местная сила, ведущая борьбу против Асада, что обеспечивало ей более активную поддержку оппозиционно настроенной части населения. Ее генетические связи с Аль-Каидой позволяли некоторым наблюдателям сделать вывод, что военный разгром ДАИШ косвенно способствовал укреплению Аль-Каиды в Сирии. В данном случае представляет интерес вопрос о том, какие средства использовали джихадисты в Сирии, чтобы закрепиться на территориях за счет активного участия в их администрировании. Сохраняя и усиливая свои боевые бригады, они одновременно предоставляли услуги населению, координируя свою деятельность с местными советами, представляющими собой

²⁸ Al Dassouky A. *The Role of Jihadi Movements in Syrian Local Governance: A Case Study of Hay'at Tahrir al-Sham in Idlib*. Omran for Strategic Studies: July 14, 2017. P. 6.

муниципальное управление. Судя по всему, тактика у различных джихадистских организаций была различной. Одни делали упор на идеологию, полагая, что мощная обработка населения обеспечит им необходимую лояльность и поддержку. Другие предпочитали демонстрировать свою незаменимость за счет предоставления таких услуг, которые местные советы были не в силах предоставить.

Изучением управленческой тактики Ан-Нусры занимался сотрудник созданного в Турции аналитического центра Омран Айман Аль-Дассуки. По его свидетельству, «ХТШ старается сдерживать работу местных советов и внедрить туда своих представителей, используя их в качестве инструментов постоянного присутствия в регионе. ХТШ прибегает к этой стратегии на территориях, где у нее есть полный контроль и военное преимущество. Она также использует эту тактику в тех районах, где у нее нет ресурсов для осуществления контроля над административными структурами, которые предоставляют местные услуги. В тех местах, где у ХТШ есть сильная поддержка, таких как сельские районы Идлиба, организация усиливает давление на местные советы, особенно в тех случаях, когда они неэффективны. Там, где организация добилась полного контроля над территорией и не сталкивалась с серьезным сопротивлением, ХТШ прекращала деятельность всех местных советов и заменяла их собственными структурами»²⁹. Например, в провинции Идлиб действовали администрация по гражданским услугам от «Джейш аль-Фатх»; комитет организации услуг «Ахрар аль-Шам», генеральная администрация услуг ХТШ, отделения по предоставлению услуг

²⁹ Al Dassouky A. Op. cit. P. 14.

временного правительства, а также местные советы и другие общественные организации. Всего на начало 2017 г. в Идлибе действовало 156 малых местных советов³⁰.

Иными словами, ХТШ и подобные ей организации не только вели боевые действия за расширение подконтрольной территории, но заранее создавали управленческие структуры или, по крайней мере, знали, как это делается и какие кадры для этого нужны. Они выступали серьезными конкурентами местных советов, постепенно вытесняли их или дополняли своими структурами. Поскольку у них не было возможности обеспечить весь комплекс необходимых услуг, они сосредоточивались на наиболее необходимых, таких как электричество и вода, и ставили эти ресурсы под свой контроль.

Государство в отсутствие государственности: феномен ПНА. Светская часть палестинского движения, его основная организация ООП, возглавляемая ФАТХ, представлена Палестинской национальной администрацией. Формально это тоже негосударственный актор, выполняющий (частично) функции государства. С 2007 г. ПНА управляла частью территорий на Западном берегу реки Иордан, в то время как сектор Газа перешел под контроль ХАМАС.

Как известно, создание ПНА стало возможным в результате соглашений Осло, заключенных между Израилем и ООП. 13 сентября 1993 г. в Вашингтоне была подписана Декларация принципов, предусматривавшая проведение выборов на Западном берегу и в секторе Газа; вывод израильских войск с части оккупированных территорий, прежде всего из сектора

³⁰ Al Dassouky A. Op. cit. P. 11.

Газа и района вокруг Иерихона; начало переговоров о постоянном статусе Западного берега и сектора Газа в течение первых двух лет после подписания соглашения с целью согласования этого статуса и его официального провозглашения к концу пятилетнего переходного периода. На переговорах об окончательном статусе должны были быть рассмотрены базовые проблемы – статус Иерусалима, беженцы, поселения и меры по обеспечению безопасности³¹. В 1994 г. в Газу вернулся Ясир Арафат, а 20 января 1996 г. прошли первые выборы в Совет палестинской администрации.

Международный статус отличает ПНА от всех других порожденных конфликтом негосударственных акторов. 5 января 2013 г. был издан указ председателя ПНА Махмуда Аббаса, предписывающий впредь вместо названия «Палестинская национальная администрация» использовать в официальных целях исключительно название «Государство Палестина». Это объявление было сделано через месяц после того, как ООН признала Палестину государством-наблюдателем, не являющимся членом ООН³². Государство Палестина признано значительным числом государств (по состоянию на сентябрь 2015 г. 136 из 193 государств–членов ООН) и имеет в них свои посольства и представительства. Оно обладает атрибутами государственности – флаг, герб, в нем сформированы органы представительной и законодательной власти. В 1995 г. был издан паспорт для жителей Западного берега и Газы.

Палестинская администрация или правительство Государства Палестина, как она называет себя,

³¹ *Palestinian-Israeli Peace Agreement: A Documentary Record*. Washington D.C.: Institute for Palestine Studies, 1994.

³² URL: <http://alresalah.ps/en/index.php?act=post&id=1562>.

действует на национальном, региональном и местном уровнях, предоставляя населению многочисленные услуги. Система образования работает, школы функционируют, учителям платят зарплату. Существуют частные и общественные клиники и госпитали. Социальная политика – это новые пенсионные фонды, законы о труде, распределение поддержки среди малоимущих. Работают банки, функционируют суды, множится число палестинских юристов, строятся дома и гостиницы³³.

Вместе с тем у Государства Палестины нет официальных границ, его территория представляла собой два анклава, с разными правительствами и даже разными режимами. У него нет армии, хотя есть силы полиции. Израильские военные сохраняют контроль над большей частью Западного берега, Восточный Иерусалим аннексирован Израилем. Палестинское руководство сталкивается со все более серьезными трудностями. В их основе отсутствие прогресса на пути переговоров и все большее разочарование молодого поколения, а также кризис элиты (отражающий в целом глобальные тренды).

Палестинская проблема переживает собственную трансформацию, что неизбежно с учетом десятилетий ее существования. Постепенно все более размытыми становятся перспективы национального самоопределения, подлинной государственности. Вызовом являются проблемы диаспоры, особая роль палестинцев – граждан Израиля, с их разорванной идентичностью, наличием гражданских прав

³³ См.: Baskin Gershon. *Encountering Peace: The Next Palestinian Generation*. <http://www.jpost.com/Opinion/Encountering-peace-The-next-Palestinian-generation-502027>.

и одновременно невозможностью полностью интегрироваться ни в арабское, ни в израильское общество.

Проблема палестинского движения заключается не только в его фрагментарности, о которой уже говорилось выше, но и в том, что меняющиеся мировые направления развития, наполнение новым смыслом старых понятий, например национализма, в условиях кризиса национальных государств требуют новых подходов и новых решений, на которые старое палестинское руководство вряд ли способно.

Процесс демобилизации и фрагментации палестинского общества начался после смерти Арафата, воплощавшего национальную идею. По мнению ряда авторов, социальная и политическая среда на Западном берегу и в Газе, попавшая под влияние кланов и личностей, высветила местные, глубоко укорененные линии напряжения. «Если изгнание сформировало объединяющие палестинцев связи, то на территориях так и не появилось лидеров, способных выстроить поистине национальное предприятие из локальных компонентов. Мощное притяжение местных связей делает почти невозможным для выходца из Хеврона получение народной поддержки в Рамалле, а для выходца из Газы – реального влиятельного голоса на Западном берегу»³⁴.

С палестинским национализмом случилось то же, что и с национальными государствами в Арабском мире. В них так и не появилось единой идентичности, перекрывающей клановые, этнические, племенные идентичности, которые вышли на поверхность

³⁴ Agha Hussein and Khalidi Ahmad Samih. *The End of This Road: The Decline of the Palestinian National Movement*. August 6, 2017. URL: <http://www.newyorker.com/news/news-desk/the-end-of-this-road-the-decline-of-the-palestinian-national-movement>.

в условиях ослабления руководства и государственной машины. Палестинцы пережили взлет национализма, базировавшегося на левых революционных идеях, которые были своего рода плавильным котлом, растворяющим иные идеи и подходы – правые, анархистские, исламистские. Они, разумеется, никуда не исчезали, но были минимизированы в контексте общего националистического тренда с захватывающими социальными горизонтами. Этот национализм ушел в прошлое. Ему на смену пришло строительство собственных институтов – необходимый, но в отсутствие всяких политических перспектив куда менее вдохновляющий процесс, чем сопротивление и борьба за национальное освобождение. «Палестинцам придется понять, что прошлый привычный национализм и “национальное освобождение” – не лучшая валюта для политической мобилизации и самовыражения в современном мире и что им нужно адаптировать свою борьбу и надежды к новым глобальным реалиям»³⁵. Вопрос в том, каковы эти реалии и не будут ли они интерпретированы молодым поколением палестинских лидеров как необходимость возвращения в широкомасштабному вооруженному сопротивлению.

Государство Палестина, выступая как частично признанное государство, даже оставаясь виртуальным и не имея границ, дает возможность ПНА решать ряд политических задач. Обозначая себя как государство и получив существенное международное признание, палестинское руководство смогло несколько выправить всегда имевшуюся и сохраняющуюся асимметрию по отношению к Израилю. Конфликт происходит не между государством и национальным движением,

³⁵ Agha Hussein and Khalidi Ahmad Samih. Op. cit.

а между двумя государствами, хотя одно из них лишь декларировано. Провозглашение государственности в отсутствие таковой было для палестинского лидера Махмуда Аббаса вынужденной мерой, единственным способом добиться «создания» Государства Палестина в отсутствие минимального прогресса на переговорах с Израилем и в отсутствие самих переговоров на протяжении длительного времени.

Негосударственные вооруженные акторы, которые смогли оформиться в условиях внутригосударственных конфликтов, пытаются воспользоваться оставшимися ресурсами государства и внешней поддержкой для того, чтобы добиться для себя легитимации и возможности осуществлять управление и оказывать влияние на население, хотя бы на части этого государства. Разрушая старую государственность, в которой для них не было места, они не имеют осознанного намерения создать и оставить после себя новый хаос. Скорее такие негосударственные акторы стремятся воспроизвести на части территории свою модель государственности, где у них не будет конкурентов в лице старых государственных структур и искушенных политиков. Однако устойчивость политической культуры означает, что выбора, кроме как воспроизводить привычный симбиоз насилия и патронажа, у них нет, да они и сами вряд ли имеют побудительные мотивы для поиска чего-либо иного.

Глава 8

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Вопрос о религиозном измерении многообразных процессов в быстро меняющемся регионе Ближнего Востока, по всей видимости, утратил ту однозначность, которую за ним признавали раньше. Якобы религиозное многообразие обществ региона (а там насчитывают до двух десятков крупных деноминаций, не считая многочисленных ответвлений протестантизма и новых религиозных движений) представляет собой взрывной потенциал, готовый оказывать деструктивное воздействие на социальные и межгосударственные отношения при активизации большого числа факторов. Видимо, теперь этот вопрос требует обновленного подхода и детальной разработки – на нынешнем повороте развития международных отношений и с учетом того нового, что привнесли в сегодняшнюю повестку дня современные глобальные вызовы. Причем в число вызовов входят далеко не только проблемы экстремизма и терроризма, но и набор методов продвижения ведущими державами своих интересов в ключевых регионах мира, не учитывающих интересов обществ-объектов.

Конфессиональная проблематика Ближнего Востока: разное восприятие внутренней логики

Последние полтора десятилетия изменили мир до неузнаваемости, и ближневосточные общества и государства претерпели коренные изменения вместе с остальными обществами и государствами. Давно обогнавший обыденное понимание рост скорости обработки информации, постоянное совершенствование мегадата-центров¹, все более широкое применение спутников околоземной орбиты и беспилотных летательных аппаратов для решения военно-тактических задач и сбора оперативной информации – все это, казалось бы, должно оставить далеко в прошлом рассуждения о стратегической важности учета различий в вероисповедании и национально-культурной самоидентификации жителей Ближневосточного региона. Казалось бы, анализ социально-политического положения стран Ближнего Востока и прогнозирование возможных трансформаций их обществ, государственных систем и самих границ не должен больше исходить из устоявшихся в XX в. исследовательских методов, считавших религиозный фактор определяющим.

Наиболее нетерпеливые сторонники анализа «глобальных трендов»² сквозь призму всеобщей

¹ Strategies for Improving Data Center Efficiency // *AFCOM*, 02.10.2017. URL: https://www.afcom.com/Public/Resource_Center/Articles/Strategies_for_Improving_Data_Center_Efficiency.aspx.

² Или даже глобального проекта, «проектирования глобальной ситуации». См.: Пахомов Ю.Н. Глобализация как явление и как планетарный проект // *Цивилизационная структура современного мира: В 3 т. / Под ред. Ю.Н. Пахомова и Ю.В. Павленко. Т. 2. Макрохристианский мир в эпоху глобализации*. Киев: Наукова думка, 2007. С. 27.

интеграции видят принципиально новые явления не только в социальных отношениях, но и в самих основаниях религиозных чувств и практик. В области культуры, в том числе религиозной, объявляется некая эра «неомодерна», вышедшая из причудливым образом соединенных постмодернизма и постсекуляризма. В своей целостности теологические основы различных религиозных общин, определяющие всестороннее их бытование, будто бы больше не являются актуальными для верующих. Они якобы представляют собой «архаическое содержание» или некие осколки «смыслов», не представимые сегодня без «постмодернистской игры и иронии»³.

Вероятнее всего, ощущаемый разрыв между стремительным развитием событий и их историко-политической рефлексией действительно обнаруживает необходимость переосмысливать ключевые понятия, относящиеся к теории общественного развития и социологии религии, по-новому ставить вопросы соотношения традиции и прогресса, архаики и модерна. Но все же трудно подвергать сомнению действенность основополагающих для ближневосточных обществ религиозно-культурных устоев в их целостности. Видимо, социально-философская деконструкция религиозной жизни мусульманских, христианских, иудейских и иных общин Ближнего Востока, являясь методом постструктурализма, так и не принесет ничего нового в осмысление религиозно-конфессионального фактора в различных областях жизни этих обществ, а возможно, даже уведет исследователя в сторону – к искусственным построениям, имеющим мало общего с реальностью.

³ Кузнецов В.А. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // *Государство, религия, церковь*. 2017. № 3 (35). С. 89.

А действительность пока продолжает ставить вопросы, актуальные еще десятилетия назад, – в той мере, в какой она сама является продуктом их нерешенности в регионе:

- 1) о принципиальной возможности справедливого конфессионального представительства в органах государственного управления (конфессионализм);
- 2) о доле социального протеста в конфессиональных/сектарианских амбициях;
- 3) о природе радикализации под религиозными лозунгами;
- 4) о системных и субъектных факторах разогрева межконфессиональных отношений;
- 5) о сетевых околорелигиозных структурах как несистемных международно-политических факторах;
- 6) о правомерности, наконец, аналитических обобщений в региональном масштабе, касающихся религиозно-конфессиональной солидарности как основы активности, выходящей далеко за собственно политические рамки и вступающей в сферу политико-стратегическую и военную.

Правда, эти вопросы, оставаясь ключевыми, нуждаются в исследовательской парадигме, свободной от наносных и безосновательных исходных посылок. Ответы на них должны предполагать беспристрастный взгляд на факты недавней истории региона и социальных отношений, свободный от ангажированных оценок и штампов.

В свое время многие верные выводы в этом отношении были отражены не только в отечественных

и зарубежных исследованиях, но и в массе доступных сейчас исторических документов. В дипломатических донесениях, закрытых докладах, аналитических записках и интервью современников анализируемых событий нередко имеют место оценки такого рода, что основные линии противостояния в ближневосточных обществах пролегли в плоскости не межконфессиональных отношений, а в экономико-политической. Причем для некоторых стран (Сирия, отчасти Турция) наиболее характерным было противостояние светско-государственное *versus* религиозно-экстремистское, тогда как для других сильнейшим политическим раздражителем являлась национально-политическая проблема.

Так что в нашем случае одним из исходных моментов может выступать многократно доказанный тезис об инструментальном характере религиозно-конфессиональной проблематики в отношении политических, экономических, военных, гуманитарных и других сдвигов в самих ближневосточных обществах. Это, конечно, не означает, что Ближний Восток остается лишь ареной действий внешних игроков и не имеет внутренней логики социальных изменений, в том числе межконфессиональных отношений. Она же, в свою очередь, подвержена в последнее время следующим воздействиям:

- противоположным друг другу региональным процессам интеграции на основе единства целей, приближающихся к религиозным (транснациональное конфессиональное единство, антисионистское «сопротивление»), и внутренней диссоциации обществ, устоявшихся

- в постколониальный период (совсем не обязательно по границам общин);
- миграционным процессам, определяющим необратимые изменения в «религиозной географии» региона;
 - углублению социального расслоения (в том числе внутри конфессиональных общин), усилению недоверия к власти и разочарования (социальной фрустрации), что служит радикализации требований законности по традициям шариата;
 - массовому демонстрационному эффекту «успехов» от применения насилия под религиозными лозунгами, что привело к его экспоненциальному росту в регионе вкупе с антизападными (а также антихристианскими) настроениями у некоторой части населения охваченных войной районов.

В результате описанных воздействий общественные отношения в таких районах изменяются согласно логике «горячей точки»: растет взаимная неприязнь между конфессиональными общинами; накапливается жажда мести за чудовищные преступления, совершенные всеми сторонами; населением владеет страх и усталость, разрушенная инфраструктура и невозможность легального предпринимательства замещаются полукриминальными формами обеспечения, тогда как безопасность гарантируют локальные ополчения – вооруженные группы, действующие по своим «понятиям», окрашенным религиозной риторикой.

«Конфессиональное» политическое участие

Вопрос справедливого конфессионального представительства в органах государственного управления, или политический конфессионализм, остается объектом острых споров политологов⁴, хотя еще в 1980–1990-е годы он объявлялся многими отжившим принципом, который вот-вот уйдет в прошлое. Пусть и неформально, но достаточно стойко этот принцип обнаруживался в Сирии и Ираке, конфессиональные квоты имели место в Египте, Турции и других странах региона. Но наиболее ярким его примером служит, конечно, ливанский конфессионализм, подтягивающий конфессиональные квоты (неофициальные, хотя и существующие с 1943 г.) к изменяющемуся соотношению религиозных общин в стране.

Несмотря на звучавшую жесткую критику, сам по себе конфессионализм как принцип представительства не принадлежит непосредственно к области государственного управления, а поэтому, в отличие от пороков государственной системы, он не связан напрямую с отрицательными последствиями каких-либо социально-экономических и политических решений. Более того, среди арабских стран этот принцип только в Ливане декларируется открыто, и можно предположить, что он является не чем иным, как элементом причудливой, характерной на Ближнем Востоке

⁴ См., например: Mattar M.F. Is Lebanese Confessionalism to Blame? // Choueiri Y.M. (ed.) *Breaking the Cycle: Civil Wars in Lebanon*. London: Stacy International, 2007. 323 p.; Nelson S. Is Lebanon's Confessional System Sustainable? // *Journal of Politics & International Studies*, Summer 2013, Vol. 9. P. 332–387.

только для этой страны модели консоциональной демократии (*consociational democracy*)⁵.

Полярность мнений по ключевым политическим вопросам, присущая не только отдельным общинам (например, локальным маронитским и шиитским, суннитским и друзским и т. д.), но и группам внутри этих общин (например, маронитам – сторонникам Самира Джааджа и клана Шамунов)⁶, не позволяет такой стране, как Ливан, выживать иначе, нежели достижением компромиссов между оппонентами. Отсюда – «согласительный» характер этой политической системы, абсолютно демократической по своей форме.

Арабская весна и социальная турбулентность в ряде арабских стран вызвали тяжелые потрясения в регионе. Страшная война в Сирии повлекла за собой не только хозяйственные и демографические сдвиги, но и спровоцировала перетекание военных действий через сирийско-ливанскую границу. Тем не менее эти факторы не стали для Ливана критичными. Возможно, серьезного анализа заслуживает вопрос, а не стала ли одной из главных причин устойчивости Ливана эта архаичная, во многом полуфеодалная модель консоциональной демократии, предполагающая не один вертикальный (формальный), а множество, так сказать, лучевых властных векторов (реальных)?

Конечно, уникальная ливанская государственная модель не может отождествляться с системой профессионального представительства как принципом,

⁵ Кстати, европейскими примерами этой модели исследователи называют Швейцарию и Нидерланды. См.: Haddad S. Lebanon: From Consociationalism to Conciliation // *Nationalism and Ethnic Politics*, 2009, Vol. 15, No. 3. P. 411.

⁶ Наиболее показательна в этом отношении бурная деятельность маронитского патриарха Бешары Бутроса ар-Раи по примирению разных маронитских партий и кланов.

тем более что в последние десятилетия указанные предполагаемые векторы все меньше охватывают религиозные общины в целом. И все же в основе конфессионализма сохраняется общность вероисповедания, хотя и с большими наслоениями политических связей и общих интересов, не имеющих отношения к этой общности. Саму конфессиональную солидарность, рассматривая ее в политической плоскости, можно в конечном итоге считать одной из форм групповой солидарности, обладающей специфическим набором характеристик.

Конфессиональная принадлежность определяет политическое действие преимущественно в сельской местности. В этом отношении разницу между арабскими городом и деревней отмечали многие исследователи. Традиционно города представляли собой центры перераспределения, которое осуществляли политические элиты. Политологи и социологи Тед Роберт Гарр и Десмонд Кинг особо выделяли этот аспект: «Такие города были центрами религиозной деятельности, которую политическая элита использовала для легитимации своего правления, а также культурной деятельности, отвечавшей пожеланиям элит в сферах отдыха, развлечений и статуса. Города представляли собой стратифицированные и специализированные скопления людей, которые выполняли такие функции для государства и его элиты»⁷. Такой элитоцентричный подход к городам прошлого едва ли адекватно описывает современную ситуацию на Ближнем Востоке, за исключением, пожалуй, продолжающегося инструментального использования религии политическим бомондом.

⁷ Gurr T.R., King D.S. *The State and the City*. L.: Macmillan Education, 1987. P. 28.

Крупный ближневосточный город, например сирийский, как правило, отличается более высоким уровнем толерантности и вообще иным восприятием иноверца, нежели деревня. До сих пор в деревнях сохраняется незыблемым кодекс гостеприимства, имеющий как бедуинское, так и исламское происхождение. Трехдневный период, в течение которого гость не обязан даже ничего о себе сообщать, пользуясь полным обеспечением от хозяев, отнюдь не отменяет, а возможно, даже подчеркивает четкое противопоставление «свой/чужой», где определяющим элементом у арабов из сельских районов является вероисповедание. Жители арабских городов в меньшей степени обособлены внутри своих конфессиональных общин, и если образуют моноконфессиональные анклавов (например, в Бейруте это христианские районы Ашрафие и Синн-эль-Филь с их маронитскими и православными улицами или шиитские Шиях и Харет Хрейк), то их социальные контакты никогда не замыкаются внутри общины и совершенно беспрепятственно включают сограждан иных вер. Различия в этом отношении в конечном итоге сводятся к доминированию традиционных форм внутриобщинной организации и обладающих большой социальной инерцией общественных устоев – у сельских жителей, что отличает их от горожан, у которых обе эти стороны ослаблены в пользу активной социальной коммуникации, в которой границы конфессиональной общины становятся почти прозрачны.

Это наблюдение имеет немаловажное значение при анализе электоральных процессов в ближневосточных государствах, где конфессиональная принадлежность кандидатов нередко бывает строго определена по округам (своего рода квоты). Наибольшие

протесты недостатки такой системы вызывают как раз в сельских (равнинных или горных) районах. Наиболее ярким примером этого снова выступает ливанская система выборов в законодательный орган – однопалатный парламент, Совет депутатов. Так случилось, что последние перед прошедшими в мае 2018 г. выборы проходили в Ливане в 2009 г. Во многих округах тогда имелись районы, где избиратели, скажем сунниты, должны были выбирать между кандидатами-христианами, и наоборот, в ряде районов христиане отдавали свои голоса за кандидатов-мусульман⁸. Такая ситуация заставляла, как минимум, сомневаться в безусловности конфессиональных основ политического участия в Ливане.

Достоинны упоминания сравнительно недавние попытки реформы ливанского избирательного законодательства в сторону еще большего закрепления конфессионализма. Суть предложенного первоначально от лица группы депутатов «Православного собрания» («Ликаа ортодокси») проекта состояла в упрощенном виде в том, чтобы страна представляла собой единый избирательный округ, где депутаты выбирались бы по квотам в соответствии с демографическими показателями конфессиональных общин (а в Ливане их

⁸ «Поскольку избирательные округа включают разнообразные группы населения, человек не обязательно голосует за кандидата своей религиозной группы. Например, армянский православный, проживающий в районе Набатии, для которого предусмотрены три депутатских мандата для шиитов, может выбирать только между кандидатами-шиитами. Это делается для того, чтобы каждый депутат не просто занимался сектантскими интересами, а призывал к широкому кругу своих избирателей. Сила этой системы состоит в том, что даже наименьшее из меньшинств получает определенную степень представления, вместо того, чтобы быть включенным в общую массу, что может произойти в традиционной мажоритарной системе» (см.: Nelson S. Is Lebanon's Confessional System Sustainable? P. 349).

насчитывают до 18). Позднее эту идею поддержал и тогдашний лидер Свободного патриотического движения Мишель Аун⁹. Так или иначе, компромиссный вариант избирательной реформы вернул страну к системе, в общем виде повторяющую избирательную систему 1960 г., и выборы 2018 г. должны были проходить хотя и по обновленному закону, но в том же духе политического конфессионализма.

Принцип этот тем не менее не стоит преувеличивать: на протяжении истории он выступал надежным прикрытием очень далеких от религии механизмов удержания у власти. В классическом труде Б.Г. Сейраняна содержится следующая острая критика этого якобы специфического феномена ливанской государственной власти: «Конфессионализм затушевывал социально-классовый характер правительств, состоящих из крайне узкого круга одних и тех же лиц. С 1926 по 1963 г. 333 министерских поста занимали лишь 134 лица. Целый ряд политических деятелей переходили из одного кабинета в другой. Рекорд принадлежит друзскому шейху Маджиду Арслану, занимавшему министерские посты в 26 правительствах... Пост премьер-министра занимали немногочисленные лидеры суннитской общины. Некоторые из них не раз возглавляли кабинет: например, Рашид Караме – 10 раз, Абдаллах Яфи – 8 раз, Риад Сольх, Саиб Салам и Сами Сольх – по 7 раз»¹⁰.

Под большим влиянием проблем, связанных с конфессиональной структурой общества, проходят политические процессы и в Ираке, подвергшемся многолетней силовой «демократизации». Все основные

⁹ См.: Сарабьев А.В. Политическое участие христиан Ливана: амбиции, возможности и реалии // *Восток (Oriens)*, № 4, 2016. С. 135.

¹⁰ Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в. – 60-е годы XX в. 2-е изд., испр. М.: ИВ РАН, 2018. С. 326–327.

политические силы в стране, как правило, четко соотнесены с одной из конфессий или национальностей Ирака. Парламентские выборы, прошедшие 30 апреля 2014 г., показали, впрочем, довольно сложную структуру иракской политической арены, представляющую собой комбинацию из прошиитских организаций, ориентирующихся на Иран, шиитских проарабских групп, держащихся националистической стратегии, а также курдских партий (всего в выборах участвовали представители 107 партий).

Хотя знатоки иракской политики четко подразделяют основные партии и организации на шиитские и суннитские, однозначного разделения по этой линии все же нет. В пользу такого заключения говорят многие факты. Например, получивший 92 места в иракском Совете депутатов из 328 блок Нури аль-Малики «Государство закона» включал в себя, помимо шиитских (и в первую очередь возглавляемой аль-Малики «Ад-Даава»), также суннитские и курдские партии. Его оппоненты из числа садристов (их «Армия Махди» в 2008 г. сменила название, и одной из основных сил садристов стала «Лива' аль-яум аль-мав'уд», или «Бригада дня обетованного»)¹¹ после муниципальных выборов 2013 г. и накануне парламентских выборов 2014 г. активно блокировались с суннитскими группами, в частности с организацией «Муттахидун» (*Иттилаф муттахидун ли-ль-ислах*), члены которой в большинстве своем составляли правительство *мухафазы* (провинции) Диалы. Садристы даже поставили своего представителя во главе Совета мухафазы, чем вызвали сильное недовольство других шиитских

¹¹ Spyer J. Tehran's Servants: Iraq's Shia Militias Emerge as the Key Armed Force Facing IS in Iraq // *Policy Paper* (Centre for the New Middle East, The Henry Jackson Society), Oct. 2015, No. 6. P. 8.

группировок. По свидетельству вашингтонского аналитика Ахмеда Али, «надконфессиональная политическая агитация дала М. Садру преимущество – выглядеть в глазах населения Диалы лучшей альтернативой перед своим конкурентом, организацией “Асаиб ахль аль-хакк”, придерживавшейся более узкоконфессиональных взглядов по отношению к иракцам-суннитам»¹². Так что, по всей видимости, конфессиональная аффилиация политических сил Ирака могла рассматриваться на тот момент как далеко не определяющая, а может быть, даже фасадная, особенно в сравнении с такими составляющими их идентичности, как финансовая опора и внешнеполитическая ориентация.

Если политическое поле Ирака однажды стабилизируется, то наиболее вероятным вариантом системы политического представительства может стать некий договорной принцип – национальные и религиозные квоты или даже распределение власти по ливанскому образцу. Еще в 2006 г. знаток «традиционных обществ», неординарный мыслитель Джек Гуди размышлял:

«Станет ли демократия средством решения проблем, например, современного Ирака? Возможно, народ этой страны, населенной чрезвычайно жестко разделенными по религиозным и этническим признакам общинами, предпочтет “распределение полномочий”, как недавно произошло в Северной Ирландии, в результате чего не будет отмечаться постоянного преобладания какой-то одной группы (шиитов или протестантов), то есть окажется приемлемее совершенно другой институт – “разделенная демократия”»¹³.

¹² Ali A. Iraq's 2014 National Elections // *Middle East Security Report* (Institute for the Study of War, Washington) 20 April, 2014. P. 28.

¹³ Гуди Д. *Похищение истории* / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2015. С. 342–343.

В отношении Сирии говорить о грядущих избирательных процессах пока трудно, поскольку ни у одной из сторон нет ясного представления о желательных изменениях в избирательном законодательстве. Тем не менее звучащие со всех сторон требования «инклюзивности» будущей государственной системы как раз и предполагают, по-видимому, вхождение в состав всех ветвей власти представителей разных профессиональных групп (или скорее этноконфессиональных, если иметь в виду армян, друзов, езидов и др.), т. е. ту же систему профессионального представительства или, по крайней мере, «распределение власти» (*power-sharing*). Примечательно, что еще на рубеже веков, в период сильных авторитарных светских режимов в Сирии и Ираке, звучало такое мнение одной из западных политологов, Брендды Сивер: «Система власти большинства не сможет заменить существующее соглашение о разделении власти, она только усугубит напряженность и вероятность общественных беспорядков»¹⁴.

Что может быть предложено Ближнему Востоку взамен явно несовременного принципа политического профессионализма, остается предметом обсуждения и политологов, и деятелей «реальной политики». На одной чаше весов лежит, как правило, представление об архаичности религиозного элемента гражданственности, личный характер веры, а потому нерелевантность для идеальной политической системы вероисповедания гражданина. На другой чаше – реальная общность единоверцев в масштабах страны и даже региона, которая выступает в нашем случае в качестве одного из основных типов групповой солидарности, демонстрирующей свой трансграничный характер. Противоположность

¹⁴ Seaver B. The Regional Sources of Power-Sharing Failure: The Case of Lebanon // *Political Science Quarterly*, 2000, Vol. 115, No. 2. P. 247.

этих противовесов, возможно, продолжит определять своеобразие социального баланса некоторых ближневосточных обществ (ливанского, иракского, сирийского, отчасти турецкого и египетского).

К описанному явлению, пожалуй, можно было бы отнести предположение Юргена Хабермаса, которое он выдвигал некогда в качестве своей рабочей гипотезы: «Государство, обладающее демократической конституцией... зависит от автохтонных мировоззренческих или религиозных, во всяком случае, коллективно обязывающих этических традиций»¹⁵. Если компромисс и договоренность, а не власть большинства относить к области этики общественных отношений в компактных, но многосоставных социумах Ближнего Востока, то мы и получаем тот причудливый (а для многих уродливый) извод демократии, густо замешанный на конфессионализме.

Протест и его религиозные формы

Протест в его острых проявлениях вообще редко бывает рационален¹⁶. Имея в своей основе набор причин и повод для обострения, протест не осознается всеми участниками выступления одинаково. Объяснение протеста, как правило, накладывается уже на подготовленную почву – например, на акцентированное противостояние религиозного понимания социальной

¹⁵ Хабермас Ю. *Между натурализмом и религией: Философские статьи* / Пер. с нем. М.: Весь мир, 2011. С. 97.

¹⁶ Все же не в той степени, в какой это предполагал В.В. Налимов: «Социальное поведение людей, несмотря на рационализм нашего мышления, носит скорее *иррациональный* характер: идеи,

справедливости и личной добродетели тем вызовам, которые несут с собой какие-либо чуждые веяния. В арабских странах с их обостренным вниманием к местным традициям, которые давно, но не вполне корректно принято называть мусульманскими, религиозные формы особенно легко принимают социальные протесты, вызванные глубоким расслоением общества и высоким уровнем коррупции власти.

В отношении социального недовольства выделяют по возрастающей разочарование, раздражение и фрустрацию, которые в основании своем тесно связаны с социальными опасениями и страхами. Следующие степени обострения бывают связаны с сознательным направлением народного недовольства, и в качестве сил, направляющих протесты, все чаще выступают в регионе мусульманские радикальные организации. Отход на периферию национальной и светской антиколониальной аргументации, особенно популярной в 1950–1960-е годы, дает широкий простор для активности идеологов суннитских и шиитских экстремистских движений, провозглашающих соответственно принципы шариата и веляят-е факих самыми прочными гарантиями справедливого общественного устройства.

Немусульманские общины в этих условиях неизбежно попадают под подозрение в сочувствии чуждым для мусульманского большинства веяниям, хищническим устремлениям извне и внутреннему

регулирующие поведение, распространяются эпидемически; представление о цели не поддается рациональному обоснованию; прогноз в большой шкале времени если и возможен, то только негативный; движение вперед – это, скорее всего, блуждание по многоэкстремальной поверхности. И именно этот иррационализм, может быть, и делает жизнь интересной и содержательной» (Налимов В.В. *Облик науки*. СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив, МБА, 2010. С. 307).

компрадорству. Следовательно, ближневосточные религиозные меньшинства, особенно те, которые исторически не встроились в государственные властные структуры, первыми попадали под удар с разных сторон в моменты острых фаз конфликтов (будь то в Палестине, Ираке или Сирии).

В этом прослеживается характерное для так называемых традиционных обществ Ближнего Востока разграничение по линии «свой/чужой»: своими оказывались те, кто поддерживал или хотя бы сочувствовал основным ценностям направленного протеста, тогда как чужими – все остальные, в том числе земляки и сограждане, не разделяющие идей доминантной группы. Примеры тому есть самые разные. Столетие назад в борьбе против османизма и колониализма в одном стане оказывались арабы-мусульмане, православные арабы, яковиты и армяне. В начале 1960-х годов в Сирии постколониальными тенденциями в регионе противостояли сунниты, алавиты и друзы с их яркими представителями в военном и гражданском властных кругах. В последние два десятилетия XX в. первенство в борьбе за социальную справедливость и самобытность все активнее пытались оспаривать радикальные суннитские движения джихадистского толка, тогда как в Иране реализовывался неслыханный по меркам новейшей истории проект фактической шиитской теократии. Наконец, с 2011 г. во весь рост в регионе встал суннитский джихадизм и такфиризм, который ставил перед выбором либо согласия и поддержки, либо печальной участи уже не только иноверцев, но даже своих единоверцев и земляков – мусульман-суннитов.

Перечисленные примеры во всяком случае не позволяют соотнести разделение «свой/чужой»

с определенными религиями и даже конфессиями. По крайней мере, на протяжении минувшего века религиозная проблематика сама оказывалась слишком многофакторной, чтобы религиозная принадлежность могла считаться одним из самостоятельных показателей конфликтности общества. Скорее она относится к проблеме выбора вообще (в экзистенциальном и этическом аспектах одновременно), которая актуализуется в периоды сильной поляризации внутри локальных сообществ, когда действительно приходится выбирать сторону конфликта.

Безусловно, среди жителей Ближнего Востока существуют различия в цивилизационной самоидентификации, которая иногда может выступать отчетливым разделителем внутри общества. Такое (зачастую сильно преувеличенное) различие – если только не противопоставление – хорошо иллюстрируется мнением ветерана ливанской политики, стоявшего когда-то у истоков партии «Катаиб», депутата и бывшего министра, армяно-католика Жозефа Шадера (1907–1977). Речь шла о Национальном пакте 1943 г. – пресловутом фундаменте ливанского политического конфессионализма – «джентльменском соглашении, которое некоторые намерены сохранить, другие пытаются изменить, а третьи хотят заменить исключительно светскими институтами»¹⁷. Ливанский политик признавал, что это был не какой-то религиозный договор, а «соглашение между двумя группами людей, каждая из которых имеет свое мировоззрение и свои чаяния. В целом, – заключал Ж. Шадер, – мы являемся неотъемлемой частью христианской и западной цивилизации, в то время как наши сограждане-мусульмане

¹⁷ Rouleau E. Réforme ou révolution? // *Le Monde*, 25.09.1975.

обращены лицом к пустыне и Арабскому миру. Для того чтобы Национальный пакт потерял свой смысл, нужно, чтобы христиане постепенно становились арабами, а мусульмане – ливанцами»¹⁸. Если не принимать во внимание искусственное и высокомерное отождествление ливанских христиан с западной цивилизацией, можно заметить здесь верный подход, ставящий в центр внимания различие в культурно-цивилизационной самоидентификации, а вовсе не в религии.

Среди религиозно окрашенных протестов в регионе Ближнего Востока можно выделить две отчетливые разнонаправленные линии – протесты против глобализма и против воинствующего фундаментализма.

Первые можно охарактеризовать как настроения или открытые выступления против подкрепленных информационным, финансовым и силовым воздействием попыток одних стран доминировать в основных сферах жизни других. Проявлениями таких протестных явлений можно считать как обобщенный антиглобализм, так и его разновидности, например антиамериканизм, вплоть до борьбы с новыми «крестоносцами», «христианскими сионистами» и т. п. Эту мысль высказывал в одной из своих рецензий Тед Гарр:

«Иностранная оккупация с религиозными и культурными различиями ее власти является самым важным, но не единственным фактором. Понятно, что идеологическое содержание консервативного ислама, салафистского или иного, предполагает жесткие действия против “неверных” в защиту воображаемого глобального исламского сообщества. Эта идентичность подкладывает логическое обоснование для смертников, она гарантирует поддержку членам их семей и общин, а также прославление их мученичества. Стратегические

¹⁸ Rouleau E. Réforme ou révolution? // *Le Monde*, 25.09.1975.

расчеты предводителей боевиков столь же важны: нападения смертников стали частью того, что Чарлз Тилли назвал бы репертуаром политических действий для повстанцев, сопротивляющихся угнетению со стороны “крестоносцев” и их наследников. И действенность этой стратегии способствует ее распространению»¹⁹.

Столь сложное переплетение социальных причин и религиозной аргументации антиглобалистского протеста в высокой степени свойственно Ближнему Востоку.

Второй тип «религиозных» протестов – проявление недовольства не столько против попыток консервации сложившихся порядков и социальных отношений, сколько против навязывания «улучшенных» в религиозном плане порядков, соответствующих якобы исторически присущим обществу устоям и, главное, неким идеальным религиозным нормам. Отсюда в качестве реакции вытекают вполне объяснимые требования (например, со стороны молодежных кругов) гарантировать социальные свободы (нередко в гипертрофированном представлении о них) и не препятствовать доступу к мировым информационным ресурсам без исключения.

Как первая, так и вторая такого рода линии протестов, невзирая на яркую религиозную окраску, как правило, лишь косвенно связаны с религиозно-конфессиональной проблематикой, и к тому же зачастую в явно инструментальном ключе. Ведь и глобализм, и экстремизм (фундаменталистского толка) являются

¹⁹ Gurr T.R. (Review). “Cutting the Fuse: The Explosion of Global Suicide Terrorism and How to Stop It” by Robert A. Pape, James K. Feldman; “The Routledge Handbook of Terrorism Research” by Alex P. Schmid; “Deterring Terrorism: Theory and Practice” by Andreas Wenger, Alex Wilner // *Perspectives on Politics*, Vol. 11, No. 3, September 2013. P. 1000.

обычно крайними проявлениями активизма в обществах, основная масса верующих в которых (например, те же американцы или арабы-сунниты) не разделяет справедливости таких крайностей, если вообще задумывается о них.

Важнейшую и внутренне разрозненную группу протестных явлений составляют движения против массы социально-экономических проблем, а также перекосов в доступности политического участия, которые выливаются в протесты против властей и приобретают конфессиональную окраску в прямой зависимости от степени конфессионализма в том или ином обществе Ближнего Востока. Нередко такого рода протестные выступления становятся политическими орудиями в руках определенных сил. В частности, их пытаются «оседлать» движения религиозного толка или партии, аффилированные с определенной конфессией (например, шиитские, салафитские, маронитские, коптские и др.). Так, отсутствие общественной безопасности, коррупция и кумовство в секторе Газа являются по сути самостоятельными проблемами, требующими решения, однако в риторике идеологов ХАМАС они связаны исключительно с блокадой района израильянами. При этом в основе жестких действий этого панисламистского движения на поверхности лежит религиозная подоплека, тогда как традиционные формы социального контроля типа клановых дружин попросту отменяются²⁰.

Протесты другого рода, которые напрямую относятся к проблематике межконфессиональных отношений, – против чрезмерных действий одной из религиозных общин – довольно редки. Они носят, как правило,

²⁰ Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа // *Религия и общество на Востоке*. 2018. Вып. II. С. 37.

локальный и импульсивный характер. Такого рода конфессиональные протесты возникают в селах или пригородах с моноконфессиональным населением, где по соседству проживают представители иной религиозной общины. Примерами подобных противоречий могут быть споры из-за джихадистской или проиранской агитации, попыток ограничить свободу вероисповедания или проповедь, а также споры о правилах общежития в городских кварталах (например, по вопросу допустимости колокольного звона или того или иного типа азана).

Обострению и разрастанию протестов способствуют разрушительные региональные процессы, особенно затяжные внутренние конфликты в разных их фазах, а также интервенция в разных ее обличьях. В этих случаях различные мнения населения по отношению к внешним воздействиям и игрокам нередко приобретают религиозную окраску, причем в немалой зависимости от стереотипов исторически сложившейся опоры местной общины на внешние силы. Тем самым запускается радикализация религиозно-политических программ общин.

Связанный с религией радикализм проявлялся в регионе наиболее рельефно в форме реформизма. Это явление в широком смысле протекает на Ближнем Востоке почти непрерывно, но в XX в. имело свои узловые моменты. Важной вехой в этом отношении после возникновения ваххабитского движения в Арабском мире можно считать движение ихванов, которые составили основную оппозицию ваххабитской династии Саудидов в первые десятилетия XX в. После их разгрома на передний план религиозно-политической оппозиции уже в масштабе всего региона вышли «Братья-мусульмане» (БМ).

Последующие движения и организации исламитов-суннитов представляют собой широкую дифференциацию салафизма – от включающих в себя националистическую компоненту до универсалистских, стремящихся к жесткому нивелированию всех религиозно-культурных различий. Шиитский ислам продемонстрировал не менее острую борьбу между различными течениями – от квиетистов до радикалов, ставивших политическое участие религиозных общин и их лидеров (*аятолл, марджаса ат-таклид*) на первый план своей программы.

Не следует упускать из виду и христианский активизм, наиболее известными примерами которого были ливанские и палестинские организации и их ячейки с собственными хорошо структурированными и вооруженными милициями. Все эти, а также другие мусульманские и христианские движения (кроме того, можно вспомнить еврейские религиозные так называемые харедимские партии и менее известные иудейские народные дружины ультраортодоксов) представляли собой часть обозримого политического поля отдельных стран или действовали даже в масштабах субрегионов. Они возникали в условиях, как правило, сильной центральной власти и в качестве оснований своей политической деятельности и боевых акций видели ряд объективных обстоятельств, требующих от них сопротивления, противопоставления существовавшим режимам собственной программы, своего видения пути для общества.

Религиозно-политический реформизм последних десятилетий тесно связан с социальным протестом. Целью поиска и интеллектуалов, и обездоленных низов является, похоже, стабильность общественного развития, надежные основания которой видятся

многим в религиозных нормах. Как пишет Д.Б. Малышева, «политизация религии... отнюдь не свидетельствует о том, что население становится религиознее, чем раньше... В иррациональном преломлении религия нередко воспринимается как... фактор, с помощью которого может быть якобы обретена социальная стабильность... Поэтому рост влияния религиозной идеологии наблюдается не только среди угнетенных и обездоленных, но и среди представителей средних слоев, молодежи, интеллигенции»²¹.

Другая российская ученая-востоковед, А.И. Ионова, рассматривала в протестном ключе и активизм мусульманского духовенства:

«Настроения недовольства существующим положением и стремление исправить его, активно вмешавшись в политическую борьбу, разделяла часть духовно-богословского сословия, прежде всего те лица, которые не слились ни с госаппаратом, ни с буржуазно-помещичьими верхами и подвизались в сфере традиционно-религиозного наставничества, культа и т. п.». Автор настаивает на протестном основании политического участия духовенства, однако обнаруживает наряду с этим и вполне земные их мотивы – стремление к власти и материальные блага. «Вместе с тем “прорыв в политику” имел, – пишет А.И. Ионова, – неоднозначные для отдельных клерикальных группировок последствия. Для одних это был акт слияния с общим потоком протеста против социального несправия, диктата капитала (иностранного и местного), произвола бюрократии, против “вестернизации” и попрания национальной культуры, для других – участие в политической борьбе под традиционалистскими лозунгами оставалось тем средством обеспечения поддержки консервативно-религиозных слоев, которое давало возможность

²¹ Малышева Д.Б. *Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран (70–80-е годы)*. М.: Наука, 1986. С. 4–5.

войти в правящую элиту, преодолев такие препятствия, как недостаточность материального обеспечения, отсутствие должного образования и общественного статуса»²².

Несмотря на внешние различия, радикальный реформизм в протестном аспекте хорошо согласуется со своим антиподом – фундаментализмом. Автор острой и неоднозначной работы «Ислам в постсекулярном обществе» Дастин Берд предполагает, что фундаментализм в своем изначальном значении возврата к религиозным основаниям бытия человека в обществе стал ядром побуждающих мотивов тех, кого собирательно называют религиозными экстремистами:

«...Мотивация тех, кто хочет спасти ислам как от постсекулярной модерности, так и от насильственной реакции на такую модерность – фундаментализм. Желание восполнить ущерб от колониализма, империализма, неоконсервативной войны и экономической эксплуатации, которые велись на благо западных держав, должно разделяться прогрессивными и гуманистическими мусульманами, но действия, порожденные этой мотивацией, должны оставаться верными гуманистическому ядру самой исламской традиции. Она не может вернуться вместе с *джахилией*, что пытаются проделать ИГИЛ и другие группы»²³.

Наконец, возвращаясь к инструментальному подходу к религии со стороны протестных движений, стоит вспомнить, что некоторые положения,

²² Ионова А.И. Традиционализм: значение и тенденции преломления в мусульманском реформаторстве и национализме // *Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока*: Сб. статей. М.: Наука, 1986. С. 55–56.

²³ Byrd D.J. Post-Secularity and Its Discontents: The Barbaric Revolt against Barbarism // Byrd D.J. *Islam in a Post-Secular Society. Religion, Secularity and the Antagonism of Recalcitrant Faith*. L.: Brill, 2017. P. 224.

или околорелигиозные идеи, или даже вырванные из религиозного контекста фрагменты, превратившись лишь в словесную оболочку, становятся, когда нужно, лозунгами самых разных экстремистских движений – от ультраправых до леворадикальных.

Со всей яркостью эта идея выражена в художественном предчувствии Луиса Бунюэля в его фильме «Этот смутный объект желания» (1977). Сквозь весь фильм фоном показано нарастание экстремизма и терроризма в обществе. В завершающей части – перед самой кульминацией в Пассаже – за кадром звучат слова диктора радио: «Многие международные левые экстремистские группировки, в большинстве своем широко известные... неожиданно объединились, чтобы осуществить серию покушений под эгидой ГРАМИ – “Группы революционной армии младенца Иисуса”. Эти ничем не оправданные покушения имеют целью вызвать смятение в нашем обществе. Некоторые правые экстремистские группировки... кажется, собираются принять вызов крайне левых и, в свою очередь, перейти к действиям, направленным на дестабилизацию общества»²⁴. В качестве одной из жертв радикалов упоминался некий католический кардинал, о котором говорилось в том же радиосообщении. То есть под знаменем «младенца Иисуса» в этой истории решили действовать светские экстремисты разных толков, избрав одной из первых жертв высокопоставленного клирика. При такой подаче трудно не усмотреть в описанном режиссером

²⁴ Автор предисловия к сборнику работ Жоржа Бернаноса Пьер Жиль писал: «Схема действия драматически перевернута, и само зло превращается в субъект желания» (см.: Бернанос Ж. Революция и свобода (Лекция в Сорбонне, 7.02.1947) // *Свобода... для чего?* / Под ред. и с предисл. П. Жилия; пер. с франц. СПб.: Иван Лимбах, 2014. С. 16).

«гражданском противостоянии» религиозную подоплеку. Зритель увлечен изгибами псевдорелигиозного дискурса экстремистских групп далеко в сторону, туда, где при желании можно отыскать все, что относится к «религиозному конфликту», кроме его реального основания.

Очень похоже, что подобное использование потенциала религиозного призыва имело и продолжает иметь место в ближневосточных коллизиях. Ирак, который пытаются представить полем битвы шиитов с суннитами, Сирия, где якобы алавитская верхушка вызывает праведный гнев суннитского большинства и где свою карту разыгрывают иностранцы-шииты, наконец, джихадисты-халифатисты, играющие на религиозном долге как средстве набора «солдат удачи» по всему миру, – все представляют собой примеры как управляемого, так и неосознанного переноса реальных социальных проблем в сферу религиозного социального действия и предоставляющую несравненно более богатый инструментарий для манипулирования.

Системный и субъектный аспекты религиозного активизма

Политическое участие, черпающее вдохновение в религии, представляет собой явление, по меньшей мере, неоднозначное и непредсказуемое, а чаще всего уродливое и угрожающее – как политической системе, так и самой религии. Впрочем, оттенки отношения к явлению религиозного активизма (религиозно

обусловленного и нередко гипертрофированного политического участия) могут зависеть от того или иного угла зрения. Оставляя в стороне описанный выше феномен конфессионализма, следует выделить два основных аспекта политического участия на Ближнем Востоке, базирующегося сугубо на религиозной идентичности.

В первом случае точкой отсчета при анализе ближневосточного религиозного активизма становится конкретная политическая система, в то время как отдельная действующая сила, будь то политическая партия с преобладающей конфессиональной аффилиацией, религиозная организация или отдельная персона, рассматривается как часть этой системы. При этом политическое действие (от участия в выборах до силового отстаивания своих требований, включая вооруженную борьбу) бывает обусловлено политической ситуацией и социально-экономическим контекстом. Такой аспект правильно будет называть системным, т. е. зависимым от свойств политических систем и их региональных взаимосвязей, а также состояния и заданного направления общественного развития с оказываемыми на него внутренними и внешними воздействиями.

Во втором случае исследователь исходит из свойств действующего лица или политической силы, опять же обусловленных религиозными побудительными мотивами. Условно этот аспект может быть обозначен как субъектный²⁵.

Поиск оснований религиозно-конфессионального фактора изменений на Ближнем Востоке

²⁵ Предложенные здесь термины вводились и ранее, правда, в несколько ином ключе. См., например: Фурсов А.И. *Операция «Ориентализм»*. М.: Гуманитарий, 2004. С. 52.

исключительно в системных проблемах отдельных стран приводит к следующим наблюдениям.

Ирак. Насильственная трансформация страны, начавшаяся открытой военной интервенцией, привела к резкому изменению доступа к государственной службе соответственно суннитов и шиитов. В результате этого создаваемые под контролем оккупационной администрации новые демократические структуры государственной власти имели в основе своей противоположный прежнему крен в религиозно-конфессиональном составе. Христианские общины (ассиро-халдеи, православные, ассирийцы-несториане, яковиты, протестанты) оказались между двух огней и были вынуждены массово покинуть родину. Религиозная проблематика тесно переплелась с этнической. С новой силой дал о себе знать феномен иракской реэмиграции из Ирана. Постепенно усилилось влияние иранцев как на центральную власть, экономические и силовые структуры, так и на уровне администраций некоторых восточных провинций и муниципалитетов. Шиитское влияние в Ираке тем самым обрело однозначные персидские очертания, а пафос национального арабского шиизма со временем заметно угас. В региональном измерении Ирак стал важным плацдармом в борьбе с джихадизмом неоваххабитского извода, в том числе с движениями, признанными во многих странах террористическими.

Все это, в свою очередь, дало основание все чаще говорить об этой стране как первостепенном элементе «шиитской дуги», выстраиваемой Ираном к средиземноморскому побережью. «Шиитизация» Ирака (точнее, распространение там персидского «неошиизма»), тем самым, давно переросла из внутренней

во внешнеполитическую проблему. Существенными, но недооцененными факторами таких трансформаций стали, по всей видимости, давний разрыв связей между правительствами Ирака и Сирии и углубление разделивших эти два режима идеологических, внешнеполитических и экономических противоречий, которые активно подогревались извне и наметившееся излечение которых было сорвано интервенцией 2003 г.

Сирия. Как любая другая страна региона, Сирийская республика обладала целым набором вопросов, коренившихся в ее прошлом, которые легко могли бы стать дестабилизирующими общество факторами. Таковы, например, вопросы государственных границ, которые были некогда определены без участия самих сирийцев; вопрос продолжающейся оккупации Израилем целого района – важнейшего в стратегическом, хозяйственном, экологическом и других отношениях; наконец, признанный арабским характер государства (на деле многонационального), что оспаривается в настоящее время курдами. Сложившееся в ходе острой конкуренции доминирование алавитов в силовых структурах при фактически, но не юридически светском характере государства, в свою очередь, неизбежно обнаруживало уязвимые места в социальных отношениях. На протяжении всей истории независимой Сирии представители региональных исламистских организаций, прежде всего БМ, с целью мобилизовать суннитское большинство на антиправительственные действия старались использовать оба эти довода – якобы власть принадлежит неверным и якобы власти насаждают безбожие (светскость).

Попытка администрации Башара Асада в начале 2000-х годов повысить инклюзивность власти, скорректировав конфессиональное политическое представительство, моментально привела, с одной стороны, к ограничениям для рядовых алавитов, ориентированных на службу в армии и госучреждениях (офицеры, мелкие чиновники, учителя и т. п.), и, следовательно, к недовольству этими мерами, а с другой – была истолкована сирийскими исламистами в эмиграции как сигнал ослабления режима. Резкое усиление в разных ветвях власти в Турции и Египте местных ответвлений БМ стало для сирийских властей тревожным знаком нового витка противостояния с этой крупной региональной силой – моноконфессиональной по своей ориентации. Эти причины наряду с явными коррупционными проявлениями среди властных верхов повели режим по пути усиления аппарата насилия и популярных либеральных реформ, а не глубокого реформирования политической системы, экономики и соцобеспечения.

Сложившаяся взрывоопасная ситуация в контексте пронесшейся по Северной Африке и Ближнему Востоку «волны турбулентности» вылилась в локальные столкновения, быстро переросшие в острые конфликты на всей территории страны. Неизбежными стали и дикие проявления межконфессиональной розни, подогреваемой жестокостью всех вовлеченных в конфликты сторон. Служащие-алавиты в удаленных частях Сирии становились беззащитными жертвами мести или страшных расправ фанатиков. Ответные жесткие действия армии и спецслужб порождали новые вспышки кровной мести. Религиозные и национальные общины-меньшинства (например, православные арабы, армяне-григориане, яковиты,

униаты разных толков, протестанты) в этих условиях вынуждены были либо выбирать сторону, либо покидать свои дома в поисках безопасных мест. Огромные массы населения (в большинстве своем, естественно, мусульмане-сунниты) стали внутренне перемещенными лицами или эмигрировали в лагеря беженцев в Турции, Ливане, Иордании.

В свою очередь, надолго переключившее на себя внимание ИГИЛ/ИГ стало на какое-то время главным фактором религиозного террора и общей неразберихи в межконфессиональных отношениях. Заглядывая в будущее, можно утверждать, что отрицательный заряд использовавшегося «религиозного довода» в сирийском гражданском противостоянии не сможет быть нивелирован в короткое время. Тем более что основные причины народного недовольства (коррупция, несбалансированная экономическая политика, особенно в области сельского хозяйства, невозможность трудоустройства образованной молодежи и т. п.) так и не были устранены. На них накладывается теперь колоссальная проблема послевоенного восстановления страны, которая принесет с собой целый букет новых вопросов и скорее всего ввергнет Сирию в прочную внешнюю зависимость.

Ливан. Сохраняемая система конфессионального представительства, берущая основу в Национальном пакте 1943 г., много раз подвергалась пересмотру в соответствии с меняющейся демографической ситуацией в стране (в частности, это касалось состава депутатского корпуса). Носящая во многом формальный, фасадный характер, такая система оказывается удобной для всех политических сил, представляющих разные конфессии и тесно спаянных с тем или иным

крупным бизнесом и внешним капиталом. Независимо от своей религиозно-конфессиональной составляющей система не раз обнаруживала признаки глубокого внутреннего кризиса, который выражался и в вопиющих сбоях демократической системы выборов в парламент и президентских выборов, и правительственных кризисах. Избирательное законодательство так и не было по-настоящему реформировано. В назначении ключевых силовиков очевидно проявление кумовства и политических сделок. Признаки системного кризиса видны и в бездействии властей в социальной сфере, где клубок проблем усугубляется чудовищным расслоением общества по уровню достатка, усиливающейся безработицей, чрезвычайной дороговизной жилья и ухудшающейся экологической ситуацией.

На этом фоне новую подпитку получают конкуренция политических партий, имеющих четкую конфессиональную аффилиацию, и даже милитаризация конфессиональных боевых дружин. Численность боевого крыла Хизбаллы, самой массовой и боеспособной негосударственной военной силы в Ливане, значительно сократилась в результате потерь в Сирийском конфликте, но «обстрелянность», качество этих отрядов несравнимо выросло, а успехи во взаимодействии с армией в решении критических задач безопасности страны, вероятно, обеспечили ливанской Хизбалле надежное место на легальном политическом поле. При этом открытой «шиитизации» ливанской политической арены не происходит, продолжается линия на ее конфессиональное многообразие, что может свидетельствовать о второстепенности традиционного религиозного фактора для глубинного взаимодействия ведущих кланов страны. Об этом же говорит, по-видимому, и относительно сбалансированный

в последнее время внешнеполитический курс ливанского руководства. Несмотря на периодические демарши тех или иных проводников внешнего влияния, в целом ливанскому руководству удается лавировать между основными региональными силами, которые принято разделять по линии суннито-шитской конкуренции в масштабах Ближнего и Среднего Востока.

Палестина. Внутрипалестинские проблемы обычно остаются в тени палестино-израильского урегулирования, тогда как значимость их религиозной составляющей весьма высока в отношении процессов, протекающих в регионе в целом. Общий состав населения продолжает смещаться в сторону подавляющего преобладания мусульман. Численность христиан неуклонно уменьшается; в политической жизни Палестины христиане играют ничтожную роль. Территории Западного берега, остающиеся во владении палестинцев, постепенно, но неуклонно сокращаются²⁶: помимо важнейшей проблемы незаконных израильских поселений имеет место и продажа своих земель палестинцами, решившими эмигрировать, а также организациями, владевшими большими площадями. Православный Иерусалимский патриархат лихорадят скандалы, связанные с незаконными продажами недвижимости израильтянам, что ведет к резким выпадам против высшей иерархии, представленной почти исключительно греками.

²⁶ Весьма впечатляющие карты-схемы сокращения палестинских территорий были представлены, в частности, главой проекта "U.S./Middle East Project" Дэниелем Леви на прошедшем в Москве 19–20 февраля 2018 г. Валдайском форуме. См. также: Леви Д. Матрица управления. Трамп и израильский суверенитет на Западном берегу // *Международный дискуссионный клуб Валдай*, 20.02.2018. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/matritsa-tramp-i-izraillskiy-suverenitet>.

В результате описанных тенденций конфессиональная карта палестинских районов радикальным образом меняется. На протяжении многих лет на первом плане в Палестине стоит политическая борьба между организациями ФАТХ и ХАМАС (Движение национального освобождения Палестины и Движение исламского сопротивления соответственно), из которых вторая изначально провозглашала открыто исламистские лозунги. Эта борьба продолжается и в палестинских лагерях, в частности в Ливане, представляя собой серьезную угрозу безопасности этой условно соседней страны. Считают, что доминирующая в секторе Газа ХАМАС пользуется поддержкой Ирана, и, соседствуя с Синаем, сектор Газа представляет собой и мишень атак объявивших о преданности «халифату ИГ» синайских джихадистов, и буфер от них для Израиля. Таким образом, палестинская религиозная проблематика сконцентрирована в основном на межмусульманских противоречиях, причем не на суннитско-шиитских, а национально-ориентированных исламистов и джихадистов-халифатистов. Эта сложная конфессиональная коллизия к тому же настолько густо замешана на местных политических амбициях противоборствующих палестинских движений и фракций, что говорить о включении ее в некий региональный контекст религиозно-конфессионального противостояния довольно трудно.

Иордания. В стране с преобладающим мусульманским суннитским населением (около 98%) сохраняются небольшие христианские анклавы (всего около 120 тыс. христиан), которые продолжают непротиворечиво вписываться в конфессиональную карту. Религиозный состав более миллиона беженцев из Сирии,

размещенных в иорданских лагерях, мало отличается от местного конфессионального соотношения, а потому их размещение на территории Иордании не привело к видимому сдвигу в религиозном составе местного общества. Принимая во внимание большой процент палестинского населения²⁷, остается актуальной палестинская повестка. Противостояние между арабами и израильтянами в очередной раз будируется в том числе извне (например, решением американской администрации о переносе столицы Израиля в Иерусалим), но к взрыву иудейско-мусульманской вражды, по-видимому, не ведет: на первом плане остается национальный вопрос. Настоящую остроту в общественные отношения вносит характерный для многих стран региона комплекс социальных проблем: глубокое имущественное расслоение, высокий уровень безработицы, эмиграция квалифицированных кадров и проч. В сочетании с большим «спектром предложений» исламистских идеологий по региону это социальное напряжение может дать вспышки народного недовольства, которые с готовностью подхватят мусульманские радикалы, продолжив череду вихрей ближневосточного хаоса.

Египет. Провал «исламистского государственного эксперимента» июня 2012 – июля 2013 г. и очередной приход к власти светской администрации, опирающейся на силовиков, конечно, не положил конец популярности в народе БМ и отчасти местных салафитов. Социально-экономические проблемы, особенно трудности самореализации молодежи, являются щедрой питательной средой для описанного выше

²⁷ Спустя семь десятилетий после Накбы для местного населения все еще остается релевантным происхождение иорданца – «иорданский» он или «палестинский».

«религиозного» протеста мусульманского большинства. Египтяне-копты остаются объектами провокаций и эпизодических вспышек насилия, однако не обнаруживают стремления ни покинуть страну, ни выходить за рамки политической борьбы за свое представительство во власти. Возможный в скором времени тактический ребрендинг БМ (в том числе в масштабах всего региона) может представить в новом качестве комплекс вопросов, связанных с этой организацией, в том числе обострить межконфессиональные отношения в Египте.

Саудовская Аравия и другие страны Залива. При всей видимой однозначности их положение включает в себе глубокие противоречия. Выступая в финансовом авангарде политики сдерживания иранского влияния в регионе и «экспорта» нынешнего иранского шиизма, эти страны и внутри себя имеют шиито-суннитское размежевание (достаточно вспомнить Бахрейн с его шиитским большинством или проблемную для Саудитов Восточную провинцию КСА). Подпитывая разного рода исламистские просуннитские течения, они сами являются объектами террористических атак со стороны такфиристов²⁸. Используя в своих целях в разные периоды с разной интенсивностью так называемый неоваххабизм (экстремистский реформизм), они противопоставляют себя не только мусульманским сообществам Ближневосточного региона с их традициями умеренного ислама, но и большинству мусульман других стран, в том числе России. В то же время аравийские монархии остаются

²⁸ См.: Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Арабские страны Залива: поле конфронтации с террором // *Религия и общество на Востоке*. 2018. Вып. II. С. 48–49.

привлекательными для арабов Машрика, ищущих стабильных заработков. И естественным образом, эти государства выступают центрами притяжения как единовременные арабам-суннитам из Сирии, Ирака, Ливана, Египта, Иордании. В арабских странах с большой долей суннитского населения (особенно Сирии) активизация Ирана тем самым вызывает соразмерную ориентацию суннитов на эти аравийские монархии.

Йемен. Конфессиональная проблематика Йемена сводится, пожалуй, лишь к разнице вероисповеданий северян (зейдиты) и южан (сунниты шафиитского мазхаба). Представление о хуситах как шиитах, воюющих против сограждан-суннитов, не просто является натяжкой, но и ошибочно. Поддержка повстанцев-хуситов Ираном, если она имеет место, не может иметь прямого отношения к суннито-шиитским региональным противоречиям, хотя этот риторический довод используется всеми сторонами. Такой конфессиональный аргумент бывает удобен как в персидско-арабской региональной конкуренции, так и в межарабском соперничестве.

Иран. Говоря о существенном для большинства стран Ближнего Востока иранском факторе, важно подчеркнуть, что в центре ответной персидской риторики лежит аргумент, что Иран якобы исторически заключен в окружение «суннитского кольца» – стран с преобладающим суннитским населением. Видимо, поэтому руководство Исламской республики придает первостепенное значение своей многолетней стратегии поддержки негосударственных игроков в странах

региона, в чем его традиционно обвиняют²⁹. Беспрецедентное по темпам роста и масштабам иранское влияние в соседнем Ираке вполне объяснимо обеспокоило страны Залива во главе с Саудовской Аравией. Присутствие иранских военных инструкторов и подразделений КСИР в Сирии наряду с активизацией там ливанской Хизбаллы, возможно, стали ведущими причинами усиленной подпитки из арабских стран Залива джихадистов под суннитским флагом, а также серьезным поводом для беспокойства со стороны Израиля.

Осознавая невозможность в принципе устранения так называемого шиито-суннитского регионального противостояния, иранское руководство, по-видимому, использует все возможности «мягкой силы» для непрямого проведения своих интересов³⁰, причем религиозно-конфессиональный фактор остается при этом в тени. Можно заключить, что суннито-шиитское противостояние, которое на территории Сирии стало, увы, реальностью, в основе своей имеет давнюю персидско-арабскую конкуренцию. Очень интенсивные контакты иранцев с Ватиканом, а также заинтересованность во взаимодействии с Московским патриархатом подтверждают предположение о вторичности религиозных разногласий и неизбежности исторической конкуренции персов и арабов в ущерб межкультурному сотрудничеству и взаимопониманию.

²⁹ Например, для поддержки шиитских милиций в Леванте (из ливанцев, персов, хазарейцев и др.) Хизбалла получает от Ирана якобы около полумиллиарда долларов ежегодно. См.: Sari, İsmail. *İran'ın ortadoğu'da devlet dışı aktörleri: şii milisler örneği*. P. 96.

³⁰ Важнейшим из таких средств остается принципиально непрозрачная система финансирования проектов посредством религиозных фондов. См.: Раванди-Фадаи Л.М., Филин Н.А. *Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе*. М.: ИВ РАН, 2017.

Турция. В значительной степени именно исламистская повестка явилась для турецкого общества первостепенным фактором глубинной перестройки политического курса государства, начиная с первых годов прошлого десятилетия. Национальная проблематика (в первую очередь курдский вопрос) была, правда, более резонансной. Перестройка отношений (а возможно, и границ) в будущем с соседней Сирией, да и с Ираком, может быть связанной как раз с турецкой национальной политикой. Религиозный вес Турции будет увеличиваться среди суннитов региона, безо всяких сомнений, за счет усиления местных «Братьев» по ходу сдвига центра внимания в пользу межмусульманских проблем внутри общества.

Израиль. Высокая дробность израильского общества берет начало из множества оттенков отношения к сионизму и иудейской религиозной практике. Эти два фактора в гораздо большей мере характеризуют религиозную ситуацию в Израиле, чем отношения евреев с арабами-мусульманами или положение христиан (католиков, униатов, православных, армян и др.). Христиане, мусульмане, бахаиты и иные конфессиональные общины не играют заметной роли в принятии политических решений³¹, несмотря на формальную представленность в Кнессете. Тем самым, именно взаимоотношения внутри еврейского большинства с их широким спектром воззрений и идеологий (в разной

³¹ См. оценки организации «Бо-ситизен» (Утрехт, Нидерланды), занимающейся проблемами интеграции в Евросоюз: *Report on 'Israel: Religion and Ethnicity as Basis for Different Minority Rights'* (D4.8) "The making and remaking of Israeli citizenship via credit ranking regime: with special emphasis on minority and dis-privileged groups" / bEUCitizen, June 2, 2017. URL: <http://beucitizen.eu/publications/report-on-israel-religion-and-ethnicity-as-basis-for-different-minority-rights-d4-8>.

мере религиозно мотивированных) могут стать определяющим фактором каких-либо социальных трансформаций или изменения курса государства по отношению к странам региона или ведущим мировым игрокам.

Представленные краткие характеристики по странам затрагивают определяющие проблемные узлы, выступающие в качестве основания внутренней межконфессиональной проблематики и межрелигиозного напряжения в рамках региона. Эти характеристики уязвимы для критики уже в силу своей краткости. В каждом из случаев, конечно, необходим детальный анализ внутренних причин и следствий, а также внешних воздействий, направляющих в ту или иную сторону развитие межконфессиональных отношений. Однако даже приведенный здесь набросок дает представление о неоднозначности и чрезвычайной внутренней многофакторности самих религиозно-конфессиональных проблем. Более ясной становится тесная их взаимосвязь с текущими социально-политическими трансформациями в регионе, если рассматривать эти проблемы в системном ключе.

Такой угол зрения принципиально отличается от второго, идущего как бы от субъекта политического действия. Попытки системного взгляда на проблему далеко не всегда приводят к плодотворным результатам. Чаще всего можно встретить смешение аргументов разных типов и объединение в один ряд явлений разнородных. Вот как, например, характеризует развитие ближневосточной ситуации американский исследователь иранского происхождения Вали Реза Наср: «Цепь событий, начавшаяся со вторжения США в Ирак в 2003 г., завершилась взрывом Арабского мира: социальные волнения привели к падению правителей,

разрушили государственные институты и вызвали межэтническую и межконфессиональную борьбу, которая в некоторых случаях переросла в полноценную гражданскую войну»³². Автор, хотя и занимает явную проамериканскую позицию, в данном случае увязал вместе явления разных порядков, что привело его к выводам, с которыми он сам вряд ли бы согласился.

В некоторых случаях нежелание разбираться в причинах системных сбоев экономики, социальных институтов и политического управления отдельных ближневосточных стран, а также межгосударственных отношений в регионе заставляет акцентировать внимание на ярких субъектах региональной политики. Тем самым, в качестве альтернативы системному аспекту (в редких случаях – дополнения) выступает анализ региональных проблем сквозь призму идеологий и действий конкретных транснациональных и страновых организаций – с их особенностями идейной трансформации на протяжении времени и характеристик их положения в системе региональных отношений. Субъектный подход предполагает также и анализ влияния на исторические события отдельных лидеров – как ведущих государственных деятелей, так и вождей оппозиции, вплоть до тех, кто обладал зловещим ореолом «террориста номер такой-то». На первый план при этом выходят религиозная составляющая характеристики рассматриваемого субъекта политического действия и его взаимосвязь с другими региональными субъектами (тоже организациями или лидерами) – и вновь сквозь призму религиозной принадлежности.

³² Nasr V. Iran Among the Ruins: Tehran's Advantage in a Turbulent Middle East // *Foreign Affairs*, March-April, 2018, Vol. 97, No. 2. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2018-02-13/iran-among-ruin>.

Такой субъектный подход получает все большее распространение, нежели первый. В информационных сообщениях и многих политических заявлениях последних лет нередко дискурс выстраивается вокруг одиозных организаций (например, Аль-Каида, ДАИШ, БМ, хуситская Ансар Алла) или личностей (ранее – Саддам Хусейн, Усама бен Ладен, а теперь – главы некоторых государств Ближнего Востока или лидеры радикальных боевых организаций). Впрочем, и среди ученых все чаще можно наблюдать отход от анализа системных факторов религиозного активизма в пользу второго – субъектного подхода. Если предположить, что это некоторый откат назад (или скорее в сторону), то вызван он скорее всего тем, что предложения по решению первостепенных социальных проблем несравнимо менее эффективны и более затратны и в материальном, и в административном, и в интеллектуальном плане, нежели оперирование конфессиональной проблематикой, связанной с громкими действиями боевых организаций или просчетами авторитарных ближневосточных лидеров и правящих семей.

Ярким примером акцента на определенном действующем лице региональной политики является повышенное внимание к Башару Асаду, президенту САР, который якобы непременно должен быть низложен и судим. Чаще всего в основе критики курса его администрации лежит тезис об алавитском меньшинстве, которое будто бы десятки лет властвует над суннитским большинством (около $\frac{3}{4}$ населения). Подчеркивание этого вопроса в прессе и политической аналитике в любом случае пагубно отражается на стабильности сирийского общества. Впрочем, при всех перекосах сирийской религиозной и национальной политики (принижение положения других

конфессиональных меньшинств, вопрос о личном статусе, о гражданстве и др.), при высоком уровне кумовства и семейственности в госструктурах, а также учитывая открытые двери для иранского влияния вопреки недовольству сирийцев-суннитов, обсуждение проблем Сирии не может не скатываться на уровень оценок волюнтаризма правящей семьи (а точнее – семей, условно говоря, Асадов и Махлюфов) и ее окружения.

Правда, далеко не всегда в западных экспертных оценках звучало осуждение политики сирийского режима. При всей своей нелюбви к нему, например, скандально известный британский политик-оппозиционер, многолетний депутат парламента и нынешний лидер проарабской партии «Респект» Джордж Гэллоуэй характеризовал Башара Асада в 2006 г. как «последнего остававшегося арабского лидера, не прибранного к рукам Западом», считая, что эту страну «ненавидели не за зло, сделанное ею, а за добро»³³.

Любопытно, что Гэллоуэй не делал упор на банальные претензии к режиму как власти религиозного меньшинства, да и вовсе избегал в своей критике религиозного вопроса:

«Темная сторона сирийского режима, прежде всего его авторитарный характер, ментальность полицейского государства и глубоко укорененная коррупция, разрасталась до фантастических размеров посредством неолиберального курса режима, сопровождающегося приватизацией, когда госсобственность передавалась в частное владение... компрадорам от режима. Это была другая часть правды, отчасти заслоняемая

³³ Galloway G. Syria Left Vulnerable by State Violence // *Al-Jazeera*, 15.08.2011. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2011/08/20118159535828664.html>.

арабским национализмом и антиимпериализмом сирийского народа и его правительства»³⁴.

Даже ярые противники сирийского правительства³⁵, такие как британский политический представитель в Сирии Гарет Бэйли, признавали, что не следует переоценивать «конфессиональное» звучание трагических эпизодов сирийского конфликта (в частности, так называемой резни в Хуле 25 мая 2012 г., когда погибли 109 гражданских лиц, включая 34 женщин и 49 детей³⁶) и что подавляющее большинство населения выступает за единство своего многоконфессионального общества. Спустя несколько лет становится все труднее согласиться, что межконфессиональные отношения в Сирии смогут вернуться к своему довоенному состоянию. «Религиозный аргумент» фундаменталистов, получающий страшное звучание в актах устрашения мирного населения и в осквернении или разрушении религиозных объектов (и храмов, и мечетей), нанес этим отношениям глубокую рану. Очевидная ригидность сирийских властей, не желающих признавать чрезмерной свою нетерпимость к политическому инакомыслию и при этом допускающих иранских шиитов в самую сердцевину силового аппарата³⁷, тем самым отдаляет примирение сирийских общин.

³⁴ Galloway G. Syria left vulnerable...

³⁵ См., например, его эмоциональные выпады против сирийских властей: Bayley G. Day for The Disappeared: Tens of Thousands of Syrians Have Been Disappeared by Regime // *HuffPost*, 25.05.2015. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/gareth-bayley/day-for-the-disappeared_b_17865784.html.

³⁶ Bayley G. Remembering Houla: Why Sectarianism Cannot Be Part of Syria's Future // *HuffPost*, 25.05.2015. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/gareth-bayley/houla-syria_b_7432592.html.

³⁷ Как пишут авторы книги о сирийских событиях, «участие ливанской Хизбаллы и других ополчений (militias), поддерживаемых

Примером другого рода субъектного подхода может служить анализ событий в Ираке, когда главной действующей стороной считаются иракские сунниты. Так, автор большого материала во французском издании «Джеостратеджик» исходил из «суннитского сопротивления» как первопричины трагических событий в Ираке. Он писал:

«Через несколько месяцев после назначения Нури аль-Малики премьер-министром осенью 2006 г. “Аль-Каида” создала “Исламское государство в Ираке”, что предполагало совсем не панисламскую, но панисламистскую программу. И тогда Ирак узнал о смертниках, убийствах и похищениях людей... Несколько террористических атак суннитов привели к гибели десятков иракцев-шиитов в священных городах Кербела и Наджаф (например, 2 марта и 15 декабря 2004 г., 5 января 2006 г., 14 апреля 2007 г., 17 марта и 11 сентября 2008 г., 12 февраля 2009 г., 1, 3 и 5 февраля 2010 г.). Только в 2013 г. межконфессиональное насилие между шиитами и суннитами привело к гибели 6650 человек с обеих сторон. Подобно христианам и шиитам не пощадили и езидов: несмотря на их стремление держаться подальше от жестоких религиозных и политических конфликтов, которые обагрили кровью часть Ирака, община езидов 14 августа 2007 г. стала жертвой четырех нападений смертников, когда в провинции Ниневия погибло более 400 человек»³⁸.

иранцами, придавало конфликту суннитско-шиитский оттенок и включило его в рамки региональной борьбы, вспыхнувшей после американской оккупации Ирака. Шииты отнюдь не были естественной мишенью для ненависти со стороны сирийцев-суннитов: они составляли лишь 1% населения и до революции не были особенно связаны с режимом» (см.: Yassin-Kassab R., Al-Shami L. *Burning Country: Syrians in Revolution and War*. London: Pluto Press, 2016. P. 112).

³⁸ Dumont G.-F. L'Irak face aux questions religieuses et ethniques // *Géostratégiques*. Avril 2015, No. 44. P. 29. Между прочим, автор – профессор Сорбонны и главный редактор журнала «Population & Avenir».

Иными словами, иракские сунниты якобы открыто прибегли к терроризму в ответ на изменение конфессионального представительства в верховной власти – создали специальную дочернюю организацию (ИГИ) после назначения главой правительства шиита. В дальнейших кровавых событиях инициатива будто бы продолжала принадлежать суннитам (автор при этом говорит не о джихадистах, экстремистах, такфиристах и т. п., но о суннитах вообще). Характерно, что тут же автор переходит к «подъему ДАИШ и этно-религиозным чисткам» (таково название параграфа), видимо, считая террор исключительно продолжением некоего суннитского сопротивления.

Пожалуй, уместно будет привести пример анализа того же вопроса с учетом гораздо более полного контекста и четкой логической связи причин и следствий. Так, рассуждая об экстремистских и террористических организациях, упомянутый ранее Дастин Берд опровергает идею, что притеснение суннитов, якобы имевшее место в Ираке и Сирии, дало толчок протестному движению с его крайне жесткими формами «освободительной борьбы» с суннитами в авангарде, но которое будто бы ставило целью переход этих обществ к более справедливой демократической форме правления. Он пишет:

«Эта аргументация в корне ошибочна, ведь ИГИЛ и их суннитские сторонники не могут противопоставить всеобщность (*universal*) партикулярности (*particularity*) правящих элит именно потому, что сами они ясно сформулировали, что являются исключительно сектантскими по своей природе: они сунниты и за суннитов... В этом смысле атаки ИГИЛ на Дамаск и Багдад не являются атакой всеобщего освободительного движения. Просто одна конфессиональная группа борется против другой. Оно не собирается трансформировать

все общество, разрывая те социальные и политические ограничения, которые связывают свободу личности, скорее они просто хотят заменить правление одной партикулярности правлением другой: всеобщие интересы полностью отсутствуют»³⁹.

В свою очередь, шииты с их многочисленными партийными вооруженными формированиями и привлечением советников из Ирана вызывают беспокойство многих в Ираке, Ливане, Сирии и других странах региона. Особенно это касается Ирака, в отношении которого говорят как о беспрецедентном влиянии на правящие круги, так и о прямой оккупации ряда районов страны (оценки прямого иранского военного присутствия доходили еще в марте 2015 г. до 30 тыс. чел.)⁴⁰. Феномен Ирака в этом смысле показателен: влияние из соседней страны, как и апелляция властей и большинства политических сил к военной и идеологической мощи Ирана, с лихвой перекрывают националистические и племенные мотивы, в которых идея единства страны и общества ставилась на первый план, а межконфессиональные различия отодвигались на периферию. Ярким примером такого рода движений являлась «Сахва»⁴¹, в рамках которой на первый план выходили

³⁹ Byrd D.J. *Post-Secularity and Its Discontents*. 2017. P. 234.

⁴⁰ Заявление председателя Комитета по безопасности и обороне парламента Ирака Шехвана Абдаллы. Kurdish MP: 30,000 Iranian soldiers, military experts fighting in Iraq // *Rudaw*, 22.03.2015. URL: <http://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/220320151>; Iran accused of sending 30,000 troops to fight in Iraq // *Al-Jazeera*, 23.03.2015. <http://www.aljazeera.com/news/2015/03/iran-accused-sending-30000-troops-fight-iraq-150322212917339.html>.

⁴¹ Миняжетдинов И.Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад) // *Религия и общество на Востоке*. 2018. Вып. 2. С. 109.

племенные структуры, а в качестве объединяющей использовалась одна из форм «исконной солидарности», причем отнюдь не конфессиональная.

Наиболее распространенное мнение связывает «шиитизацию» иракской политики с былым отстранением якобы шиитов от управления страной при Саддаме Хусейне, представляя нынешний феномен в качестве реванша шиитского большинства. Вот пример такого рода оценок еще «довесенного» времени:

«Неудача опыта шиитского сообщества в отношении новых идеологий, таких как коммунизм, секуляризм и национализм, побуждала его к формированию организационно-политических механизмов, которые использовали исконную солидарность (*primordial solidarities*) как средство для социальных и политических изменений... Хотя нельзя ставить под сомнение влияние географической близости и религиозной верхушки шиитов на формирование шиитской политизированной религиозности, все же такое развитие событий следует рассматривать как результат процессов и обстоятельств, в ходе которых эти две [иракская и ливанская шиитские] общины пострадали, начиная с постколониального периода»⁴².

Такая реваншистская трактовка относит исследователя, возможно, слишком далеко назад во времени, чтобы можно было обоснованно сопоставлять указанный фактор с современными социальными, геополитическими, военными и другими реалиями. Впрочем, и не учитывать его нельзя, тем более что для ближневосточных межобщинных отношений можно обнаружить взаимные претензии, действующие по сей день еще со времен халифатов.

⁴² Hazran Y. The Rise of Politicized Shi'ite Religiosity and the Territorial State in Iraq and Lebanon // *Middle East Journal*, Autumn 2010, Vol. 64, No. 4. P. 540–541.

Продолжу затронутую выше тему жертв среди езидского населения. В некоторых районах Ирака, по мнению самих езидов, в отношении их общины шел геноцид, причем ведущие силы Иракского Курдистана вовсе не защищали своих же курдов (в частности, в районах Шенгала), а рассматривали их как предмет политического торга. Так, в июле 2017 г. Масуд Барзани якобы представил в Брюсселе карту курдских территорий, где западные и южные районы Шенгала остались за пределами границ Курдистана⁴³. Население Шенгала, бежавшее некогда от наступавших боевиков ИГ и размещенное в лагерях на курдских территориях, контролируемых ДПК, в сентябре 2017 г. стало массово возвращаться в свои дома. Они делали это, несмотря на предпринимавшиеся атаки шиитских «аль-Хашд аш-шааби» против Сил самообороны Шенгала, которые вместе с Рабочей партией Курдистана удерживали эти горные районы и перевалы с 2015 г.⁴⁴ Езиды Шенгала опасались, что после общекурдского референдума и обострения внутрииракской ситуации им уже не удастся преодолеть блокпосты и кордоны и вернуться когда-либо домой. Сайт *ÊzîdîPress* с горечью заключал: «Спустя три года после начала геноцида для езидского сообщества ничего не изменилось. Никто из политических лидеров в Ираке не выразил заинтересованность в решении проблем езидов и других меньшинств страны, что делает их разменной монетой в политической борьбе»⁴⁵.

⁴³ Barzani Shows Genuine Map of Kurdistan in Europe Ahead of Referendum // *Basnews*, 18/07/2017. URL: <http://www.basnews.com/index.php/en/news/kurdistan/364669>.

⁴⁴ *ÊzîdîPress*, 22.09.2017. URL: <http://www.ezidipress.com/ru/2017/09/22>.

⁴⁵ Ibid.

Подобные проблемы нуждаются в незамедлительном решении, поскольку с каждым днем все усиливается социальное отчуждение внутри структуры конкретного ближневосточного социума. Учеными должны предлагаться действенные варианты решения. Однако подход сквозь призму проблем одной религиозной общины или одной политической и военной силы в значительной степени сужает угол обзора, исключает многофакторность анализа. А следовательно, число вариантов благополучного снятия дисбалансов в межконфессиональных отношениях, которые теоретически могут быть предложены, в той же степени сокращается.

«Сетевые» религиозные структуры на примере арабов-шиитов*

Попытка выявления религиозных факторов многоплановых трансформаций на Ближнем Востоке выводит на вопросы, кажущиеся на первый взгляд слишком общими. В частности, на первый план в регионе выходят такие явления, как ценностная конкуренция, а также изменение транснациональных идентичностей, в том числе конфессиональных. При этом недопустимо рассмотрение этих идентичностей как фиксированных категорий, ибо они становятся более гибридными и подверженными влияниям и изменениям. События Арабской весны дали импульс к обновлению публичного пространства арабских стран Ближнего Востока, да и других стран региона. Проблемы, связанные с новым витком трансформации региона, его политической, экономической и культурной

* Параграф написан к. и. н. Н.А. Беренковой (ННГУ)

самобытностью, были в очередной раз вынесены на общеарабский уровень.

Шиитские транснациональные сети, связанные с деятельностью отдельных организаций и их идеологиями, не являются новинкой для Ближнего Востока. До середины XX в. они были прежде всего связаны с деятельностью влиятельных шиитских алимов-исна-ашаритов и существованием ряда религиозных центров. В суннитских по преимуществу государствах с помощью налогов шиитские алимы получали экономическую самостоятельность и независимость от государственных институтов, но долгое время оставались вдали от политической власти. Их характеризовала высокая мобильность, многие алимы перемещались из страны в страну с целью получения образования и продолжения работы.

Религиозные центры играли большую роль в формировании единого шиитского социокультурного пространства. Некоторые из них сейчас потеряли свой статус (Аль-Хилла в Ираке XIII–XIV вв. или Джебель Амиль в Ливане XV–XVI вв.), другие сохраняют его до сих пор, оставаясь местами паломничества и религиозного образования: Наджаф, Кербела, Кум. Между этими центрами Ирана и Ирака, как и между отдельными муджтахидами, шла непрерывная конкуренция за влияние в общине. У шиитов никогда не было единого *марджаа ат-таклида*⁴⁶, чей авторитет не оспаривался бы другими религиозными деятелями.

Многочисленные изменения в общественной жизни, вызванные модернизацией в начале XX в., приводили к появлению первых признаков обновления шиитской методологии по отношению к политической

⁴⁶ С араб. «образец для подражания» – в шиитском исламе главный религиозный авторитет в вопросах права и богословия.

власти⁴⁷. К середине XX в. появились новые шиитские движения в форме политических партий, нацеленных на активное участие в политике и жизни общества. Изначально идеологии этих движений были призваны противопоставить религиозную традицию светским левым и материалистическим идеям. Так шиитские религиозные лидеры стремились сохранить существующую роль религии в обществе. В Ираке жесткую позицию занимал аятолла Мухсин аль-Хаким, не признававший коммунистов мусульманами⁴⁸.

Классическим примером шиитской политической транснациональной организации является партия «Даава аль-исламия» («Исламский призыв», или Даава), вдохновленная идеями Мухаммада Бакира ас-Садра. Появившись в Ираке в 1957 г., она вскоре распространила свою деятельность и на Ливан, и на королевства Персидского залива. Даава стала первой шиитской партией в исламском формате с четкой организацией и высоким уровнем секретности, что было обусловлено ее внесистемной деятельностью. Многие современные религиозные шиитские лидеры получали образование в Наджафе в 1960–1970-е годы, как раз в те годы, когда Даава была особенно активна и влиятельна среди студенчества⁴⁹. Многие высокопоставленные муджтахиды дистанцировались от деятельности партии, которая могла угрожать их религиозному авторитету. Такую позицию по отношению к Дааве занимали аятолла Мухсин аль-Хаким и его ученики, разъехавшиеся по разным странам

⁴⁷ Хачим Ф.И. *Исламские концепции государственной власти*. М.: РУДН, 1999. С. 78.

⁴⁸ Louër L. *Shiism and politics in the Middle East*. New York: Columbia University Press, 2012. P. 15.

⁴⁹ Ibid. P. 28.

Арабского мира, например Мухаммад Хуссейн Фадлалла и Мухаммад Махди Шамседдин в Ливане. Но впоследствии эта сетевая структура разрослась, и наследие Даавы можно обнаружить сейчас не только в Ираке, но и в Бахрейне, Ливане, Саудовской Аравии и Кувейте.

После победы Исламской революции в Иране 1979 г. начался новый этап в развитии шиитских движений в арабских странах. *Во-первых*, целенаправленное распространение получила концепция *веляят-е факих* («власть, повеление богослова-правоведа»). Некоторые вновь образованные движения принимали религиозное лидерство аятоллы Рухоллы Хомейни, и примером такой организации стала ливанская Хизбалла. *Во-вторых*, власти арабских государств стали с большей осторожностью относиться к собственным шиитским общинам, обнаруживая в них «пятую колонну» Ирана. Их опасения подтвердились восстанием 1979 г. в Аль-Катифе (Саудовская Аравия) и попыткой переворота в Бахрейне в 1981 г. Шиитские общины этих стран чувствуют последствия тех волнений до сих пор.

Организаторы протестов в обеих странах были связаны с еще одной транснациональной шиитской сетью – «ширазистами», которые первоначально были близки идеям Р. Хомейни, но в 1980-е годы разошлись с ним. Основателем этого движения стал Мухаммад аш-Ширази из Кербелы. Он достаточно рано получил звание муджтахида и создал вокруг себя широкую сеть последователей, многие из которых были членами его семьи. «Ширазисты» конкурировали с алимами из Наджафа, не признавая вторую позицию Кербелы в области теологии. После конфликта с бааситским режимом многие «ширазисты» были

вынуждены покинуть Ирак. Так, Хасаном аш-Ширази была основана школа в городе Саида Зейнаб в пригороде Дамаска, сам М. аш-Ширази долгое время работал в Кувейте, его племянник Хади аль-Мудариси развернул свою деятельность в Бахрейне. Как и многие другие, эта сеть укреплялась существованием исламских благотворительных обществ, связанных между собой. Различные ответвления ширазизма (например, *мударрисия*) сохраняют влияние в Саудовской Аравии и Бахрейне.

Идеологии шиитского активизма (впрочем, как и многие суннитские) можно классифицировать по двум осям: национализм / интернационализм и конфессиональная замкнутость / экуменизм. Так, например, Партия Муктады ас-Садра – исключительно иракская националистическая группировка, которая встала в оппозицию как традиционным клирикам-квиедистам (во главе с аятоллой Али ас-Систани), так и всем другим шиитским партиям, подозреваемым в связях с Ираном. Интересно, что ливанский шиитский деятель Мухамед Хусейн Фадлалла развивал своеобразный арабский экуменистический исламизм, пытаясь примирить два направления ислама. К этому можно добавить и пользующиеся большим влиянием в своих общинах светские партии, которые можно назвать шиитскими только благодаря конфессиональной принадлежности большинства их сторонников, но не в силу их религиозной направленности. К таким движениям можно отнести правозащитное движение в Бахрейне или партию АМАЛЬ в Ливане.

Говоря о шиитских организациях как факторе трансформации Ближнего Востока, можно отметить два аспекта: 1) характерный конфессиональный дискурс, который определяет политические процессы

в ходе противостояния между шиизмом и суннизмом; 2) растущая роль военизированных автономных шиитских организаций в вооруженных конфликтах.

Выше шла речь о взаимосвязанных общинах самого крупного направления шиизма – иснашаритских, однако сейчас набирает силу обобщающий (экуменический) нарратив в отношении шиитов Ближнего Востока. Доктринальные различия между шиитскими конфессиями нельзя назвать несущественными. Во многом парадоксальными оказываются международно-политические следствия «шиитской солидарности»: ее обнаруживают даже там, где не приходится говорить о собственно конфессиональной близости. Так, сотрудничество нынешнего правительства Сирии, а также хуситов в Йемене с Ираном обуславливается политической, а не религиозной логикой, ведь иснашаритский шиизм иранского типа имеет мало общего с зейдизмом в Йемене и тем более с религией сирийских алавитов. И все же именно шиизм многие военные аналитики и политические обозреватели видят в основе этих союзов, наполняя конкретным содержанием тезис о религиозной близости. Так что в нынешней ситуации конфессиональными различиями в шиизме легко пренебрегают, поскольку региональная обстановка сама предполагает поляризацию, характеризуясь крайней политизацией конфессиональной принадлежности на внутригосударственном и региональном уровнях.

Межконфессиональная напряженность, возникавшая в разные периоды истории, – во многом результат внутренней политики, проводимой правительствами отдельных государств. В Ираке, в частности, «дебаасификация» страны привела к росту конфликтности на межконфессиональной основе. В Бахрейне

и Саудовской Аравии шииты до сих пор рассматриваются как внутренний враг, как иностранцы, тесно связанные с Ираном и потенциально опасные для стабильности государства. Карта иранской угрозы становится для правящих элит внутри страны своего рода репрессивным инструментом, так как любой протест из поля внутренней политики выводится в категорию внешней, из социальной сферы – в религиозную. При этом шииты попадают в «группу риска» – коллаборационистов, связанных с внешним врагом. Показательным процессом стала высылка ливанцев и других иностранцев из стран ССАГПЗ по обвинению в связях с Хизбаллой, когда эта организация в 2013 г. была признана террористической. А Бахрейн в 2011 г. начал войну символов: был демонтирован, в частности, памятник на Жемчужной площади, который мог стать символом протеста, а также по указанию правительства было снесено несколько старинных шиитских мечетей⁵⁰.

На региональном уровне межконфессиональная напряженность стимулируется противостоянием двух держав с лидерскими амбициями – Ирана и Саудовской Аравии. Идеологическая борьба и «холодная война» между ними обусловлены политической конкуренцией и разными представлениями о будущем региона. Со стороны королевства и его союзников разнообразны шиитские организации рассматриваются как угроза, исходящая от Ирана, якобы стремящегося превратить шиизм в однородную конфессию, на которую он сможет оказывать прямое влияние.

⁵⁰ Sells M. *Shrine destruction in Bahrain*. The Martin Marty Center for the Advanced Study of Religion (University of Chicago). June 9, 2011. URL: <https://divinity.uchicago.edu/sightings/shrine-destruction-bahrain-michael-sells> (accessed: 17.09.2017).

В начале XXI в. политику отдельных шиитских организаций определяли национальные контексты. Однако в результате Арабской весны вопросы транснационального шиизма актуализировались в связи с общим ослаблением государств Ближнего Востока, усилением отдельных негосударственных игроков, а также возрождением некоторых наднациональных идентичностей. По мнению Тоби Маттисена, ключевым фактором повышения значения транснациональных идентичностей, причем не только среди шиитов, стало развертывание расширенной публичной сферы. С его точки зрения, это стало результатом провала общеарабской публичной сферы с помощью «панарабских» СМИ вроде «Аль-Джазиры», и после Арабской весны арабская публичная среда была перехвачена конкурирующими группами интересов с конфессиональной окраской⁵¹. Почему же дискурс сместился в конфессиональную сферу, а не принял националистические формы? Во многом это было обусловлено акцентированной конкуренцией Ирана и Саудовской Аравии и возросшей ролью исламистских движений, которые в результате событий Арабской весны обрели новые возможности для самореализации и достижения собственных целей.

Региональная и мировая шиитская интеллектуальная среда существовала и ранее, однако она была во многом ограничена религиозной сферой: алимы могли вести полемику на страницах многочисленных международных газет и журналов (например, «Аль-Ифран», «Аль-Адва», «Аль-Мунталяк»). Позже отдельные партии и движения начали создавать

⁵¹ Matthiesen T. Transnational diffusion between Arab Shia movements // *Project on Middle East Political Science*. URL: <https://pomeps.org/2016/08/16/transnational-diffusion-between-arab-shia-movements>.

свои пропагандистские средства – газеты, журналы, спутниковые каналы. Сейчас площадкой для шиитской дискуссии служат не только многочисленные телевизионные каналы и пресса, но и социальные сети. Благодаря распространению новых технологий и новых СМИ информация стала как более доступной, немедленно отражающей произошедшие события, так и менее рефлексивной. Противостояние перешло и в информационное поле – между СМИ, финансируемыми королевствами Персидского залива, и такими «шиитскими» каналами, как «Аль-Алям», «Аль-Манар» и «Ахлюл Бейт».

В высокой степени консолидации шиитской публичной сферы в регионе способствовало провозглашение в 2014 г. ИГ с его откровенно антишиитской риторикой и насилием на религиозной основе, в частности в Ираке и Сирии. Основными обсуждаемыми темами стали защита шиитских святынь в Сирии, военная операция Саудовской Аравии в Йемене, ущемление прав человека в Бахрейне. Дискуссия о физической угрозе шиитам региона, а также рост шиитского самосознания представляют собой скорее стихийные явления, чем результат «мягкой силы» Ирана на религиозном направлении. Оснований тому несколько. *Во-первых*, многие активисты, в частности в Бахрейне, видят в контактах с Ираном определенную опасность для своего положения и репутации, а поэтому держат дистанцию и высказываются осторожно по любым вопросам, связанным с этой страной. Лишь некоторые движения (например, ливанская Хизбалла), открыто признающие *веляят-е факих*, не избегают этих вопросов, но в то же время обращают внимание на духовный характер этого лидерства. *Во-вторых*, сам Иран долгое время концентрировался на продвижении проекта

«оси сопротивления», который не подразумевал шиитской составляющей, а ставил во главу угла антиамериканизм и антиссионизм. Впрочем, с ростом региональных противоречий приоритеты, видимо, будут меняться.

Предотвратить медиавойны в данных условиях почти невозможно. СМИ все чаще подчеркивают религиозную принадлежность и гражданских жертв, и вооруженных организаций. Эти оговорки упрощают конфликт, объясняя ситуацию в рамках понятных стереотипов. Поэтому для меняющегося Ближнего Востока напряженный информационный фон будет реальностью еще долгое время.

Другим аспектом влияния шиитских движений на трансформацию Ближнего Востока предстает увеличение числа военизированных группировок с шиитской идентичностью и рост их популярности, который не сопровождается общеарабской солидарностью. Так было, в частности, в случае с ливанской Хизбаллой после войны с Израилем в 2006 г. Эти формально независимые от государства игроки участвуют в конфликтах и напрямую влияют на ситуацию в отдельных районах, в том числе и за пределами своей страны. Такие организации существуют в Йемене, Ираке, Сирии, Ливане – везде, где есть шиитское население и текущий вооруженный конфликт (или высокая его вероятность).

В Ираке на государственном уровне в 2014 г. было создано народное ополчение «аль-Хашд аш-шааби» для борьбы с ИГ. Оно включило в себя уже существовавшие военизированные организации и партии, например «Организацию Бадра». При этом был использован мобилизационный потенциал религиозных институтов: и аятолла Али ас-Систани в своей фетве,

и в религиозных школах призывали участвовать в общей борьбе⁵². Хотя правительство пытается институализировать эту организацию, «аль-Хашд аш-шааби» остается всего лишь зонтичной структурой, чьи отдельные элементы неподконтрольны государству. А популярность ополчения свидетельствует о недоверии к государственным институтам и армии, которые ассоциируются с коррупцией, и беспомощность государства проявляется в том, что даже чиновники агитируют за присоединение не к иракской армии, а к ополчению.

Характерно, что националистически настроенный иракский шиитский лидер Муктада ас-Садр призывает⁵³ иракское правительство распустить «аль-Хашд аш-шааби» как структуру, в которой доминируют проиранские группировки. Националисты видят опасность подобных организаций в том, что и после окончания боевых действий (например, в Сирии и Ираке) лояльность этим организациям, вероятнее всего, сохранится: ведь сферу их действия составляет не только выполнение боевых задач, но также социальная поддержка населения, оказание ему помощи и обеспечение безопасности – наряду с распространением своих идей. Примером такой организации, доказавшей свою эффективность, является ливанская Хизбалла. С помощью многочисленных социальных программ она завоевала доверие ливанцев, а во времена политических кризисов в ряде районов попросту брала на себя многие функции государственных институтов.

⁵² Mansour R. *The Popularity of the Hashd in Iraq*. Carnegie Middle East Center. URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/62638?lang=en>.

⁵³ Iraqi Shia Cleric Moqtada Al-Sadr Demands Govt Dismantle Paramilitary Groups // *Hindustantimes*. URL: <http://www.hindustantimes.com/world-news/iraqi-shia-cleric-moqtada-al-sadr-demands-govt-dismantle-paramilitary-groups/story-auSFxMGjpcb6ueTuy2xhMI.html>.

Хизбалла неохотно вступила в сирийский конфликт — после того, как осознала угрозу своему выживанию. Организация преуспела в ведении боевых действий, в значительной степени способствовав укреплению позиций сирийского правительства, но и приобрела при этом значительный боевой опыт.

Ближневосточные шиитские политические организации и движения многообразны и подчас конкурируют друг с другом в идеологическом и практическом планах. При этом на принятие решений многих из них оказывает преимущественное значение национальный контекст. Тем не менее быстро меняющаяся региональная обстановка способствует выработке единой повестки по основным вопросам. В условиях войны в Сирии, Ираке и Йемене, а также при высоком уровне физического насилия и жестокости атак экстремистов типа ИГ, где присутствует сильный антишиитский компонент, религиозная консолидация ближневосточного шиизма заявляет о себе все громче. Она проявляется в активизации деятельности негосударственных вооруженных группировок, обладающих транснациональными амбициями, а также наборе популярности общего прошиитского публичного пространства.

Взгляд в будущее

В заключение можно вспомнить пророческие слова, сказанные еще десятилетие назад профессором Гарвардской школы бизнеса Г. Панкаджем: «По всей видимости, нас ждут потрясения и циклические процессы, а возможно, даже новый период застоя либо движения вспять, который способен затянуться на многие

десятилетия»⁵⁴. И вот спустя годы зампреда Комитета по международным делам Совета Федерации РФ Владимир Лукин констатирует: «В настоящее время система международных отношений превращается из многополярной в значительно более плюралистическую и хаотическую. Скорее всего, в течение некоторого времени именно таким будет международно-политическое лицо современного неоконсерватизма»⁵⁵. Можно предположить, что одним из следствий или проявлений хаотизации отношений между обществами, в том числе межгосударственных отношений, является подъем террористической активности под религиозными лозунгами.

Размышляя над нынешней, неожиданной для многих волной протекционизма в мировой экономической политике (прежде всего США) и популярности в ряде стран правых движений, углублением пропасти между традиционалистами и либералами, фундаменталистами и релятивистами, вероятно, следует задаться вопросами: не была ли предопределена нынешняя парадоксальная ситуация попытками «глобализировать», сблизить между собой религиозные институты, а заодно унифицировать сами религии? Не дало ли возможность Ближнему Востоку стать ареной чудовищных проектов джихадистско-халифатистского типа преждевременное объявление «глобализованного» в цивилизационном отношении мира с безусловной толерантностью как основной ценностью и объявлением традиций архаикой? И не выпустило ли

⁵⁴ Гемават П. Почему мир не «плоский» // *Pro et Contra*. 2007. № 3 (37). Май-июнь. С. 105.

⁵⁵ Лукин В.Н. Глобальность деглобализации // *Россия в глобальной политике*, 07.11.2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Globalnost-deglobalizacii-19128>.

размывание локальных религиозных культур региона новую мощную волну реформизма, которую мы наблюдаем пока только в ее зачатке?

Мировой постмодернистский проект, охвативший и ближневосточные общества, предполагал внутренний реформизм, но вектором его, по-видимому, должна была стать унификация, сближение ценностей традиционных конфессий региона. Тем не менее наблюдаемая сегодня хаотизация сложившихся на Ближнем Востоке социальных и межгосударственных отношений и очередной перекрой его карты открывают двери совсем не либеральным ценностям. То есть вовсе не свободе открыто придерживаться традиционных ценностей и соблюдению прав верующих основных конфессий. Планомерная дискредитация религиозного многообразия Ближневосточного региона, провозглашение его пестрой конфессиональной палитры основной проблемой и источником конфликтов могут привести к ответному действию: законным требованиям соблюдения вероисповедания собственно верующих (так сказать, *de profundis*, из недр) – не со стороны входящих в состав элит религиозных иерархов, а из народа. Новый виток насилия станет тогда неизбежен. И в тот момент на смену объявлявшимся еще вчера тираниями ближневосточным светским режимам придет уже настоящий – всеобъемлющий, в свою полную силу – диктат.

По-видимому, не имеет смысла вопрос, что является причиной, а что следствием – приверженность рядовых жителей Ближнего Востока религиозным догмам и готовность за них умирать или чувствительные в высшей мере явления во внутренней политике стран региона и их взаимоотношениях (включая военное вмешательство в момент острых фаз конфликтов).

Религиозный фактор текущих изменений в регионе настолько же существен и многообразен, насколько важной для человека остается вера и насколько различны ее проявления в общественной жизни.

В плане научного подхода к изучению вопроса весьма продуктивным может оказаться привлечение инструментария социальной психологии, включающей проблематику трансляции религиозного опыта на социальные отношения. Разработка важных для нашей темы философских понятий – традиции, социальной инерции, религиозной культуры, а также вопросов соотношения религиозной жизни с деловой активностью, политикой (в том числе формами политической борьбы и протеста) и идеологией – могут существенно расширить возможности исследования религиозного фактора в ходе нынешних трансформаций обществ Ближнего Востока. Такой междисциплинарный подход, по всей вероятности, способен вывести анализ актуальных процессов в регионе на новый уровень, оставив в прошлом однобокие логические ходы, исходящие из недостаточного набора факторов и приводящие к односторонним выводам.

ДЕЛИМИТАЦИЯ ГРАНИЦ: ПОСТОСМАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Первая мировая война привела к крушению Османской империи и перекройке существовавших около 500 лет государственных границ на Ближнем Востоке. Еще в канун Великой войны Марк Сайкс и Франсуа Жорж-Пико начали работу по составлению планов послевоенного раздела сфер влияния на территории бывшей Османской империи. Секретное англо-французское соглашение, к участию в котором впоследствии решили привлечь Россию и Италию, было нацелено на раздел Ближнего Востока и предполагало создание сфер влияния союзников и их оккупационных зон. Великобритания должны были отойти территории современных Ирака, Иордании, части Палестины. Франция должна была получить центральные и юго-восточные земли современной Турции, Сирию, Ливан, Северный Ирак. Россия получала зону Проливов, а также северо-восточную Анатолию. Италия должна была получить свою зону влияния в юго-западной Анатолии и часть областей центральной Анатолии. Публикация советским правительством секретных документов царского правительства сделала планы переустройства региона достоянием мировой общественности. В глазах народов региона соглашение стало символом империализма, а межгосударственные границы, прочерченные

на его основании, считаются источником современных этнополитических проблем региона.

В первом разделе главы речь пойдет о реакции османского правительства и руководства Турецкой Республики на переустройство региональных границ. Октябрьская революция в России вывела Османскую империю, стоявшую на грани поражения на Кавказском фронте, в число победителей. Фактически турецкой армии после развала русского фронта удалось вернуть все территории, которые были ею потеряны после 1878 г. В то же время двуличность прежде всего великобританских дипломатов, пытавшихся на завершающем этапе войны прозондировать позицию Турции на предмет заключения сепаратного мирного договора, и нарушение условий Мудросского перемирия 30 октября 1918 г. привели к потере турками таких территорий, как Мосул и Алеппо. Правительство Турецкой Республики не смирилось с этими утратами как тогда, так и сейчас. Аннексия Александрийского санджака в 1938–1939 гг. и декларируемая защита туркмен Сирии и Ирака – живые тому примеры. Интерес к последствиям соглашения Сайкса–Пико в Турции не ослабевает до сих пор, а турецкие правящие круги, эксперты и аналитики вновь и вновь пытаются определить сферу национальных интересов за пределами зачастую искусственных и нерациональных послевоенных административных границ.

Второй раздел главы посвящен разграничению подмандатной Палестины после Первой мировой войны. Подмандатная Палестина как административная единица появилась в результате создания новой системы управления захваченными территориями Османской империи. Палестина перешла под контроль Великобритании, которая должна была управлять ею до тех

пор, пока народы подмандатных территорий не оказались бы готовы к самоуправлению. Право на это британцы получили во многом благодаря Декларации Бальфура – документу в поддержку сионистского движения, опубликованной ими в конце 1917 г. Именно она стала основанием для «восстановления Палестины в качестве национального очага для еврейского народа», впоследствии ставшего еврейским государством, Израилем. Споры относительно его границ, сформированных именно в ходе распределения и разграничения ближневосточных мандатов между Великобританией и Францией, не утихают до сих пор.

Соглашение Сайкса–Пико и проблема формирования южных границ современной Турции¹

Накануне

К концу 1917 г. положение османских армий на фронтах Ближнего Востока было тяжелым. Продвижение превосходящих численно, технически и морально английских сил заставило турок перейти к обороне в Месопотамии, Палестине, на Аравийском полуострове. Усиление турецких частей германскими инструкторами и отдельными соединениями, приведшее к временной стабилизации фронта, давало небольшую надежду на улучшение положения. В то же время прекращение активных боевых действий русской армии на Кавказском фронте,

¹ Имеются в виду прежде всего южные сухопутные границы с Ираком и Сирией.

Февральская и Октябрьская революции в России и постепенный развал Русской императорской армии давали турецкому командованию передышку на Кавказе. Начало сепаратных переговоров о мире с большевиками позволяло рассчитывать на возвращение дипломатическими средствами всех территориальных потерь во время войны.

Публикация в декабре 1917 г. советским правительством царских секретных дипломатических документов², и в частности планов раздела Османской империи, лишь подтвердила опасения османской элиты о существовании послевоенных планов раздела страны, однако широкого общественного резонанса не вызвала. Тем не менее турецкие власти попытались, используя опубликованные документы, вбить клин между арабами и англичанами. Военный губернатор Сирии Ахмед Джемаль-паша направил с особым уполномоченным к шейху шерифу Фейсалу известия о публикации соглашения Сайкса–Пико и письмо с разъяснениями и комментариями. В письме к Фейсалу Джемаль-паша, ссылаясь на перепечатку советской публикации в западной прессе, указывал на то, что англичане ведут двойную игру. Их подлинной целью является разделение и столкновение арабских лидеров друг с другом. По мнению Джемаль-паши, шерифа Хусейна англичане таким образом заманили в политическую ловушку³. Для обсуждения сложившейся ситуации Джемаль-паша приглашал Фейсала на переговоры в Дамаск. Он также сообщил, что

² См.: Россия. Министерство иностранных дел. Архив. Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел / [Отв. ред. Н. Маркин]. [Пг., 1917–1918]. № 1–7.

³ Knightley P., Simpson C. *Lawrence'in Gizli Hayatı (Çeviren: Cüneyd Emiroglu)*. İstanbul, 1975. S. 126.

Османская империя готова предоставить арабам полную автономию и что ее гарантирует не только султан, но и Германия⁴. Во время своего выступления на торжественном приеме в его честь в Бейруте Джемаль-паша заявил, что является сторонником соглашения с арабами. Он еще раз подтвердил, что написал Фейсалу письмо с изложением всех недавних известий и описанием дикости и опасности текущей ситуации. Далее Джемаль-паша сказал, что если Фейсал – истинный мусульманин, то он повернется против англичан и вернется в лоно ислама и халифата⁵. Аналогичное письмо Джемаль-паша направил и командиру повстанческой армией Джафару ал-Аскарри⁶.

Фейсал передал содержание письма Джемаль-паши своему отцу, шерифу Хусейну. Однако тот занял выжидательную позицию, не дав ясного ответа. Тем не менее до конца войны Фейсал продолжал переписку с Джемаль-пашой, так как хотел сохранить возможность стать посредником между арабами и турками в случае победы германо-турок⁷.

Публикация соглашения Сайкса–Пико, действия Джемаль-паши и реакция Арабского мира вынудили англичан отрицать существование такого тайного соглашения, обвинять турок во лжи или заявлять о предварительном характере достигнутых договоренностей. Для противодействия Джемаль-паше они

⁴ Umar Ö.O. *Osmanlı Yönetimi ve Fransız Manda İdaresi altında Suriye*. Ankara, 2004. S. 300.

⁵ Karasapan C. *Tevfik. Filistin ve Şarkü'l Ürdün*. Cilt 1, İstanbul, 1942. S153–154; Uçar N. *Kanal-Mısır, Serapa giden yol. Türk Dünyası Tarih Dergisi, Sayı 27*, İstanbul, Mart 1989, S. 33.

⁶ Umar Ö.O. *Osmanlı Yönetimi...* S. 300.

⁷ Evans L. *Türkiye'nin paylaşılması (1914–1924)* (Çeviren: Tevfik Alanay). İstanbul, 1972. S. 119.

заявили, что территории, которые арабы успеют захватить в Сирии, останутся затем в их руках. Хотя это и не развеяло полностью опасений арабских лидеров, но привело к тому, что они с новой силой начали боевые действия против турок⁸.

Подписание Мудросского перемирия между османским правительством и Антантой 30 октября 1918 г. фактически означало военное поражение Османской империи. Перемирие предусматривало роспуск османской армии (кроме сил, необходимых для охраны границы и поддержания правопорядка), открытие Проливов, контроль союзников над флотом, важнейшими путями сообщения, железными дорогами и средствами связи, источниками угля, мазута, топлива. Соглашение предусматривало, что союзники в случае опасности получают право занимать отдельные регионы и города Османской империи⁹. После подписания перемирия западные державы фактически начали оккупацию отдельных регионов и городов Османской империи в соответствии с теми планами, которые лежали в основе соглашения Сайкса–Пико. Представлялся удобный случай для успешного разрешения «Восточного вопроса».

Нарушение условий перемирия поначалу не вызвало особенного беспокойства султанского правительства. Османские газеты выражали сдержанный оптимизм по поводу завершения войны, отражая мнение

⁸ Bayur Y.H. Dünya Savaşı sırasında Osmanlı devletinin paylaşılması hakkında yapılan anlaşmalar // *Cumhuriyetin 50. Yıldönümü Semineri*, Ankara, 1975. S. 47.

⁹ URL: <http://web.archive.org/web/20170708170201/http://www.ataturkdevrimleri.com/yazi-609-mondros-ateskes-antlasmasinin-maddeleri.html>.

народа, уставшего от лишений¹⁰. Османское правительство заняло покорную и соглашательскую позицию, полагая, что на созываемой мирной конференции возобладает логика «принципов Вильсона», и Турция не понесет существенных территориальных потерь. Так, например, начальник османского Генерального штаба и одновременно Великий визирь Ахмед Иззет-паша в распоряжении от 31 октября 1918 г. командованию 9-й Османской армии писал, что «касательно переговоров о мире, [цель] не выходя за пределы выдвинутых нашими противниками основных положений о послевоенном устройстве мира, осуществить те из этих положений, которые нам выгоднее всего, и за счет смещения нашего текущего правительства добиться симпатий иностранных государств или шагов нам навстречу с их стороны»¹¹.

18 февраля 1919 г. в Париже была созвана мирная конференция, которая должна была определить послевоенное устройство мира. Обсуждение судьбы территорий Османской империи и строительство на ее обломках новых государственных границ в соответствии с соглашением Сайкса–Пико вынудили турецкую элиту отказаться от первоначальных прекраснотушних взглядов на роль Турции в послевоенном мироустройстве и начать выработку альтернативы планам раздела бывших имперских владений. Создание в пределах османских границ национальных государств курдов, арабов, греков и армян воспринималось турками особенно болезненно. 12 февраля новый Великий визирь Ахмед Тевфик-паша представил комиссарам

¹⁰ Budak M. Mütareke döneminde İtilaf Devletlerinin Müdahaleleri (30 Ekim 1918 – 15 Mayıs 1919) // *İlmi Araştırmalar*, Sayı 5. İstanbul, 1997. S. 81–82.

¹¹ Ibid. S. 99–100.

Антанты в Стамбуле меморандум для участников Парижской конференции. В нем заявлялось о том, что Турция принимает четырнадцать пунктов Вильсона как основу послевоенного мироустройства. Предлагалось создать особую комиссию из представителей нейтральных государств: Швеции, Швейцарии, Дании и Голландии – для разрешения турецко-армянских противоречий. Объявлялось, что Анатолия и Восточная Фракия, за исключением отдельных регионов, городов и островов, обладают турецким большинством. В то же время в меморандуме указывалось на необходимость сохранить населенные арабами территории в составе Османской империи, что шло вразрез с «принципами Вильсона»¹².

Меморандум турецкого правительства был отклонен представителями Антанты как неуместный и ложный¹³. В марте–апреле 1919 г. турецкое правительство пыталось прозондировать английскую позицию относительно политического будущего Османской империи. 28 февраля 1919 г. османский министр внутренних дел и председатель Государственного совета Мехмед Шериф-паша посетил в Париже помощника лорда Бальфура сэра Чарльза Хардинга. Мехмед

¹² Bayur Y. H. *Atatürk Hayatı ve Eseri* (Doğumundan Samsun'a Çıkışına Kadar), I, Güven Basımevi, Ankara 1963. S. 261–263; Göztepe T. M. *Osmanoğullarının Son Padişahı Sultan Vahideddin Mütareke Gayyasında, Sebil Yayınevi*, İstanbul 1969. S. 102–103; Akşin S. *İstanbul Hükümetleri ve Millî Mücadele, Mutlakiyete Dönüş (1918–1919)*, I, II. Basım, Cem Yayınevi, İstanbul, 1992, s. 166; Tansel S. *Mondros'dan Mudanya'ya Kadar*, I, 3. Baskı, MEB Yayınları, İstanbul, 1991. S. 73. С. Соньель пишет о том, что османское правительство выступало категорически против отделения населенных арабами территорий от Османской империи и выражало готовность выделить для планировавшегося армянского государства ряд районов на востоке страны. См.: S. Sonyel. *Türk Kurtuluş Savaşı ve Dış Politika*, I, TTK Yayınları, Ankara, 1973. S. 43.

¹³ Bayur, Yusuf Hikmet. *Atatürk Hayatı ve Eseri...* S. 263.

Шериф-паша пытался выяснить, готово ли британское правительство по примеру Египта объявить территорию империи зоной «действия своего мандата». Таким образом, турки надеялись, что Британия использует опыт «совместного» управления Египтом для контроля над Османской империей. В ответ на это британское внешнеполитическое ведомство предложило английскому комиссару в Стамбуле смягчить свою позицию в переговорах с османскими властями.

Это приободрило турок, и 6 марта в Париже бывший османский губернатор Бейрута Халил-паша встретился с бывшим английским послом в Стамбуле сэром Луисом Маллетом. Халил-паша передал Маллету предложение османского правительства правительству Великобритании использовать свое влияние для того, чтобы объявить Османскую империю находящейся под своей защитой. Однако англичане дали прямой и недвусмысленный ответ: «время уже ушло». Одновременно англичане уведомили о содержании беседы послов Италии, США и правительство Франции, потребовав занять общую позицию относительно будущего Османской империи¹⁴. В результате этих по сути бесплодных попыток договориться с англичанами правительство Ахмеда Тевфик-паши в начале марта ушло в отставку, уступив место еще более проанглийскому кабинету Дамада Ферид-паши.

Дамад Ферид-паша после формирования нового правительства подверг еще большим репрессиям сторонников младотурок, видя в этом залог улучшения отношений с участниками Парижской конференции, а также с целью ознакомления прежде всего европейской общественности начал выпускать в Стамбуле

¹⁴ Akşin S. *İstanbul Hükümetleri ve Millî Mücadele, Mutlakiyete Dönüş (1918–1919)*, I, II. Basım, Cem Yayınevi, İstanbul, 1992. S. 166–168.

франкоязычную газету «Антанта». Хотя в некоторых турецких газетах того времени появились имена предполагаемых турецких делегатов на Парижскую конференцию, Дамад Ферид-паша в сближении с членами Антанты не преуспел, и приглашения к участию в конференции не последовало.

*«Национальный обет» – ответ на планы
раздела Османской империи*

Пользуясь слабостью османского правительства, союзники в течение ноября 1918 г. и первой половины 1919 г. продолжали занимать стратегически важные для них города и регионы страны. Так, в течение ноября 1918 г. англичане заняли Мосул, Адану. Французы заняли Мерсин, вскоре – Мараш; в марте 1919 г. – Эрегли и Зонгулдак на Черном море, а в апреле 1919 г. по соглашению с англичанами – сирийские территории, города Антеп и Урфу. Итальянцы в марте–апреле 1919 г. заняли Анталию, Конью, а затем начали и оккупацию юго-западного побережья Турции. Италии был обещан район Измира. Эти территориальные захваты обуславливались положениями соглашения Сайкса–Пико и связанного с ним соглашения в Сен-Жан-де-Морьенн. Однако серия сепаратных договоренностей Великобритании с Грецией привела к обострению противоречий среди союзников. Д. Ллойд Джордж обещал Э. Венизелосу за вступление в войну на стороне Антанты передать после войны грекам Восточную Фракию, острова в Эгейском море, населенные греками районы Анатолии и район Измира, где проживало существенное греческое большинство. И Греция,

и Италия претендовали на обладание Измиром и районом долины реки Мендерес. Рассерженные члены итальянской делегации покинули Парижскую конференцию в апреле и вернулись в Париж только 5 мая. Отсутствие итальянцев заставило Ллойд Джорджа ускорить переговоры с США и Францией о поддержке греческих притязаний. 15 мая 1919 г. греческие войска оккупировали Измир. Это событие было, с одной стороны, с раздражением воспринято странами Антанты, а с другой стороны, заставило османское правительство более активно добиваться участия в выработке решений Парижской конференции. По мнению Арнольда Тойнби, именно греческая оккупация, сопровождавшаяся беззаконием и репрессиями, стала толчком к началу национально-освободительной борьбы в Турции¹⁵.

Поспешная греческая оккупация Измира в то же время нарушила британские планы по «мягкому» разделу территории Османской империи, который мог быть более постепенным и успешным, учитывая находение у власти в Стамбуле прозападного правительства во главе со сторонником ориентации на Англию Дамадом Ферид-пашой. Расхождение интересов союзников и сложное внутреннее положение Османской империи изменили взгляды членов Антанты на участие в разделе османских территорий. Италия и ее руководство в лице графа Сфорцы перешли к поддержке национально-освободительного движения в Анатолии в противовес греческим устремлениям и уже к концу 1920 г. начали постепенно выводить войска из Анатолии.

¹⁵ Toynbee A.J., Kirkwood K.P. *Turkey*. London: Ernest Benn, 1926. P. 94.

Державы Антанты, обеспокоенные чрезмерно активной деятельностью греков, вынуждены были согласиться на участие османской делегации в Парижской конференции. 30 мая было получено официальное приглашение, а 14 июня 1919 г. османская делегация отправилась на мирные переговоры в Париже¹⁶.

17 июня Великий визирь Дамад Ферид-паша выступил в меджлисе с меморандумом, который отражал турецкую концепцию будущего мирного соглашения. Предлагалось придерживаться принципа *Statuto Antebellum* – возвращения к предвоенным границам и реалиям региона. Дамад Ферид-паша декларировал, что Турция будет руководствоваться пунктами Вильсона (пункт 12), указывая, однако, что мусульмане Османской империи, вне зависимости от языка и этнической принадлежности, являются носителями единой культуры, религии и традиций и это роднит их с 300 млн мусульман мира. В то же время судьбу немусульман Османской империи должна будет определить специальная комиссия в неопределенном будущем¹⁷.

Однако в Париже страны Антанты на основе положений соглашения Сайкса–Пико подготовили для Турции свой проект мирного договора, который и представили для ознакомления главе турецкой делегации, бывшему Великому визирю Ахмеду Тевфик-паше.

¹⁶ Budak M. I Dünya Savaşı sonrası yeni uluslararası düzen kurma sürecinde Osmanlı devletinin tavrı: Paris barış konferansına sunulan 23 Haziran 1919 tarihli muhtıra // *Divan*. İstanbul, 1999/2. S. 197–198.

¹⁷ Текст меморандума см.: А. İzzet Paşa. *Feryadım*, II. S. 313–316 (Ek 22); М. Cemil (Bilsel). *Lozan*, I, Ahmet İhsan Matbaası, İstanbul, 1933. S. 224–227; *Konuşmanın özeti için bkz., Âli Türkgeldi, Mondros ve Mudanya Mütarekelerinin Tarihi*, Ankara, 1948. S. 116–117; *Konuşma tarihini 12 Haziran olarak vermekle beraber bkz., T. Bıyıklıoğlu, Trakya'da Millî Mücadele*, I, 2. Baskı, TTK Yayını, Ankara, 1987. S. 180; *Yorumlu bir şekilde ise bkz., S. Akşin*, a. g. e., I, s. 396–398.

Этот проект впоследствии лег в основу Севрского мирного договора¹⁸. Увидев проект договора, который планировалось подписать в предместье Парижа Севре, Тевфик-паша пришел в ужас. «Этот проект предусматривает ликвидацию политического существования Османской империи. Это неприемлемо», – заявил он¹⁹. 23 июня 1919 г. османская делегация представила собственный меморандум (который также называют «Мюдафаа-наме», т. е. «защитное письмо»), ставший, по сути, дела ответом на планы раздела региона. Данный меморандум впоследствии лег в основу «Национального обета», который определял границы турецкого национального государства, за возвращение которых или, по крайней мере, за существование в пределах которых и велась национально-освободительная борьба.

Меморандум от 23 июня 1919 г. содержал следующие пункты:

1. Османская империя объявляла о своей приверженности к западной цивилизации, об отсутствии враждебных намерений в отношении Запада, о том, что ее участие в войне было вызвано желанием защититься от агрессивных планов царизма.
2. Османская империя снимала с себя вину за погромы немусульманского населения во время войны.
3. Османская империя заявляла, что, несмотря на поражение, страна не упала духом и надеется на заключение мирного договора в соответствии с пунктами Вильсона (12-й пункт).

¹⁸ URL: <http://www.genocide.ru/lib/treaties/contents.htm>.

¹⁹ URL: <http://www.aljazeera.com.tr/al-jazeera-ozel/ortadogu-batiya-muhtac-olsun-anlasmasi>.

Определялись границы Турции: на западе от Ливы Гюмюльджин (линия турецко-болгарской и турецко-греческой демаркации по итогам Второй Балканской войны) до Поти на северо-востоке, до границы с Ираном на востоке; на юге от района Киркука (который объявлялся районом разграничения проживания этнических турок и арабов) через Мосул, Рас-эль-Айн до Алеппо; в провинции Алеппо пограничная линия сворачивала на юг и через север провинции Латакья тянулась до Средиземного моря. Указывалось, что эти земли вместе со столицей в Стамбуле являются средоточием османского национального суверенитета.

4. Решение вопроса о создании автономий для греков и армян предполагалось перенести на будущее. Отмечалось, что это крайне болезненный вопрос, который может привести к бегству местных мусульман, которые живут на этой территории веками. Предполагалось создать смешанную комиссию из представителей Антанты и Турции для решения данной проблемы.
5. В отношении арабов османское правительство отмечало их тесную культурную и религиозную связь с султанатом и халифатом и считало невозможным их насильственное отделение от империи. Предлагалось сохранить их в составе Османской империи, предоставив им широкую автономию в соответствии с пунктом 12 В. Вильсона.
6. Данные границы османское правительство считало окончательными и не подлежащими изменению. Указывалось на необходимость сохранения халифата.

7. Династия наследников Османа должна была быть сохранена у власти.
8. Османское правительство настаивало на отмене капитуляций и экономической независимости.
9. Тем не менее Османская империя готова выплатить свои долги, рассчитав их в соответствии с численностью населения в пределах национальных границ.
10. Турция готова следовать пункту 12 В. Вильсона об открытии Проливов при условии соблюдения ее права на оборону территории.
11. Османское правительство заявило протест в связи с незаконной оккупацией городов Измир, Кonya, Адана, Мерсин, Ментеше, Анталья.

Таким образом, османское правительство попыталось выдвинуть свои условия послевоенного устройства региона, исходя из своих, не имеющих ничего общего с реальностью представлений. 28 июня был получен ответ от «Большой четверки» о том, что по причине существующих международных договоренностей невозможно выполнить турецкие требования. В связи с этим объяснялось, что подписание мирного договора затягивается на неопределенный срок, и поэтому присутствие турецкой делегации на конференции на данном этапе излишне.

Одновременно со стамбульским правительством против выдвинутого Антантой проекта договора выступили национальные силы во главе с Мустафой Кемалем. До прибытия османской делегации в Париж на переговоры он подобно другим османским политическим деятелям был уверен в успешности переговоров для Османской империи, о чем уведомлял близких к нему офицеров. После провала

парижских переговоров началом его политической борьбы стала рассылка 21–22 июня 1919 г. из г. Амасья «Амасьинского циркуляра», в котором впервые говорилось о национальном суверенитете, утверждалось, что османское правительство в плену у союзников по Антанте, содержался призыв к борьбе с оккупантами.

Следующим шагом Мустафы Кемаля стало проведение конгресса делегатов шести восточных провинций Турции в Эрзеруме с 23 июля по 4 августа 1919 г. и затем более масштабного национального конгресса в Сивасе с 4 по 11 сентября 1919 г. Наиболее важными решениями обоих конгрессов стали:

- Признание территориальной целостности Османской империи; конгресс в Сивасе фактически утвердил, что национальные границы должны совпадать с линией соприкосновения сторон, установившейся к моменту подписания Мудросского перемирия. Исламское большинство на территориях бывшей империи признавалось единым и неделимым большинством.
- Сопротивление попыткам создания греческой и армянской автономий и призыв к народу на борьбу с интервентами; непризнание любых форм протекторатов и подмандатных территорий.
- Формирование «Комитета представителей» – альтернативного правительства; неприкосновенность халифата и султаната.
- Консолидация всех национальных сил.
- Требование к султанскому правительству в Стамбуле немедленно созвать парламент для поиска путей спасения родины.

Проведение конгрессов позволило Мустафе Кемалю консолидировать разрозненные национальные силы, боровшиеся с Антантой. Интересно, что консолидация происходила прежде всего на основе тех представлений о естественных границах Турции, которые содержались в меморандуме османского правительства «Большой четверке» в июне 1919 г. Важным показателем принадлежности к национальным силам стало, таким образом, непризнание любых договоренностей и планов раздела остатков Османской империи.

Стамбульское правительство вынуждено было пойти на уступки Мустафе Кемалю и провело в ноябре 1919 г. выборы в парламент, на которых победили сторонники национальных сил. В начале 1920 г. депутаты нового парламента стали прибывать в Стамбул. В то же время в Анкаре завершилась подготовка основополагающего для национальных сил документа — «Национального обета», ставшего политическим манифестом борьбы турок за независимость и своеобразным ответом на соглашения о колониальном разделе бывших имперских территорий. «Национальный обет» стал логическим продолжением османского меморандума от 23 июня 1919 г., который отклонила Антанта. Текст обета был переправлен в Стамбул на рассмотрение нового парламента.

Подготовленный в Анкаре текст «Национального обета» и текст, принятый парламентом и опубликованный в Стамбуле, содержали ряд различий. Анкарский текст состоял из 8 пунктов. В итоговом стамбульском варианте сохранилось 6 пунктов:

1. Будущее территорий, населенных арабским большинством и занятых вражескими войсками к моменту подписания Мудросского перемирия,

должно определяться свободным волеизъявлением населения, проживающего в пределах определенных перемирием границ. Османское исламское большинство, связанное единством религии, родовых отношений и [политических] целей, привязанное к своим этническим и социальным правам, принимая во внимание его связи и окружающие внешние условия, является единым целым, неотделимым друг от друга ни каким-либо действием, ни законодательным актом.

2. В случае необходимости для населения трех вилайетов, проголосовавших за вхождение в состав родины (Эльвие-и Селясе, или Карс, Ардаган и Батум), может быть повторно проведен референдум.
3. Определение правового статуса Западной Фракии, отложенное до заключения мирного договора с Турцией, должно проводиться путем свободного голосования его жителей.
4. Мраморное море и Стамбул, являющийся центром султаната и халифата, должны быть ограждены от любой угрозы. При условии соблюдения этого принципа открытие проливов Босфор и Дарданеллы для мировой торговли и транспорта будет определяться путем переговоров Турции и других заинтересованных держав.
5. В рамках принципов, содержащихся в договоренностях между странами Антанты, их противниками и их партнерами, права меньшинств будут признаны и защищены с надеждой на то, что права мусульманских меньшинств в соседних странах также будут защищены.

6. «Для того чтобы найти возможность национального и экономического развития, и для ведения дел более современным, более организованным способом, и в деле обеспечения условия развития для нас, как и для каждой страны, основным принципом нашего существования и нашего будущего является обладание абсолютным суверенитетом и независимостью. По этой причине мы против любых политических, юридических, финансовых и других ограничений нашего развития. Условия выплаты наших долгов, которые еще предстоит установить, не должны противоречить этим принципам»²⁰.

Таким образом, три пункта обета из шести связаны с вопросами формирования послевоенных границ. Из первоначального текста, составленного в Анкаре, исчез отдельный пункт, в котором предлагалось наказывать виновных в военных преступлениях. Самые важные изменения коснулись первого пункта документа. Первоначально были подготовлены два пункта, касавшиеся отдельно арабского населения и османского исламского большинства. Впоследствии они были объединены. Под османским исламским большинством подразумевались турки, курды и в меньшей степени отуреченные арабы. Объединение двух первых пунктов в один означало, что турецкие составители «Национального обета» ожидали и от части арабов симпатий к идее единого государства. В первоначальном тексте говорилось о «проживающих внутри

²⁰ Полный текст «Национального обета» цитируется в соответствии с оригиналом на сайте Турецкого исторического общества. См. URL: <http://www.webcitation.org/60l8KkhHX>.

определенных перемирием границ и за их пределами», однако в финальном тексте эта фраза была изменена.

Интересно, что были опубликованы различные варианты «Национального обета», содержащие как исправленную, так и изначальную версию текста²¹. Это привело к существенным разночтениям среди исследователей и дает ряду турецких ученых основание полагать, что первоначально М.К. Ататюрк собирался силой отстаивать линию разграничения, установленную Мудросским перемирием. Что касается непосредственно южных границ Турции, то Ататюрк, по его словам, составил ее, опираясь на собственный опыт, полученный во время пребывания во время войны как раз на территории Сирии. Граница должна была проходить от южной оконечности Александреттского залива через район Антакьи до Алеппо и станции Катма (район современного г. Азаз на севере Сирии); оттуда до моста через Евфрат в г. Джерабулус. Далее граница сворачивала на юг вдоль Евфрата до г. Дейр-эз-Зор, от которого поворачивала на восток до границы с Ираном и включала города Мосул, Киркук, Сулейманию²². Находившееся внутри этой границы турецкое, курдское и арабское население объявлялось частями единого и неделимого государства.

Как видно, линия, обозначенная еще османским правительством в июньском меморандуме, была несколько расширена Ататюрком, который принимал активное участие в боевых действиях на севере Сирии и едва не попал в плен к арабам осенью 1918 г. В состав границ новой Турции предполагалось включить курдов, которые исповедовали ислам, а также

²¹ Turan Ş. *Türk Devrim Tarihi*, 2. Kitap, Ankara, 1992. S. 89–90.

²² Kemal Atatürk. *Nutuk*, c. III, Ankara, 1987. S. 1186.

арабское население, остававшееся лояльным. Именно с этим, вероятно, и связано расширение предполагаемой границы до Дейр-эз-Зора.

«Национальный обет» был принят 28 января и опубликован 17 февраля 1920 г. Большинство в новом парламенте принадлежало сторонникам национальных сил. Расчет стран Антанты получить подконтрольный парламент для дальнейшего проведения в жизнь планов раздела империи не оправдался. 16 марта союзники вынуждены были оккупировать Стамбул и распустить парламент. Великим визирем вновь стал сторонник англичан Дамад Ферид-паша. В стране фактически установилось двоевластие. Созданные М.К. Ататюрком «Комитет представителей» (еще во время Эрзерумского конгресса) и Великое национальное собрание Турции (создано 23 апреля 1920 г.) стали альтернативой навязанному союзниками правительству в Стамбуле.

*«Национальный обет»
и национально-освободительная борьба*

На начавшейся 18 апреля 1920 г. конференции в Сан-Ремо союзники на основании договоренностей военного времени подготовили окончательные условия мирного договора с Турцией²³. В отношении южных границ и территорий Турции предполагалось, что города Антеп, Мараш, Урфа, Джизре, Мардин перейдут в состав Сирии под французский мандат; район Мосула перейдет под мандат Великобритании; утверждалось, что османы не имеют никаких

²³ Полный текст см.: <http://www.genocide.ru/lib/treaties/14.htm>.

прав на потерянные в ходе войны населенные арабами территории; Турцию обязывали признать британскую аннексию Кипра. Предполагалось создать из представителей Франции, Италии и Великобритании особую комиссию, которая осуществляла бы управление населенными курдами территориями, с последующим правом для курдов на создание национального государства.

22 апреля турецкую делегацию пригласили в Севр для подписания итогового текста договора. Однако глава турецкой делегации Ахмед Тевфик-паша отказался подписывать текст, заявив, что он противоречит идее независимого государства. С целью надавить на турок англичане подтолкнули греков к началу активного наступления в глубь Анатолии. Несмотря на то что 10 августа 1920 г. новые члены турецкой делегации во главе с Дамадом Ферид-пашой поставили свои подписи под текстом договора, он так и не вступил в силу. Парламент, который должен был его ратифицировать, был разогнан, а «Комитет представителей» в Анкаре (фактически альтернативное султанскому правительству) Севрский мирный договор не признал.

Примечательно, что именно советское правительство, первым опубликовавшее информацию о планах раздела Османской империи, первым признало и «Национальный обет». Вскоре после письма Мустафы Кемалю от 26 апреля 1920 г. с предложением об установлении отношений нарком иностранных дел Г.В. Чичерин дал официальный ответ, в котором признавались основные положения «Национального обета», обозначенные как «основные принципы

внешней политики нового турецкого правительства»²⁴. В начале 1920 г. турецкое население оккупированных союзниками областей Турции начало оказывать ожесточенное сопротивление войскам Антанты. Наиболее ожесточенные столкновения происходили в течение 1920–1921 гг. в городах Мараш, Антеп и Урфа. Хотя Антеп после 10-месячной осады в начале 1921 г. захватили французские войска, Мараш и Урфа были оставлены французами, несмотря на их техническое превосходство, под ударами партизанских и полувоенных формирований во главе с турецкими офицерами. Антифранцузские выступления при участии тайных организаций турецких офицеров были организованы и южнее – в районах Антакьи, Алеппо, Хамы, Дейр-эз-Зора²⁵.

После того как в начале января 1921 г. греческое наступление было остановлено турецкими национальными силами в сражении при Иненю, страны Антанты созвали Лондонскую мирную конференцию, которая лишь немного смягчила для Турции условия Севрского мирного договора. Однако к участию в конференции, помимо представителей стамбульского правительства, был приглашен и представитель национальных сил. Назначенный Мустафой Кемалем в этом качестве Бекир Сами-бей отклонил все требования союзников. По вопросу о границах Турции он огласил положения «Национального обета», как минимально допустимые. Конференция не вынесла итогового решения. Было ясно, что боевые действия вскоре

²⁴ *Документы внешней политики СССР*. Т. 2. Москва, 1958. С. 554–556. Док. № 372. Текст ответа отражает и советские взгляды на геополитическую ситуацию на Южном Кавказе.

²⁵ Подробно см.: Umar Ö.O. *Osmanlı Yönetimi ve Fransız Manda İdaresi altında Suriye*. Ankara, 2004. S. 467–472.

продолжатся. Тем не менее конференция впервые признала национальные силы, что Мустафа Кемаль расценил как небольшой успех.

Противоречия между союзниками по Антанте привели к тому, что Франция и Италия начали закулисные переговоры с правительством Мустафы Кемалья о своих политических и экономических интересах в случае победы национальных сил. К июню 1921 г. итальянские оккупационные силы практически полностью эвакуировались из Турции, оставив часть своего вооружения и снаряжения турецким полувоенным формированиям²⁶. К середине 1921 г. «Комитету представителей» благодаря обширной помощи Советской России удалось организовать сопротивление действовавшим при поддержке Великобритании греческим войскам. С 22 августа по 13 сентября войскам Мустафы Кемалья во время сражения на р. Сакарья удалось остановить греческое наступление и вынудить греков начать постепенный отход.

Поражение греков, а также тяжелое положение французских войск в районах Антепа, Мараша и Урфы вынудило французов пойти на переговоры с Мустафой Кемалем, которые завершились 22 октября 1921 г. подписанием турецко-французского мирного договора. Договор установил турецко-сирийскую границу, которая проходила по линии Багдадской железной дороги. Несмотря на сильное сопротивление французам со стороны протурецки настроенного населения Антакьи, северных районов провинции Алеппо, Мустафа Кемаль вынужден был отказаться от дальнейшей борьбы за эти территории. Турция остро нуждалась в мире, и продолжение военных действий

²⁶ URL: http://www.academia.edu/22186596/1919-1923_T%C3%BCrkiye-%C4%B0talya_%C4%B0li%C5%9Fkileri.

на юге ввиду предполагавшегося греческого наступления на западе было чрезвычайно затруднено. Вернуться к проблеме спорных территорий М.К. Ататюрк предполагал после завершения национально-освободительной борьбы. Однако он добился предоставления особого административного режима для турецкого населения Антакьи.

Вооруженная борьба национальных сил против англичан разворачивалась и на территориях северного Ирака. Турецкое национальное правительство в Анкаре считало Мосул неотъемлемой частью своей территории. Местные арабские племена, в 1919 г. поднявшие восстание против англичан, в течение 1920 г. несколько раз обращались за помощью к «Комитету представителей». Однако у того не было возможности оказать существенную поддержку. Мустафа Кемаль мог опираться лишь на ячейки сторонников националистов, действовавшие в городах региона – Сулеймание, Мосуле, Киркуке. Только в конце 1921 г., воспользовавшись успехами на Западном фронте в борьбе с греками и закрыв Южный фронт, противостоявший французам, анкарское правительство смогло выделить небольшой отряд для активизации партизанской борьбы на севере Ирака. Во главе его был поставлен герой обороны Антепа Ш. Оздемир²⁷.

Однако в феврале 1922 г. Мустафа Кемаль дал Ш. Оздемиру довольно противоречивое указание. Мустафа Кемаль писал, что ввиду возможности скорых переговоров с Великобританией миссия в Мосул носит особый характер. Вследствие этого Ш. Оздемиру следовало скрывать все возможные связи восставшего населения и анкарского правительства. По замыслу

²⁷ Türkmen Z. *Musul Meselesi. Askeri yönden çözüm arayışları. 1922–1925.* Ankara, 2003. S. 35–37.

Мустафы Кемалю, у внешних, международных наблюдателей должно было сложиться мнение, что население Мосула, Киркука и Сулеймании само выступает против отделения от Турции, без какого-либо содействия из Анкары²⁸.

Благодаря помощи Советской России, противоречиям среди членов Антанты и успешному наступлению против греков в августе–сентябре 1922 г., Мустафе Кемалю удалось создать выгодные условия для заключения мира. По инициативе Англии, Франции и Италии 20 ноября 1922 г. была созвана Лозаннская конференция по вопросу Ближнего Востока.

Подробное рассмотрение хода конференции уже не раз предпринималось в отечественной и зарубежной историографии²⁹. Конференция подтвердила установленные в 1921 г. франко-турецким Анкарским договором границы Турции и подмандатной французской Сирии. В то же время конференция не решила вопрос о границе Турции с Ираком. В ходе дебатов лорд Керзон и глава турецкой делегации Исмет-паша оспаривали достоверность статистических данных друг друга о наличии или отсутствии турецкого большинства в Мосуле. Еще одним важным вопросом были права на добычу нефти в провинции Мосул. В ходе Лозаннской конференции сторонам не удалось разрешить спор о принадлежности Мосула. Эту проблему отложили на будущее.

В то же время в Ираке миссия Ш. Оздемира, несмотря на первоначальные успехи, испытывала существенный недостаток опытных кадров, оружия

²⁸ Türkmen Z. *Musul Meselesi. Askeri...* S. 38–39.

²⁹ См., например: Романенко В.С. *Эволюция политики СССР на Ближнем и Среднем Востоке в период НЭП. 1921–1927*. Федеративная Республика Германия, Саарбрюккен, Lambert Academic Publishing, 2011.

и боеприпасов. Все ресурсы анкарского правительства забирал Западный фронт против греков и планировавшаяся операция по форсированию Проливов. К концу 1922 г. англичане сумели внести раскол в ряды курдских, арабских и туркменских повстанцев и турецких военных. Политическую неопределенность вносил и ход Лозаннской конференции, в рамках которой турецкая делегация не теряла надежды решить вопрос о принадлежности Мосула дипломатическим путем. Дипломатический тупик в работе Лозаннской конференции в начале 1923 г. и ожидание возможного нового вторжения союзников вынудили национальное правительство формировать в районе городов Антеп, Мараш и Урфа новую армию. Группа Ш. Оздемира и союзные ей племенные ополчения не получили необходимой поддержки, потерпели поражение, а сам Ш. Оздемир вынужден был в апреле 1923 г. бежать в Иран³⁰.

6 августа 1924 г. Великобритания вынесла вопрос о принадлежности Мосула на повестку дня Лиги Наций. Решением Лиги Наций была создана особая комиссия из представителей нейтральных стран, которые и должны были определить пограничную линию. Итоги работы комиссии, представленные в июле 1925 г., фактически утвердили нынешнюю границу Турции и Ирака. Однако такой результат не удовлетворил Турцию, обжаловавшую решение комиссии. Но курдское восстание шейха Саида в 1925 г. лишило турецкую сторону самого сильного ее довода о том, что курды и турки являются частями единого целого, и отняло время и ресурсы на подавление этого возмущения. Сил, чтобы военным путем решить вопрос о принадлежности Мосула, у турецкого правительства

³⁰ Türkmen Z. *Musul Meselesi...* S. 82–83.

не осталось. В результате 5 июня 1926 г. было подписано соглашение между Турцией и Ираком, согласно которому Мосул отходил к Ираку. Граница устанавливалась на основании работы комиссии Лиги Наций. В соответствии с пунктом 14 договора Турция в течение 25 лет получала 10% объемов добычи мосульской нефти. В течение четырех лет турецкое правительство получало обещанную долю, однако впоследствии отказалось в обмен на 500 тыс. фунтов стерлингов³¹. На этом вопрос принадлежности Мосула был закрыт, однако процесс формирования южных границ современной Турции не завершился.

В 1936 г., воспользовавшись тем, что заканчивался срок действия французского мандата в Сирии, турецкое руководство вновь подняло вопрос о принадлежности Александреттского санджака. Утверждалось, что договор 1921 г. был подписан не между Сирией и Турцией, а между Францией и Турцией, и что, таким образом, Франция не вправе без согласия турок передавать санджак в состав единой Сирии. Из этого делался вывод о том, что, поскольку Франция в ближайшее время отказывается от своей власти в данном регионе, суверенитет должен перейти к населению санджака. Турецко-французские переговоры результатов не дали, и в январе 1937 г. М.К. Ататюрк провел экстренное заседание турецкого Генштаба. Вскоре вместе с членами ГШ он совершил длительную инспекционную поездку в войска на юге Турции, где начал серию маневров на границе с Сирией. В это же время турецкие газеты писали о том, что население турецких приграничных областей не останется в стороне, если тюркское меньшинство в Сирии поднимет восстание.

³¹ Türkmen Z. *Musul Meselesi...* S. 96–97.

Последовало возобновление турецко-французских переговоров, результат которых был оглашен на сессии Лиги Наций. Решение предусматривало, что санджак будет связан с Сирией в вопросах внешней политики, однако получит полную самостоятельность во внутренних делах. Санджак будет демилитаризован, Франция и Турция выступят совместными гарантами его безопасности; Лига Наций отправит своих наблюдателей в санджак. Однако к началу 1938 г. конфликт возобновился, поскольку в ходе подготовки выборов в новый парламент санджака турки не получали ожидаемого большинства голосов. К весне 1938 г. начались уличные волнения и столкновения между турками и нетурками. Учитывая предвоенную ситуацию в Европе, Франция пошла на уступки Турции, намереваясь ценой передачи санджака М.К. Ататюрку заручиться турецкой поддержкой в Средиземном море.

В итоге в начале июля 1938 г. было подписано соглашение между генеральными штабами Турции и Франции, которое предусматривало введение на территорию санджака равных по численности турецких и французских войск, отказ от направленных друг против друга политических интриг, двусторонние консультации в случае начала войны в Восточном Средиземноморье. При поддержке турецких военных на выборах в парламент турки получили большинство. Была образована Хатайская республика, руководство которой в июне 1939 г. приняло решение войти в состав Турции. Однако сирийское правительство отказалось признать это, и, таким образом, вопрос о санджаке остался неурегулированным с точки зрения международного права.

* * *

Формирование южных границ современной Турции происходило в сложных политических условиях на фоне поражения Османской империи в Первой мировой войне и попыток держав Антанты реализовать договоренности военного времени по разделу Ближнего Востока и Малой Азии на сферы влияния. «Национальный обет» в этой ситуации стал ответом на эти планы и тайные соглашения военного и послевоенного периода (Сайкса–Пико, Сен-Жан-де-Морьенн, Севрский договор). «Национальный обет» лег в основу турецкого государства и стал основополагающим, отчасти учредительным документом современного турецкого государства, декларировал границы, минимально допустимые для независимого развития Турции. Текст обета и его положения лежали в основе всех требований, которые выдвигали турецкие дипломаты в ходе мирных переговоров по итогам Первой мировой войны. «Национальный обет» стал важным элементом турецкой идентичности. В силу ряда обстоятельств описанные в нем границы и их формирование стали предметом жарких общественных дискуссий.

Однако новые государственные границы, появившиеся в результате национальной реакции на империалистические планы, не устранили всех региональных противоречий. Были созданы предпосылки для политических и этнических конфликтов по всему периметру определенных «Национальным обетом» и другими договорами границ в будущем. В качестве примеров подобных конфликтов, за которыми последовало вооруженное вмешательство Турции, объяснявшееся

в первую очередь исторической миссией Турции по защите родственных этнических групп, можно привести аннексию Александреттского санджака в 1939 г., вторжение на Северный Кипр в 1974 г.; историю непростых отношений Турции с курдскими группировками на севере Ирака; вмешательство Турции в гражданскую войну в Сирии³².

Турецкие политические лидеры (в частности, Р. Т. Эрдоган) часто ссылаются на исторический опыт, пытаясь указать на несправедливость договоров начала XX в., оформивших новый мировой порядок на Ближнем Востоке³³. Турецкая политическая элита придает большое значение осмыслению национального исторического опыта. Весьма часто турецкие ученые и эксперты подчеркивают, что территориальные претензии, этнические конфликты, политико-экономические проблемы, возникшие в результате раздела региона на основе договоренностей по итогам Первой мировой войны, обострились в условиях кризиса национальных государств и традиционных режимов в ходе Арабской весны. Такой подход позволяет им продемонстрировать близость исторических судеб Турции и ее соседей, опираясь на имевшие место исторические коллизии и прецеденты, обосновать право Турции на вмешательство в дела соседних государств.

Обозначенные в «Национальном обете» в ответ на империалистическую политику великих держав пределы жизненного пространства турецкой нации сохраняют актуальность в современной турецкой общественно-политической жизни. Обстоятельства

³² Можно сказать, что сформировались определенные модели поведения турецких властей в таких случаях. Однако их подробный анализ вне рамок данной главы.

³³ URL: <http://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-37505231>.

военно-политической борьбы вековой давности продолжают оказывать влияние на менталитет, мировосприятие и психологию турецкого общества, зачастую предопределяя те или иные внешнеполитические акции и шаги турецкой политической элиты.

Проблема формирования границ на Ближнем Востоке на примере Палестины

Послевоенная ситуация

После Первой мировой войны представление о суверенности национального государства было двояким. С одной стороны, «неприкосновенное право на территорию», с другой – «право каждого народа на самоопределение, если он того пожелает»³⁴. Проблема с проведением границ в азиатской части бывшей Османской империи заключалась в том, что интересы местных народов и стремление некоторых из них создать собственное государство на определенной территории не всегда совпадали с планами великих держав. В частности, Великобритания и Франция «поделили» Ближний Восток между собой еще во время войны при помощи соглашения Сайкса–Пико и не планировали отказываться от своих притязаний. В их же руках были возможности сохранить за собой эти территории: в Лиге Наций они играли ключевую роль. Однако позиция Соединенных Штатов делала это проблематичным. Решением стало установление системы мандатов, которая определяла статус

³⁴ *State Frontiers: Borders and Boundaries in the Middle East* / Edited by Inga Brandell. London: I.B. Tauris and Co Ltd, 2006. P. 7.

территорий, на которые она распространялась, как промежуточный между колонией и независимым государством: с одной стороны, они управлялись внешней силой (Великобританией или Францией, других стран-мандатариев не было), но, с другой – целью этого внешнего управления была подготовка к получению ими независимости. Контроль над реализацией этих задач возлагался на Лигу Наций³⁵.

Во время Парижской мирной конференции существовало четыре основных игрока, заинтересованных в получении территорий на Ближнем Востоке и активно участвовавших в его переделе: Великобритания, Франция, арабы под руководством семьи шерифа Мекки Хусейна и сионисты, представленные Сионистской организацией. У каждого из действующих лиц были свои планы, часто не соотносившиеся с мнением других сторон переговоров. Центральными игроками в определении границ будущей подмандатной Палестины были британцы, старавшиеся хотя бы внешне согласовать свои военные договоренности с французами, арабами и сионистами наиболее выгодным для себя образом.

Вопрос определения границ Палестины впервые был поднят союзниками во время Первой мировой войны при составлении соглашения Сайкса–Пико. Однако оформление ее территории, обозначенное на карте, приложенной к соглашению, оказалось далеко не окончательным. В рамках рассматриваемого в настоящей работе периода ее границы неоднократно пересматривались и к моменту получения Британией мандата на Палестину уже значительно отличались от варианта 1916 г.

³⁵ *The Palestine Mandate of the League of Nations (July 24, 1922)*. MidEast Web. URL: <http://www.mideastweb.org/mandate.htm>.

Существовало несколько объективных факторов, из-за совпадения которых можно было говорить о пересмотре тайного англо-французского соглашения. *Во-первых*, Россия, одно из государств, заключивших его, вышла из войны³⁶, а также опубликовала его текст. *Во-вторых*, захват британскими войсками Иерусалима в декабре 1917 г. и публикация правительством Великобритании декларации о поддержке притязаний сионистов на Палестину дали ей определенное преимущество в переговорах с французами. *В-третьих*, для сионистов был предпочтителен британский, а не французский или интернациональный протекторат над Палестиной³⁷.

Не последнюю роль в этом сыграла и специфика позиций премьер-министров Великобритании и Франции Дэвида Ллойд Джорджа и Жоржа Клемансо соответственно. В целом конфронтация британцев и французов на Ближнем Востоке во многом была борьбой лидеров, а не правительств или министерств. Порой принятие решений государственной важности происходило между двумя премьер-министрами без уведомления министерств иностранных дел их стран, что впоследствии приводило к путанице и отсутствию определенной единой политики со стороны каждого из государств. Например, в декабре 1918 г. Клемансо устно заверил Ллойд Джорджа, что согласен на контроль Великобритании над Палестиной и Месопотамией (вместе с Мосулом) в обмен

³⁶ Выход России из войны означал для Великобритании исчезновение необходимости в создании французского «барьера» между английскими и российскими территориями на Ближнем Востоке, т. е. возможность расширения зоны своего влияния. См.: Fieldhouse D.K. *Western Imperialism in the Middle East 1914–1958*. New York: Oxford University Press, 2006. P. 58.

³⁷ Ibid.

на признание французской власти в Сирии и Киликии, а также поддержку Франции в ее территориальных притязаниях в Европе³⁸, на что британский премьер-министр согласился. Ни одно из министерств иностранных дел этих стран, однако, не было уведомлено об этой договоренности³⁹.

Новый глава французского правительства Жорж Клемансо выступал против территориальных приобретений и соответственно активных военных действий вне Европы по финансовым и военным соображениям⁴⁰. По мнению Клемансо, выиграть или проиграть войну можно было только на европейском континенте, разгромив Германию на Западном фронте; остальные направления не имели особенного значения⁴¹. Этот политик, однако, признавал традиционные притязания Франции на Сирию, поэтому был готов к присоединению этой территории в качестве протектората⁴². Помимо этого, дополнительное давление на него и на его правительство оказывало разнородное колониалистское лобби (фабриканты, иезуиты, финансисты и некоторые другие социальные группы), в чьих интересах было расширение территорий для увеличения пространства для их деятельности⁴³.

³⁸ MacMillan M. *Peacemakers: Six Months that Changed the World*. London: John Murray (Publishers), 2001. P. 393.

³⁹ Fieldhouse D.K. Op. cit. P. 59.

⁴⁰ Fromkin D. *A Peace to End All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East*. New York: First Owl Books Edition, 2001. P. 237.

⁴¹ Andrew C.M., Kanya-Forstner A.S. *The Climax of French Imperial Expansion, 1914–1924*. London: Thames and Hudson Ltd, 1981. P. 137–138, 143.

⁴² Fromkin D. Op. cit. P. 238.

⁴³ MacMillan M. Op. cit. P. 395.

Взгляды британского премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа кардинально отличались от позиции его французского коллеги: он был сторонником расширения Британской империи. Ллойд Джордж полагал, что соглашение Сайкса–Пико не имело особенного значения. По мнению премьер-министра, важен был лишь факт физического обладания территорией, поэтому захват Палестины британцами автоматически ставил ее под их контроль вне зависимости от различных соглашений⁴⁴. К концу 1917 г. у него появился план не дать Франции получить Сирию или, по крайней мере, Палестину, что было неожиданно даже для его советников и членов кабинета. Официально же он предложил Франции пересмотреть соглашение Сайкса–Пико, чем был возмущен даже антиимпериалистически настроенный Жорж Клемансо.

Ряд возникших противоречий и невыгодные условия, в которые была поставлена Франция, привели к длительным англо-французским переговорам, которые велись на протяжении всего 1918 г. Одним из их результатов стало подписание Франсуа Жорж-Пико, Марком Сайксом, Робертом Сесилом и Робертом Кру нового соглашения (в конце сентября 1918 г.), которое подразумевало создание так называемой Администрации оккупированной вражеской территории, западная часть которой (включавшая Ливан) должна была управляться верховным комиссаром французской администрации Пико, восточная (включавшая всю внутреннюю Сирию и обозначенная зоной «А» в соглашении Сайкса–Пико) – находиться под формальным арабским управлением, а южная (позднее и ставшая Палестиной, причем в практически неизменном

⁴⁴ Fromkin D. Op. cit. P. 267.

виде) – под управлением британцев. Сама Администрация оккупированной вражеской территории находилась под контролем генерала Эдмунда Алленби, чьим главным политическим советником по восточной части в то же время должен был стать Пико⁴⁵. Этот новый договор во многом стал результатом работы Восточного комитета во главе с лордом Керзоном, созданного военным кабинетом в марте 1918 г. для пересмотра британской политики на Ближнем Востоке⁴⁶.

*Обсуждение границ Палестины.
Позиции разных сторон*

Именно контуры южной части Администрации оккупированной вражеской территории оказались впоследствии наиболее близки к границам подмандатной Палестины. Эта подконтрольная британцам зона была значительно больше Палестины, предназначенной для международного управления соглашением Сайкса–Пико. На юге она достигала Акабского залива Красного моря, на севере включала часть Верхней Галилеи, Цфат и озеро Хула (в то время как по старой англо-французской договоренности в нее входило лишь юго-западное побережье Галилейского озера, остальные объекты на севере находились в зоне прямого французского контроля). Британцы

⁴⁵ Fieldhouse D.K. Op. cit. P. 59; Biger G. *The Boundaries of Modern Palestine, 1840–1947*. Abingdon: Routledge Curzon, 2004. P. 53.

⁴⁶ В него входили Ян Сметс, Роберт Сесил, Артур Бальфур, Эдвин Монтегю, Марк Сайкс и некоторые другие члены правительства. См.: Hughes M. *Allenby and British Strategy in the Middle East, 1917–1919*. Abingdon: Frank Cass Publishers, 1999. P. 115. К январю 1919 г. было принято решение, что комитет выполнил свои задачи, поэтому он был трансформирован в неофициальную Межведомственную конференцию по Ближнему Востоку. См.: Fieldhouse D.K. Op. cit. P. 84.

это объясняли исключительно «непосредственными административными нуждами» и даже заявляли, что не собирались таким образом влиять на будущее определение границ региона. Однако их планы на контроль над «большой» Палестиной были очевидны⁴⁷.

Это разграничение оказалось далеко не окончательным. В ходе конференции предлагалось (официально и на закрытых двусторонних переговорах) несколько вариантов границ будущей подмандатной Палестины. Официально право разграничения мандатов было дано Великобритании и Франции на конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г.⁴⁸ (хотя обсуждение этого вопроса началось гораздо раньше). В разграничении всей Палестины были заинтересованы, в сущности, только британцы и сионисты, остальные стороны переговоров либо были озабочены только одним фрагментом границы (французы – с Ливаном и Сирией), либо вообще не считали Палестину отдельной административной единицей (французы – изначально, арабы – в принципе). Самое длительное и подробное обсуждение касалось северной границы. В первую очередь это было связано с тем, что она должна была разделить французскую и британскую сферы влияния, в то время как остальные границы лишь отделяли «национальный очаг» от других зон в рамках британского контроля. Лишь западная граница Палестины не вызывала вопросов – побережье Средиземного моря.

⁴⁷ Biger G. Op. cit. P. 56, 105.

⁴⁸ *San Remo Resolution (April 25, 1920)*. [Электронный ресурс] Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/israel/san-remo-resolution/p15248>; Biger G. Op. cit. P. 68.

- *Определение северной границы*

В ходе переговоров французская позиция по северной границе Палестины оставалась относительно постоянной и определенной: Франция стремилась по крайней мере не допустить ее движения на север от линии в соглашении Сайкса–Пико, а в лучшем случае – сдвинуть ее максимально на юг. В ответ на стремление британцев сдвинуть границу между Палестиной и зоной французского влияния как можно севернее французы весной 1919 г. потребовали присоединения к подконтрольной им территории земель к югу от реки Ярмук и к востоку от реки Иордан вплоть до Мертвого моря (это требование осталось невыполненным). Поскольку Франция была заинтересована в создании Великого Ливана и Великой Сирии, она стремилась закрепить за собой как можно более обширные территории, причем обращалась к историческим границам Ливана как к основанию для своих запросов (через делегацию ливанцев, которую Франция собрала специально для Парижской конференции).

У нее было несколько оснований для этого. *Во-первых*, включение в Ливан исторических областей Тира и Сидона, вероятнее всего, лишило бы предполагаемое государство сына шерифа Хусейна Фейсала выхода к морю, что почти неизбежно поставило бы его в зависимое по отношению к Франции положение. *Во-вторых*, присоединение мусульманского населения этих территорий к ливанским христианам укрепило бы связи последних с французами⁴⁹.

И британцы, и сионисты, безусловно, не были готовы уступать территории и, в свою очередь, старались

⁴⁹ Ibid. P. 115–118.

сдвинуть границу между Палестиной и французской зоной влияния как можно дальше на север. Британцы изначально придерживались представления о Палестине как о территории «от Дана до Беэр-Шевы», используя библейскую формулировку и таким образом обосновывая права евреев на Палестину (такова была, в частности, позиция Дэвида Ллойд Джорджа). То же определение применяли и сионисты (а именно Хаим Вейцман). Изначально оно было основой их представлений о границах «национального очага»⁵⁰.

Именно сионисты первыми из всех сторон переговоров подняли вопрос об очертаниях территории Палестины: в 1916 г., еще до публикации декларации Бальфура, была опубликована работа «Сионизм и еврейское будущее» под редакцией Гарри Сакера, которая представляла собой сборник статей, посвященных различным аспектам сионизма, его истории и заселения евреями Палестины. Одна из них, «Заметка о границах Палестины»⁵¹, была первым исследованием, в котором вопрос палестинских границ рассматривался детально⁵². Автор упоминал древние границы подконтрольных Израильскому царству территорий времен Давида и Соломона – от Евфрата до Египта и Красного моря, но отмечал, что в действительности подвластна ему была лишь зона «от Дана до Беэр-Шевы». При этом он не призывал стремиться

⁵⁰ Ibid. P. 108–109.

⁵¹ Автор этой статьи в книге не указан, однако Гидеон Бигер в работе «Границы современной Палестины», используемой в настоящей исследовании, упоминает, по всей вероятности, именно эту статью, указывая в качестве автора Шмуэля Толковского, опубликовавшего ее анонимно сельскохозяйственного инженера, занимавшегося в том числе экономическими проблемами Палестины. См.: Biger G. Op. cit. P. 108.

⁵² Ibid.

к старым границам. По мнению автора, границы «Палестины будущего» должны были обеспечивать жизнеспособность предполагаемого государства: помимо исторических территорий в него должны были входить зоны, «незаменимые для экономического развития страны и выполнения важной роли, которую Палестина могла играть как “сухопутный мост”», экономически связывающий Азию и Африку. Для этого ей были необходимы железнодорожные и караванные пути, а также выход и к Средиземному, и к Красному морям (через Акабский залив). Таким образом, автор, с одной стороны, подчеркивал связь с традициями, а с другой – указывал на необходимость создания практических границ: на севере Палестина должна была включать Сидон, на востоке – выходить за Иордан, а на юге – доходить до современной автору границы с Египтом⁵³. Эта позиция оказалась в чем-то близка последующим официальным заявлениям сионистов.

- ***Планы сионистов***

В рамках сионистского движения послевоенного периода было три подхода к определению будущих границ Палестины: культурно-исторический, стратегический и экономический. Превалирующим, казалось бы, должен был быть первый – в силу значительного влияния некоторых аспектов религии и культурной памяти на формирование сионизма как такового. Однако ведущей концепцией, на базе которой была сформирована официальная позиция Сионистской организации, оказался третий, экономический подход. Эту позицию

⁵³ A Note on the Boundaries of Palestine // *Zionism and the Jewish Future* / Edited by Harry Sacher. New York: The MacMillan Company, 1916. P. 210–213.

представлял Аарон Аронсон, ученый-ботаник, активист сионистского движения, а также один из организаторов еврейской шпионской сети «Нили» в Палестине, во время войны действовавшей против турок⁵⁴. Он приводил в качестве аргументов преимущественно хозяйственно-экономические соображения о том, что для устойчивого развития сельского хозяйства «национального очага» были нужны значительные водные ресурсы (преимущественно для ирригации), поэтому было необходимо включение рек Иордана, Литанни и Ярмука в рамки северной границы. Присоединение к Палестине Сидона он не считал необходимым. Мнения сионистов относительно этого города разделились. Одни считали, что исторически он входил в Палестину и что мусульмане, населявшие его, предпочли бы присоединение к «британско-иудейской Палестине», а не к «христианскому Ливану» под французским влиянием. Другие, например Нахум Соколов, считали, что в Сидоне проживало слишком много неевреев, поэтому его включение в состав Палестины было бы нежелательным⁵⁵.

Можно отметить, что при помощи культурной традиции обосновывались права на Палестину в целом, границы же определялись в соответствии с экономическими и стратегическими соображениями⁵⁶. Так, официальное заявление Сионистской организации Парижской конференции в феврале 1919 г. было близко предложениям Аронсона⁵⁷. На севере граница

⁵⁴ Biger G. Op. cit. P. 109; Самарская Л.М. *Проблема декларации Бальфура в контексте англо-сионистской дипломатии в период Первой мировой войны*. М.: ИВ РАН, 2016. С. 44.

⁵⁵ Biger G. Op. cit. P. 110–111.

⁵⁶ Ibid. P. 60.

⁵⁷ Ibid. P. 111.

проходила южнее Сидона, но включала в Палестину Тир, на востоке шла вдоль и к западу от Хиджасской железной дороги, доходя до Акабского залива, а южная граница должна была быть определена «по соглашению с египетским правительством»⁵⁸. Сионисты и в дальнейшем придерживались этой позиции, однако англо-французские соглашения относительно северной границы (1920 и 1923 гг.) и решение британцев по поводу восточной (о котором будет сказано подробнее ниже) не реализовали эти планы.

- *Англо-французские договоренности*

После предоставления Великобритании и Франции права решать, какими будут границы их подмандатных территорий, главными результатами их переговоров стали две официальные договоренности: конвенция декабря 1920 г.⁵⁹ и соглашение марта 1923 г.⁶⁰ Второе стало итоговым, определившим северную границу подмандатной Палестины. Между ними было лишь одно существенное различие: второе не включало в зону британского влияния Голанские высоты, в то время как первое распространяло британскую

⁵⁸ *Statement of the Zionist Organization regarding Palestine (February 3, 1919)*. [Электронный ресурс] The United Nations Information System on the Question of Palestine. URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/2D1C045FBC3F12688525704B006F29CC>.

⁵⁹ *Franco-British Convention on Certain Points Connected with the Mandates for Syria and the Lebanon, Palestine and Mesopotamia (December 23, 1920)*. [Электронный ресурс] Wikisource. URL: https://en.m.wikisource.org/wiki/Franco-British_Convention_on_Certain_Points_Connected_with_the_Mandates_for_Syria_and_the_Lebanon,_Palestine_and_Mesopotamia.

⁶⁰ *Agreement between His Majesty's Government and the French Government respecting the Boundary Line between Syria and Palestine from the Mediterranean to El Hammé (1923)*. London: His Majesty's Stationery Office, 1923.

власть на их часть⁶¹. Сионисты остались недовольны итоговым решением, однако были вынуждены его принять. Оно в любом случае было для них более выгодным, чем границы, обозначенные в соглашении Сайкса–Пико: граница все же была сдвинута на север, хоть и не включила исторические Тир и Сидон (которые Франция все-таки присоединила к Ливану), а также реку Литанни в рамки Палестины; в нее вошли Тиверидское озеро и озеро Хула, а также исторический Цфат.

На окончательное сдвижение границы на север повлияли, по мнению израильского историка Гидеона Бигера, три основных фактора. *Во-первых*, библейско-исторический аргумент «от Дана до Беэр-Шевы» оказался весомым не в последнюю очередь благодаря влиянию традиции на сознание деятелей, участвовавших в переговорах. *Во-вторых*, свою роль сыграло и настояние сионистов на необходимости включения как можно больших водных ресурсов в территорию Палестины, поскольку это было обосновано экономически. *В-третьих*, наличие еврейских поселений вплоть до Метулы (к северо-западу от озера Хула) оказалось решающим демографическим аргументом, поскольку крупные еврейские общины не могли не быть присоединены к «национальному дому для

⁶¹ Первое соглашение касалось преимущественно административных вопросов и лишь примерно намечало границу между подмандатными территориями Великобритании и Франции, с уточнением, что будет создана комиссия, которая определит практическое проведение границы (Article 2. Franco-British Convention on Certain Points Connected with the Mandates for Syria and the Lebanon, Palestine and Mesopotamia (December 23, 1920). URL: https://en.m.wikisource.org/wiki/Franco-British_Convention_on_Certain_Points_Connected_with_the_Mandates_for_Syria_and_the_Lebanon,_Palestine_and_Mesopotamia), а второе стало результатом работы упомянутой комиссии, представив детальное описание линии их раздела (*Agreement between His Majesty's Government... (1923)*. London: His Majesty's Stationery Office, 1923).

еврейского народа», так как это создало бы значительные сложности⁶².

В итоге решение по северной границе носило компромиссный для всех сторон характер, проведя ее между линией в соглашении Сайкса–Пико и контуром, очерченным в предложениях Сионистской организации. Эта граница стала первой носившей «международный» характер.

- *Определение восточной границы*

Относительно определения восточной границы Палестины существовало четыре основных предложения: она могла быть проведена по реке Иордан, между Иорданом и Хиджазской железной дорогой, по железной дороге или к востоку от нее, по границе пустыни. Сионисты официально придерживались второй позиции, аргументируя это тем, что, с одной стороны, земли к востоку от Иордана входили в Израильское царство, а с другой – что эта территория была очень лесистой, а потому необходимой для развития промышленности и сельского хозяйства; там также было достаточно необработанной плодородной земли; она была основным источником поставок пшеницы в Палестину между Средиземным морем и Иорданом (этот аргумент был выдвинут Аароном Аронсоном)⁶³. На неофициальном уровне ими выдвигались также третье и четвертое предложения, однако британцами они приняты не были, поскольку, по мнению некоторых из них, эта территория не входила в историческую Палестину. Проарабски настроенные британские политики склонялись к первому варианту, хотя

⁶² Biger G. Op. cit. P. 149–150.

⁶³ Ibid. P. 61, 63; 159–160.

самых арабов, безусловно, больше бы устроило включение и западной Палестины в их будущее государство⁶⁴.

Сионисты были настолько уверены в поддержке британцами своего официального предложения, что направили бóльшую часть усилий на изменение и передвижение северной границы, уделяя меньше внимания восточной. И Герберт Самюэль, ставший в 1920 г. первым верховным комиссаром Палестины и с этого момента официально действовавший в интересах Сионистской организации, и Артур Бальфур, и Альфред Милнер поддерживали сионистов в их планах. В 1919 г. британский офицер Ричард Майнерцхаген предложил свою версию границ Палестины, восточная часть которых примерно совпадала с запросами сионистов. Это впоследствии позволило сионистам считать именно этот вариант восточной границы обещанной им британцами, но нереализованной (хотя она не была предложена официально)⁶⁵.

Однако события 1920 г. многое изменили: летом из Сирии был изгнан французами правивший всего несколько месяцев король Фейсал⁶⁶ (провозглашенный правителем Сирии весной 1920 г.; британцы

⁶⁴ Biger G. Op. cit. P. 160.

⁶⁵ Ibid. P. 169–173.

⁶⁶ В начале 1919 г. Фейсал подписал с Хаимом Вейцманом соглашение о кооперации в создании независимого арабского государства на территории Сирии и Месопотамии и «еврейского национального очага» в Палестине соответственно, фактически признав таким образом отделение Палестины от Сирии (Paris, Timothy. *Britain, the Hashemites and Arab Rule 1920–1925: The Sherifian Solution*. London: Frank Cass Publishers, 2003. P. 401; *Agreement between Emir Feisal and Dr. Weizmann (January 3, 1919)*. The Balfour Project. URL: <http://www.balfourproject.org/agreement-between-emir-feisal-and-dr-weizmann/>). Это соответствовало интересам Великобритании, поэтому эмир Фейсал был вынужден сделать это, чтобы получить хотя бы часть обещанной британцами территории; однако данное соглашение не помогло ему задержаться на сирийском троне: вскоре британцы

не оказали ему должной помощи). Поэтому вопрос о создании арабского государства встал с новой остротой. В итоге в ходе Каирской конференции 1921 г. было решено создать на территории к востоку от Иордана в рамках мандата на Палестину арабский режим (под управлением младшего сына шерифа Хусейна Абдаллы⁶⁷) под контролем британской палестинской администрации (названный Трансиорданией). Хиджазская железная дорога должна была быть включена в территорию Трансиордании. Точная граница еще не была определена, но сионистам было ясно, что шансы на присоединение к «национальному очагу» хотя бы части территорий к востоку от Иордана минимальны⁶⁸.

«Белая книга» Черчилля 1922 г. косвенно подтвердила, что создание «национального очага для еврейского народа» предполагалось на территории к западу от Иордана, поскольку она вся «была исключена из обещания сэра Генри Макмагона»⁶⁹. Согласно Мандату Лиги Наций 1922 г., «на территориях, лежащих между рекой Иордан и окончательно определенной восточной границей Палестины, мандатария будет дано право... приостановить или отложить применение тех положений настоящего мандата, которые он может посчитать неприменимыми к существующим

перестали оказывать ему поддержку. См.: Fieldhouse D.K. *Op. cit.* P. 60–61; Purdue A.W. *The First World War*. London: Palgrave, 2015. P. 196.

⁶⁷ Эпштейн А.Д. *Горизонты и миражи палестинской государственности*. М.: Институт Ближнего Востока, 2016. С. 111.

⁶⁸ Biger G. *Op. cit.* P. 174–179.

⁶⁹ *The Churchill White Paper (June 3, 1922)*. The United Nations Information System on the Question of Palestine. URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/F2CA0EE62B5680ED852570C000591BEB>.

местным условиям»⁷⁰, что можно трактовать как формальное разделение двух зон. В итоге граница между «еврейским национальным очагом» и Трансиорданией была проведена по Иордану, а южнее (что позднее оспаривалось Трансиорданией⁷¹) – напрямую от Мертвого моря до Акабского залива, обеспечивая достойную территорию для Трансиордании и выход к морю для Палестины.

- **Определение южной границы**

Единственной границей зоны британского контроля, оставшейся неизменной к окончанию переговоров об очертаниях будущего «национального очага», оказалась граница Палестины с Египтом. Во время организации англо-французской договоренности британцы давно контролировали Египет (который был объявлен протекторатом в 1914 г.), а влияния в Палестине не имели, поэтому граница «зоны под международным управлением» была отодвинута далеко на север от Суэцкого канала (к Газе и верхней трети Мертвого моря). Причем на оригинальной карте зона косвенного британского влияния даже не была отделена от Египта красным пунктиром, обозначающим зону В. Таким образом, Египет и эта территория составляли единое пространство. Но к 1919 г. позиции британцев в Египте несколько ослабли, а в Палестине, напротив, усилились (по причинам, указанным выше), поэтому они оказались заинтересованы в расширении ее границ. В итоге южная граница Палестины совпала с границей между Османской империей

⁷⁰ Article 25. *Mandate for Palestine (August 12, 1922)*. The United Nations Information System on the Question of Palestine. URL: <https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/0/2FCA2C68106F11AB05256BCF007BF3CB>.

⁷¹ Biger G. Op. cit. P. 184.

и Египтом, проведенной в 1906 г., несмотря на многочисленные варианты ее проведения, предложенные в ходе ее обсуждения. Дискуссии по этому вопросу проводились практически исключительно в британских высших кругах и не были вынесены на рассмотрение Парижской конференции⁷².

- **Позиция арабов**

Мнение арабов в течение всего этого периода было вполне определенным: они считали Палестину частью своего будущего государства. Хотя декларация Бальфура была принята шерифом Хусейном⁷³ и его сыном Фейсалом⁷⁴ относительно спокойно (но не без некоторого подозрения), они не рассматривали создание еврейского государства на территориях, которые считали своими.

Представители палестинских арабов, Палестинская арабская делегация, в целом негативно относились к созданию в Палестине «еврейского национального очага» и еврейской иммиграции туда. Об этом свидетельствует общий тон их переписки с министерством по делам колоний (занимавшимся Палестиной вместо министерства иностранных дел с начала 1921 г.). В частности, во втором послании Палестинской арабской делегации государственному секретарю по делам колоний содержится ссылка на переписку Макмагона – Хусейна (а именно – на первое письмо

⁷² Biger G. Op. cit. P. 95.

⁷³ Friedman I. *Mediniuta ha-Pan-Aravit shel Britania 1915–1922: Haarakha Bikoratit* (Панарабская политика Великобритании 1915–1922: критическая оценка). Yerushalaim: Hotsaat Sfarim Ash. Il. Magnes, 2012. P. xi.

⁷⁴ Citron S. *Ktav Ashma: ha-Sikhsukh ha-Aravi-Israeli be-Perspectiva Historit* (Обвинительный акт: арабо-израильский конфликт в исторической перспективе). Yerushalaim: Gefen Beyit Hotsaa le-Or, 2007. P. 82.

шерифа Мекки от 14 июля 1915 г.), в которой Хусейн определял западную границу предполагаемого арабского государства по побережьям Красного и Средиземного морей, что, по мнению представителей делегации, безусловно включало Палестину⁷⁵. В ответе из министерства по делам колоний указывалось, что представление о Палестине как о части арабского государства было «основано на неполном ознакомлении с перепиской 1915 г.» и потому не принято британским правительством⁷⁶.

* * *

Таким образом, формирование границ будущей подмандатной Палестины оказалось очень сложным процессом, на который воздействовало множество факторов. Наиболее важной в итоге оказалась позиция стран-мандатариев Великобритании и Франции, причем мнение первой оказалось преобладающим. Активность сионистов и арабов оказывала некоторое влияние на действия британцев, потому что преимущественно их интересы в чем-то совпадали с британскими. Поскольку в интересах британцев было создание жизнеспособного «национального очага для еврейского народа», его границы на севере были расширены, однако там, где интересы сионистов в чем-то

⁷⁵ No. 3. The Palestine Arab Delegation to the Secretary of State for the Colonies (March 16, 1922) // *Palestine: Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation*. London: His Majesty's Stationery office, 1922.

⁷⁶ No. 4. The Colonial Office to the Palestine Arab Delegation (April 11, 1922) // *Palestine: Correspondence with the Palestine Arab Delegation and the Zionist Organisation*. London: His Majesty's Stationery office, 1922.

противоречили планам британцев (особенно очевидно это в случае с восточной границей), с ними уже не считались. При этом мнения внутри британских высших кругов также были различными: одни политические деятели были в целом настроены просионистски, другие – проарабски. Примечательно, что мнение сионистов порой учитывалось чуть больше, чем интересы арабов (тенденция, которая впоследствии стала обратной), поскольку границы их будущего государства не вступали в серьезное противоречие с их запросами и принятие их в этом виде оказалось возможным, в то время как арабы потеряли значительные территории, что исключало создание арабского государства, существовавшего в их воображении.

Раздел бывших владений Османской империи по итогам Первой мировой войны определил дальнейшее политическое и социально-экономическое будущее территорий современных Ливана, Сирии, Ирака, Иордании, Палестины. Интересы великих держав – Англии, Франции, Италии – обуславливались в большей степени военно-стратегическими и в меньшей – геоэкономическими целями. Рассмотренные в данном разделе обсуждение границ «национального очага для еврейского народа» и установление границ послевоенной Турции демонстрируют, как различными путями шло формирование национального государства в сложных военно-политических условиях.

При всем своем различии оба примера имеют значительное сходство. В обоих случаях активными действующими лицами процесса были национальные силы – турецкие националисты во главе с Мустафой Кемалем (хотя вначале не полностью осознававшие и воспринявшие тюркскую идентичность) и сионисты,

которые под «национальным очагом для еврейского народа» подразумевали национальное государство.

И в случае Турции, и в случае Палестины не было четкого представления об истинных и достаточных для выживания народа будущих границах. Однако при обсуждении будущих границ сионисты в качестве аргументов приводили исторические источники и социально-экономические условия, а турецкие лидеры апеллировали к политическому суверенитету и религиозной общности различных этнических групп бывшей империи.

Важным фактором и для турок, и для сионистов был вопрос о численности и расселении родственных или близких с религиозной точки зрения групп. В отличие от еврейских деятелей турецкие лидеры намеревались сохранить имперскую полиэтничность, скрепленную религиозной идеей, однако политическая целесообразность и требование борьбы с иностранным влиянием возобладали.

Наконец, в обоих случаях неопределенность установленных границ спровоцировала конфликты, свидетелями которых мы являемся в настоящее время.

Прочерченные по итогам войны границы нынешней Турции с Сирией и Ираком и границы Израиля с Иорданией, Сирией и Ливаном стали в глазах народов региона символом несправедливости, зачастую понимаемой диаметрально противоположно и принимающей форму взаимных упреков. Хотелось бы надеяться, что приведенные в рамках данной главы две такие разные, но в чем-то схожие истории складывания национальных границ помогут пониманию истоков актуальных конфликтов современности и облегчат поиск необходимого компромисса.

ПРОБЛЕМА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ: ПРИМЕР ТУРЦИИ

Анализ особенностей формирования и возможностей контроля социально опасных ситуаций в регионе требует учета такого важнейшего местно-специфического фактора, как эволюция и современное состояние взаимодействия общества и государства с этноконфессиональными меньшинствами. Для исследования данной проблематики Турция выбрана в качестве примера вследствие сразу нескольких факторов.

Во-первых, Турция является «прямой наследницей» Османской империи, и ее пример довольно показателен и для других стран региона, образовавшихся после распада последней. *Во-вторых*, Турция традиционно является полиэтничной страной, в которой представлены различные конфессии. *В-третьих*, понятие «меньшинства» в Турции довольно специфично и с правовой точки зрения, и с точки зрения восприятия. *В-четвертых*, используя европейскую терминологию, два крупнейших меньшинства Турции – курды и алевиты – не ограничены пределами страны и являются активными участниками жизни общества в значительно более широком геополитическом контексте. Наконец, Турция сегодня – влиятельный игрок на региональной политической арене, изменения в пределах которой, очевидно, имеют серьезное влияние на развитие процессов во всем мире.

С учетом сказанного этноконфессиональная проблематика в Турции анализируется в исторической ретроспективе и в современности. Рассматриваются возможные сценарии ее дальнейшего развития и влияния на региональные процессы.

Понимание термина «меньшинство» в мире и в Турции. Лозаннский договор

Полемика вокруг проблемы меньшинств, которая впоследствии приняла форму политического проекта, преследующего цель определить и закрепить права и статус сообществ, отличных от доминирующих этнических групп в той или иной стране, получила особое развитие после Первой мировой войны, в период, когда менялся политический ландшафт Европы и Ближнего Востока и создавались новые национальные государства. Появление на мировой сцене Советского Союза также оказало существенное влияние на развитие этой дискуссии.

Однако до сих пор в международном праве термин «меньшинство» окончательно не сформулирован¹. Со времен завершения Первой мировой войны неоднократно предпринимались попытки дать определение меньшинства. Но оказалось, что сделать это гораздо сложнее, чем обозначить права меньшинств. Чтобы установить, какие меньшинства подлежат защите,

¹ Henrard K. *Devising an Adequate System of Minority Protection*. The Hague, 2000. P. 18; Hofmann R. Menschenrechte und der Schutz nationaler Minderheiten // *ZaöRV*, vol. 65, 2005. P. 599; Künnecke A. Eine Hürde auf dem Weg zur EU-Mitgliedschaft? // *Der unterschiedliche Minderheitenbegriff der EU und der Türkei*. Hamburg, 2007. S. 159; Topidi K. *EU Law, Minorities and Enlargement*. Antwerpen, 2010. P. 13.

в рамках политического процесса был разработан ряд систематически используемых показателей. Данные параметры могут рассматриваться как постоянные критерии европейского определения меньшинства: 1) численное меньшинство; 2) недоминирующее положение; 3) отличительные этнические, религиозные или лингвистические характеристики; 4) гражданство страны проживания; 5) осознание и внешнее проявление своей принадлежности к определенной недоминирующей группе. Совместное применение этих пяти критериев позволяет квалифицировать группу людей как меньшинство².

Одна из наиболее распространенных формулировок термина «меньшинство» была предложена в 1977 г. Франческо Капоторти, специальным докладчиком подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств ООН. Согласно его трактовке, меньшинство – это группа, численно меньшая, чем остальное население того или иного государства, и не занимающая доминирующего положения, члены которой, являясь гражданами данного государства, обладают этническими, религиозными или лингвистическими особенностями, отличающими их от остального населения государства, и демонстрируют, пусть даже неявно, чувство солидарности, направленное на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка.

Основополагающим документом для турецкой концепции «меньшинства» является Лозаннский мирный

² Ahmed T. *The Impact of EU Law on Minority Rights*, Oxford, 2001; Gornig G.H. Die Definition des Minderheitenbegriffs aus historisch-völkischer Sicht // Blumenwitz D., Gornig G.H., Murswiek D. (Hrsg.) *Ein Jahrhundert Minderheiten- und Volksgruppenschutz*. Köln, 2001. S. 19–48; Künnecke O. Op. cit.

договор, подписанный после окончания Первой мировой войны в 1923 г. Проблема меньшинств, вызванная распадом Османской империи на национальные государства, представлена в третьем разделе документа. Лозаннский мирный договор заменил Севрский мирный договор 1920 г., по которому права меньшинств распространялись на основе расовых, лингвистических и религиозных критериев как на мусульманское, так и немусульманское население. Лозаннский мирный договор, в свою очередь, не признавал защиту прав этнических или языковых меньшинств, а также религиозных меньшинств в целом, но предписывал защиту исключительно немусульманских религиозных меньшинств³. В нем отсутствовала стандартная формулировка «расовые, религиозные и языковые меньшинства». Вместо этого понятие «меньшинство» сводилось к немусульманским меньшинствам (фр. *minorités non-musulmanes*; тур. *gayri müslim ekalliyetler*).

Отсюда, если пользоваться европейской терминологией, два крупнейших меньшинства в Турции, такие как *курды* (этническое и языковое меньшинство) и *алевиты* (мусульманское религиозное меньшинство), не были включены в категорию «меньшинство» согласно положениям Лозаннского договора. Наряду с наиболее известными меньшинствами в Турции имеются и иные, не такие многочисленные группы, среди которых присутствуют *ассирийцы*, *черкесы*, *народ заза*, *лазы*, *езиды*, *юрюки (ерюки)*, *тахтаджи*, *цыгане*, *азербайджанские тюрки (джафепиты)*, *бахави*, православные христиане, *дагестанцы*,

³ Rodrigue A. Reflections on Millets and Minorities. Ottoman Legacies // R. Kastoryano (ed.) *Turkey between Nationalism and Globalization*. London: Routledge, 2013. P. 36–46, 42–43.

албанцы и некоторые другие. Они также не получили статуса меньшинства.

Лозаннский мирный договор является законом прямого действия в Турции. Эта страна до сих пор подписывала международные договоры по защите меньшинств, только оговорив для себя право толковать и применять статьи этих договоров, руководствуясь исключительно концепцией меньшинств, сформулированной в Конституции Турции и Лозанском мирном договоре⁴.

Статус меньшинств предоставляется Турецкой Республикой только *греческим православным христианам, армянам и евреям*, которые составляли наиболее значимые миллеты Османской империи. Современную политику Турции в отношении меньшинств следует анализировать в контексте весьма специфической постосманской системы координат, «ставящей Турцию в противоречие с международными конвенциями по правам человека»⁵. Таким образом, концепцию «меньшинства» нельзя рассматривать изолированно от исторического контекста.

Концепция «меньшинства» в Османской империи. Реформы Танзимата

В Османской империи статус меньшинства основывался на религии и применялся только к немусульманам. В контексте системы миллетов этот статус был введен в 1454 г., через год после завоевания

⁴ Künnecke O. Op. cit. S. 123.

⁵ Dressler M. Historical Trajectories and Ambivalences of Turkish Minority Discourse // *New Diversities*. Vol. 17 (1), 2015. P. 9–26, 16–17.

Константинополя. Немусульманам, а точнее, христианам и евреям, было предоставлено право контроля над всеми внутренними тяжбами и соглашениями, в том числе в сфере заключения браков и осуществления разводов, вопросах наследования, сбора внутренних налогов, а также проведения религиозных ритуалов⁶.

Социально-экономические, культурные и политические преобразования, происходившие в Османской империи с XIX в., выдвинули на передний план идеи национализма, гражданства и секуляризма, которые серьезно повлияли на то, как этнические и религиозные общины воспринимались государством и друг другом. Политика реформ Танзимата способствовала преобразованию системы *миллетов*. В этот период европейские государства (особенно Великобритания, Франция и Российская империя) провозглашали себя защитниками христиан в Османской империи. Основные реформы эпохи Танзимата были проведены под сильным влиянием европейских держав, хотя и находили поддержку среди зарождающейся элиты османских бюрократов.

Реформы Танзимата следует рассматривать в контексте осознанной необходимости модернизации правительственных и государственных институтов в период, когда османская элита стала ощущать угрозу независимости империи. В свете активизации сепаратистских движений и настроений, первоначально среди христиан, проживающих на Балканах, этнические и религиозные разногласия начали восприниматься в качестве политической проблемы международного значения как внутри Османской империи, так и европейцами⁷.

⁶ Heper M. *Türkiye Sözlüğü: Siyaset, Toplum ve Kültür*. Doğu Batı Yayınları, 2006. S. 154.

⁷ Dressler M. Historical Trajectories and Ambivalences... P. 13–14.

Эдикт Гюльхане 1839 г. (*тур. Hatt-ı Şerif*) утвердил идею равенства всех подданных, которые теперь становились гражданами независимо от религии. Эти понятия и основные гражданские права были затем сформулированы более широко в Императорском эдикте 1856 г. (*тур. Hatt-ı Hümayün*)⁸. Ранее, вплоть до первой половины XIX в., управление делами в Османской империи не было ориентировано на создание равенства среди полиэтнического и многоконфессионального населения империи. Такой способ управления делами узаконивался системой шариата, в которой мусульмане занимали привилегированное положение по сравнению с немусульманами. Османские реформы XIX в. послужили катализатором постепенного перехода империи к современному национальному государству⁹.

Реформы Танзимата подготовили почву для рождения идеи османизма. Ш. Ханиоглу охарактеризовал османизм как «чисто светскую идеологию»¹⁰. В контексте рассуждений о религиозной свободе, провозглашенной в период Танзимата, османизм опирался на идею равенства всех граждан империи в отношении своих прав и обязанностей независимо от религиозной и этнической принадлежности. По сути, реформы повысили уровень этнорелигиозного сознания и активизировали соперничество между религиозными общинами, таким образом, в значительной мере способствуя усилению националистических тенденций.

⁸ Hanioglu Ş. *A Brief History of the Late Ottoman Empire*. Princeton: Princeton University Press, 2008. P. 72–76.

⁹ Barkey K. *Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

¹⁰ Hanioglu Ş. *A Brief History of the Late Ottoman Empire...* P. 76.

Часть зарождающихся светских элит представителей миллетов (особенно среди общин греков и армян) стала применять националистическую риторику против османизма. В ходе трансформации религиозных миллетов в этнонациональные религиозные границы стали превращаться в национальные. Вследствие этого «национализировавшиеся» общины и меньшинства стали рассматриваться за рамками османской, а позднее турецкой нации¹¹. В этом контексте термин «меньшинство» (*тур. ekalliyet*) использовался «на Ближнем Востоке в последние десятилетия XIX в. европейскими странами, которые объясняли свое вмешательство во внутренние дела Османской империи необходимостью защиты христиан»¹².

Даже беглый взгляд на историю Османской империи после начала реформ Танзимата позволяет увидеть непрерывный процесс крушения империи, который был отчасти инициирован успешными движениями за независимость живущих в ней христиан при поддержке той или иной европейской державы. В 1829 г. была провозглашена независимость Греции. Между 1839 и 1908 г. империя потеряла все свои восточно- и центральноевропейские земли. Территории на Балканах и в Северной Африке были утрачены в период между 1908 и 1918 г. во время Балканских войн, итальянского вторжения в североафриканскую часть Османской империи и Первой мировой войны. Наконец, уже не действующим Севрским договором от империи были отторгнуты крупные части Анатолии.

¹¹ Dressler M. Historical Trajectories and Ambivalences... P. 15.

¹² Longva A.N. Introduction. Domination, Self-Empowerment, Accomodation // A.N. Longva and A.S. Ronald (eds.), *Religious Minorities in the Middle East: Domination, Self-Empowerment, Accomodation*. Brill: Leiden, 2012. P. 1–23, 4.

Правящая элита империи не смогла создать новую институциональную модель отношений между центром и периферией. Предоставление современных национальных и религиозных прав населению периферийных областей привело к уничтожению традиционных отношений между центром и периферией и скорому ослаблению власти первого над последней.

Некоторые исследователи утверждают, что этот исторический пример преподнес отцам-основателям республики два урока. Один состоял в том, что предоставленные права и свободы не делают людей более лояльными государству. Второй урок состоял в том, что истинным намерением, скрывавшимся за призывами Европы к уважению прав человека, было стремление расколоть турецкую нацию и ослабить турецкое государство. Память об этих двух уроках, послужившая основой идеи современного турецкого консерватизма и изоляционизма, называется «синдромом Танзимата»¹³.

Концепция «меньшинства» в Турецкой Республике

После провозглашения Турецкой Республики пространство получило определение нации, в основе которого были заложены концепты общей территории и гражданства. Мустафа Кемаль Ататюрк провозгласил, что «народ Турции, основавший турецкое государство, именуется турецкой нацией». В параграфе 88

¹³ BEUCITIZEN (Barriers Towards EU Citizenship) Report, 2016: *Turkey: Minorities, Othering and Discrimination, Citizenship Claims*. URL: <http://beucitizen.eu/wp-content/uploads/D4.9-Turkey-final.pdf>. P. 23.

Конституции 1924 г. констатировалось следующее: «Народ Турции, вне зависимости от религии и расы, — турки с позиции гражданства»¹⁴.

Эту гражданскую всеобщность можно считать достижением раннего кемалистского государства. По словам Ш. Бенхабиб, «создание современной Турции благодаря реформам Кемалю Ататюрку можно рассматривать как образцовый пример гражданского национализма. Чтобы выковать новую гражданскую идентичность на обломках Османской империи, некогда гордившейся тем, что в ее состав входят семьдесят два миллета, Ататюрку пришлось противопоставить новую нацию персидскому и арабскому историческому наследию», которое в значительной степени повлияло на культурную жизнь империи¹⁵.

В ранний период существования республики правительство предприняло ряд серьезных правовых и административных мер в восточной Турции, развивая тем самым идею «турецкой самоидентификации» в соответствии с принципом «народ-государство». Таким образом, «Закон о поселении»¹⁶ 1934 г. представлял собой программу переселения национальных меньшинств, призванную содействовать процессу «тюркизации». Эту меру следует рассматривать как ответ на восстание преимущественно курдского населения в Кочгири (1920–1921 гг.) и вооруженное выступление под руководством шейха Саида (февраль 1925 г.). Так что в промежуток между 1927 и 1929 г. правительством был принят ряд особых законов, предписывающих насильно переселять

¹⁴ Cagaptay S. *Islam, Secularism and Nationalism in Modern Turkey. Who is a Turk?* London: Routledge, 2006. P. 14–15.

¹⁵ Benhabib S. *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*. Princeton: Princeton University Press, 2002. P. 9.

¹⁶ İskân Kanunu (№ 2510; 14.06.1934).

мятежные курдские племена в районы центральной и западной Анатолии. Были сделаны попытки предоставить кочевым курдским племенам землю, чтобы перевести их на оседлый образ жизни.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что в период однопартийного правления вопрос идентичностей был исключен из общественной сферы. Это был период строительства нации, когда нация безоговорочно воспринималась как турецкая и суннитско-ханафитская. Хотя более поздний период, 1960–1970-х годов, характеризуется возрождением самосознания среди некоторых непризнанных меньшинств, таких как алевиты. Это можно увидеть на примере создания различных объединений, выхода в свет газет и журналов алевитов и т. д., а также образования алевитской политической партии.

Важный сдвиг в турецкой политике в вопросах идентификации наблюдался в 1980-х годах. После военного переворота 1980 г. значительно усилился контроль государства над общественной сферой. Конституция 1982 г. предоставила президенту беспрецедентные полномочия и наложила некоторые ограничения на гражданские права, свободу прессы и т. д. Статья 14, например, гласила, что личные свободы нельзя использовать таким образом, чтобы они угрожали национальной безопасности и территориальной целостности республики. В статье 3 турецкий язык провозглашался официальным языком республики, в то время как использование курдского языка и языков других меньшинств в общественно-политической сфере запрещалось¹⁷.

¹⁷ Turan I. *Turkey's Difficult Journey to Democracy. Two Steps Forward, One Step Back*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 117.

Рассматривая период 1980-х годов, на протяжении которых доминировала Партия Отечества (тур. *Anavatan Partisi*) Тургута Озала, следует отметить две его важнейшие характеристики – восстановление концепции идентичности и возрождение политического ислама. С самого начала Партия Отечества поставила задачи обеспечения диалога внутри страны и снижения уровня политической конфронтации¹⁸. Многие вопросы, прежде считавшиеся табу (особенно *курдский вопрос*), стали темами для обсуждения. Наряду с курдским вопросом¹⁹ в социальной сфере Турции появилось немало новых примеров идентичностей и индивидуального самосознания, таких как женщины, страдающие от дискриминации, экологические активисты и т. д. На арену общественной жизни стало выходить все больше новых действующих лиц, требующих признания и равноправия. Таким образом, эта «микроборьба» самосознаний вытеснила классовую «макроборьбу», которая характеризовала период, предшествовавший перевороту 12 сентября. В то же самое время 1980-е годы можно охарактеризовать как период переосмысления роли ислама в турецкой политике и обществе. Ислам интегрировался в идею турецкого национализма, породив концепцию турецко-исламского синтеза.

¹⁸ Göle N. 80 Sonrası Politik Kültür // *Türkiye’de Politik Kültür ve Modernleşme* / Ed. E. Kalaycıoğlu and A. Y. Sarıbay. İstanbul: AlfaYayıncıları, 2000. P. 425.

¹⁹ Начало последней фазы турецко-курдского конфликта отмечено нападением на Эрух отрядов Рабочей партии Курдистана (РПК) в 1984 годов. Этот конфликт характеризуется как низкоинтенсивный. В ходе многочисленных столкновений с начала 1980-х годов до настоящего времени количество погибших в конфликте составило порядка 50 тыс. человек.

Глобальные политические изменения пробудили к жизни новую волну политики в вопросах идентификации, в основе которой лежали этническая принадлежность и религия. Окончание холодной войны и прекращение действия Варшавского договора (благодаря чему появились новые национальные государства) подготовили почву для новой политики признания. Теперь понятие «культурное многообразие» было заново переосмыслено общественностью и нашло отражение в международной риторике, призывавшей к признанию различий и прав меньшинств²⁰.

Вопрос «культурного многообразия» в период правления Партии справедливости и развития

На выборах 3 ноября 2002 г. Партия справедливости и развития (ПСР, тур. *Adalet ve Kalkınma Partisi*) одержала победу, получив 34% голосов, намного опередив светскую Республиканскую народную партию (РНП, тур. *Cumhuriyet Halk Partisi*), которая пришла к финишу второй с 19% голосов. С тех пор ПСР остается правящей партией страны. С самого начала ударение в программе партии было поставлено на права и свободы человека, демократию и гражданское общество. Различные социальные, этнические, политические и религиозные идентичности рассматривались как источник богатства, а не как угроза. В предвыборной декларации объявлялось, что «ПСР призывает их

²⁰ Dressler M. Historical Trajectories and Ambivalences... P. 18.

участвовать в политическом процессе, сохраняя свою самобытность».

Как упоминалось выше, проблема меньшинств приобрела особое значение в период правления ПСР. Она связана с планами Турции на вступление в Евросоюз и находит отражение в ежегодных докладах Еврокомиссии.

После 2009 г. ПСР выдвинула ряд инициатив, предназначенных для решения вопросов этнического и социокультурного характера. В 2009 г. был запущен специальный «Проект единства и братства» (тур. *Milli Birlik ve Kardeşlik Projesi*), или «Процесс демократической инициативы» (тур. *Demokratik Açılım Süreci*), предназначенный способствовать развитию механизмов и институтов обеспечения прав человека в Турции и повышению жизненного уровня различных меньшинств, таких как немусульманские религиозные общины, курды, алевиты, цыгане. Этот проект получил положительную оценку в докладе Еврокомиссии о прогрессе Турции на пути вступления в Евросоюз.

«Пакет демократических преобразований» (тур. *Demokratikleşme Paketi*) – одна из наиболее заметных реформ последнего времени. Реформа позволила не только вести в Турции политическую деятельность на разных языках и диалектах, но и преподавать на них в частных школах страны. «Пакет» предполагал активизировать борьбу против дискриминации и создать Совет борьбы против дискриминации и за обеспечение равенства (тур. *Ayrımcılıkla Mücadele ve Eşitlik Kurulu*).

Новый «Пакет демократических преобразований» отменил запрет на изменение названий сельских поселений и использование в турецкой прессе букв Q, X и W, которые обычно встречаются в именах

собственных и географических названиях курдского происхождения. Таким образом, «Пакет» предложил ряд реформ, которые отвечали ожиданиям курдского населения страны. В то же самое время интересы алевитского меньшинства в «Пакете» учтены не были.

«Пакет» запустил ряд инициатив в отношении турецких цыган. Согласно программе, планировалось учредить Институт цыганского языка и культуры (тур. *Roman Dil ve Kültür Enstitüsü*) при одном из турецких институтов. Со временем он открылся в составе университета в Эдирне. Другим значительным шагом было решение вернуть Сиро-Яковитскому монастырю св. архангела Гавриила (тур. *Mor Gabriel*) в провинции Мардин когда-то принадлежавшие ему земли.

К числу других достижений в области расширения прав меньшинств в Турции можно отнести некоторое увеличение представителей этнических и религиозных групп в парламенте страны по итогам выборов 2015 г. Правительство утвердило национальную стратегию на 2016–2021 гг. и план действий на 2016–2018 гг. по поддержке цыганского меньшинства, что является шагом вперед. В стратегии рассматриваются ключевые препятствия на пути включения цыган в общественную жизнь и предлагается принятие соответствующих мер в различных областях, в том числе в области жилищного строительства, образования, трудовой занятости и здравоохранения²¹.

На повестке дня все еще остаются многие нерешенные вопросы, касающиеся общины алевитов, включая выполнение ряда решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). В январе 2016 г. правительство

²¹ The European Commission's Progress Report on Turkey 2016 // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2016/20161109_report_turkey.pdf. P. 76.

представило Комитету министров Совета Европы два плана мероприятий по реализации решений ЕСПЧ по молитвенным домам (тур. *sem evi*) алевитов и двух решений по вопросу освобождения от обязательного предмета школьной программы по религиозной культуре и этике (тур. *Din Kültürü ve Ahlak Bilgisi Dersi*).

Правительство все еще не узаконило оказание общественных услуг на других языках, кроме турецкого. Преподавание факультативных предметов на курдском языке в государственных средних школах с бесплатным обучением вместе с тем сохранилось. Фондом «Месопотамия», учрежденным в Диярбакыре, начаты приготовления к открытию университета курдского языка. Однако ограничения действуют в отношении обучения на других языках, кроме турецкого, в начальных и средних школах. Запрет не распространяется на школы для национальных меньшинств, признанных Лозаннским договором. Школы с обучением на курдском языке в Диярбакыре и Нусайбине были закрыты, так как они не смогли получить официальную регистрацию²².

Восприятие общественностью концепции «меньшинства»

Полемика о меньшинствах всегда занимала важное место в идеологии турецкого национализма, стремившейся обеспечить создание монолитной нации. В историческом плане идеология национализма работала на «тюркизацию» нетурецких мусульман

²² The European Commission's Progress Report on Turkey 2016. P. 77.

(к примеру, курдов) и «суннификацию» несуннитского мусульманского населения (к примеру, алевитов).

Перетасовка политической географии постосманских земель, произошедшая в период после Первой мировой войны, исходила из восприятия меньшинств как более или менее целостных социальных групп, отличных от большинства населения. В этом контексте предполагалось, что учреждаемые права меньшинств будут служить защитой и опорой для этнических, языковых и религиозных общин, оказавшихся вне ядра национального государства. Однако новая полемика о меньшинствах одновременно цементировала их непохожесть на национальное большинство. Положение признанных меньшинств в турецком обществе осталось двусмысленным. Основные споры, продолжающиеся между общинами меньшинств и государством, касаются автономии образования, права собственности в отношении прежнего имущества общины, аннексированного государством, а также представительства в государственных институтах.

Как упоминалось в начале этой главы, правовое толкование концепции «меньшинства» различается в Турции и Европе. Другой момент – турецкое восприятие термина «меньшинство» отличается от европейского. Что касается непризнанных меньшинств, общин номинальных мусульман со своими четко очерченными социальными границами, в основе которых лежат религиозные или этнические критерии (меньшинства алевитов, алавитов, курдов), обычно они поддерживаются от использования термина «меньшинство» (тур. *azınlık*) в своей борьбе за права и признание. Это происходит, потому что термин «меньшинство» в Турции имеет отрицательный смысл по сравнению с другими странами. В противоположность этому

термин «этническая/языковая/культурная и т. п. группа» (тур. *topluluk*), который нередко используется в международной профессиональной литературе в качестве синонима термина «меньшинство», не воспринимается негативно, не порождает ассоциаций, связанных с сегрегацией или изоляцией. Следовательно, представители меньшинств предпочитают этот термин. «*Topluluk*» не вступает в противоречие с идеей единства «турецкой нации», символизирующей неделимое сплочение всех групп, и лишь подчеркивает факт ее культурного богатства²³.

Указанные группы, официально не признанные в качестве меньшинств турецким государством, фактически не желают предоставления им статуса официально признанного меньшинства²⁴. Это приводит к ситуации, когда этнические, мусульманские и языковые меньшинства сопротивляются навешиванию на них такого ярлыка, одновременно требуя предоставления прав, которые обычно считаются правами меньшинств. В отличие от европейского понимания меньшинства, при котором этот статус воспринимается как привилегия, в Турции он считается признаком более низкого положения. Этнические, религиозные и языковые меньшинства в Турции не хотят, чтобы их записывали в разряд меньшинств и таким образом подвергали сегрегации, отделяющей их

²³ Künnecke A. The Turkish Concept of "Minorities" – An Irremovable Obstacle For Joining the EU? // *European Scientific Journal*. Vol. 2. 2013. P. 77–88, 83.

²⁴ Fırat Ü. Ulus Devlet ve Farklılıklar // *Helsinki Yurttaşlar Derneği, Modernleşme ve Çokkültürlülük*. İstanbul, 2001. P. 92–95; Neumann C.K. "Our Other": Minorities in Turkish Identity Politics from the Ottoman Empire to the Republic: Vortragsmanuskript des gleichnamigen Vortrages auf der 9th Annual Convention of the Association for the Study of Nationalities vom 15–17.4.2004. New York, 2004; Oran B. *Türkiye'de Azınlıklar: Kavramlar, Lozan, İç Mevzuat, İçtihat, Uygulama*, 6. Baskı, İstanbul, 2010.

от коллективного сознания турецкой нации. Они открыто заявляют о своей гражданской турецкой идентичности и не стремятся к тому, чтобы к ним относились как-то иначе по сравнению с суннитско-мусульманским большинством населения. Значение для них имеет только признание их субидентичности как неотъемлемой части турецкой нации, равные с другими гарантии свободы религии и их культурные права²⁵.

* * *

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Турецкое понимание термина «меньшинство» противоречит его толкованию международной общественностью и определяется Лозаннским мирным договором 1923 г. Это расхождение в понимании и толковании наблюдается как в правовой сфере, так и сфере эмоционального восприятия. Термин «меньшинство» в Турции не включает в себя стандартную формулировку «расовые, религиозные и языковые меньшинства». Вместо этого концепция меньшинств сводится к «немусульманским меньшинствам».

Турецкая концепция «меньшинства» находится под существенным влиянием наследия Османской империи

²⁵ Gürbey G. Die Türkische Kurdenpolitik unter der AKP-Regierung: alter Wein in neuen Schläuchen? // *GIGA Focus*, Nummer 11, 2012. P. 1–8, 5; Kuniholm B. Sovereignty, Democracy and Identity: Turkey's Kurdish Problem and the West's Turkish Problem // *Mediterranean Politics*. Vol. 1, Number 3, 1996. P. 353–370, 353, 357; Kurban D. Confronting Equality: The Need for Constitutional Protection of Minorities on Turkey's Path to the European Union // *Columbia Law Review*. Vol. 35, No. 1, 2003. P. 151–214, 214.

и, в частности, системы миллетов. Турецкое правительство не ведет статистики населения на основе религиозной принадлежности. Но, по оценкам, из 80-миллионного населения страны от 75 до 85% людей исповедуют суннитский ислам²⁶. Начиная с 1923 г. по настоящее время официально признанными меньшинствами в Турции считаются греческие православные христиане, армяне и евреи. Всего в различных конфессиях по стране насчитывается менее 150 тыс. христиан, включая представителей армянской и греческой православных церквей, а также других малочисленных общин. Еврейская община насчитывает менее 20 тыс. членов²⁷.

Пользуясь европейской терминологией, можно считать, что концепция «меньшинства» не распространяется на два крупнейших меньшинства в Турции, а именно курдов (этническое и языковое меньшинство) и алевитов (мусульманское религиозное меньшинство).

Община алевитов насчитывает от 20 до 25 млн человек²⁸. По некоторым другим оценкам, к представителям общины алевитов можно отнести примерно 15–20% населения страны. Курдское население насчитывает примерно 14,7 млн человек, и на его долю приходится 18% населения (для сравнения: в Иране курдское население насчитывает около 8,1 млн человек (10% населения), в Ираке – 5,5 млн (17,5% населения))

²⁶ USCIRF Annual Report 2016 // <http://www.uscirf.gov/sites/default/files/USCIRF%202016%20Annual%20Report.pdf>. P. 201.

²⁷ USCIRF Annual Report 2017 // <http://www.uscirf.gov/sites/default/files/2017.USCIRFAnnualReport.pdf>. P. 187.

²⁸ Ibid.

и в Сирии – 1,7 млн (9,7% населения))²⁹. Часть курдской общины придерживается религиозной традиции алевитов, однако большинство исповедует суннитский ислам.

Проблема меньшинств является серьезным вопросом для нынешнего правительства и правящей ПСР и занимает важное место в текущей политике страны. Этот фактор учитывается в процессе вступления Турции в ЕС.

Сегодня официально признанные меньшинства пользуются всеми правами, обеспеченными этим статусом. Однако все еще существуют некоторые трудности, связанные с автономией в сфере образования, правом собственности в отношении прежнего имущества общин и вопросом репрезентации в государственных институтах.

Непризнанные меньшинства, такие как общины алевитов и курдов, все еще подвергаются дискриминации. Традиционные места для молитв алевитов не признаются местами отправления религиозного культа, а религиозные лидеры алевитов – деде – до сих пор лишены официального статуса. Община курдов все еще сталкивается с трудностями в вопросах обучения родному языку, средств массовой информации на родном языке и т. д. Правда, в 2009 г. начала работать первая в Турции телевизионная станция, вещающая на курдском языке (TRT Kurdi).

В Турции термин «меньшинство» имеет негативный оттенок. Этнические, языковые и религиозные меньшинства в Турции требуют от властей признания

²⁹ Al Serhun. *Barış ve Çatışma Arasında: Türkiye ve Ortadoğu'da Kürt Dünyasını Anlamlandırmak*, Diyarbakır-Şanlıurfa-Mardin-Erbil Saha Araştırması Raporu, 2016. S. 13.

своей субидентичности как неотъемлемой части турецкой нации.

Резюмируя, следует признать, что немусульманские меньшинства в Турции сами по себе, как правило, не создают потенциальной опасности дестабилизации ситуации в стране. И это касается не только официально признанных меньшинств, но и большинства остальных. В частности, нет никаких оснований заявлять о возможности создания алевитской автономии или «Алевистана» (понятие, сформулированное в 1970-х годах и не получившее дальнейшего развития). Это обусловлено прежде всего тем, что алевиты осознают себя неотъемлемой частью турецкой нации. То же самое относится и к алавитам Турции (этническим арабам).

Наиболее сложным является «курдский вопрос» – и в Турции, и в Ближневосточном регионе в целом. Изменения, которые стали происходить в политической структуре Ближнего Востока начиная с 1990-х годов, развитие вооруженного конфликта между правительством Турции и Рабочей Партией Курдистана (РПК), образование Курдского автономного района в составе Ирака в определенной мере способствовали интернационализации «курдского вопроса». Вместе с тем необходимо подчеркнуть существенную гетерогенность курдского населения.

Разрыв соглашения о прекращении огня в июле 2015 г. завершил процесс мирного урегулирования, длившийся в Турции 2,5 года. Новый этап конфронтации создает потенциальную угрозу социальной и политической дестабилизации в масштабах не только страны, но в известной мере и всего Ближневосточного региона.

Вместе с тем последствия референдума в Иракском Курдистане 25 сентября 2017 г. указывают на малую вероятность появления независимого Курдистана на карте Ближнего Востока в краткосрочной перспективе. Дискуссионным остается вопрос о приобретении статуса автономии курдами Турции.

Можно заключить, что вопрос о правах и статусе меньшинств неразрывно связан с уровнем развития демократических институтов и «качеством» демократии в той или иной стране. В том случае, если Турция будет демонстрировать смещение в авторитарную плоскость, можно спрогнозировать рост недовольства (и без того фрагментированного) населения страны в вопросе политики меньшинств. Однако появление на турецкой политической сцене новых игроков говорит о существующей потребности в плюрализме и развитии внутриполитических процессов. И это оставляет надежду на успешное совместное развитие турецких этноконфессиональных меньшинств с обществом и государством, а значит, и на закономерное увеличение социально-политической безопасности на всех уровнях, включая национальный, региональный и глобальный.

МЕЖДУ ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ И ГЛОБАЛИЗМОМ: ФЕНОМЕН АРАВИИ

Арабская весна 2011 г. дала толчок для сползания Ближнего Востока в состояние нестабильности и перманентных конфликтов. Этнокультурная общность региона придала ему свойство резонирующей системы, рефлекторно передающей процессы в социально-политической сфере от одной точки к другой, легко преодолевая границы и вызывая «эффект домино». Дело не ограничилось лишь начальным импульсом дестабилизации, почти синхронно затронувшей такие разные по социально-экономическим показателям страны, как Тунис, Ливия, Сирия, Египет и Йемен. Переход революционной волны в последующее общественное брожение, смена режимов и деструкция отдельных государств сопровождалась переносом их ведущих драйверов в плоскость международных отношений, затрагивавших как их горизонтальный уровень (между региональными игроками), так и вертикальный (между региональными и глобальными игроками).

Вывод из списка региональных лидеров Сирии, ослабление ключевой роли Египта, глубокий кризис в Йемене (специфическом полюсе Аравийского полуострова), случившийся еще до этой серии крах Ирака стали сигналом для некоторых консервативных режимов, существенно не затронутых Арабской весной, вступить в борьбу за региональное лидерство. Появление на ближневосточной арене Саудовской

Аравии и Катара в роли пионеров перехода к новаторскому кинетическому стилю в своей региональной политике не было простым подражанием политическому активизму старших глобальных партнеров. Они вносили в общий политический процесс смесь консервативной идеологии и суперсовременных сетевых технологий. За пределами Аравии общим правилом поведения этой группы игроков были поддержка протестных выступлений, ослабление государств-конкурентов и максимальное вовлечение в политический процесс быстро набиравшего социальный вес специфического исламского политического фланга. Их, как правило, не смущал тот факт, что в том же сегменте в этих странах уже действовали внесистемные, радикальные и террористические группировки, если они декларировали приверженность салафитскому учению. Наложение этих двух векторов дало синергетический эффект, приведя к размыву революционного движения и создав параллельный дрейф в контрреволюционную плоскость обострения этнокультурных конфликтов и борьбы за власть между группировками.

Включение новых игроков в борьбу за статус и влияние в регионе поставило перед их властными элитами задачи принципиально нового уровня, требовавшие изменения парадигмы внешней политики и создания новых инструментов влияния. Формирование новой парадигмы внутри властных элит для решения этих задач вызвало появление нового фактора в их внутренней политике – ожесточенную конкуренцию между группировками, кланами и фракциями внутри кланов, а также между поколениями в правящих семьях. Все ранее установленные правила субординации становились все менее значимыми буквально во всех странах Аравии.

Впервые за многие годы властным элитам этих стран пришлось менять «правила игры», по ходу создавать новые, балансируя на грани раскола. Выбившиеся наверх молодые аристократы привносили с собой в политику новаторские элементы, которые, как правило, отличались сильно завышенной самооценкой. Уже на начальном этапе трансформации они пытались компенсировать нехватку опыта и чувства ответственности за принимаемые решения, затрагивавшие судьбы миллионов людей, быстрым переходом ко все более радикальным способам ведения борьбы, не останавливаясь перед колоссальными ресурсными затратами при крайне низкой их эффективности.

Аравию охватила битва амбиций, целью которой было установление субординации между властными группировками как внутри своих стран, так и в отношениях с региональными соседями. Аравийская специфика этой борьбы определялась тремя свойствами: ярко выраженным личностным окрасом, отсутствием достаточного жизненного опыта и повышенной склонностью к демонстрации силового могущества.

Неудивительно, что побочным эффектом подобного роста региональной самостоятельности стал необычно высокий уровень милитаризации Ближнего Востока. К примеру, в 2015 г. объем импорта вооружений в арабские страны достиг \$9,3 млрд, что составляло треть от общемирового показателя (по сравнению с 2010 г. рост на 34%)¹.

Импорт вооружений в страны Ближнего Востока вырос на 86% в 2012–2016 гг. по сравнению с предыдущей пятилеткой. В этот период времени 28% всего оружия, поставляемого в регион, покупалось Саудовской

¹ SIPRI Database URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database.

Аравией, а 16% – ОАЭ. Основными поставщиками были США, Великобритания и Франция, на долю которых приходится 53, 8,9 и 8% всего поставляемого в регион оружия соответственно².

Ведущую роль в милитаризации Ближнего Востока играет Аравийский полуостров³, отдельные представители которого на протяжении последнего времени были вовлечены в конфликты в Йемене, Сирии, не прекращая наращивать конфронтационную спираль с Ираном. Одновременно Аравия испытывала рост напряженности как внутри региональных групп – Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), так и во внутренних делах своих государств.

В 2012–2016 гг. импорт оружия в Саудовскую Аравию увеличился на 212% по сравнению с 2007–2011 гг. Королевство стало вторым по величине импортером вооружений в мире, на которое приходится 8,2% мирового импорта вооружений за последние пять лет. Расходы Эр-Рияда на импорт оружия в 2016 г. достигли \$2,98 млрд (в 2015 г. – \$3,3 млрд). Причем после 2011 г. затраты королевства на закупку вооружений выросли в три раза. В 2016 г. показатели удвоились. Если в 2005 г. доля Саудовской Аравии в общеарабском импорте вооружений составляла 4,5%, то к 2010 г. она возросла до 20%, а спустя еще пять лет достигла 34%. В 2016 г. королевство заняло третье место в мире после США и Китая по оборонным расходам⁴.

Аналогичную динамику демонстрировали ОАЭ. За 2012–2016 гг. лет ввоз оружия в Эмираты увеличился

² SIPRI Database...

³ См.: Исаев Л.М., Коротаев А.В. Воинствующая Аравия // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 8.

⁴ Trends in International Arms Transfers // *SIPRI Fact Sheet*, February 2016. P. 10.

на 63% по сравнению с предыдущей пятилеткой (2007–2011). Не отставали Катар и Кувейт – соответственно 245 и 175%. При этом импорт оружия в Иран оставался на очень низком уровне в 2012–2016 гг., составляя 1,2% от общего объема поставок оружия на Ближний Восток⁵. Это можно объяснить частичным эмбарго на поставки оружия, введенным Организацией Объединенных Наций, а также негативным эффектом от введения экономических санкций.

Однако вопрос о пользе курса на сверхоснащение современным оружием стран Аравии для успеха их выдвижения в лидеры Арабского мира не имеет однозначного ответа. Волна вооруженных конфликтов влечет утрату равновесия в регионе, ведет к тотальному соперничеству, созданию зыбких альянсов и коалиций, провоцируя потенциальных аутсайдеров переходить к отчаянному сопротивлению ради удержания своего статуса. Милитаризация не способствует поиску новых формул равновесия, а лишь делает их менее предсказуемыми.

Саудовская Аравия: переход к парадигме ведущего политического игрока региона

Саудовская Аравия и Иран: динамика отношений и новая ось противоречий

Переход власти в руки шиитских лидеров под сенью американского оккупационного режима в Ираке после 2003 г. спровоцировал очередной виток соперничества

⁵ Trends in International Arms Transfers // *SIPRI Fact...* P. 11.

между Ираном и Саудовской Аравией, превратившегося со временем в крупный источник дестабилизации как в странах Залива, так и на всем Ближнем Востоке. Еще со времен шаха между двумя государствами существовало немало противоречий на почве борьбы за региональное доминирование. Ситуация обострилась после Исламской революции 1979 г., когда иранским руководством был провозглашен курс на «экспорт Исламской революции», который до сих пор, несмотря на его постепенное свертывание Тегераном, сохранил значение одного из ключевых факторов саудовской политики, основанной на тезисе о персидской угрозе. Переход соседних стран Залива к растущей конфронтации, впрочем, изредка перемежался краткосрочными «оттепелями» во взаимных отношениях. Так, в 1990 г. в ходе операции «Буря в пустыне» Иран и Саудовская Аравия вместе выступили против Саддама Хусейна (третьего конкурента в Заливе), а в 2007 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад по приглашению саудовского короля Абдаллы посетил Эр-Рияд с широко разрекламированным официальным визитом.

Фактор Исламской революции в Иране одновременно принес саудовским правящим элитам и политические дивиденды. *Во-первых*, события 1979 г. обернулись резкой конфронтацией Ирана с главным геополитическим союзником Эр-Рияда – Соединенными Штатами, что усиливало гарантии защищенности королевства в случае иранской военной экспансии. Кроме того, новые власти Тегерана разошлись с Египтом по вопросу признания государства Израиль. После переименования одной из тегеранских улиц в 1981 г. в честь Халеда Исламбули, убийцы президента Анвара Садата, Каир вообще разорвал дипломатические связи с Тегераном.

Дипломатическое противостояние Египта и Ирана, длившееся восемь лет, давало КСА рост поддержки со стороны Египта, который вплоть до начала Арабской весны выступал признанным лидером Арабского мира и гарантом безопасности и сохранения статус-кво на Ближнем Востоке. Эти факторы наряду с изматывающим влиянием ирано-иракской войны (1980–1988) и международной изоляцией Ирана позволяли саудовской политической элите чувствовать себя в относительной безопасности.

Однако кризис региональной системы миропорядка, вызванный событиями Арабской весны, вкуче с кризисом доверия к традиционному гаранту ряда ближневосточных режимов – США подтолкнули саудовские элиты к созданию платформы для силовой проекции своей внешней политики в регионе. Сделав стержнем арабо-иранское (или, шире, суннитско-шиитское) противостояние, Иран в глазах Эр-Рияда оказался принципиальным врагом – основной коллективной угрозой на Ближнем Востоке, обращенной прежде всего против королевства. «Оправданно или нет, но Саудовская Аравия чувствует себя окруженной врагами, подчиненными Ирану: в Бахрейне, в Сирии, в Йемене и в Ираке», – отмечает в этой связи немецкий эксперт Себастьян Зонс⁶.

Эр-Рияд взял курс на эскалацию шиитско-суннитских противоречий, которые повлекли разжигание межконфессиональной неприязни, отведя себе роль главной «жертвы» шиитской агрессии в качестве «хранителя двух святынь». Проталкивание шиитской

⁶ См.: Конфликт Ирана и Саудовской Аравии: причины и последствия // *Deutsche Welle*. 11.01.2016. URL: <http://www.dw.com/ru/конфликт-ирана-и-саудовской-аравии-причины-и-последствия/a-18968051>.

угрозы позволяло КСА выступить лидером большей части суннитского мира. В поисках идеологического обоснования нового внешнеполитического курса саудовские руководители обратились к работам мусульманского теолога Ибн Таймии, который в свое время оказал заметное влияние на Мухаммеда Абд ал-Вахаба, чье учение легло в основу саудовской государственности. Ибн Таймия славился глубокой неприязнью к шиитам, считая их предателями и лжецами. «Остерегайся шиитов, борись с ними, они лгут»⁷ – так со страниц своих книг обращается он к суннитам, напоминая, что именно по вине шиитов, вступивших в преступный сговор с монголами, в XIII в. пал Багдад.

Близкие постулаты были использованы и отцом-основателем «Исламского государства» Абу Мусабом аз-Заркави. Вот как он представлял себе войну, которую должны вести джихадисты на территории Леванта: «Нанося удары по шиитам, по их религиозным, политическим и военным чувствительным точкам, мы тем самым спровоцируем их, чтобы они выплеснули свое бешенство, показали суннитам зубы и обнажили скрытую ненависть, которая клокочет в груди каждого из них. Если нам удастся втянуть их в религиозную войну, тем самым мы разбудим нерадивых суннитов, которые проснутся, как только почувствуют неминуемую смертельную опасность»⁸.

В результате смешения политических и религиозных (идеологических) аргументов, антииранская составляющая вышла на роль системного вектора саудовской внешней политики. Тезис о «персидской

⁷ См.: Riedel B. *The Search for Al Qaeda: Its Leadership, Ideology, and Future*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2010. P. 100.

⁸ Цит. по: Вайс М., Хасан Х. *Исламское государство: армия террора*. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 55.

угрозе» и смена курса администрации Барака Обамы в направлении диверсификации политических контактов на Ближнем Востоке подтолкнули Эр-Рияд к практической реализации договора о совместной обороне и экономическом сотрудничестве, подписанного в рамках Лиги арабских государств (ЛАГ) в 1950 г. Сразу после создания коалиции из девяти арабских стран для участия в военной операции в Йемене Саудовская Аравия на саммите ЛАГ в Шарм-эль-Шейхе в конце марта 2015 г. выдвинула инициативу создания единой арабской армии, которую журналисты сразу же окрестили «арабским НАТО». Однако разногласия по вопросам финансирования, командования и участия в боевых действиях погубили эту идею. Неудача в данном проекте не позволила Эр-Рияду использовать тезис об «иранской угрозе в лице хуситов в Йемене», чтобы переложить военные и прочие риски своей военной кампании на плечи других стран. Никто из членов коалиции, кроме Саудовской Аравии и ОАЭ, так и не согласился предоставить свои армии для участия в наземной операции в Йемене, вынудив командование решать эту проблему своими силами, используя наемников со всего земного шара, от Колумбии до Пакистана⁹.

Очередную попытку консолидировать вокруг себя союзников в регионе Саудовская Аравия предприняла в декабре 2015 г., когда в Эр-Рияде было объявлено о создании «исламской» коалиции по борьбе с терроризмом. Однако ее изначальная ориентация на суннитские страны Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки указывала на стремление Саудовской Аравии

⁹ Исаев Л.М. «Обрадой же их наказаньем мучительным...»: геополитическое соперничество Саудовской Аравии и Ирана // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2016. № 2. С. 65.

к главенству в военном блоке, призванном главным образом блокировать иранское влияние в регионе. Этот проект также оказался мертворожденным из-за отказа потенциальных союзников от участия в деятельности блока и их нежелания сковывать себя в будущем какими-либо обязательствами.

Скромные результаты внешнеполитической активности Саудовской Аравии в направлении наращивания своих геополитических позиций соседствовали с нарастанием внутренних угроз, копившихся долгие десятилетия в королевстве. В начале октября 2011 г. саудовское руководство столкнулось с новым вызовом: в городе ал-Авамия начались волнения шиитской молодежи, грозившие распространиться на всю Восточную провинцию. Характеризуя беспорядки, саудовская пресса предпочитала говорить о «хулиганских выходках»¹⁰, «провокации со стороны “Аль-Каиды”»¹¹, «вмешательстве Тегерана, потерпевшего неудачу в Бахрейне и теряющего Сирию»¹². Все эти версии не могли скрыть главного: события в Аль-Авамии, ставшие самым серьезным выступлением саудовских шиитов после 1979 г., в очередной раз подтвердили «политико-конфессиональную маргинальность шиитов

¹⁰ *Аль-Аф`аль аль-мушина фи-ль-Авамиййа (Хулиганские действия в Аль-Авамии) // Ар-Рияд. 06.10.2011. URL: <http://www.alriyadh.com/2011/10/06/article673015.html>.*

¹¹ *Аль-Каида са`ат ли-хальк фитна та`ифиййа фи-с-Саудиййа («Аль-Каида» пыталась вызвать межконфессиональную смуту) // Аш-Шарк аль-Аусат. 04.10.2011. URL: <http://www.aawsat.com//details.asp?sectiон=4&article=643368&issueno=11998>.*

¹² *Мас`улю ва ахали Аль-Катыф: ахдас Аль-Авамиййа амаль мушин (Руководство и жители волости Аль-Катыф: события в Аль-Авамии недопустимы) // Аль-Мадина. 05.10.2011. URL: <http://www.al-madina.com/node/330835>.*

в саудовском государстве»¹³. Причем по мере дальнейшего усиления Ирана эта проблема будет только усугубляться.

*Внутренние трудности Саудовского королевства:
кризис традиционной парадигмы и риски перемен*

Антииранская тенденция во внешней политике Саудовской Аравии во многом объясняется теми трудностями, с которыми сталкивается режим внутри страны. Главная из них – коллизия между необходимостью модернизации и дальнейшей диверсификации саудовской экономики, с одной стороны, и стремлением поддерживать внутривнутриполитическую стабильность, основанную на существующей десятилетиями патриархальной модели отношений между властью и обществом – с другой.

Для характеристики политико-экономической модели нефтезависимых государств Персидского залива иранский экономист Хоссейн Махдави¹⁴ в 1970 г. ввел в научный оборот термин «государство-рантье», которое занимается перераспределением благ, получаемых от нефтяных доходов среди населения в виде социальных привилегий, покупая в обмен легитимность. В отличие от экономик, основанных

¹³ См.: Косач Г.Г. Саудовская Аравия и Арабская весна: внутривнутриполитическая эволюция, региональная политика и перспективы реформ // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. М.: УРСС, 2012. С. 302.

¹⁴ See: Mahdavy H. The Pattern and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran // *Studies in the Economic History of the Middle East* / Ed. M.A. Cook. Oxford: Oxford University Press, 1970.

на трудовой теории стоимости, государства-рантье не зависят от налогообложения своих граждан, поскольку внешняя рента покрывает все его нужды. «Вместо институтов налогообложения и политического представительства в государстве-рантье складывается система контроля и перераспределения ренты»¹⁵. Стабильность и устойчивость политической системы, основанной на таком принципе, целиком зависят от способности властных элит удовлетворять запросы основной массы своего населения. И хотя за последние десятилетия в Саудовской Аравии были предприняты шаги в сторону диверсификации экономики, создание эффективных и конкурентоспособных институтов, необходимых для функционирования рыночной экономики, находилось в зачаточном состоянии.

Резкое падение цен на нефть в 2014 г. нанесло удар по саудовской модели общества благоденствия, приведя к осознанию элитами необходимости ускорения структурных реформ по созданию конкурентоспособной экономики, менее зависимой от нефтяных доходов. 25 апреля 2015 г. занимавший пост заместителя наследного принца Мухаммад бин Салман анонсировал амбициозную программу «Видение Саудовской Аравии 2030» (далее – «Видение 2030»), которая была призвана привести королевство к новой, современной экономической модели.

Большую часть доходов королевства составляет экспорт, причем на нефть и нефтепродукты приходится 85% его стоимостного объема. В 2013 г. экспорт нефти из Саудовской Аравии составил 381 млн т, а нефтепродуктов – 62 млн т н. э. (в основном – СУГ и НАФТА),

¹⁵ Зотин А. Короля играет рента // *Коммерсантъ Деньги*. 2014. № 35. С. 45.

причем импорт нефтепродуктов также составил 25 млн т н.э. (дизельное топливо и бензин)¹⁶.

Подобная высокая зависимость экономики от нефти в сочетании с драматическим падением цен в три раза и высокими темпами демографического роста (примерно 2% в год)¹⁷ более не могла совмещаться с патернализмом и щедрым субсидированием лояльности граждан. Аномально низкие цены на электроэнергию, воду и бензин стали создавать трудности для бюджета. Как отмечает аналитик «Сколково» Артем Малов, «с постоянно растущим населением, которое потребляет все больше энергоресурсов внутри страны, и неизменно высокими субсидиями на них существенная часть добытой нефти (около 3,3 млн баррелей в день) стала потребляться на внутреннем рынке, снижая в результате объем экспорта»¹⁸.

Впервые с 2010 г. показатели темпов роста ВВП Саудовской Аравии ушли в отрицательное поле (в первом полугодии 2017 г., например, –0,5%), упав на 2,7% по сравнению с четвертым кварталом 2016 г.¹⁹ По данным МВФ, для поддержания уровня достигнутых стандартов потребления с учетом возрастных особенностей населения королевства, среднегодовые темпы роста ВВП должны составлять не менее 6% в год, чего не наблюдалось с 2012 г. Вопрос о продаже акций

¹⁶ Григорьев Л.М. В фокусе: экономика Саудовской Аравии и низкие цены на нефть // *Бюллетень о текущих тенденциях в мировой экономике*. 2016. № 6. С. 16.

¹⁷ World Bank Database URL: <https://data.worldbank.org/country/saudi-arabia>.

¹⁸ Малов А. Сырьевая экономика: от нефти к модернизации // *Ведомости*. 2017. № 4373. С. 6–7.

¹⁹ Tradingeconomics Database URL: <https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/gdp-growth-annual>.

ARAMCO²⁰, с нашей точки зрения, носит настолько острый политический характер, что может быть решен лишь в случае прямой угрозы краха экономики.

Очередным сигналом структурного кризиса саудовской экономики стал дефицит бюджета, начавшийся с 2014 г., который сопровождался непрерывным ростом социальных и оборонных статей расходов королевства²¹. Дефицит саудовского бюджета в 2015 г. достиг \$98 млрд, а в 2016 г. снизился до \$87 млрд²². При этом размер бюджета за последние четыре года сократился на 30% по сравнению с 2012 г. В этой связи решающим становится временной фактор: как долго королевство сможет финансировать расходы за счет сокращающихся валютных резервов.

Приватизация государственных активов, по оценке профессора Университета Коннектикута Петра Турчина, не способна гарантировать королевству стабилизации государственного бюджета даже в среднесрочной перспективе. «Государство контролирует треть акций на саудовской фондовой бирже, общая капитализация которой составляет \$80 млрд. Таким образом, доля государства составляет 100 млрд саудовских риалов... Иными словами, продажа государственных ценных бумаг способна лишь отложить проблему не более чем на два месяца»²³.

²⁰ При цене 35 долл. США за баррель стоимость ARAMCO оценивается в промежутке между 1,4 и 2,8 трлн долл. США. См: Turchin P. *Scientific Prediction in Historical Sociology: Ibn Khaldun meets Al Saud* // *History & Mathematics: Historical dynamics and development of complex societies* / Edited by Peter Turchin, Leonid Grinin, Victor C. de Munck, and Andrey Korotayev. Moscow: URSS. P. 30.

²¹ Tradingeconomics Database URL: <https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/government-budget>.

²² Ibid.

²³ Turchin P. *Scientific Prediction in Historical Sociology...* P. 30.

Чтобы стабилизировать ситуацию, саудовское руководство предприняло шаги по наращиванию внешнего долга и привлечению международного финансирования для покрытия растущего дефицита бюджета. За последние два года суммарный государственный долг королевства вырос с 1,6% ВВП в 2014 г. до 13,1% в 2016 г.²⁴ Пока этот показатель не внушает опасений, но его динамика (среднегодовые темпы роста 6%) создает неуверенность уже в краткосрочной перспективе.

Еще одной острой проблемой саудовской экономики является высокая зависимость от иностранных трудовых мигрантов из более бедных мусульманских стран, доля которых на рынке занятости достигает 80%. Обратной стороной привлечения дешевой рабочей силы является рост за последние три года объема денежных переводов из Саудовской Аравии, который в 2015 г. составил более \$39 млрд²⁵.

В то же время профессиональное образование внутри страны не развито, наблюдается высокая безработица среди молодежи (30%)²⁶. В условиях падения нефтяных доходов и сокращения социальных программ властям не остается выбора, кроме перехода к ужесточению миграционной политики и стимулированию занятости коренного населения. Однако прежний опыт не обещает достижения быстрого результата. Таков вывод российского экономиста Леонида Григорьева: «для повышения доли коренного населения

²⁴ Tradingeconomics Database URL: <https://tradingeconomics.com/saudi-arabia/government-debt-to-gdp>.

²⁵ Григорьев Л.М. В фокусе: экономика Саудовской Аравии и низкие цены на нефть // *Бюллетень о текущих тенденциях в мировой экономике*. 2016. № 6. С. 19.

²⁶ World Bank Database URL: <https://data.worldbank.org/country/saudi-arabia>.

среди занятых в 1975 г. в Саудовской Аравии был дан старт программе “саудизации”, целью которой является повышение доли занятости среди коренного населения до 75%. Несмотря на усилия правительства, программа не достигла успеха, поэтому, очевидно, доля иностранных рабочих не сможет существенно сократиться в ближайшие годы»²⁷.

На решение всех вышеперечисленных проблем была направлена программа реформ «Видение 2030». Однако смена экономической модели в королевстве предполагает и демонтаж фундаментальных основ общественного строя, определявшего жизненный уклад саудовских граждан, для которых «тепличные условия стали привычной нормой жизни..., позволяя им жить на “широкую ногу”»²⁸. Примером этого могут послужить уже инициированные королем Салманом реформы в экономической сфере, как-то: сокращение государственных субсидий, ограничение темпов роста заработной платы, а также других видов материального поощрения госслужащих и попытка создания современной налоговой системы.

Хватит ли оставшегося времени до исчерпания резервов для реализации столь чувствительных реформ, оказывающих прямое влияние на стабильность ситуации внутри королевства? Как отреагирует население на неизбежное снижение качества жизни, которое произойдет в условиях сокращения социальных программ и гигантских расходов на содержание огромного госаппарата (составляющих около 60% бюджета), отказа от субсидий и широкого набора льгот?

²⁷ Григорьев Л.М. Указ. соч. С. 19.

²⁸ Дударев К.П. Ветры перемен над Саудовской Аравией // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 10.

Анонсируя свою программу реформ, Мухаммад бин Салман заявил, что «эра крайнего религиозного консерватизма лежит в прошлом... Невозможно изменить экономическую модель, не модернизируя одновременно психологию и менталитет людей, их жизненный уклад и даже чувство времени»²⁹. Однако это уже вызывает сопротивление со стороны саудовского общества, привыкшего к патриархальному типу политической культуры и, как следствие, слабо восприимчивого к призывам «принять на себя ответственность» за свое будущее. Что, впрочем, уже неоднократно наблюдалось в саудовской истории конца XX – начала XXI в.

Так, попытка властей повысить цены на бензин и электричество, предпринятая в 1984 г., завершилась массовыми протестами, вынудив короля Фахда отказаться от этих планов. В 1987–1988 гг. государство попыталось повысить сборы в бюджет введением аэропортовых сборов при вылете из Саудовской Аравии, а также налога для репатриантов. Но спустя несколько дней правительству вновь пришлось отозвать закон ввиду недовольства местного населения³⁰. Еще одна попытка сократить бюджетную нагрузку была предпринята королем Фахдом в 1992 г. Однако монарху не только не удалось реализовать задуманное, но и пришлось увеличить существующие субсидии, чтобы погасить недовольство граждан³¹.

Реформы Мухаммада бин Салмана, призывающего к смене традиционного жизненного уклада в королевстве, обернулись и ростом политического

²⁹ Дударев К.П. Ветры перемен...

³⁰ Wilson P.W., Graham D.F. *Saudi Arabia: The gathering storm*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1994. P. 186–189.

³¹ Aburish S.K. *The rise, corruption and coming fall of the House of Saud*. New York, NY: St. Martin's Press, 1995. P. 306.

участия граждан, что актуализирует вопрос о развитии реформ саудовской политической системы, начавшихся с обращения представителей образованной части саудовского общества, направленного наследному принцу Абдалле бин Абдул-Азизу, фактически замещавшему тяжело больного короля Фахда в 2003 г. В петиции, известной под названием «Видение настоящего и будущего родины», проводилась мысль о необходимости превращения королевства в «государство институтов»³².

В 2005 г. прошли первые в истории королевства муниципальные выборы на основе признанных во всем мире международных норм голосования. «Общенародное участие в управлении муниципальными службами послужит делу коррекции решений правительства... участие в выборах сделает гражданина... ответственным за принимаемые решения»³³, — отмечали инициаторы избирательной кампании. По словам российского арабиста Григория Косача, муниципальные выборы характеризовались двумя особенностями — «ожесточенной предвыборной борьбой» (в некоторых районах конкуренция доходила до 80 кандидатов на депутатское место) и «высокой долей участия избирателей» (например, в Эр-Рияде явка составила 70% общего числа зарегистрированных, а в Восточной провинции колебалась от 65 до 72%)³⁴. Аналогичная тенденция была зафиксирована и в ходе вторых муниципальных выборов, прошедших в 2011 г. В последних выборах

³² См.: Косач Г.Г. *Саудовская Аравия: внутривполитические процессы «этапа реформ»*. М.: Институт Ближнего Востока, 2007.

³³ *Лаиха интихаб аада ал-маджлис ал-баладийа* (Инструкция о выборах членов муниципальных советов). Эр-Рияд, 2005. С. 1–6.

³⁴ Косач Г.Г. *Саудовская Аравия: внутривполитические процессы...* С. 22–23.

2015 г. возможность баллотироваться в муниципальные депутаты получили женщины.

Очередной важной вехой в превращении Саудовской Аравии в «государство институтов» стала эволюция Консультативного совета. В королевских указах 2011 г., подписанных королем Абдаллой, а также поправках³⁵, внесенных в Закон о Консультативном совете, вводилась отдельная квота для женщин-депутатов, а министров обязали предоставлять Консультативному совету ежегодные отчеты о своей деятельности. Этот совещательный орган при монархе получил право самостоятельной законодательной инициативы.

Вопрос об изменении статуса Консультативного совета ставился в 2013 г. его председателем Абдаллой аш-Шейхом, который отметил, что в будущем он должен стать «законодательной властью, равной двум ее ветвям – исполнительной и судебной... высшей инстанцией по отношению к которым выступает монарх»³⁶. По мнению Григория Косача, для этого уже существуют формальные предпосылки, в частности, ст. 23 Закона о Консультативном совете, которая позволяет группе депутатов из десяти человек предложить проект своего закона спикеру, а он в свою очередь имеет право передать ее королю³⁷.

В начале 2011 г. «молодежь Фейсбука» направила обращение на имя короля, вошедшее в историю под

³⁵ *Ал-лаиха ад-дахилийя ли маджлис аш-шура* (Регламент Консультативного совета). Эр-Рияд, 2011.

³⁶ *Раис аш-шура ас-саудий: насир би нахдж ат-тадаррудж ал-лязи йуакид алайхи хадим ал-харамайн* (Спикер саудовского Консультативного совета: мы следуем курсом постепенности, как того требует Хранитель двух святынь // аш-Шарк ал-Аусат, 26.07.2013. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=737752&issueno=12659>.

³⁷ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутривосточные процессы... С. 20.

названием «Заявление 23 февраля», в котором она призывала монарха к скорейшему проведению «назревших реформ» во избежание потрясений, подобных тем, что охватили большую часть Арабского мира³⁸. Пафос этой петиции сводился к коренному пересмотру основополагающих нормативно-правовых актов Саудовской Аравии, в том числе Закона о Консультативном совете. Авторы обращения подчеркивали, что в стране должен возникнуть выборный законодательный орган, быть легализованы политические партии, введена система разделения властей и независимый суд, а само королевство должно трансформироваться в конституционную монархию. Это, в свою очередь, подтолкнуло короля Абдаллу провозгласить начало нового этапа «широкого национального диалога»³⁹.

Тенденции определенной части саудовского общества, направленные на реформирование существующей политической системы королевства, и попытки правящего дома Саудидов реагировать на запрос со стороны молодежи и образованной части общества актуализируют еще одну принципиальную для страны проблему – соотношение религиозного и светского начал, характерных для Саудовской Аравии с момента заключения союза между Мухаммадом Абд ал-Ваххабом и Мухаммадом ибн Саудом. Характеризуя его, профессор Лондонской школы экономики Мадауи ар-Рашид отмечает, что «Ибн Сауд был

³⁸ См.: Имтидад башарий би туль 36 километран (Человеческая цепь длиной 36 км) // *аш-Шарк ал-Аусат*, 24.02.2011 – <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=609728&issue=11776>; Саудийун юталибун ал-малик би ислахат (Саудовцы требуют от короля проведения реформ) // *Ал-Джазира*, 23.02.2011. URL: <http://www.aljazeera.net:80/NR/exeres/8492EE30-D3FF-4820-937B-E67286517286.htm?GoogleStatID=20>.

³⁹ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: политические процессы... С. 33.

эмиром, военачальником и султаном-властителем, а потомки Абд ал-Ваххаба – имамами, престиж которых опирался на религиозное знание»⁴⁰.

Нельзя сказать, что подобный статус-кво сохранялся на протяжении всей истории существования саудовского королевства. Напротив, отношения двух элитных групп было бы правильно охарактеризовать в терминах постоянной конкуренции, а также непрерывных попыток со стороны потомков Ибн Сауда ослабить позиции ваххабитского духовенства.

Примеров подобного соперничества можно вспомнить немало⁴¹, и в рамках данной работы нет необходимости лишней раз на них останавливаться. Однако в XX в. эта проблема получила особое значение ввиду того, что имевшийся некогда разрыв между двумя властными группами распространился на саудовское общество, разделив его на консерваторов и либералов. Суть этого противостояния укладывается в емкой фразе саудовского исследователя Абдул-Азиза ал-Хейса, охарактеризовавшего его как «отчуждение между политиком и правоведом»⁴². Г.Г. Косач описывает сложившуюся ситуацию в терминах «разрыва между поколениями», обращая внимание на то, что «новое образованное поколение стремится с помощью Интернета и спутникового телевидения войти в мир, освободиться от мелочной опеки, а также перейти

⁴⁰ Al Rasheed M. *History of Saudi Arabia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 222.

⁴¹ См.: Васильев А.М. *История Саудовской Аравии*. М.: Наука, 1982.

⁴² Ал-Хейс А. Мушарака ал – маръа фи ал-хийа ас-сийасийа ас-сайдийа (Участие женщин в саудовской политической жизни) // Ал-Джазира, 17.10.2011. URL: <http://www.aljazeera.net/NR/EXERES/26C86176-EB3A-45AA-874D-369D9D87DA21.htm>.

к открытому обсуждению социальных и политических проблем»⁴³.

Назревающий конфликт между консервативными слоями саудовского общества и опирающимися на них религиозными лидерами, с одной стороны, и образованным классом, к которому все больше прислушивается власть после восшествия на престол короля Салмана, – с другой, способен создать угрозу стабильности королевства. Этот конфликт особенно опасен ввиду кризиса «горизонтальной» системы престолонаследования, введенной королем-основателем Абдул-Азизом Ибн Саудом, обусловленного исчерпанием списка претендентов-братьев.

Переход власти от брата к брату во многом был результатом межплеменного компромисса и механизмом кооптации завоеванных Абдул-Азизом племен во властные структуры, благодаря чему они могли ощущать свою сопричастность к государству. «Каждое племя, отрядившее в гарем Абдул-Азиза достойную женщину (то есть способную родить ему здорового и долго живущего наследника), могло быть уверено в том, что их выходец когда-нибудь станет Хранителем двух святынь»⁴⁴. Однако главный недостаток этой модели заключается в том, что после смерти всех сыновей Абдул-Азиза (их численность достигает 45) саудовскому обществу вновь требуется консенсус для передачи власти следующему поколению (уже внуков короля-основателя).

⁴³ Косач Г.Г. *Саудовская Аравия: Лига общественной морали защищается*. Институт Ближнего Востока, 13.06.2007. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/13-06-07a.htm>.

⁴⁴ Мирзаян Г. *Ближневосточный покер. Новый раунд Большой игры*. М.: Эксмо, 2016.

Этим во многом объясняются предложенные в 2006 г. королем Абдаллой поправки в Основной закон Саудовской Аравии, согласно которым право назначать кронпринца переставало быть исключительной прерогативой монарха и передавалось в ведение коллективного органа – Комитета по клятве⁴⁵. И хотя включение в состав комитета тех или иных представителей правящего дома не меняло их места в правящей иерархии, тем не менее оно было призвано выполнить важную консолидирующую функцию. «Семья ас-Сауд обрела черты корпоративного общества, действующего на основе единой цели – сохранение власти и вырабатывающего в этой связи объединяющие его членов нормы этики»⁴⁶.

Тем самым элита в последние годы пыталась одновременно формализовать процедуру престолонаследования в условиях приближающейся необходимости перехода к новому поколению наследников. Это, в частности, нашло отражение в принятии Закона о комитете по клятве, где прописывались механизмы замещения высших государственных должностей королевства⁴⁷. Впервые ее реализация наблюдалась после смерти наследного принца Султана бин Абдул-Азиза в 2011 г. Однако сомнения в эффективности реформы побудили короля Салмана продолжать ее модификацию.

⁴⁵ *Иалан низам хейа ал-бейа ли танзым шуун ал-хукм ва мубайаа ал-малик ва ихтийар ал-ахд* (Обнародование Закона о Комитете по клятве для урегулирования системы правления, принесения клятвы верности королю и избрания наследника престола) // аш-Шарк ал-Аусат, 20.10.2006. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?issueno=9896&article=388223>.

⁴⁶ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: политические процессы... С. 11.

⁴⁷ См.: *Иалан низам хейа ал-бейа...*

Важным этапом в саудовской системе престолонаследования стал июнь 2017 г., когда король Салман издал серию королевских указов, изменив порядок наследования саудовского престола, назначив кронпринцем своего сына Мухаммада вместо Мухаммада бин Наифа, лишённого также и поста министра внутренних дел, который он совмещал с руководством спецслужбами⁴⁸. При этом де-факто был отменен титул заместителя наследного принца, введенный королем Абдаллой в 2014 г. для определения позиций старшего принца, не лишённого права занимать трон. Практика заблаговременного определения кандидатуры третьего человека в королевстве существовала уже достаточно давно, с 1965 г., когда король Фейсал ввел титул заместителя премьер-министра, который достался будущему королю Фахду⁴⁹. Тогда введение этого титула позволило Фейсалу избавиться от двух наследных принцев, превосходивших Фахда по старшинству, – Саада и Насира, что в конечном счете позволило ему в 1982 г. стать королем.

С назначением Мухаммада бин Салмана наследным принцем в этом титуле отпала всякая необходимость, поскольку создавала неблагоприятную для кронпринца конкурентную среду. В результате королю Салману, как и двум его предшественникам (Фахду и Абдалле), удалось упрочить позиции «мажоритарного» клана ас-Судайри⁵⁰, соответственно минимизировав

⁴⁸ Mohammed bin Salman named Saudi Arabia's crown prince // *Al-Jazeera*, 21.06.2017.

⁴⁹ См.: Васильев А.М. *История Саудовской Аравии*. М.: Наука, 1982.

⁵⁰ Под кланом ас-Судайри принято понимать группу саудовских принцев, рожденных от брака короля Абдул-Азиза с Хиссой бинт Ахмад ас-Судайри.

возможность прихода к власти представителей «миноритарных» фракций династии ас-Саудов.

Мухаммад бин Салман на сегодняшний день является олицетворением той части саудовской элиты, которая выступает в пользу изменения традиционного жизненного уклада⁵¹. Тем самым молодой кронпринц настраивает против себя не только мусульманское духовенство, чье влияние окажется под вопросом, и саудовские элиты, которые окажутся отрезанными от богатства, но и широкие массы населения, которые на себе испытают издержки непопулярных экономических реформ. Поэтому ключевым вопросом для королевства становится благополучие грядущей процедуры передачи титула от Салмана, чья легитимность не вызывает сомнений среди членов династии, к сыну Мухаммаду, совершившему головокружительный карьерный взлет по новым, не устоявшимся пока правилам.

Выход Саудовской Аравии за консервативные рамки ваххабитской доктрины, содействовавшей искусственной консервации архаичных патриархально-клиентельных отношений в обществе, под влиянием кризисов и притока современной информации, а также либеральных идей, требует огромного опыта и осторожности. Опыт реформ Михаила Сергеевича Горбачева, иранского шаха Пехлеви и даже Хосни Мубарака показывает, что необходимые, но непопулярные реформы содержат высокие риски для системы, особенно для правящих элит.

⁵¹ Дударев К.П. *Ветры перемен над Саудовской Аравией...*

*Симптомы ущербности стратегии КСА
в борьбе за лидерство*

Борьба Саудовской Аравии за лидерство в регионе на фоне волны нестабильности, запущенной событиями Арабской весны, обнаружила уязвимость принятых ею основополагающих установок. Серия внешнеполитических фиаско, с которыми столкнулось королевство в Йемене и Сирии, дополнилась очередными трудностями, неожиданно возникшими перед КСА внутри ССАГПЗ, где его роль до текущей волны кризисов на Ближнем Востоке не вызывала сомнений.

Важной вехой в саудовско-эмиратских отношениях стал обнажившийся в 2016 г. конфликт между этими странами в ходе их участия в военной операции в Йемене. Наметившаяся в начале 2016 г. самостоятельность в йеменской политике Абу-Даби привела к тому, что союзники по коалиции оказались фактически по разные стороны баррикад. В то время как Саудовская Аравия делала ставку на силы, лояльные президенту в изгнании Мансуру Хади, под командованием его сына Насера, а также воинские части, подконтрольные Али Мохсену ал-Ахмару, ОАЭ опирались на союз с Движением южного сопротивления, выступающего за независимость Южного Йемена и испытывающего острую неприязнь по отношению к семейству ал-Ахмаров и функционерам партии «ал-Ислах». При этом за годы осуществления военной операции в Йемене ситуация уже неоднократно доходила практически до прямого столкновения между ОАЭ и Саудовской Аравией.

Ярким примером может служить конфликт в Таиззе в начале 2016 г., когда поддержка Эр-Риядом «народных комитетов», выступающих на стороне «ал-Ислаха», вынудили Эмираты отступить на юг, так и не позволив коалиции и Хади взять город под свой контроль⁵². Не менее красноречивый эпизод произошел в феврале 2017 г., когда лояльные Мансуру Хади войска президентской гвардии попытались захватить аденский аэропорт, встретив сопротивление со стороны южан, поддерживаемых вооруженными силами ОАЭ⁵³.

Не менее напряженными являются и оmano-саудовские отношения. Султанат Оман всегда характеризовался нейтральной позицией по многим ключевым для саудовского руководства вопросам. Одним из наиболее серьезных примеров недовольства Маскатом являются перманентные обвинения оманских властей в их несоответствии нейтральному статусу в йеменском конфликте. В частности, королевство уже неоднократно подозревало Оман в оказании помощи хуситам, в том числе передаче им оружия. По словам официальных представителей Саудовской Аравии, Оман хоть и не занимается контрабандой напрямую, но закрывает глаза на использование своей пограничной территории для этих целей⁵⁴. Не меньшее раздражение в королевстве вызывает тот факт, что при содействии оманского министерства иностранных дел

⁵² Horton M. The Battle for Yemen: A Quagmire for Saudi Arabia and the UAE // *Terrorism Monitor*. No 10 (15), 2017. P. 8–12.

⁵³ The Ambitious United Arab Emirates // *The Economist*, 06.04.2017. URL: <https://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21720319-driven-energetic-crown-price-uae-building-bases-far-beyond-its>.

⁵⁴ See: Al Falahi A. Just How Neutral Is Oman in Yemen War // *Al-Monitor*, 12.10.2016. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/10/oman-neutral-saudi-war-iran-houthis.html>.

лидеры хуситов регулярно приглашаются в султанат после провала переговоров в Кувейте 31 июля 2016 г.

Обострение саудовско-катарских отношений в июне 2017 г. нельзя назвать экстраординарным событием. Конфликт Дохи с Эр-Риядом, равно как и с Каиром, имеет давнюю историю. В 2013–2014 гг. аравийское «трио» – Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ – уже отзывали своих послов из Дохи в знак протеста против проводимой Катаром внешнеполитической линии. Демарш ряда арабских государств, разорвавших дипломатические отношения с Катаром, запустил новый виток кризиса на Ближнем Востоке. Формальным предлогом стали обнародованные после хакерской атаки данные, свидетельствующие о связях катарского руководства с крайне разнородными силами, многие из которых враждуют друг с другом. Так, правящая в Катаре династия Аль Тани обвиняется одновременно в сговоре с Израилем, Ираном, Хизбаллой и «Исламским государством».

Кризис 2017 г. лишь подтвердил нарастание непредсказуемости в поведении вчерашних партнеров, следствием чего стала склонность к использованию метода угроз и давления со стороны Эр-Рияда. Прежние уроки неспособности достижения результатов языком ультиматумов прошли даром. На протяжении последних лет Катар последовательно наращивал инструменты влияния в странах региона, постоянно конкурируя с Саудовской Аравией, пытавшейся играть на том же поле в роли коллективного и признанного лидера ССАГПЗ. Конфликт интересов, вызванных амбициозными установками обоих соперников, в конечном итоге стал причиной нового обострения. Переход к жестким методам был призван продемонстрировать ведущую роль королевства

и недопустимость попыток Катара проводить свою, отдельную от саудовской линию во внешней политике.

Особую тревогу в Эр-Рияде вызывал «фактор ал-Джазирь», представлявший, по мнению саудовского руководства, угрозу его существованию. Здесь необходимо иметь в виду, что за последние 10–15 лет в Арабском мире произошла медийная революция, выразившаяся и в появлении суперпрофессиональных телевизионных спутниковых каналов, среди которых выделяется катарский канал «ал-Джазира». Речь идет о тележурналистике мирового уровня, и о телеканалах, уже получивших к началу Арабской весны колоссальную популярность во всем Арабском мире (и в том числе в тех странах, где СМИ находились под достаточно жестким государственным контролем).

У тех, кто видел трансляции этих каналов в ходе Арабской весны на понятном во всем Арабском мире языке, работу их талантливых тележурналистов, передававших эмоционально яркие образы народных выступлений во все концы Арабского мира, нет особых сомнений в том, что СМИ сыграли колоссальную роль в генезисе волны социально-политических потрясений⁵⁵.

При этом «ал-Джазира» во многом отражала позицию, оправдывающую право арабских масс на восстание против неугодных властей. Следует подчеркнуть, что среди специалистов в области мусульманского

⁵⁵ См.: Tausch A. On the global political and economic environment of the current Al Jazeera revolution // *Middle East Studies Journal*, No 2 (5). P. 7–55; Коротаев А. В. и др. Социодемографический анализ Арабской весны // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна 2011 года* / Под ред. А. В. Коротаева, Ю. В. Зинькиной, А. С. Ходунова М.: УРСС, 2012; Исаев Л. М., Шишкина А. Р. *Арабский мир в цифровую эпоху: социальные медиа как форма политической активности*. М.: УРСС, 2014.

права консенсус по данному поводу не сложился, что привело к их расколу на два лагеря, каждый из которых, ссылаясь на шариат, по-разному оценивает протестные акции. Как справедливо отмечает российский правовед Леонид Сюкияйнен, выбор различных ориентиров «во многом объясняется характером отношений отдельных мусульманских деятелей или центров правовой мысли с властью»⁵⁶.

Наиболее ярким представителем сторонников Арабской весны можно назвать Всемирный совет мусульманских ученых во главе с авторитетным богословом Юсуфом ал-Карадауи. В своих работах ал-Карадауи, подытоживая дискуссию о допустимости массовых акций протеста с точки зрения мусульманского права, пришел к необычному для арабо-мусульманского богослова выводу, что «реализация свободы идет впереди претворения шариата»⁵⁷. В этой связи он предложил новое для исламской правовой мысли направление – «фикх революций»⁵⁸. Неудивительно, что подобные идеи, транслируемые с экранов телеканала «ал-Джазира», вызывали неодобрение и панику в Эр-Рияде.

По-видимому, все обвинения Дохи в связях с «Братьями-мусульманами», позиции которых после удара, понесенного ими в Египте в 2013 г., заметно ослабли, в укреплении Катаром отношений с Ираном и прочих нарушениях, последовавшие в адрес эмирата, – не более

⁵⁶ Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // *Право. Журнал ВШЭ*. 2013. № 1. С. 23.

⁵⁷ Мисак ли-л-тахдид уа аджибат ли-л-хакими уа ал-махкум (Пакт, определяющий обязанности управителя и управляемых) // *ал-Кабас*. 11.05.2011.

⁵⁸ См.: Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна»...; Issaev L., Shishkina A. From Fitnah to Thaura: the Metamorphosis of the Arab-Muslim Protest Movements // *Religions*. No 8 (9), 2017.

чем предлог. Гипертрофированное восприятие саудовской элитой своей роли в регионе достигло момента, описываемого максимой «кто не с нами, тот против нас». И с этой точки зрения катарский курс на отстаивание своего суверенитета через проведение автономной внешней политики, пусть даже лежащей в том же ключе, что и саудовская (не говоря уже о создании каких бы то ни было угроз интересам королевства), оказался недопустимым в принципе.

Катарский прецедент должен выполнить еще и превентивно-воспитательную функцию по отношению к остальным членам ССАГПЗ. Но прецеденты «самоволия», как видно, только участились. Дисбаланс внутри ССАГПЗ нарастает на фоне эволюции политики Саудовской Аравии по отношению к Йемену – своему традиционному противовесу на Аравийском полуострове.

Йемен: структура кризиса, военный конфликт и борьба за выживание

Вся история современного Йемена, появившегося 22 мая 1990 г. в результате объединения Йеменской Арабской Республики (ЙАР) и Народно-Демократической Республики Йемен (НДРЙ) в унитарное государство, укладывается в хронологические рамки современной трансформации Ближнего Востока, начало которому было положено событиями в Ираке в 1990–1991 гг. Но если мирное объединение двух йеменских государств с разными идеологическими и социально-политическими системами (хоть и республиканскими по форме), восторженно встреченное

населением страны, ознаменовало окончание «холодной войны», то вся последующая динамика развития Йемена и региона в целом направили его эволюцию в прямо противоположную от разрядки и либерализма сторону.

Появление страны с населением, сопоставимым по численности с жителями всего остального полуострова, и уникальным стратегическим потенциалом было встречено как событие, нарушившее сложившееся равновесие в Аравии. Переход от радужных ожиданий нефтяного процветания и развития демократических реформ к гражданским войнам, поставившим страну на грань раскола, милитаризации, гипертрофированному росту коррупции и авторитаризма правящего режима в Йемене, произошел молниеносно. Только международные санкции, введенные в год образования Йемена за его голос в Совете Безопасности ООН против Резолюции 678 от 1990 г.⁵⁹ по вопросу американского военного вмешательства в Ирак, растянулись на пять лет и сопровождались болезненной для экономики страны экстрадицией более 800 тыс. йеменских трудовых мигрантов из КСА и стран Залива⁶⁰, дававших четверть валютных поступлений в бюджет страны.

Санкции оставили страну без доступа к инвестиционным ресурсам и поставили в зависимость от добычи и экспорта нефти с ранее разведанных месторождений, более 2/3 которых оказалась в южной провинции Хадрамаут. Борьба за перераспределение нефтяной ренты, составлявшей 70% поступлений, превратилась

⁵⁹ *UN SC Resolution 678 (1990)*, 2963-d meeting, 29.11.1990 (Adopted by 12 votes to 2 (Cuba and Yemen) with 1 abstention (China).

⁶⁰ Van Hear N. *Consequences of the forced mass repatriation of migrant communities: Recent cases from West Africa and the Middle East*, United Nations Research Institute for Social Development DP 38, UNRISD, 1992. P. 10.

в ось политического соперничества между оставшимися разобщенными властными элитами слившихся государств. Уже к концу 1990 г. исход этого конфликта был предрешен мощным выходом на сцену исламского объединения «ал-Ислах», перечеркнувшим планы развития сотрудничества между двумя ведущими партиями бывших йеменских государств – Всеобщим народным конгрессом (ЙАР) и Йеменской социалистической партией (НДРЙ). Лидеры «ал-Ислаха» торпедировали объединительные соглашения и буквально физически вытеснили функционеров ЙСП из столицы нового государства, г. Саны, с помощью боевиков из структур «Братьев-мусульман».

Проблема Юга

Гражданская война 1994 г. между Севером и Югом вернула к власти в объединенном Йемене правивший в ЙАР тандем президента Али Абдаллы Салеха (возглавлявшего партию ВНК) и шейха Абдаллы б. Хусейна ал-Ахмара (лидера «ал-Ислаха»). Предвидя этот финал, в мае 1994 г. бывший глава НДРЙ Али Салем ал-Бид предпринял попытку самоотделения Юга в границах 1990 г., которая, несмотря на мимолетность, успела получить одобрение и поддержку Саудовской Аравии⁶¹.

Последовавшие ретроградные изменения быстро лишили южан тех социальных достижений, которые составляли предмет их гордости, в том числе в сфере

⁶¹ Mouzahem Haytham. Former South Yemen President Continues to Call for Secession // *Al-Monitor*, 27.05.2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/05/ali-salim-beidh-president-south-yemen-secession.html>.

коммунального хозяйства, прав женщин, системы образования, но особенно в области безопасности. Политическая, культурная и экономическая маргинализация Юга сопровождалась внедрением правовых норм, совершенно чуждых традициям и ментальности населения этой части страны. Массовая безработица, увольнения из армии, полиции и спецслужб, возвращение в госорганы племенных и репатриированных властных элит, приток с Севера салафитских проповедников из структур «ал-Ислаха» стали символами закрепления «северной доминанты» для всего населения Юга и крушения всего их прежнего уклада жизни. В 2007 г. там оформилось массовое правозащитное Мирное движение Юга («ал-Хирак») во главе с Хасаном Баумом, которое в 2009 г. признало своим высшим вождем А.С. аль-Бида и выдвинуло лозунг мирного восстановления статус-кво, т. е. борьбу за независимость Юга в границах 1990 г. В 2013 г. представители движения на Всеобщем национальном диалоге (ВНД) заявили, что конфликт носит этнокультурный оттенок, сделавший невозможным, по их убеждению, сохранение Юга в составе Йемена⁶².

Проблема Юга остается в центре йеменского кризиса, от которого зависит будущее этого государства. Обострение сепаратистских устремлений южан протекало на фоне эрозии политической системы под давлением последствий революционного подъема 2011 г., распада на враждебные центры правившего много лет тандема, раскола армии и, безусловно, попытки исламского объединения «ал-Ислах» остаться единоличным носителем власти в Сане. Проблему

⁶² Серебров С.Н. Йемен: национальный диалог и проблема сепаратизма юга // *Оценки и идеи*. Бюллетень Ин-та востоковедения РАН. 2014. Т. 1. № 5. Июль. М.: ИВ РАН, 2014. 19 с.

не смягчило избрание в феврале 2012 г. в качестве временного президента Йемена Абд-Раббу Мансура Хади – южанина, воевавшего в 1994 г. на стороне северян, из-за чего его легитимность в этой части страны с самого начала вызывала большие сомнения. Новый президент продолжил южную политику, характерную для прежнего режима, в центре которой находился приоритет борьбы с ячейками Аль-Каиды на Аравийском полуострове (АКАП), которую президент Мансур Хади продолжил совместно со спецслужбами США вместо решения гораздо более существенных задач государственного строительства.

Однако сам Юг уже давно отошел от прежней парадигмы эпохи НДРЙ. Одновременно с нарастанием южного сепаратизма усиливалась фракционность весьма разнородного по социальному составу и идеологии «ал-Хирака», против которого наряду с оппозиционными ему регионалистскими группировками, пользовавшимися подпиткой извне, действовали религиозные радикалы и экстремисты. Нестабильность на Юге создала предпосылки для его скатывания в случае обособления к еще большему хаосу и непредсказуемости. Кураторы миротворческого проекта ООН в Йемене отказались вставить вопрос о признании права Юга на самоопределение в повестку ВНД, как того требовали все фракции «ал-Хирака», отчасти по причине ожидаемого перерастания этого конфликта в гражданскую войну, которая могла вызвать непрогнозируемый рост влияния структур АКАП в целом регионе.

Этот отказ, в свою очередь, крайне отрицательно отразился на реализации международного мирного плана (Инициативы ССАГПЗ), действовавшего в период 2011–2015 гг. Ведущие фракции «ал-Хирака»

объявили бойкот форуму и отказались признать решения этого ключевого для успеха плана мероприятия, не давшего, с их точки зрения, подходящего политического решения проблемы Юга. Точно так же все лидеры «ал-Хирака» отвергли план президента Хади по преобразованию унитарного Йемена в федеративное государство из шести штатов (*иклимов*), принятый на президентской комиссии в феврале 2014 г. после завершения сессии ВНД, сочтя идею разделения Юга на два штата – Аден и Хадрамаут, заложенную в плане Хади, неприемлемой.

Военное вмешательство саудовской коалиции в Йемен 26 марта 2015 г. подтвердило высокую актуальность проблемы Юга и во многом состоялось именно благодаря фактору конфронтации Юга с Севером. Выразив солидарность с действиями коалиции, южане руководствовались исключительно интересами продвижения своей главной задачи – отделения от Севера. Планы Саудовской Аравии по разгрому вошедших в альянс с бывшим президентом страны хуситов руками южан, прочно закрепившихся на Севере, их совершенно не интересовали, а лидера военной коалиции, в свою очередь, мало волновала забота руководителей «ал-Хирака» не допустить раскол и попадание под внешнее влияние территории Юга. Отказ «ал-Хирака» от участия в войне на Севере вынудил руководство коалиции перейти к тактике дальнейшего размышления политического субстрата на Юге и раздела его территории на зоны влияния с участием внутренних и внешних игроков. Эти тенденции, в свою очередь, привели к мобилизации патриотических движений Юга, выступающих за независимость. Принятие Аденской декларации 4 мая 2017 г. и чуть позже – резолюции Всеобщего конгресса Хадрамаута в г. Мукалла

о готовности к созданию автономных структур власти на Юге стали первыми тревожными сигналами как для находившегося в Эр-Рияде президента Хади, так и Эр-Рияда.

В результате военной интервенции в наиболее выигрышном положении на Юге оказались АКАП и ИГ. С апреля 2015 г. по апрель 2016 г. они совместно с «Братьями-мусульманами» захватили власть над крупнейшими городами побережья Аравийского моря от г. Шихра на востоке до г. Зинджибара на западе, используя вакуум власти и насаждая законы шариата, направленные против местных религиозных традиций и общин.

Мансур Хади, перенесший столицу на время кризиса в Аден, с марта 2015 г. был вынужден оставаться в Эр-Рияде, поскольку его единичные появления в Адене неизменно вызывали волну вооруженных столкновений между группировками, формально находившимися на стороне президента и коалиции. В них на разных сторонах баррикад наблюдалось участие военизированных структур, созданных во время затянувшейся на третий год войны обоими основными участниками коалиции – Саудовской Аравией и ОАЭ. Весной 2016 г. ОАЭ впервые заявили о категорическом неприятии курса на усиление на Юге структур «Братьев-мусульман», сотрудничавших с АКАП, к которому до этого вела политика Эр-Рияда, и по собственной инициативе вытеснили радикальные группировки «Ансар адль-Шариа» из занятых ими территорий. С оружием они перебрались во временные лагеря дожидаться своего часа.

Опорными фигурами для Саудовской Аравии как лидера коалиции остаются президент Мансур Хади, пребывающий вместе с членами своего кабинета

в Эр-Рияде, а также получивший в начале 2016 г. пост вице-президента и заместителя главнокомандующего генерал Али Мохсин аль-Ахмар, командующий армией с участием иностранных наемников, воюющей на Севере против салехо-хуситского альянса. Эмираты со своей стороны делают растущую ставку на главу созданного в Адене в мае 2017 г. Южного переходного совета – Эйдаруса ал-Зубейди, в намерения которого входит завершение формирования своей администрации в масштабах Юга, а также его вывод из состава Йемена⁶³. Готовность ОАЭ содействовать формированию обособленного режима управления Югом при опоре на «ал-Хирак» является принципиально новым элементом в развитии военного кризиса.

Проявление конфликта интересов между двумя ведущими участниками коалиции в Йемене отразило нарастание кризиса внутри ССАГПЗ, что создает очередную непредвиденную проблему для Верховного военного командования коалиции во главе с наследным принцем КСА Мухаммадом б. Салманом. Необходимость маскировочных акций, каковыми можно считать демонстрацию солидарности между КСА и ОАЭ в катарском кризисе, не может заслонить тотального отсутствия согласия в рядах коалиции в определении общей стратегии йеменской кампании.

Декларативное стремление КСА к сохранению территориальной целостности Йемена при проведении политики в направлении его раздела и, наоборот, попытка ОАЭ найти решение одной из главных проблем

⁶³ *Al-Majlis al-intikali al-janubi yusdiru ula qarartiha* (Al-Bayan al-Khitami li-ijtimaat heiat riasat al-majlis al-iniqali al-janubi al-munaqad 5-9 yulyu 2017 fi maqarr al-majlis bi-l-asimat aden), 10 yulyu, 2017 Sama Press, No 1198 (Южный переходный совет принимает первое решение, 10 июля 2017). URL: <http://samapress.net> (arabic).

йеменского кризиса путем содействия обособлению Юга вопреки действиям своего старшего партнера по коалиции создают предпосылки для новых непредвиденных сценариев в развитии йеменского кризиса.

Саудовский вектор в политике президента Али Салеха

История конфликтов Йемена с племенами центральной Аравии насчитывает не одну тысячу лет. Только за период существования двух саудовских государств в Аравии в XIX и XX вв. отмечалось минимум три военных конфликта, два из которых имели целью захват территории Йемена. В 1934 г. поход Ибн Сауда против короля-имаме Яхьи Хамид ад-Дина, основателя первого независимого государства Аравии – Йеменского мутаваккилийского королевства, завершился заключением Таифских соглашений, по которым Асир, Джизан и Наджран перешли в состав саудовского королевства. С 1962 по 1968 г. в ходе гражданской войны в Йемене Саудовская Аравия в ответ на военную поддержку антимонархической революции в Йемене насеровским Египтом встала на сторону роялистов, обеспечив им всестороннюю поддержку в паре с Великобританией. Циклически повторявшиеся конфликты сформировали стереотип настороженности в йеменском национальном сознании и делали отношения двух соседних народов далеко не безоблачными.

Этот факт хорошо прослеживается в динамике саудовско-йеменских отношений. Власти Йемена традиционно пытаются ориентироваться на стратегическое партнерство со странами, расположенными вне Аравии,

такими как Египет, Сирия или Ирак. Ярким примером может служить решение короля Йеменского мутаваккилийского королевства имама Ахмада бин Яхья Хамидуддина о присоединении своей страны в 1958 г. к Объединенной Арабской Республике в составе Египта и Сирии. В 1960-е годы после победы антиколониальной революции на Юге и антимонархической на Севере оба государства продолжили эту традицию. НДРЙ ориентировался на прогрессивные арабские режимы и страны социалистического лагеря, а ЙАР – на Египет и США (поддерживая дружеские отношения также и с СССР). При подписании объединительных соглашений 1990 г. главы двух государств приняли решение об интеграции Йемена в структуры Арабского совета сотрудничества (АСС) во главе с Ираком, в который ЙАР вступил накануне на правах учредителя (вместе с Египтом и Иорданией). Однако оккупация Ирака в 1991 г. не позволила осуществить этот замысел.

Диапазон методов воздействия на Йемен с целью усиления своего влияния непрерывно расширялся и становился разнообразнее после вступления королевства в эпоху нефтяного процветания. Одновременно с признанием республиканского режима ЙАР и нормализацией отношений в 1970 г. королевство в тесном сотрудничестве с шейхом Абдаллой ал-Ахмаром – ведущим йеменским племенным лидером, поддержавшим республиканцев, приняло активное участие в проведении салафитской религиозной реформы, в результате которой в 1990 г. появилась партия «ал-Ислах». Ее религиозное ядро создало плацдарм для распространения радикальной, прозелитской версии вахабитской идеологии в Йемене, которая фактически превратилась в стержень реформы («ислах» в переводе с арабского означает «реформа»). Идеологическая

экспансия КСА через «ал-Ислах» более полувека составляла ключевой канал для продвижения саудовского влияния в Йемене, пока не стала встречать отпор со стороны автохтонных идеологий, выступивших на защиту йеменской идентичности.

С 1996 г. Йемен добивается членства в ССАГПЗ, что отнюдь не указывало на его готовность принять лидерство Эр-Рияда. Жертвовать суверенитетом страны в планы президента Салеха не входило, наоборот, Йемен активно развивал экономические и политические связи с другими членами этой организации, помогая им в обмен избегать чрезмерной опеки со стороны королевства. Сближение с КСА было продиктовано отчасти внутренними императивами, среди которых следует выделить фактор обострившегося соперничества главы государства с традиционным вторым участником властного тандема – кланом шейхов ал-Ахмар в составе руководства «ал-Ислаха». Гражданская война с Югом 1994 г., убрав из власти ЙСП, обнажила стремление «ал-Ислаха» к перераспределению власти в государстве в свою пользу с целью достижения паритета с партией президента ВНК (которым ранее формально обладала ЙСП как участник добровольного объединения двух стран).

Все действовавшие до образования единого Йемена негласные правила распределения власти между президентом Али Салехом и спикером парламента шейхом Абдаллой ал-Ахмаром, в связи с преобразованием политической сцены в многопартийную комбинацию быстро утрачивали значение. Традиционно саудовский вектор политики государства курировал шейх ал-Ахмар, которому эта привилегия открывала доступ к одному из главных финансовых источников, поступавших в Йемен из королевства даже в условиях

жестких санкций. Самостоятельный выход президента Салеха на саудовское направление с точки зрения «ал-Ислаха» представлял собой вызов, поскольку второй внешний стратегический партнер Йемена – США – был для партии недостижим. Неслучайно президент Али Салех пользовался славой надежного, но непредсказуемого партнера США, поскольку ему приходилось играть на двух, не всегда совместимых друг с другом политических досках одновременно.

Оставаясь одной из беднейших стран мира и имея отличную от монархий Персидского залива политическую систему, шансы Йемена на включение в ССАГПЗ были ничтожно малы, но с точки зрения состояния баланса сил внутри тандема этот вопрос имел колоссальное политическое и финансовое значение. Вступив в конкуренцию с «ал-Ислахом» на саудовском направлении, президент Салех решал три важнейшие задачи: оттягивал часть консервативного электората от своего соперника, ослаблял социальную напряженность надеждами на рост благосостояния от членства в ССАГПЗ, а также лишал лидеров «ал-Ислаха» их главного политического и финансового козыря, который создавал растущую угрозу власти президента. Дело в том, что отношения с могущественным соседним королевством для Йемена давно перестали быть исключительно сферой внешней политики. Саудовское влияние проникло во все поры социальной и государственной жизни Йемена и превратилось в серьезный рычаг влияния на всю политическую ситуацию внутри страны. Значение этого вектора саудовской региональной политики столь высоко, что йеменское досье там традиционно курировали принцы, возглавлявшие министерство обороны, а с 2011 г. – министерство внутренних дел и спецслужбы.

Ставки в борьбе за приоритет на саудовском направлении между партнерами-соперниками внутри Йемена резко возросли после решения президента Салеха заключить с КСА новый договор о границе, фактически заменивший Таифские соглашения 1934 г., которые придавали вынужденной территориальной уступке короля Яхьи Хамидуддина сходство с договором срочной аренды⁶⁴. Джиддийский договор о границе, подписанный в 2000 г., снял притязания Йемена на провинции Асир, Джизан и Наджран, формально закрепив их в составе Саудовской Аравии в обмен на территории в безжизненных, пустынных участках границы⁶⁵. В йеменском обществе этот шаг вызвал вал критики, в том числе, разумеется, со стороны «ал-Ислаха». После заключения договоренностей Эр-Рияд перераспределил ежегодные пособия, направляемые многочисленным агентам влияния в Йемене, которые тратились на покупку лояльности значимых политических фигур, в пользу государственных каналов, контролируемых Салехом.

Выделение крупных ресурсов для разных игроков в Йемене (не только партии «ал-Ислах») в обход государства было традицией, которую разные авторы возводят к одному из двух легендарных предсмертных заветов Абдул-Азиза Ибн Сауда. По одной из версий король-основатель говорил: «все добро и зло для королевства придет из Йемена», по другой – что «ни в коем

⁶⁴ Al-Ghamdi A.A.S. *The Saudi-Yemeni boundary: towards a peaceful resolution*, Durham theses, Durham University, 1996. Available at Durham E-Theses Online: <http://etheses.dur.ac.uk/1650/>. P. 67.

⁶⁵ *International Border Treaty between the Republic of Yemen and the Kingdom of Saudi Arabia* 12 June 2000. URL: <http://www.un.org/depts/los/legislationandtreaties/pdf/treaties/yem-sau2000ibt.pdf>.

случае нельзя допустить объединения Йемена»⁶⁶. Образ угрозы, исходящей королевству из Йемена, подкреплялся созданием специализированного Специального офиса по делам Йемена, бюджет которого в конце 1990-х годов достигал \$3,5 млрд⁶⁷.

Вместе с тем даже после демаркации новой границы между двумя государствами в 2006 г. процедура приема Йемена в члены ССАПЗ не продвинулась далее участия его представителей в некоторых второстепенных коллективных структурах и в футбольном Кубке Залива. Разочарованный этим президент Салех шутил, что, «наверное, следующим шагом на пути интеграции Йемена в ССАПЗ станет выдача разрешения поиграть с соседями в баскетбол, а не только в футбол»⁶⁸.

Установление прямых контактов с Саудовской Аравией позволило Салеху в январе 1998 г. вынести на обсуждение в контролируемый им парламент вопрос о слиянии финансирования сети салафитских колледжей «*маахид ыльмийя*» (араб. «научных колледжей»), поступавшего из королевства через шейха Абдаллу ал-Ахмара (лидера «ал-Ислаха») с бюджетом министерства образования Йемена. Крупнейшая в стране сеть салафитских колледжей, в которой обучалось около полумиллиона студентов в год, контролировалась «ал-Ислахом» и служила главным поставщиком кадров для «Братьев-мусульман». В 1997 г. годовой бюджет этой сети оценивался в \$50 млн, что

⁶⁶ См.: Henderson S. How to end Saudi Arabia`s war of paranoia // *Foreign Policy*, Oct. 20, 2016: Burke E. 'One blood and one destiny'? Yemen's relations with the Gulf Cooperation Council // *The Kuwait Programme on Development, Governance and Globalisation in the Gulf States*, Number 23, November 2012. P. 7.

⁶⁷ Burke E. 'One blood and one destiny'? P. 11.

⁶⁸ Ibid. P. 23.

делало шейха ал-Ахмара самым влиятельным неформальным политиком страны⁶⁹.

Фракция «ал-Ислаха» покинула зал заседаний до голосования, а вскоре после этого инцидента в Йемене возник оппозиционный блок «ал-Муштарак». В его состав наряду с «ал-Ислахом» вошли ведущие левые партии, включая ЙСП и зейдитскую партию «ал-Хакк». Цель блока состояла в лишении ВНК его преимуществ на парламентских выборах, делая главным потенциальным бенефициаром успеха на деле лишь вторую по влиянию партию «ал-Ислах», далеко опережавшую других участников объединения.

В бурных событиях революционного подъема и нестабильности в Йемене в 2011–2015 гг. «ал-Ислах» долгое время держался в списке в качестве главного претендента на место нового лидера страны. Только в 2014 г. стало окончательно ясно, что партия потерпела сокрушительное, прежде всего политическое поражение внутри страны, довершенное образованием немыслимого, казалось, альянса между бывшим президентом Салехом и движением «Ансарулла».

Поражение лидеров радикального крыла «ал-Ислаха»: шейха Абдул-Маджижа ал-Зиндани (религиозный фланг), шейха Хамида ал-Ахмара (племенное крыло) и генерала Али Мохсена ал-Ахмара (военное крыло) – стало очевидным 21 сентября 2014 г., когда хуситы мирно вступили в Сану, получив поддержку остальных политических партий (включая умеренное крыло «ал-Ислаха»). В тот же день совместно с Хади и в присутствии специального посланника ООН был подписан «Договор о мире и справедливом участии»,

⁶⁹ Vom Bruck С. Being a Zaydi in the absence of an Imam: Doctrinal revisions, religious instruction and the reinvention of ritual // *Le Yemen contemporain*. Paris, 1999. P. 178–179.

зафиксировавший приоритет йеменских сторон в осуществлении решений ВНД, получивший в ноябре одобрение Совета Безопасности ООН. Участие всех йеменских партий в подписании этого документа позволило хуситам легитимно ввести должности двух советников президента (от движения «Ансарулла» и «ал-Хирака» как сторон, наиболее пострадавших при прежнем режиме) и добиваться от Мансура Хади коллегиальности при решении ключевых вопросов внутренней политики.

Политический портрет «ал-Ислаха»

Отсутствие четкой организационной структуры и внутрипартийной дисциплины в «ал-Ислахе» затрудняет применение по отношению к нему каких-либо достоверных характеристик и определений. Еще в ходе хуситских войн в 2000-е годы обнаружилась любопытная способность разных фракций «ал-Ислаха» занимать диаметрально противоположные позиции по отношению к одному и тому же конфликту. Одновременно с осуждением войны в Сааде (2004–2010) устами лидеров умеренного крыла партии (солидарно со всеми остальными партиями оппозиционного блока «ал-Муштарак») лидеры его племенного и религиозного подразделений вели активную мобилизацию сторонников на войну против хуситов под политическими и религиозными лозунгами.

В 2009 г. Ближневосточный центр Карнеги выпустил доклад о партии «ал-Ислах» в Йемене, в котором содержался вывод о том, что

«на протяжении 1990-х гг. ее вернее всего определить как консервативную партию, которая продвигает трайбалистские и религиозные ценности. Она верит

в исламский шариат как единственный источник права и платформу для комплексной программы реформирования йеменского государства и общества... Со временем “ал-Ислах” приоткрылся для демократических идей. Он признал демократию как норму, совместимую с исламской концепцией *шура* (коллегиальности), и отрекся от всех форм диктатуры. Он признал право на существование секулярных партий и движений, таких как ЙСП, в политической жизни страны. Свою деятельность он строит на конституции и плюрализме»⁷⁰.

Автор доклада Амр Хамзави экстраполировал характеристики, применимые к одним структурам в составе «ал-Ислаха», на другие и получил результат, который опровергается сотнями примеров из политической практики этого конгломерата сил. Его официозное умеренное крыло искренне сотрудничало с партиями блока «ал-Муштарак», участвовало в парламентской деятельности и весьма конструктивно участвовало в работе ВНД в 2013–2014 гг. В то же время религиозное крыло объединения во главе с шейхом ал-Зиндани вместе с входившими в него вооруженными структурами, уже обладавшими богатым боевым опытом от участия в разгроме левой оппозиции в ЙАР на рубеже 1980-х годов и армии южан в 1994 г., действовало совершенно обособленно. Им руководили религиозные вожди, чьи политические взгляды мало сочетались с партийной программой, а инструментом борьбы выступала специфическая интерпретация шариата, результатом которой становились *фетвы*, оказывающие сильное влияние на общество и все прочие фракции объединения.

⁷⁰ Hamzawy A. Between Government and Opposition: The Case of the Yemeni Congregation for Reform // *Carnegie Middle East Center*, No. 18, November 2009. P. 3–4.

В 2004 г. имя шейха ал-Зиндани было внесено США в список особо опасных глобальных террористов, причастных к Аль-Каиде⁷¹. Он лично руководил созданием движения «Арабских афганцев», а также устройством лагерей на территории Йемена для тренировки бойцов перед отправкой в Афганистан⁷².

«Ал-Ислах» трудно назвать выразителем интересов йеменских традиционных религиозных общин – зейдитской и шафиитской, несмотря на столь значимую и авторитетную фигуру в его руководстве, как шейх Абдалла ал-Ахмар. Ваххабизм, составляющий стержень религиозной реформы, не только усматривает в них элементы ереси (*кяфр*) и опасных нововведений (*бида*), но и предписывает своим адептам вести борьбу с этими проявлениями всеми способами.

Размыты и истинные политические цели «ал-Ислаха», которые в силу указанной имманентной специфики разнородного конгломерата, слишком изменчивы. Шейх ал-Зиндани сотрудничал с режимом Али Салеха, оказывая сильное влияние на общество и политику государства в самые критические моменты насыщенной конфликтами истории Йемена. Ему принадлежало авторство в фетвах, выпущенных в ходе обеих гражданских войн в Йемене (в 1994 г. с южанами и в 2004–2010 гг. с хуситами). Авторитет шейха ал-Зиндани в Йемене стоял на высоком уровне благодаря его активной публичной деятельности во главе построенного в 1995 г. на средства Саудовской Аравии грандиозного учебного центра в Сане «Джамиат ал-Иман». Президент Салех отказался выдать шейха

⁷¹ Sharp J.M. Yemen background and U.S. Relations // *Congressional Research Service*, March 3, 2011, 7–5700, www.crs.gov/RL34170. P. 16.

⁷² Bashir Bakr, Abd-al-Majeed al-Zindani min irhabi ila waiz sultan, *Al-Ahbar*, 23.03.2011. URL: <http://www.al-akhbar.com/node/7280>.

ал-Зиндани для следствия по требованию США, ссылаясь на недостаточность представленных оснований. Однако в марте 2011 г. шейх ал-Зиндани в качестве главы «Комитета йеменских улемов» (*муфтият*) издал фетвы, в которых благословил массовые уличные протесты, назвав их «лучшим джихадом на путях Аллаха»⁷³. В публичных выступлениях 2011 г. он ратовал за силовое решение проблемы власти: президент Салех «пришел к власти силой, оставался у власти силой, и единственный способ избавиться от него – сила»⁷⁴, предрекая одновременно приближение исламского халифата на всем Ближнем Востоке⁷⁵.

Невозможность рассматривать «ал-Ислах» как единое целое продемонстрировал и указ саудовского короля Абдаллы, принятый в марте 2014 г., который квалифицировал йеменскую группировку «Братья-мусульмане» как террористическую организацию. При этом королевское решение не распространялось на саму партию «ал-Ислах»⁷⁶. Можно резюмировать, что «ал-Ислах» представляет собой конгломерат слишком разнородных сил, связанных лишь общим названием.

Прогрессирующая утрата «ал-Ислахом» влияния в обществе после кончины в 2007 г. харизматического

⁷³ Mathala youm ghadhab al-yamanyin ala al-hizb // *RAY*, 08.03.2011, No. 579. URL: <http://www.ray-yem.net>.

⁷⁴ Kasinof L., Shane S. Radical Cleric Demands Ouster of Yemen Leader // *The New York Times*, March 1, 2011. URL: <http://www.nytimes.com/2011/03/02/world/middleeast/02yemen.html>.

⁷⁵ Al Muslimi F. Yemen's stalled political transition only empowers Islamist radicals // *The National*, August 7, 2013. URL: <https://www.thenational.ae/yemen-s-stalled-political-transition-only-empowers-islamist-radicals-1.313911>.

⁷⁶ Saudi Arabia blacklists Yemeni groups // *Yemen Times*, 13.08.2014. URL: <https://www.yementimes.com/en/1763/.../Saudi-Arabia-blacklists-Yemeni-groups.htm>.

лидера шейха Абдаллы ал-Ахмара дала толчок для более решительной демонстрации им своей оппозиционности действующей власти, также терявшей опору в обществе. Во главе радикального крыла объединения, выступившего на авансцену йеменских событий в марте 2011 г., стояли такие статусные фигуры, как мультимиллиардер шейх Хамид ал-Ахмар, шейх А.М. ал-Зиндани и генерал Али Мохсин, имевшие давнюю поддержку в КСА. Даже потерпев очевидное политическое поражение внутри Йемена в сентябре 2014 г., все они нашли убежище в соседнем королевстве и стали опорными фигурами для планирования иностранного военного вмешательства в Йемен, начавшегося в марте 2015 г.

Фактор Аль-Каиды и стратегическое партнерство с США

В конце 2001 г. Йемен открыл свою территорию для спецопераций американских спецслужб в рамках стратегического партнерства с США по ведению антитеррористической кампании, запущенной после терактов 11 сентября. Стратегическое партнерство позволило США резко нарастить собственное военное присутствие в регионе и несколько увеличить размер финансовой помощи одной из беднейших стран Арабского мира. В 2010 г. Конгресс США выделил Йемену \$58,4 млн по линии USAID (из которых только \$35 млн на развитие, а остальное – на военные программы), а по линии оборонного ведомства \$155,3 млн⁷⁷. Резкое увеличение финансирования военных программ

⁷⁷ Sharp J. Yemen background and U.S. Relations // *Congressional Research Service*, 03.03.2011. P. 33–37.

в Йемене последовало после того, как в 2009 г. США получили полный карт-бланш от президента Салеха на ведение контртеррористических операций без согласования с йеменскими властями на всей территории страны.

Стратегическое партнерство с США оказало двойственное воздействие на политические процессы в Йемене, одновременно повысив статус президента Салеха в региональной политике и усилив сползание режима к авторитаризму внутри страны. Йемен был вынужден принять общую идею партнерства, заключающуюся в концентрации на одной-единственной проблеме – йеменской Аль-Каиде, принеся в жертву задачу государственного строительства. Между тем проблема терроризма в Йемене в то время на фоне прочих проблем страны занимала явно подчиненное положение. В 2002 г. число террористов в Йемене оценивалось в 30 человек.

За десять лет ситуация в этой сфере заметно ухудшилась. В январе 2010 г. США признали Аль-Каиду Аравийского полуострова (АКАП), возникшую в январе 2009 г. в результате слияния йеменского и вытесненного из королевства саудовского филиалов, в качестве самой опасной иностранной террористической организации (ИТО)⁷⁸, добавив в 2012 г. в этот список и йеменский филиал «Ансар ал-Шариа». В 2011 г. главную озабоченность американских экспертов вызывала способность АКАП быстро трансформироваться из компактной группы численностью от 100 до 400 человек в массовое движение, используя свое влияние в йеменских племенных структурах⁷⁹. В 2002 г. этого

⁷⁸ U.S. Department of State, Office of coordinator for counterterrorism, Jan. 19, 2010. URL: <https://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/143208.htm>.

⁷⁹ Sharp J. Yemen... P. 13.

фактора не существовало вовсе, поскольку все террористы были приезжими, прошедшими школу войны в Афганистане.

Местные племена всегда охотно помогали армии в поиске и уничтожении террористов. Избранная США тактика охоты за главарями боевиков с помощью беспилотных аппаратов и крылатых ракет позволила им создать несколько секретных баз на Аравийском полуострове и в странах Африканского Рога, но ее эффективность подрывалась статистикой сопутствующих потерь среди мирного населения, во много раз превосходящей потери экстремистов. По данным организации “The Conflict Forum”, «ЦРУ и Объединенное командование спецопераций при администрации Барака Обамы (с января 2009 г. по январь 2017 г.) осуществили десятки боевых операций с использованием беспилотных летательных объектов..., в ходе которых... по сведениям вашингтонского “New America Foundation”, к марту 2015 г. погибло 1100 человек»⁸⁰.

Ход и итоги десятилетнего стратегического партнерства США и Йемена в сфере противодействия угрозам терроризма вызвали недоумение автора монографии «Йемен и политика постоянного кризиса» Сары Филлипс. Она приводит следующий эпизод:

«В ноябре 2005 г. президент Салех, отправляясь в США, ожидал получить теплый прием за очевидный прогресс в борьбе с Аль-Каидой в Йемене. К этому времени ему удалось либо уничтожить всех причастных к Аль-Каиде главарей, либо посадить их в тюрьму... Вместо похвалы за прогресс в вопросах безопасности президент Салех встретил вал критики за коррупцию

⁸⁰ Al-Qaeda Yemen Terrorism and Counterterrorism, *CFR.org Staff*, June 19, 2015. URL: <https://www.cfr.org/background/al-qaeda-arabian-peninsula-aqap/>.

на всех уровнях власти в Йемене... и был проинформирован, ... что Йемен больше не может рассчитывать на участие в программе “Millenium Challenge Corporation” за ухудшение контроля над коррупцией... Госсекретарь Кондолиза Райс сообщила, что если он не начнет заслуживающих доверия реформ, то США не смогут считать его законным кандидатом на президентских выборах 2006 г., а на следующий день Всемирный банк... сократил ему финансирование на три года на 34% (с \$420 до 280 млн, также упрекнув его на встрече за непрозрачность и неэффективность... Ненамеренное послание, полученное президентом Салехом в ходе визита, состояло в том, что без угрозы Аль-Каиды Йемен будет объектом гораздо более жесткого подхода за состояние внутренней политики. Всего через несколько месяцев, в феврале 2006 г., 23 главаря Аль-Каиды сумели бежать из самой охраняемой тюрьмы таким образом, что не оставили сомнений в причастности к побегу внешних сил. Некоторые из этих 23 беглецов позже создали Аль-Каиду Аравийского полуострова, вернув проблему йеменской Аль-Каиды в международную повестку»⁸¹.

Неудовлетворенность результатами дорогостоящей кампании по борьбе с терроризмом в Йемене звучала в докладе «Йемен: ретроспектива и отношения с США» (2011 г.) Конгрессу США, в котором автор Дж. Шарп задавался риторическими вопросами:

«Приводят ли воздушные удары США против целей в Йемене к озлоблению населения, усилению национализма, антиамериканских настроений там и, причиняя большой коллатеральный ущерб (гибель большого числа мирных жителей в ходе ударов. – *Л. И., С. С.*), – к нарастанию угрозы терроризма в долгосрочной перспективе? ...Принимая во внимание весь спектр вызовов, стоящих перед Йеменом, как долго политики

⁸¹ Phillips S. *Yemen and the politics of permanent crisis*. London: The International Institute for Strategic Studies, 2011. P. 42–43.

США намереваются продолжать контртеррористическую операцию в этой стране? Каковы критерии успеха в ней?»⁸².

Начало 2010 г. было отмечено инициативой британского премьер-министра Гордона Брауна по созыву международной конференции по Йемену, «чтобы обсудить меры по сдерживанию радикализма»⁸³. Главными политическими итогами этого форума, состоявшегося в январе 2010 г. в Лондоне, стала передача «йеменского досье» Саудовской Аравии и Великобритании – сопредседателям Клуба друзей Йемена, а также неожиданным для йеменской оппозиции сохранением фокусировки сообщества на проблематике Аль-Каиды. Итоги конференции вызвали разочарование в Йемене, подстегнув протестное движение. Поручив стабилизацию режима в Йемене своим партнерам, США вводили более многоуровневую иерархию отношений в регионе, закрепляя за собой статус главного дирижера и сохраняя силовой вектор своей политики, но переводя Йемен на ступень ниже.

Однако судьба президента Салеха, сохранявшего все рычаги влияния на армию и спецслужбы, еще не была решена Вашингтоном окончательно. В январе 2011 г., комментируя внезапный визит Хиллари Клинтон в Сану для встречи с Салехом, “Washington Post” писала: «Приезд госпожи Клинтон – самого высокого официального лица США в Йемен за два десятилетия – предоставил символическую поддержку президенту Салеху, который превратился в ключевого, хотя

⁸² Sharp J. Yemen background and U.S. Relations // *Congressional Research Service*, 06.02.2014. P. 9.

⁸³ British PM to convene international meeting on Yemen // *CNN*, 01.01.2010. URL: <http://edition.cnn.com/2010/WORLD/europe/01/01/brown.yemen.meeting/index.html>.

и непредсказуемого союзника США в борьбе с Аль-Каидой»⁸⁴. Сама госсекретарь Клинтон, выступая перед йеменскими журналистами, заявила: «Нам противостоит общая угроза, которая начинается с Аль-Каиды, но простирается далеко за рамки терроризма»⁸⁵. Впрочем, ее намек на соблюдение партнерства сразу утратил актуальность, как только в Йемене началась первая волна протестных выступлений в феврале 2011 г.

Общие процессы на Ближнем Востоке побудили администрацию Б. Обамы начать поиск новых фаворитов в лице «умеренных исламистских группировок», среди которых первенство было первоначально отдано «Братьям-мусульманам» в рамках проекта «Новый Ближний Восток»⁸⁶, появившегося в 2006 г. Если бы не слишком одиозная фигура лидера йеменских «Братьев-мусульман» шейха ал-Зиндани, вероятно, в Йемене выбор США мог бы пасть на партию «ал-Ислах», которая целиком соответствовала критериям специального исследования, выпущенного компанией RAND Corporation «Строим сеть умеренного ислама», в котором перед политиками ставилась конкретная задача: «У умеренных исламистов не хватает ресурсов, чтобы создать необходимые структурные сети самостоятельно: они нуждаются во внешних катализаторах. США могут использовать свой прошлый опыт времен “холодной войны”, чтобы создать сети из людей, приверженных свободе и демократии. США

⁸⁴ Warrick J. Clinton makes surprise visit to Yemen, underscoring need to social reforms // *Washington Post*, 11.01. 2011.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Nazemroya M. Plans for Redrawing the Middle East: The Project for a «New Middle East» // *Global Research*, 18.11.2006. URL: <http://www.globalresearch.ca/plans-for-redrawing-the-middle-east-the-project-for-a-new-middle-east/3882>.

должны играть критическую роль, чтобы расчистить поле для умеренных»⁸⁷. Исследование было построено на обобщении признанного исключительно успешным афганского опыта американских спецслужб для борьбы с СССР, которого шейху ал-Зиндани было не занимать. Этот сценарий заведомо обрекал бы Йемен на национальную катастрофу.

Решение вопроса о власти в Йемене в пользу «ал-Ислаха» априори было бы неприемлемо сразу для всех крупнейших игроков – для «ал-Хирака» (главного политического движения Юга), для президента Али Салеха (пережившего теракт в июне 2011 г., в котором он подозревал ислаховцев) и для хуситов (хорошо знакомых с генералом Али Мохсеном и «Братьями-мусульманами» по саадским войнам). Партии, входившие в блок «ал-Муштарак», кардинально расходились с «ал-Ислахом» в определении стратегии развития государства и общества. В результате США так и не смогли выработать внятную политику в отношении Йемена, полагаясь больше на Саудовскую Аравию и Великобританию, которые заметно повысили свое влияние в этой конфликтной точке региона.

Хуситский фактор в йеменском кризисе

Центральную роль в оправдании военного вмешательства саудовской коалиции в Йемен в марте 2015 г. играл тезис об угрозе появления в этом регионе главного соперника Саудовской Аравии – Ирана, чьим оружием, согласно этой точке зрения, являются йеменские хуситы. Хуситское движение, трансформировавшееся

⁸⁷ Rabasa A., Benard C., Schwartz L., Sickel P. *Building Moderate Muslim Networks*. Washington: RAND Corporation, 2007. P. 3.

в мощную военно-политическую группировку и создавшее целое политическое течение в Йемене, не ограниченное зейдитскими районами страны, появилось на авансцене под влиянием двух процессов, синхронно развивавшихся внутри Йемена и в регионе Ближнего Востока.

Внутренний процесс состоял в неустойчивом балансе сил внутри властного тандема, который требовал постоянного создания кризисных очагов на периферии. Чередую обострение и смягчение взаимных противоречий, участники властного тандема Йемена нередко переходили к демонстрации силы по отношению к соперникам друг друга. Боевики «Братьев-мусульман», например, атаковали активистов ЙСП в 1990–1994 гг., когда они начали создавать помеху президенту Салеху, а президент Салех в 2004 г. объявил войну лидеру хуситского движения сейиду Хуссейну ал-Хуси, входившему в политические и религиозные элиты антиислахского консервативного фланга Йемена.

Целью хуситского движения было культурное возрождение зейдизма, находившегося в упадке после революции 26 сентября 1962 г. в ЙАР и оказавшегося под угрозой исчезновения под натиском салафитской реформы. Оно отпочковалось от партии «ал-Хакк», в создании которой участвовал отец Хуссейна – сейид Бадруддин ал-Хуси. Лидер этой партии сейид Ахмад ал-Шамаи еще в 1990 г. писал: «Саудовская Аравия вливает потоки денег в Йемен для распространения своей версии ваххабитского ислама. В действительности она является иррациональной и бескомпромиссной версией нашей религии, без которой мы можем обойтись. Мы должны противостоять этим попыткам

и... бороться с интеллектуальным натиском ваххабизма в Йемене»⁸⁸.

Американский востоковед Б. Хайкель, поясняя суть этой угрозы, отмечал, что она состоит в вытеснении в тень, при активном участии государства, исторически укорененных школ ислама в Йемене (зейдизма и шафиизма) и выводу на авансцену прозелитского, салафитского течения в исламе, не имеющего религиозных и интеллектуальных корней в Йемене, но при этом претендующего на превосходство над ними⁸⁹. В социальном контексте Йемена такие сдвиги в общественном сознании, особенно сопровождаемые насильственными действиями и переносом сектантских противоречий в ткань социума, неминуемо создавали угрозу конфликтов идентичности на социокультурной почве. Отсутствие у ваххабизма религиозных и интеллектуальных корней в Йемене заведомо создавало предпосылку зарождения в Йемене конфликтов нового типа под маской сектантских противоречий.

Одновременно на идеологии хуситских лидеров отразились и общие проблемы Ближнего Востока. После вторжения США и их союзников в Ирак в 2003 г. сейид Хусейн ал-Хуси, в частности, настойчиво проводил мысль о необходимости консолидации арабских лидеров на почве совместной борьбы с террористической угрозой, не доверяясь лидерству США в этом вопросе. Он придумал ставший впоследствии лозунгом хуситского движения клич, начинавшийся со слов «Смерть Америке! Смерть Израилю!», с помощью которых он намеревался предупредить политиков этих государств о недопустимости ведения политики

⁸⁸ Цит. по: Haykel B. The entrenchment of non-sectarian Sunnism in Yemen // *ISIM newsletter*, July 2001. P. 19.

⁸⁹ Ibid.

диктата в отношении мусульманских стран, считая ее главным орудием в регионе Аль-Каиду. Его брат и преемник, сейид Абдул-Малик аль-Хуси, возвел этот тезис в часто упоминаемый мотив своих выступлений:

«Смотрите, (терроризм) нарастает и служит им (США) и создается ими и превращен ими в дела и руки, которые им верно служат, дают им повод и предлог для... создания широкого заголовка, который вызывает политический отклик в большинстве слоев уммы, ставя этот вопрос так, как пожелает Америка... (создавая видимость,) будто вопрос и вправду серьезен и вправду касается терроризма, и вправду борьбы Америки с терроризмом, и вправду непримиримости Америки к Аль-Каиде, чтоб покончить с ней во всем регионе. Между тем мы видим со всей ясностью, что Америка культивирует это явление, помогает ему и обслуживает его, способствуя всеми силами его распространению...»⁹⁰.

В логике лидеров хуситского движения, несомненно, прослеживается влияние событий в Ливане и роль Хизбаллы, поставившей в центр своей пропаганды антиамериканизм и лозунг борьбы с израильским экспансионизмом. Однако наличие некоторых аналогий в логике, идеологии и риторике лидеров хуситского движения не может служить доказательством их служения интересам Ирана. Использование некоторых параллелей и факта частичной принадлежности зейдизма шиитской ветви ислама напрасно служило основанием для обвинения лидеров хуситского движения в прислуживании Ирану и Хизбалле.

Идеология «Ансарулла» базировалась на локальных йеменских проблемах и вызовах, которые поставили

⁹⁰ Речь сейида А.М. аль-Хуси по случаю годовщины клича «против заносчивых» // *Saba, Sanaa*, 29.07.2016. URL: <http://www.sabanews.net/ar/news435060.htm>.

под угрозу само существование зейдитской общины, составлявшей с IX в. один из краеугольных камней йеменской самобытной государственности и культурной идентичности. Наличие сходства лишь показывает присутствие общих закономерностей в процессах трансформации региона, особенно после начала событий Арабской весны.

Хуситов можно отнести к представителям йеменского национализма эпохи глобализации, в поведении которых и в помине не было намерения следовать заветам имама Хомейни или императиву веляят-е факих. Нет никаких оснований доверять мнениям, что хуситы якобы тайно отказались от зейдитской доктрины (наполовину суннитской) в пользу джафаритской версии шиитской ветви ислама, принятой в Иране, или что их целью является возрождение имамата, как утверждают их критики с противоположного фланга, обвиняющие их в зейдитском фундаментализме (*хадавизме* – по имени имама – основателя секты, жившего в IX в.). Это современное зейдитское политическое течение, получившее признание в Йемене в значительной степени благодаря умелому использованию ими современных коммуникационных технологий, прошло эволюцию от культурологического кружка до уровня одной из ведущих сил в стране в результате саадских войн в 2004–2010 гг.

В арсенале лидеров хуситов появился эффективный информационный ресурс – телеканал «ал-Масира», которому удалось завоевать симпатии части йеменского населения. Хуситы убеждали зрителей в оборонительном и справедливом характере своих действий, неизменной приверженности мирному решению конфликта, одновременно характеризуя действия властей как проявление произвола и нарушения

конституции⁹¹. Большое внимание в пропаганде они уделяли разоблачению «ал-Ислаха» в качестве канала поступления радикальных идеологий в Йемен со стороны Саудовской Аравии, представляя свою борьбу с джихадистами как защиту исконной культурной идентичности страны от чуждой идеологии. А командующий северным флангом правительственных сил в саадских войнах генерал Али Мохсен был изобличен хуситскими СМИ в сотрудничестве с Эр-Риядом и «Братьями-мусульманами», став одиозной фигурой, известной всему Йемену задолго до того, как в марте 2011 г. он перешел на сторону «ал-Ислаха», вызвав раскол в армии.

За короткое время существования Йеменской Республики саадские войны стали уже вторым примером, когда при абсолютно несхожих мотивах конфликта был получен аналогичный результат – глубокий раскол общества на почве конфликта идентичностей, в котором катализатором выступали радикальные салафитские группировки «Братьев-мусульман». Поэтому хуситская пропаганда находила своих слушателей и в суннитских регионах Йемена.

Подлинным трамплином для выхода хуситов на национальный уровень стал внезапный подъем мирного протестного движения в Йемене в феврале 2011 г. Лидер хуситов сейид Абдул-Малик аль-Хуси одним из первых выразил поддержку революции и пообещал составить авангард движения за перемены. Потоки хуситской молодежи хлынули в ряды мирного восстания во все крупные города страны, агитируя молодежь уделять внимание не только смене президента, но и защите исконной йеменской

⁹¹ Salmoni B.A., Loidolt B., Wells, M. *Regime and periphery in Northern Yemen. The Houthi phenomenon*. RAND Corporation, 2010. P. 527.

культурной идентичности, находя хороший отклик в рядах городской молодежи.

Попытки «ал-Ислаха» захватить власть в стране силовыми методами после перехода генерала Али Мохсена на его сторону в марте 2011 г. побудили активистов хуситского движения создать в рядах оппозиции второй полюс революции, нацеленный не только против действующего режима, но и против «ал-Ислаха». Им принадлежала существенная роль в срыве посреднической миссии Саудовской Аравии в апреле 2011 г. с участием Генерального секретаря ССАГПЗ Абдулатифа ал-Зайяни, пытавшейся установить перемирие между властными кланами. Угроза прихода к власти генерала Али Мохсена (родственника президента Салеха) в качестве компромиссной фигуры в результате этой миссии мобилизовала все силы хуситов на исключение этого сценария. Своими достижениями в расширении базы поддержки на волне мирного восстания хуситы отчасти были обязаны слишком неуверенной тактике левых партий и особенно ЙСП, избравших курс на сохранение солидарности в рамках оппозиционного блока «ал-Муштарак» с участием «ал-Ислаха». Их нерешительность оставила их в тени более влиятельного игрока и привела к неполной реализации ими своего политического потенциала в переломный момент истории страны.

Уже летом 2011 г. протестное движение в Йемене распалось на три соперничавшие друг с другом фракции. «Ал-Хирак» призвал южан перевести острие борьбы на мирную реализацию лозунга самоопределения Юга в границах 1990 г. Шейх Хамид ал-Ахмар от лица «ал-Ислаха» возглавил контрреволюционный фланг, целями которого было устранение клана президента Салеха и захват власти. Лидер хуситского

движения сейид Абдул-Малик ал-Хуси выступил солидарно с лозунгами революции о смене власти и против «ал-Ислаха» одновременно. Кроме этого, появилось несколько региональных очагов партикуляризма – в Марибе, Таизе, Хадрамауте и Тихаме, требовавших автономии для своих территорий.

Сложная картина йеменского кризиса в эпоху революционного подъема впервые выдвинула хуситов на уровень игрока национального масштаба и создала условия для складывания салехо-хуситского альянса на почве противостояния с рвавшимися к власти радикальными структурами в составе «ал-Ислаха».

*Миротворческий проект под эгидой ООН
(Инициатива ССАГПЗ) – 2011–2015 гг.*

Реализация дорожной карты Инициативы ССАГПЗ заняла более трех с половиной лет – с 23 ноября 2011 г. по 25 марта 2015 г. Вместе с Советом Безопасности ООН ее поддержали более 30 государств из Клуба друзей Йемена, международных и общественных организаций. Следует особо отметить, что специальному послу Генерального секретаря ООН Джамалю Беномару удалось завоевать безоговорочное доверие йеменцев, которые искренне сотрудничали с ним ради конечного успеха проекта, идя на самые трудные компромиссы. В качестве примера можно привести публичное извинение главы государства перед «ал-Хираком» и движением «Ансарулла» за развязывание правевшим режимом двух гражданских войн⁹². В январе 2014 г. после благополучного завершения инклюзивного национального

⁹² Yemen apologizes to south and houthis for previous wars // *General People's Congress*, 21.08.2013. URL: www.almotamar.net.

диалога ООН торжественно объявила о его переходе в завершающую фазу – к принятию текста новой конституции и подготовке выборов новых органов власти, последний срок которых был назначен на конец 2015 г. Временный президент Мансур Хади, в чью обязанность входило содействие реализации дорожной карты Инициативы, прокомментировал этот факт заявлением, исполненным гордости:

«Оказавшись на грани гражданской войны, йеменцы избрали путь мирных перемен, создав уникальный образец в целом регионе... Всеобщий национальный диалог создал новый общественный договор, открыв новую страницу в истории страны, разорвав с прошлым и проложив путь к демократическому правлению, основанному на законе, уважении прав человека и равноправии граждан»⁹³.

Более трех лет, в период реализации плана, Совет Безопасности ООН был признан народом Йемена экстраординарным органом власти, чьи резолюции имели статус, равный конституции. Все правовые коллизии с йеменскими законами, если они мешали продвижению к цели, решались в пользу международного плана и резолюций Совета Безопасности ООН. Все йеменские деятели, даже выразившие несогласие или заявившие отказ от участия в проекте, воздерживались от действий, направленных на блокирование миротворческой миссии.

В активе миротворческого проекта в Йемене были такие крупные достижения, как мирная передача власти из рук президента Али Салеха временному президенту Мансуре Хади в феврале 2012 г. и проведение

⁹³ Yemen's national dialogue conference concludes agreement // BBC, 21.01.2014. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-25835721>.

Всеобщего национального диалога, чьи решения в январе 2014 г. заложили фундамент новой конституции страны. В результате к февралю 2014 г. в Йемене остались три главные политические проблемы, представлявшие серьезные трудности для завершения переходного периода.

Во-первых, проект о преобразовании Йемена в федеративное государство из шести штатов (*иклимов*) пришлось вынести за рамки Диалога и решать на отдельной Президентской комиссии, а его редакция, принятая в феврале 2014 г. в форме закона, так и не получила требуемой поддержки со стороны общества.

Во-вторых, раскол в армии, образовавшийся в результате перехода генерала Али Мохсена ал-Ахмара из лагеря президента Салеха в стан «ал-Ислаха» в марте 2011 г. лишь усугубился образованием третьей миноритарной фракции в армии после вступления в должность президента Мансура Хади (южанина по происхождению).

Наконец, ведущие отряды южнойеменского движения «ал-Хирак», выступавшие за признание права южан на самоопределение, фактически остались в положении маргинального участника процесса, не сумев разрешить принципиальных противоречий с могущественными кураторами инициативы.

Тем не менее достигнутых успехов в реализации плана могло оказаться достаточно, чтобы решить оставшиеся проблемы уже после выборов в новые республиканские органы власти. Ни отставка президента Хади в середине января 2015 г., ни его внезапное решение отозвать свое заявление об отставке в конце февраля 2015 г. не были восприняты специальным послом ООН по Йемену как провал Инициативы. Дж. Бенмар покинул Сану только 22 марта 2015 г., чтобы доложить

Совету Безопасности ООН в Нью-Йорке готовый и согласованный со всеми йеменскими сторонами компромиссный вариант создания временных органов власти.

Сосредоточившись на процедурных аспектах проекта, эмиссар ООН исходил из права самих йеменцев решать, какие именно силы окажутся победителями на всеобщих выборах. Между тем отдельные решения и Резолюции Совета Безопасности ООН достаточно ясно указывали на возрастающее недовольство отдельных кураторов политическими аспектами перехода. Так, резолюция № 2140 от 26 февраля 2014 г., кроме поощрительного приветствия в связи с успешным завершением ВНД, напоминала об угрозе международному миру и безопасности в регионе, исходящей из Йемена, ссылаясь на главу VII Устава ООН (разрешающую применение силы), и вводила в инструментарий кураторов список санкций, в который могли попасть лица или организации, определенные специальным комитетом⁹⁴. В ноябре 2014 г. Комитет по санкциям включил в список бывшего президента Али Салеха и двух лидеров военных формирований движения «Ансарулла»⁹⁵. ООН интерпретировала многочисленные вооруженные атаки и теракты против сил бывшего президента Али Салеха и хуситов как деяния террористических группировок АКАП, неизменно выражая осуждение им и «решимость отнестись к ним в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права»⁹⁶, но так и не признав официально, что

⁹⁴ *UN Documents on Yemen: Security Council Resolutions*, 26.02.2014, S/RES/2140.

⁹⁵ *UN Documents on Yemen: Sanctions Committee Documents*, 7.11.2014, SC/11636.

⁹⁶ S/RES/2201 (2015). P. 2/4.

за большинством из них стояли радикальные структуры «ал-Ислаха».

Однако для сохранения доверия йеменцев послу Беномару приходилось строить свою стратегию, исходя из подлинной картины событий, в которой отдельным фракциям «ал-Ислаха» принадлежала инициатива развязывания настоящих войн против обоих главных соперников – президента Али Салеха в Сане и хуситов в провинции Саада, еще не полностью оправившихся от серии саадских войн. Летом 2014 г. в Йемене совершился коренной перелом в этой длительной конфронтации в пользу противников «ал-Ислаха». Исход борьбы решил переход ведущих племен конфедерации Хашид на сторону бывшего президента Салеха и хуситов в провинции Амран, долгое время считавшейся неприступным форпостом «ал-Ислаха» в стране. Почти без боев хуситы в августе вплотную подошли к Сане, не встретив сопротивления, вошли в столицу и вместе с главой миссии ООН и президентом Мансуром Хади 21 сентября 2014 г. участвовали в подписании «Договора о мире и равноправном участии».

Ситуация заметно осложнилась в начале 2015 г., после того как временный президент Мансур Хади подал в отставку. Причины этого шага по-прежнему остаются неясными, однако он открыл путь к саботированию процесса мирного урегулирования йеменского конфликта, открыв дорогу военной интервенции.

Причины и ход военной интервенции в Йемене

Переход к военному сценарию в Йемене произошел в силу противоречий между ведущими участниками Инициативы. ООН, следуя духу всех резолюций

Совета Безопасности по ситуации в Йемене, исходила из приоритета мирного сценария развития переходного процесса. Установка на исключение гражданской войны из возможных сценариев развития событий в Йемене звучала вплоть до резолюции Совета Безопасности ООН № 2204, одобренной 15 февраля 2015 г. В ней подчеркивалось, «что решение ситуации в Йемене может осуществиться только через мирный, инклюзивный и упорядоченный процесс, направляемый самими йеменцами»⁹⁷. Она вытекала из заключения экспертов о том, что военный сценарий в Йемене будет играть на руку исключительно АКАП.

Одновременно другая группа участников конфликта во главе с Саудовской Аравией при поддержке со стороны США и Великобритании действовала в интересах решения более глобальных геополитических задач, в которых суверенитет Йемена рассматривался как функция от реконфигурации Аравии в однополюсную субрегиональную структуру во главе с самим королевством.

Не санкционированная ООН военная интервенция коалиции из девяти стран во главе с Саудовской Аравией в Йемен, объявленная саудовским послом в Вашингтоне 26 марта 2015 г., прервала действовавшую на тот момент работу специального посла ООН и получила легитимацию посредством принятия в апреле 2015 г. резолюции Совета Безопасности ООН № 2216 при единственном воздержавшемся голосе России. Резолюция оправдала военное вмешательство коалиции в Йемен, приняв за основу концепцию срыва мирного процесса хуситами посредством «переворота» против законного президента Мансура Хади.

⁹⁷ S/RES/2201 (2015), adopted 15.02.2015. P. 2/4.

За мифом о перевороте в действительности скрывался глубокий конфликт интересов между творцами Инициативы. Победа салехо-хуситского альянса над радикальным крылом «ал-Ислаха» летом 2014 г. не стала большой неожиданностью для самих йеменцев, но она полностью противоречила ставке, сделанной Саудовской Аравией в этом конфликте. Рискованный переход к военному сценарию в Йемене для Эр-Рияда оказался возможным исключительно благодаря его уверенности, что США поддерживают идею создания в Аравии однополярной модели вместо сложившейся там исторически двухполюсной.

Роль второго полюса принадлежала йеменскому этнокультурному ареалу, который даже в условиях политической дезинтеграции и колониального господства Британии и Османской империи (XIX–XX вв.) не терял свойств особого субъекта отношений на полуострове. Его статус определялся не столько состоянием государственных структур или геополитическими факторами, вытекавшими из его выгодного географического положения, сколько всеобщим признанием заслуг Йемена перед арабо-мусульманской культурой. Йемен почитался как колыбель аравийской цивилизации и историческая родина многих племен Аравии, в частности нескольких правящих семей в регионе, например ал-Нахайан в ОАЭ и ал-Халифа в Бахрейне.

Этот статус, основанный на социокультурных и исторических факторах, еще имеет вес в системе мировосприятия на всем Ближнем Востоке, создавая помеху для трансформации региона в новое геополитическое пространство. Переход к военному сценарию в Йемене в марте 2015 г. можно рассматривать одновременно и как вмешательство в миротворческую

международную миссию под эгидой ООН, и как конфликт нового типа между глобализмом с его приоритетом геополитики, с одной стороны, и традиционализмом с его концентрацией на этнокультурных и исторических факторах – с другой.

Война коалиции с обладающим мощным демографическим и социальным потенциалом Йеменом изначально представляла серьезные риски для Саудовской Аравии. Английские колонизаторы, неизменно побеждавшие в отдельных боях с йеменскими вооруженными племенами в период своего владычества в Адене, проиграли общее политическое сражение за Южную Аравию и были вынуждены покинуть ее в ноябре 1967 г. Османская империя, формально подчинившая северный Йемен в первой половине XIX в., постоянно несла там такие крупные военные потери, что назвала его «могилой для турок»⁹⁸ и эвакуировала свои войска в 1918 г. Опыт Египта в ЙАР в 1962–1967 гг., потерявшего в войне за спасение республики от 26 до 50 тыс. человек (включая 10 тыс. убитыми)⁹⁹, журналисты называли «египетским Вьетнамом»¹⁰⁰.

Увлечение мифом о «хуситском перевороте» на время заслонило от внимания политиков факт присутствия в альянсе бывшего президента Йемена Салеха. Он сохранил пост лидера крупнейшей партии страны (ВНК), контроль над элитной частью йеменской армии (Республиканской гвардией), а также всеми спецслужбами, в подготовке которых участвовали американские инструкторы. Фактором

⁹⁸ Dresh P. *A History of modern Yemen*. Cambridge University Press, 2000. P. 6.

⁹⁹ Walker J. *Aden Insurgency: the savage war in Yemen 1962–1967*. South Yorkshire, UK, 2005, 2014. P. 127.

¹⁰⁰ Thorn C. *“Alex”, Egypt’s Vietnam – Egypt war in Yemen*. New York, 1982. URL: <http://www.alexthorn.com/writings/Thorn-EgyptVietnam.pdf>.

риска было и поведение самих аравийских монархий в составе коалиции, для которых концепция однополярной Аравии во главе с Саудовской Аравией представлялась небезопасной. Особый статус Йемена на полуострове служил для них своеобразной гарантией собственного суверенитета, поскольку Йемен выступал региональным противовесом саудовской доминанте.

Версия о геополитическом характере военной операции саудовской коалиции в Йемене нашла подтверждение во включении военных США и Великобритании в штаб командования коалиции для оказания ему «логистической поддержки». Без их участия переход к военному сценарию в Йемене был бы практически исключен из-за перечисленных выше рисков. Однако означает ли их участие реальную поддержку идеи однополярности Аравии или имеет иной геополитический смысл, покажет время. Пока можно с уверенностью утверждать, что ведение затяжной военной кампании в Йемене положило начало росту нестабильности в Аравии, а коалиция, созданная во многом благодаря фигурированию США и Великобритании на стороне Саудовской Аравии, оказалась мертворожденной.

Вопреки ожиданиям Эр-Рияда, из девяти стран, вошедших в коалицию в марте 2015 г. (пять стран–членов ССАГПЗ, за исключением Омана, а также Иордания, Марокко, Судан и Египет), только ОАЭ стали активным участником военной кампании в Йемене. Причем, как упоминалось выше, участие ОАЭ полностью подтвердило тезис, что их повестка в Йемене серьезно расходится с целями Эр-Рияда, а конфликт интересов по йеменскому вопросу составляет серьезную угрозу сохранения ССАГПЗ.

К концу 2017 г. зашедшая в политический и военный тупик операция в Йемене создала немало новых проблем. Перманентные партизанские операции сил салехо-хуситского альянса в Асире, Наджране и Джизане, пуски баллистических ракет, модернизированных самими йеменцами, в сторону военных объектов на территории королевства, удаленных от границы на расстояние более 1000 км, внезапный расцвет АКАП на Юге, в зоне ответственности саудовской коалиции, наконец, демонстрация политического бессилия экс-президента Мансура Хади, так и не создавшего надежного государственного механизма управления на Юге страны, – не исчерпывают этот список. Непредвиденный оборот кампании создал неприятные проблемы и для самого инициатора интервенции – Мухаммада бин Салмана, получившего в июле 2017 г. титул наследного принца. Его ставка на успех в терпящей фиаско йеменской кампании напрямую затрагивает будущее его политической карьеры.

Война создала жизненные риски для всего йеменского народа. Отчеты гуманитарных миссий ООН указывают, что уровень нищеты растет как на находящемся во фронтовой зоне Севере, где проживает около 20 млн человек, так и на более спокойном Юге, желающем скорейшего отделения от Йемена. По данным йеменского отделения организации EFSNA (Emergency food security and nutrition assessment)¹⁰¹, за период 2015–2016 гг. доля домохозяйств в Йемене, находящихся в критическом с точки зрения продовольственной безопасности положении, выросла в среднем

¹⁰¹ *Yemen Emergency Food Security and Nutrition Assessment (EFSNA) – 2016 Preliminary Results for public release* // http://fscluster.org/sites/default/files/documents/efsna_-_preliminary_results_public_final1.pdf.

по стране в полтора раза, с 41 до 65%, а в таких провинциях, как Санаа, Аден, Шабва, ситуация ухудшилась вдвое. Рекордсменом ухудшения стала южная провинция Хадрамаут. Доля голодающих домохозяйств там повысилась с 12,9 до 62,2%. Превращение Йемена в самый крупный на планете очаг гуманитарной катастрофы и состоявшийся фактический раскол страны по линии Север–Юг все больше привлекают внимание мирового сообщества к этой проблеме, ставя задачу предотвращения гуманитарного коллапса, о котором в 2017 г. предупредил Верховный комиссар по правам человека ООН, в разряд первоочередных проблем мировой политики.

Установить подлинные причины преград на пути перевода кризиса в политическое русло чрезвычайно сложно. Даже ООН, настойчиво требовавшая прекращения войны, после трех неудачных миротворческих миссий в Йемене, организованных ею с начала войны, не в состоянии выработать компромиссное решение. Последний раунд переговоров в йеменском формате состоялся в Кувейте летом 2016 г. и произвел угнетающее впечатление. Он вплотную подвел конфликтующие стороны к выработке механизма для возобновления политического процесса, после чего переговоры внезапно были возвращены в исходную точку и сорваны.

К концу 2016 г. власти в Санае заявили, что возобновление мирных переговоров в йеменском формате утратило смысл, поскольку президент Хади, по их мнению, не может принимать самостоятельные решения. Война в Йемене носит гибридный характер с прямым вовлечением иностранных игроков, использующих внутренние конфликты в собственных интересах. Без их прямого вовлечения в переговорный процесс

прогресс миротворческих миссий, по-видимому, на данном этапе невозможен. Точно так же необходимо вернуть комплексный подход проблеме борьбы с террористическими структурами в Йемене. Без первоочередного внимания к мерам по государственному строительству ее решить в принципе невозможно. Бессмысленно и пытаться реанимировать положения резолюции Совета Безопасности ООН № 2216, давно утратившие всякую связь с реалиями.

Уровень угроз, созданных войной в Йемене за два с половиной года, носит принципиальный характер для всего региона. Конфликт способен фундаментально изменить как судьбу Аравии, так и ее соседей. Об этой возможности предупреждал еще бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в июне 2015 г., говоря о военной интервенции в Йемене как о «тикающей бомбе»¹⁰². Кроме гуманитарного бедствия, охватившего 80% населения Йемена, следует обратить внимание на назревающую экологическую катастрофу, вызванную уничтожением инфраструктуры, повреждением объектов водного хозяйства и длительными помехами в ремонте древних плотин, веками составлявших главную производственную базу страны. С этими проблемами напрямую связана безопасность Баб-эль-Мандебского пролива, через который проходит четверть мирового грузооборота. Уже поэтому выход йеменской проблематики из тени становится первоочередной задачей мировой политики с очень ограниченным временем на ее решение.

¹⁰² Cumming B.N. U.N. leader calls Yemen a “Ticking Bomb”, amid delay in cease-fire talks // *New York Times*, June 15, 2015.

* * *

Процесс трансформации Аравии можно разделить на несколько этапов. Период 1990–2011 гг. прошел под знаком кувейтского кризиса и последствий ответных действий американской коалиции против Ирака, которые перевели традиционное политическое соперничество в Персидском заливе из треугольной в биполярную конфигурацию, нарушив традиционное равновесие. Это изменение отразилось на смещении оси имевшегося прежде соперничества между Саудовской Аравией и Ираном в этнокультурную плоскость. Одновременно произошло не менее значимое для Аравийского субрегиона событие – слияние двух йеменских государств в 1990 г. и образование Йеменской Республики. Новый аравийский игрок обладал колоссальным геополитическим ресурсом и равным по численности с Саудовской Аравией населением, потенциально становясь конкурентом признанного лидера полуострова.

Следующий крупный этап трансформации был открыт событиями Арабской весны 2011 г., приведшими регион в состояние нестабильности, трансграничных конфликтов и выходу на сцену несистемных участников в лице террористических группировок Аль-Каиды и «Исламского государства» одновременно в нескольких странах Ближнего Востока.

Падение или ослабление ряда авторитетных республиканских режимов Арабского мира способствовало усилению роли нетрадиционных факторов в текстуре ближневосточной политики, смещению

идеологической оси борьбы в квазирелигиозную плоскость, объединявшую широкий спектр конфликтов, которые направлены на решение задачи коренного перераспределения ролей в регионе и создание там принципиально новых балансов сил. В политологический оборот широко вошел термин «прокси». Британская “The Guardian” опубликовала материал С. Тисдолла под заголовком «Ирано-саудовская прокси-война в Йемене вылилась в региональный конфликт», вышедшая уже в первый день начала войны – 26 марта 2015 г. В ней, в частности, утверждалось, что «главная цель Саудовской Аравии – усмирить Йемен, но более широкая задача – подать могучий сигнал Ирану: хватит вмешиваться в арабские дела!»¹⁰³. Этот растиражированный во всех СМИ и публичных выступлениях правительственных чиновников Запада прием позволил поделить всех локальных игроков по упрощенной схеме, как правило, не имевшей никакой связи с реальностью, – между условно главными претендентами на лидерство в регионе, Саудовской Аравией и Ираном.

Позиционирование КСА в роли центра суннитского мира, а Ирана – центра враждебного ему шиитского мира несло всему региону колоссальный конфликтогенный заряд и тайло для него массу подводных камней. Подчеркнутая дихотомия данной схемы вызвала к жизни вал спящих и новых противоречий и конфликтов на почве этнической и религиозной идентичности, охватившей все ближневосточные общества, включая государства Аравии. Огромные ресурсы, брошенные Саудовской Аравией

¹⁰³ Tisdall S. Iran-Saudi proxy war in Yemen explodes into region-wide crisis // *The Guardian*, 26.03.2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/mar/26/iran-saudi-proxy-war-yemen-crisis>.

на консолидацию суннитского лагеря под своим лидерством в противовес Ирану, в силу этого фактора дали сбой. Мертворожденные проекты Эр-Рияда в области создания новых альянсов, обострение его соперничества с младшими партнерами по ССА-ГПЗ в борьбе за укрепление главенства на уровне полуострова, встречное нарастание отпора эгоистическим и гегемонистским тенденциям и перенос борьбы на весь ближневосточный ареал, военный конфликт в Йемене с далеко не ясным результатом, но вполне очевидными крайне тяжелыми гуманитарными, экономическими и политическими последствиями – эти и другие болезненные вариации этой коллизии стали задавать тон всей трансформации.

Политика Эр-Рияда, основанная на решительной конфронтации с Ираном с привлечением сектантских антишиитских мотивов, влекла его правящие элиты к акцентированной привязке к политике Вашингтона, который в ответ нередко демонстрировал отстраненность или непоследовательность, направляя растущую опасную конфронтацию в Заливе в русло своеобразного конкурса. В нем имя претендента на право получения роли нового главного регионального стратегического партнера должно было определить финал игры. Поскольку это место оказалось вакантным после утраты этого статуса почти всеми прежними партнерами США в регионе, многих из которых постигла тяжелая участь, ставки были высоки, но стратегические цели самого Вашингтона при этом остались расплывчатыми. Между тем сами правила игры в рамках созданной саудовско-иранской дихотомии содержали повышенные риски для Саудовской Аравии, поскольку любые сбои и неудачи автоматически вели к накоплению баллов

ее оппонентом – Ираном. У некоторых союзников или недавних вполне лояльных партнеров Эр-Рияда, с которыми у него возникали трения или конфликты интересов, просто не осталось выбора, кроме как искать сближения с Тегераном или дожидаться появления нового могущественного игрока, чтобы примкнуть к нему.

Затратные внешнеполитические проекты королевства, безудержный рост расходов на вооружение, участие одновременно в нескольких конфликтах, тупик в военной кампании в Йемене, растущая обеспокоенность мирового сообщества гуманитарной катастрофой в этой беднейшей стране мира создали куда более реальные, чем иранская, угрозы для безопасности и международного статуса Саудовской Аравии и стабильности правящего режима. Весь этот негативный ком проблем, нараставший по мере продвижения КСА к доминированию в регионе, отнюдь не облегчил ее новым правителям проведение реформ в самом королевстве, от судьбы которых напрямую зависит его будущее и будущее правящей династии. Проблема непредсказуемости влияния реформ в экономике, общественной жизни (например, разрешение женщинам управлять автомобилем) и в политике (повышение роли Консультативного совета) на утратившие доступ к верховной власти кланы династии, могущественные религиозные элиты и привыкших к бесплатным благам граждан составляет еще один новый элемент ситуации в Аравии.

Опыт борьбы за доминирование в регионе под руководством короля Салмана, вступившего на престол в январе 2015 г. и вручившего титул наследного принца своему сыну Мухаммаду в июне 2017 г., сопровождался отказом королевства от традиционно

сдержанных подходов, особенно в отношении с соседями, и переходом к более широкому использованию активных методов внешней политики.

Этот опыт выявил крупные недочеты в новой стратегии. Неудачная для КСА военная кампания в Йемене, например, не могла бы случиться, если бы не произошло разрыва с традиционной парадигмой, которой придерживались многие поколения опытных саудовских политиков, державших в своих руках «йеменское досье», от принца Султана бин Абдул-Азиза и принца Наифа бин Абдул-Азиза до короля Абдаллы, ушедшего из жизни в январе 2015 г. За 2,5 года войны в Йемене стало очевидным, что если одним из мотивов для ее начала было стремление короля Салмана содействовать укреплению своего молодого и амбициозного сына, принца Мухаммада, в роли престолонаследника, то этот шаг был неоправданно рискованным. Ход военной кампании в Йемене все откровеннее побуждает младших региональных партнеров Саудовской Аравии предлагать собственную альтернативу решения проблем региона, подрывающую авторитет и лидерство Эр-Рияда, что ведет королевство в противоположную от заданной цели сторону.

Аравийский полуостров пополнил список субрегионов Ближнего Востока, вступивших в полосу нестабильности и конфликтов на почве определения статуса каждого игрока в новой, неясной пока структуре региональной политики, которая должна определиться в финале ушедшей далеко в сторону от вектора, заданного начальными фазами революционного подъема, трансформации. Принадлежность этого субрегиона к наиболее чувствительным для мировой экономики точкам планеты вызывает

особую настороженность как в связи с имеющимися в регионе террористическими угрозами, так и в связи с рисками от возможного прямого вмешательства в его дела со стороны глобальных игроков, чья стратегия остается, пожалуй, наименее известной величиной в общем процессе.

АВТОРЫ

БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

НАУМКИН Виталий Вячеславович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН.

АКИМОВ Александр Владимирович, доктор экономических наук, заведующий Отделом экономических исследований Института востоковедения РАН.

БЕРЕНКОВА Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН.

ДЕМЧЕНКО Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ученый секретарь Института востоковедения РАН.

ЖИГУЛЬСКАЯ Дарья Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН.

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна, доктор исторических наук, профессор, заведующая Сектором ближневосточных исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

ИСАЕВ Леонид Маркович, кандидат политических наук, старший преподаватель Кафедры общей политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

КУЗНЕЦОВ Василий Александрович, кандидат исторических наук, заведующий Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

МИНЯЖЕТДИНОВ Ильдар Харрясович, кандидат исторических наук, заведующий Отделом аспирантуры Института востоковедения РАН.

ПЛОТНИКОВ Николай Дмитриевич, доктор политических наук, доцент, генерал-майор (запаса), руководитель Центра научно-аналитической информации Института востоковедения РАН.

САМАРСКАЯ Людмила Максимовна, аспирантка Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

САРАБЬЕВ Алексей Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

СЕРЕБРОВ Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

ШЛЫКОВ Павел Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научное издание

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК
В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЛОБАЛЬНОМ
КОНТЕКСТЕ
коллективная монография**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *А. О. Захаров*
Корректор *М. Я. Колесник*
Верстка *И. В. Федулов*

Подписано 08.10.2018
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 34,75. Уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 500 экз. Зак. № 361

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5